

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

ФАВОРИТ. БОЯРИН

Annotation

Угораздило же нашего современника Ивана Рогозина, мужчину средних лет, оказаться в конце альтернативного 17 века. Оно с одной стороны вроде как обретенная молодость, как ни крути, но сейчас ему не сорок с лишним, а только двадцать два года. И весь его багаж знаний и опыта остался с ним. И перспективы безбедной жизни очень даже реальны. Но с другой стороны, на плечах Ивана Карпова, как теперь его зовут, оказался стрелецкий кафтан, а он сам на пожизненной государевой службе. И мотает его от Урала до Крыма. И когда кажется, что его удел это огонь и гарь сражений, до конца дней, жизнь закладывает очередное колено. И вот он уже в гуще интриги цель которой ни много ни мало, бескровное присоединение вольной земли Псковской к Русскому государству. Интересно? А Ивану признаться уже надоело.

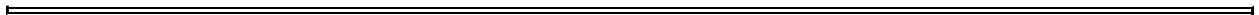
- [Константин Калбазов](#)

- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)

Константин Калбазов

Фаворит

Боярин

ГЛАВА 1

Лиза, сидя на кровати, и наполовину укрытая одеялом рассержено выдохнула, и опустила прочитанное письмо на колени. Потом откинувшись спиной на спинку постели, посмотрела на внимательно вглядывающегося в нее мужа.

— Ну и что ты хочешь от меня услышать? — Пожала плечами она.

— Я хочу знать, правда ли то, что пишет мне сестрица?

— Сестрица^[1] у тебя страсть как прозорлива. Пошла гулять по Москве сплетня, а она и рада разнести ее еще дальше. Да хоть до Пскова, — явно не питая нежных чувств к золовке, ответила Молодая женщина.

Потом поерзала, поудобнее пристраивая выпирающий живот. Недолго осталось. Даша та уж отмучилась, и теперь не нарадуется на свою дочурку. А ей вот еще около месяца дохаживать. Ну да ничего страшного. Не она первая, не она последняя. Если только ее не станут донимать разными глупостями!

Нет, понятно, что дыма без огня не бывает. И причина для подобных слухов и пересудов, вроде как была. Но только и того, что вроде как. Ведь на деле-то, ничего не было. И уж князюшке-то это ведомо доподлинно. А потому и слышать от него подобные вопросы до крайности обидно.

И уж тем более, в том случае, когда это исходит от княгини Троекуровой. Сестра мужа, невзлюбила невестку, и это еще мягко сказано. Несмотря на то, что та находилась бог весть где, Елена всячески старалась ей насолить. Ну а как она могла это сделать? Правильно, в письмах к братцу. Тем более, что они с сестрой были очень дружны.

А все из-за злопамятного характера молодой княгини. Впрочем, насчет молодости, это спорно, потому как той исполнилось тридцать три. Было дело, Елена Юрьевна хотела получить место товарки при молодой, тогда еще цесаревне, Ксении. Да с легкой руки Ирины Васильевны, тетки царя и соответственно Лизы, осталась ни с чем. Великая княгиня справедливо рассудила, что та больно уж стара для окружения молодой невестки. А воспитательница у той уже была.

Портить кровь тетке Ирине, у Елены кишка тонка. Вот она и отыгрывается на невестке. Сильно-то нагадить не получится, все же невестка не из простых. Но если исподволь, то отчего бы и нет. И уж тем более, когда гадость вроде как и не от нее исходит. Она что? Всего лишь

передает гуляющий по Москве слух. И не более. Просто, чтобы милый братец имел ввиду, что до его слуха может дойти эдакая гадость.

— Лиза это не ответ, — покачав головой, возразил князь.

— Да какого ответа ты от меня ждешь, Ваня?

— Правдивого.

— Правдивого?

— Да.

— Ладно. Тогда слушай. Да, я бегала тайком на гулянье в Стрелецкую слободу. И что? Это преступление?

— Далее рассказывай, — набычившись, потребовал муж.

— Далее, я действительно увидела там стрельца по фамилии Карпов, и он мне впрямь понравился. Выспрашивала про него, вздыхала, да охала, по младости лет. Потому как забила себе голову разными бреднями из рыцарских романов. А уж когда он спас де Вержи от кабана, так и вовсе стала почитать его за героя.

— И?

— И все, — вновь пожала плечами она. — Да мы считай больше и не виделись. Ну может раз или два, мельком, да при большом стечении народа.

Она уже давно готовилась к этому разговору. Вот не могли слухи не дойти до мужа, и все тут. Опять же, и тетка советовала не врать. Чтобы окончательно не запутаться, и не быть уличенной во лжи, нужно говорить правду и только правду. Ну, разве только не всю.

— Сестрица мне об ином пишет, — кивок на лист бумаги, лежащий поверх одеяла.

— Елена Юрьевна еще не то напишет, только бы разлад меж нами посеять, — фыркнула Лиза. — У самой-то с мужем не ладится. Он, то и дело на сеновале со служанками озорует. Вот и льет помои. Да не смотри ты на меня так. Знаю как ты ее любишь, и молчала всегда. Но тут уж она через край преступила.

— Й-ясно.

Вот так, обронил, и с самым решительным видом обернулся к двери. Эт-то еще что такое!? Несмотря на поздний срок и выпирающий живот, Лиза подскочила с постели, и прошлепав босыми ногами по полу, заступила Ивану путь к двери. При этом она двигалась столь стремительно, что едва не погасила свечи в канделябре. Не к месту мелькнула мысль, что уж давно пора бы обзавестись новомодными фонарями карбидками.

— Ты куда собрался, Ваня? — Эдак вкрадчиво, буквально прошипела она.

— Переночую на мужской половине, — буркнул в ответ, остановившийся Трубецкой.

Хм. Вообще-то, разделение на мужскую и женскую половину у русской знати уже давно осталось в прошлом. Ну разве только за редким исключением, когда супруги сходились вместе только ради обзаведения потомством. Браки-то по большей части оговаривались родителями, или являлись союзами меж двумя родами. Вот и случалось, что супруги волком друг на дружку глядели.

Вот только это было редкостью, и каждый такой случай становился объектом пересудов и насмешек. Лиза никому не позволит выставять себя на посмешище. И над мужем потешаться не даст. Потому как она жена боярина и князя, но не скомороха.

— Нет у нас мужской половины, — решительно рубанула Лиза. — И пока я жива, не будет. Оп-позорить меня решил? Ленка, змея подколотная, всякую дрянь пишет, а ты и веришь. Иль забыл нашу брачную ночь? А ну живо под одеяло. Я чай не вдова, в холодной постели спать.

— А все ли письмо ты прочла, женушка? Чай там прописано и о том, что невинность девичью по силам вернуть любому лекарю. А уж Рудакову, коий почитается...

Х-хлесь!!! Щеку ожгло пощечиной, оборвав его на полуслове. Рука у Лизы оказалась тяжелой. На что Трубецкой был статен и крепок телом, а головой мотнул так, что позвонки едва не хрустнули.

— А ну пшел вон отсюда, — яростно прошипела она. — Захотел мужскую половину? Будет тебе мужская половина. На вечные времена, будет.

В последний раз боднув мужа яростным взглядом, Лиза решительно обошла его, и направилась к постели. Двумя пальцами, как нечто мерзкое и грязное, подобрала все так же лежащее на постели письмо Троекуровой. Глянула недочитанный текст. Так и есть, об гадости этой, эта змея написала, а не муж сам измыслил. Уронила листок на пол. Брезгливо передернула плечами, и решительно залезла под одеяло, отвернувшись от мужа.

Иван с минуту простоял понурившись у двери, потом тяжело вздохнул, и подошел к постели. Разделся, лег и попытался обнять жену. Но та, только раздражительно дернула плечом, сбрасывая мужнину руку. И вторая, и третья попытка закончились так же.

— Лизонька, ладушка моя, ну... Ну прости ты меня дурака. Но что мне было думать, кому верить? Появляется сначала этот Карпов, и желает осесть на псковских землях. Следом гонец, с требованием царя выдать

государева преступника. И тут ты, вступаешься за него. Да еще как! Приходишь на боярское вече и обращаешься прямо к боярам, убеждая их в том, что Пскову от этого беглого только польза великая будет. А потом это письмо.

— Мне ты верить должен был, Ваня. Словам моим и делам, — пробурчала она.

— Да я... — начал было он.

— А еще разуму своему, — рывком сев и обернувшись к мужу, вновь оборвала она его. — Твоя сестрица напрасно пишет гадости про тетку Ирину. Та конечно не без греха. Да только она даже своим любовникам никогда не изменяла. И мужу верна будет до гробовой доски. И то всем хорошо ведомо. Ты же умный, Ваня. Подумай своей головой, чтобы она сделала со стрельцом рискнувшим крутить шашни кроме нее еще с кем-нибудь? Карпов чай не дурак.

— Лиза...

Трубецкой вновь попытался обнять жену, но та, вновь стряхнула с плеча его руку. Потом прошла к своему секретеру. Открыла один из ящичков, извлекла одно из писем, и передала мужу.

— Читай. То письмо братом тебе писано. Поначалу-то они с тетушкой не хотели мне ничего говорить. Да потом одумались, что не стану я за Карпова так-то заступаться. Вот и отписали мне это письмо.

— Погоди, так это получается...

— То не побег был. Потому как и преступления никакого не было. Игра одна. Руку Николая надеюсь ты узнаешь?

— А чего же меня не предупредили? — Раздувая ноздри, как разозленный бык, угрюмо бросил князь.

— А смог бы ты сыграть так, чтобы все поверили? Вот то-то и оно. Зато теперь литовцы и новгородцы станут за Карпова драться, и перетягивать его на свою сторону. Потому как он очень скоро тут развернется от всей своей широты. Он умеет. И сюда прибыл не с пустыми руками, а с полной мошной. Ну, а вместе с ним и меня к себе потянут, чтобы клин меж мной и братцем вбить.

— Лиза, прости ты меня, дурака грешного.

— За Карпова прощаю. А вот за то, что во мне усомнился, я еще подумаю. Крепко подумаю, Ванечка. Так что, если не хочешь позора, укладывайся-ка ты на полу. А нет, так дверь вон она.

— Лиза...

— Иного не будет, — решительно мотнула головой Лиза.

Будущая мать, аккуратно устроилась на постели. Сбросила на пол подушку. Указала на покрывало. Отвернулась, и с нескрываемым раздражением накрылась одеялом. Трубецкой постоял над постелью какое-то время, а потом что-то недовольно бурча себе под нос, начал устраиваться на полу.

Слушая это, Лиза мстительно улыбнулась. Вот, будешь знать на будущее! Именно, что на будущее. Да, Ваня глуп, ревнив и повелся на поводу у своей сестрицы. Но не дурак. Способен признать свои ошибки. Ну и повиниться не боится. Вот и ладушки.

Но проучить его все же нужно. На будущее. Чай у них вскорости будет настоящая семья. Вот только с примирением надо малость погодить. Пусть бояре покрепче уверятся в том, что меж молодыми разлад. Ване снова даже играть не придется. У него все на его обличке написано. А там уж и помирятся, и сыграют.

* * *

— А в чем хитрость-то, мил человек!? — Послышался из толпы бас, в котором угадывалось искреннее удивление.

— Никакой хитрости, — отыскав взглядом здоровенного мужика, с окладистой бородой, ответил Иван.

А хоро-ош! Ну чисто богатырь. Впрочем, время такое. Худосочным кузнец не может быть по определению. Тут механический молот, эдакая невидаль, так что приходится все больше ручками махать. А еще, ворочать руками тяжелое железо. Иван конечно и сам не мелок, помахал в кузне молотом, но с этим пожалуй все же тягаться не стал бы.

— Вот гляжу я на энтого москвича мужики, и удивляюсь, отчего они там у себя на Москве нас за дураков держат. Вот ты говоришь, что станешь платить любому, кто тебе понесет руду, по десять копеек за пуд. Так?

— Так, — подтвердил Карпов.

— Из десяти пудов болотной руды выходит пуд доброго железа, стоит тот пуд один рубль и двадцать копеек. Убери подати за леса где ты будешь валить лес, выжег угля, плату работным людям, ить сам ты не станешь цельный день возиться у домницы, и что тебе останется? Слезы. Да с такой прибылью и за дело братья не стоит. Вот я и спрашиваю, в чем хитрость-то?

— Ишь какой. Все посчитал, — уважительно, произнес Иван. — Твоя правда, есть хитрость, вот только она не про твою честь. Я к тебе в кузницу

нос не сую, так и ты ко мне не суйся, — жестко отрезал Карпов. — Главное, что должен знать честной народ это то, что за пуд промытой и высушенной руды, я плачу десять копеек, без обмана. Остальное, только моего ума дело.

— И что, коли я доставлю сотню пудов, так ты мне десять рублей уплатишь, — подал голос плюгавый мужичок, крестьянской наружности.

Вообще-то, странно видеть на вече крестьянина. Иван всегда полагал, что при звоне вечернего колокола на площади собираются все кому не лень, и всем миром решают как быть в том или ином вопросе. Действительность сильно отличалась от его представлений. На вече сходились только выборные от концов и слобод города. Там в свою очередь были концевые и слободские веча. Если собрание не спешное, а назначенное заранее, то подтягиваются выборные и из пригородов^[2]. Ну и над всем этим главенствовало боярское вече.

Вот такая демократия. Правда, с рядом ограничений. Выборным мог стать только житель города или пригорода. То есть, самое малое ремесленник. Крестьянам ход на вече был заказан по определению. Их интересы представляли помещики. Этот же мужичок по виду явный крестьянин. Впрочем, скорее Иван все же ошибается. Не потерпят на вече нарушения утвердившихся порядков.

— Коли не надорвешься, можешь доставить и тысячу пудов, — глянув на мужичка, пожал плечами Карпов. — Выплачу сто рублей, копейка в копейку. Только помни, что руда должна быть промытой и высушенной.

— Ага! Я все понял! Станешь придирается к сырости и грязи, и платить куда как меньше, — осенило кузнеца.

— Не угадал, — развел руками Иван. — Грязную и мокрую руду я вообще не стану принимать. И не ищи подвоха, кузнец, там, где его нет. Сам же сказал, что на дурака я не похож. А тут вдруг попросил дозволения обратиться к вечу, и стану вилять задом, чтобы с меня потом спросили по закону.

— А сбежишь? Чай к нам из Москвы сбег, — не унимался кузнец.

— Это да. Тут ты меня поймал. Бежать с тысячей пудов руды или сотней пудов железа, куда сподручнее, чем со ста рублями.

В ответ на явную издевку, толпа грянула дружным хохотом. Ну ясно же, что кузнецу не дает покоя верный способ выделки железа, известный москвичу, и неведомый ему. Жаба она такая, почитай любого как ржа сожрет.

— Ну что, господин Псков, есть еще вопросы к Карпову Ивану

Архиповичу, — выступил из строя бояр самый старший из них, Пятницкий.

— Да нет боле вопросов, давай уж решать, Ефим Ильич. То Луку завидки берут, вот и мутит воду, — подал голос один из псковичей.

Его тут же поддержали остальные. Послышались насмешливые выкрики в адрес кузнеца, посвист и улюлюканье. Тот в свою очередь вяло и добродушно отмахивался от донимающих его горожан, как это и присуще людям, наделенным недюжинной силой, но не привыкшим ею бравировать попусту. Эдакий добродушный мишка. Вот только лучше бы поостеречься злить таких добряков. Чревато.

— Ну что же, господин Псков, тогда скажи свое решение. Дозволим ли мы Карпову Ивану Архиповичу пользоваться леса в пяти верстах окрест его вотчины, с подношением податей в казну города?

— Дозволяем.

— Пускай работает, — тут же послышались голоса, которых было явное большинство.

— Так тому и быть, господин Псков. Ступай, Иван Архипович, отныне у тебя есть дозволение Пскова, заключил боярин Пятницкий.

А чего тянуть? Все что нужно сделано. Разве только уважить честной народ благодарственным земным поклоном, да сойти с помоста. Сегодняшнее вече было запланированным, а потому и присутствовало большинство вечевиков всей псковской земли. Вот ведь, даже не княжество. А что еще нужно для рекламы?

Это в его мире, распространение информации, и уж тем более рекламы, из уст в уста, невообразимый анахронизм. Здесь же, самый что ни на есть эффективный способ. В этом мире с развлечениями так себе. А потому и все новости распространяются подобно лесному пожару. Правда, при этом обрастают такими подробностями, что подчас правду от вымысла уже не отделить. Но с другой стороны, кто-то заинтересуется. Попробует. Непременно заработает, и тогда уж слухи начнут обретать материальность.

Идея с обращением к вечевикам, чтобы они донесли весть до всех пределов, принадлежала боярину Пятницкому. Оно ведь все одно обращаться, потому как сегодняшняя металлургия крепко завязана на древесный уголь, а значит и на лес. А его понадобится оч-чень много. В десятки раз больше чем было в вотчине выкупленной Иваном втридорога, все у того же Пятницкого.

Ага. Иван теперь вполне мог именоваться помещиком, потому как стал обладателем двух семей общим числом в двадцать три души. Шесть работников мужеского полу и семь баб и девок от тринадцати до сорока лет. Остальные мальцы от года до девяти. При них двадцать десятин

пахотной земли, столько же выпасов и сенокосов. Да не угодий, то есть лесу, тридцать десятин. И за все это добро им было уплачено пятьсот рублей. Грабеж!!!

Ну да, и деваться некуда. Нужно же как-то корни пускать. А то ведь он тут никто, и звать его никак. Теперь же, за ним и земляца, и людишки. Да и местечко в восьми верстах от пригорода Остров, на берегу речушки Пенной, ему подходило как нельзя лучше. На реке вполне можно поставить плотину, для привода механизмов будущего завода. Опять же, Великая вот она, под боком, а значит и суда с иноземной рудой легко подойдут, и купцам куда пристать будет. Планы и Ивана были большие.

Хм. Знали бы господа бояре, насколько большие, наплевали бы на выгоды от возможной размолвки великой княгини и царя. Причем, все без исключения бояре. Ну да, это дело будущее. Пока же, все больше тишком, да бочком...

Выйдя из толпы, Иван с удовольствием поднял голову, и глянул в синее небо. Май выдался теплым, что не могло не радовать. Опять же, птички поют, вокруг зелень... Н-да. Поправочка. Сейчас все больше белого, потому как самая пора цветения плодовых деревьев. А они тут повсюду. И просто одуряющие запахи весны.

Поправив шапку, Иван пошел прочь с соборной площади псковского Крома^[3], где и проводились собрания веча. Оно еще не закончилось и на помосте уже выкликают следующий вопрос, достойный внимания веча. Вообще-то, сомнительно, что даже его проблема должна была обсуждаться толпой. Тут и органы самоуправления вполне управились бы. Ну да, Пятницкому виднее, как и что тут обделывать. А может, бросая народу вот такую мелкую кость, бояре отвлекали их от более серьезный вопросов, решая их кулуарно.

Едва только вышел за ворота, как сзади тенями пристроились двое здоровяков. Борис и Емеля, его боевые холопы. Они теперь всюду сопровождали Ивана. От греха подальше. А то, случались прецеденты. Эти же ребята проверенные, и присягой повязанные. Конечно у современников Ивана понятие долг, честь, присяга, по большей части вызывают усмешку. Но только не у местных аборигенов. Для подавляющего большинства из них, клятвы и честное слово, священны.

Что за такие метаморфозы? Какие современники, и при чем тут аборигены? Да в общем-то все просто, и невероятно сложно, одновременно. Во всяком случае, Иван понятия не имел, как объяснить все то, что случилось с ним пять лет назад.

Это он сейчас крепкий, высокий и статный парень двадцати двух лет отроду. А тогда ему было за сорок, он уже лысел, и был состоявшимся дядькой, возившимся в свое удовольствие, в собственной мастерской. И жил он не в конце семнадцатого века, а в начале двадцать первого. Интересно? А уж ему-у-то как ин-нтере-эсно, прос-сто жуть.

Так уж случилось, что в своем времени, или все же мире, Ивана Рогозина сбил автомобиль, и очнулся он в прошлом, в теле подростка, Ивана Карпова. Причем не просто в прошлом, а в альтернативном. Многие было схоже с его миром, во всяком случае, из того что помнил он. Но хватало и отличий.

К примеру, России не было, как и царя реформатора Петра Великого. Хотя, молодой реформатор все же сейчас восседает на русском престоле. Только зовут его Николаем, из рода Рюриковичей. Вот так.

Русское царство присутствует, но в сильно усеченном виде. Новгородские земли вполне даже превосходят его по площади, так как кроме северных территорий, простираются на северный Урал, и дальше в Сибирь и Дальний Восток. Псковская земля, в сравнении с этими двумя гигантами сущий карлик. И населения тут всего-то около шестидесяти тысяч человек. Есть Гетманщина, по левобережью Днепра. Ну и земли донских казаков. Как-то так.

Ивана угораздило оказаться в теле паренька семнадцати лет, который по всему видно, должен был умереть. Во всяком случае, душу из этого тела вытряхнуло основательно. За прошедшие годы Иван ни разу не почувствовал чужого присутствия.

Когда ему стукнуло восемнадцать, отец не спрашивая согласия Ивана, записал его вместо себя в стрельцы. Общеизвестная практика, хотя и не сказать, что парню... Хм. Ну да. Теперь уже парню. Так вот. Не сказать, что ему это понравилось. Но и выхода иного не было. Пришлось влезать в стрелецкий кафтан и идти на государеву службу.

Послужил, чего уж там. Всего-то четыре года в стрельцах, а его уже помотало от Урала до Крыма. Причем, за этот короткий срок он умудрился подняться от простого стрельца, до сотника, и получить дворянское звание. Не без помощи любовницы, сестры покойного царя, но в большей степени все же благодаря своим талантам. Ну, а под конец, угораздило оказаться обвиненным в преступлении против престола. Едва ноги унес из царских застенков.

Во всяком случае, именно так звучала официальная версия. По неофициальной он прибыл в Псков чтобы мутить воду в пользу Москвы. При этом противники русского царя, должны были принимать его за

противника Николая. Да и полагали, чего уж там..

Н-да. Ну мутить воду, или нет, а устраиваться по жизни нужно и здесь. Вреда точно не будет. Вот Иван и крутится, заводя знакомства, обрастая связями, и строя планы на будущее. А как же иначе? Если жить только днем сегодняшним, то долго не протянешь.

Миновав Средний город, прошли через одни из четырех ворот в город Окольный. Есть еще один основной район, называется Запсковье. Постепенно расширяющемуся городу наконец стало тесно на клине образуемом реками Великая и Пскова, поэтому городская стена перекинулась через реку, и охватила часть территории уже на правом берегу последней. Оттого и Запсковье.

Вообще, коль скоро даже Москва, по меркам Ивана была тесной и скученной, то о Пскове и говорить нечего. Этаким треугольник с кромом в качестве вершины, от которого до основания около версты. Ну и само основание, порядка полутора. Так что, до нужного постоянного двора, на Михайловской улице, у Михайловских же ворот, дошли быстро.

— Здравия тебе, Авдей Гордеевич, — присаживаясь за стол, напротив крепко сложенного мужика, поздоровался Карпов.

Вот взглянешь на него, и сразу понятно в кого удался статью Гаврила, один из компаньонов Ивана, закупавшийся товаром в его московской мастерской, и металлом в Карповке. Как Иван и предполагал, казна хотя и обязалась выкупать у его батюшки весь металл, сделать это оказалась не в состоянии. Воров да казнокрадов на Руси всегда хватало. Вот и не нашлось средств на закупку немалой части железа и стали. Ну, а коли казна не выкупает задешево, то не грех и стороннему купцу отдать, подороже.

— И тебе поздраву, Иван Архипович, — степенно ответил купец.

Иван подозвал подавальщицу, и сделал заказ, как себе, так и Емеле с Борисом, пристроившимся за соседним столиком. Ничего страшного в том, что они отвлекутся на еду Карпов не видел. Служба службой, а еда просто необходима. Опять же, принимать пищу можно и поочередно. И вообще, учить этих двоих, только портить. Взрослые мужики с изрядным опытом за плечами.

— Ну как наши дела? — Поинтересовался Иван, едва подавальщица отошла в сторону.

— Хороши дела, чего уж там. Со шведами договорился, осталось дело за малым, — явно довольный собой, ответил купец.

— Корабли заложил?

— Четыре больших ладьи, по двенадцать с половиной тысяч пудов каждая. Уж к середине июня выйдут в море. За эту навигацию успеют

сделать по два рейса. Сто тысяч пудов руды. Вот убей, а я и не представляю, как ты столько переваришь.

Два рейса, это серьезно, с учетом того, что каждому судну предстоит пройти в общей сложности две тысячи верст. Причем порядка трехсот вверх по течению Нарвы и Великой. Ну да, было бы желание. А желание у купца похоже есть. Как бу не извернулся и на три рейса. Хотя-а... Нет. Это все же перебор.

— В этом году не переварю. Буду складировать. А вот на будущий уже возьмусь всерьез, — подмигнул купцу Иван.

— Ага. И ту руду что псковичи станут тебе стаскивать, тоже переработашь? Чего так глядишь? Присмотрел человечек со стороны, как ты там на вече вещал, да быстренько ко мне с вестями.

— Переживаешь?

— Еще бы мне не переживать, Иван Архипович. Ить каждая та ладья мне в тысячу рубликов садится. С видом на прибыль, все сбережения в них вкладываю. А тут ты, вдруг возьмешь и заявишь, что деньги нет иль там, обождать надо.

Иван понимал опасения купца. Нет, тот вкладывал в новое предприятие далеко не все деньги. Плох тот купец, что не станет жаловаться на разорение. Но четыре тысячи сумма все же изрядная. И не имей Ерохин дел с Карповыми раньше, то ни за что не согласился бы на такую авантюру. Пусть и многообещающую.

Шутка сказать, но за минусом всех накладных расходов, новое предприятие уже в этом году должно было не просто окупиться. Ожидаемая сумма чистой прибыли составляла порядка четырех тысяч рублей. А со следующего года эта сумма должна была возрасти до двенадцати тысяч.

— Не переживай, Авдей Гордеевич, мне тебя обманывать не след. Так что, строй ладьи и вези руду. Через пару лет, глядишь, еще и мало будет. Придется тебе еще строить кораблики. А то гляди, со шведами уговорюсь, и пройдут денежки мимо тебя.

— Хм. Сказал бы, что попусту бахвалишься. Да только сам бывал в Карповке твоей. Видел все своими глазами. Х-хе. То, что дозволили увидеть. Так что, вера у меня к тебе есть. Хотя и с сомнениями поделаться ничего не могу.

— А ты не сомневайся, — ободряюще произнес Иван

Потом подмигнул и отправил в рот ложку с кашей, обильно приправленной сливочным маслом. М-м-м! Вкуснотища-то какая. Странно, в прошлой своей жизни он вообще не ел кашу. Ну разве только в армии, где

у него и выработалось стойкое предубеждение к этому блюду. А здесь ел за милую душу, получая несказанное удовольствие.

— Ну что же, не буду сомневаться. Да только, все одно понять хочу, для чего тебе нужна еще и местная руда. Я тут узнавал, так она ни в какое сравнение со шведской не идет. Из той, против местной, железа вдвое получается.

— Верно. Болотная руда плохонькая. Но иной в псковских, да и новгородских землях нет. А случись со шведами какая оказия, и что тогда? Поставить заводы, и потом палец сосать? А так, пусть и плохонькая руда, и помучиться придется, а все одно, и завод не встанет, и прибыль будет.

— Ну, то дело твое. А вот что меня касается, то я вопрос имею. Это что же получается, болотную руду, что поплоче, тут же под ногами собирать станут и стаскивать к тебе. А я из-за моря привезу добрую. Примешь же ты и ту и другую по одной цене. Десять копеек за пуд. Заработаешь же на шведской вдвое. Как-то некрасиво получается.

— Ты воду-то не мути, Авдей Гордеевич. Я ведь твою деньгу не считаю. Вот и ты ко мне в мошну не заглядывай. И не думай, что самый умный. Чай руду будешь скупать чуть не по копейке за пуд. Да потом сам же у меня и металл скупать станешь, еще и на этом заработаешь. Твои доходы уже через два года самое мало вдвое против прежнего поднимутся. А ты все туда же, маловато будет, — припомнив мультфильм о старике и елке, ерничая закончил Иван.

Ухмыльнувшись, и мотнув головой, мол каков жук, Иван взял кружку со сбитнем и сделал добрый глоток, пропихивая кашу в желудок. Оно вроде и с маслицем, а все одно, без запивки как-то не то. Ага. Упала. Разлеглась. Теперь можно и еще одну ложечку. Вдогонку. Ай хороша каша!

— Ты лучше скажи мне Авдей Гордеевич, караван-то на Москву отправил?

— Еще третьего дня. Как только отправил, так сразу и к тебе.

— Гаврила в курсе?

— Нет. Ему сказал, что как на Москве разгрузится, так пусть тебя поджидает, и далее как ты велишь. Ты уверен ли в том, что удумал?

— Еще как уверен, Авдей Гордеевич. Нечего мастерским в Москве делать. За этим делом нужен глаз да глаз. А какой присмотр, коли на месте никого нет.

— Ну, то дело твое. За твои деньги, хоть на руках все вынесем.

— Это да. Только все дело в цене.

— Ну, это как водится, — деловито развел руками купец.

После встречи с купцом, и сытного обеда, Иван направился к Рудакову.

Все шло к тому, что Карпову удастся обернуться за один день, а уже рано поутру выдвинуться обратно. По меркам привычного Ивану мира, полсотни верст и не расстояние вовсе, а так, сущая безделица. Здесь же, дневной переход для всадника, без сменных лошадей. А потому в дорогу лучше все же собираться с утра...

Рудаков искренне обрадовался гостю, и потащил того к столу, благо время было обеденное. Иван не стал отнекиваться, хотя и был сыт. Пришлось отдать должное хозяйке. Пусть и не ею лично приготовлено, тем не менее, дом это ее епархия. Понимать надо. И только после обеда, они с Павлом уединились в его кабинете.

Не сказать, что они до этого не виделись. Было дело, когда Иван только появился в Пскове. Во второй его наезд, лекаря на месте не оказалось. Был на выезде, лечил какого-то помещика, получившего увечье на охоте.

Вообще, Рудакова здесь уже пользовался серьезным таким авторитетом. А то как же. Московская медицинская академия хотя и направляет сюда своих выпускников, те являются всего лишь молодежью, набирающейся опыта. А по прошествии обязательного срока службы, стараются побыстрее ретироваться из этой глухомани. И многие перебираются в Речь Посполитую, а там и дальше на запад. Ох как это Ивану было знакомо. Ничего не меняется.

Так вот, Рудаков смотрелся в выгодном свете даже на фоне московской профессуры. Мало того, по многим вопросам затыкал их за пояс. За что и был не любим. Зато в Пскове он был вне конкуренции, востребован и уважаем. Да что там, не будет преувеличением сказать и почитаем.

По классификации Ивана, Рудаков конечно в первую очередь военный хирург. Но в ранах здес недостатка не было. Во-первых, от Пскова до границы с Литвой не больше полусотни верст, а пограничные инциденты случаются с регулярным постоянством. Во-вторых, Псков город торговый, и купцов тут хватает, а на купеческие караваны случаются нападения. В-третьих, в здешних лесах знатная охота. Карпов понятия не имел, как обстояли дела в его прежнем мире, но здесь крупного зверя хватало. А значит и разных несчастий. Было и в четвертых, и в пятых, словом, в практике у лекаря недостатка не было.

— Ого. А это что такое? — Иван в удивлении указал на дверь, по всему видать ведущую прямо на улицу.

Лекарь как раз провел его сквозь свой кабинет, в соседнее помещение. Довольно просторное. С полками заставленными всевозможными склянками, колбами, ретортами и тому подобным. У окна стол, пара стульев. Ну очень смахивает на эдакую смесь лаборатории, аптеки и

приемного кабинета врача.

— Вспомнил о твоём совете по поводу лекарской лавки, — с готовностью начал пояснять Рудаков, поведя вокруг рукой. — Оцени. По нечетным дням седмицы, я прямо тут устраиваю прием больных. Ну, если не уезжаю никуда. Здесь же осматриваю хворых, назначаю лечение, готовлю и продаю лекарства. Сейчас пытаюсь уговорить двух подлекарей, работать со мной. Тогда мы сможем принимать больных каждый день, чередуя друг друга.

— А еще, ты сможешь наконец обзавестись учениками, — решил подначить Иван.

— Или сам научиться чему-то умному у молодежи, — не поддержав шутливого тона, возразил Павел. — Я между прочим и тут хаживаю в гости к знахаркам, и продолжаю собирать у них знания. Все до каких только могу дотянуться.

— Ну не заводись, Паша. Я же пошутил.

— То же мне, шутник выискался, — недовольно хмыкнул Павел.

— Н-да-а, крепко же ты обижен на своего тестюшку, коль скоро так реагируешь на шутки. Не переживай, я тебя с этим самодуром ставить на одну ступень не собираюсь.

— Не смей так о Христофоре Аркадьевиче, — тут же вскинулся друг.

— Ладно, ладно, не закипай. Не смей, так не смей. Прости, — выставив перед собой руки в примирительном жесте, тут же пошел на попятную Иван.

— Христофор Аркадьевич... Понимаешь, плох тот учитель, которого не превзойдет ученик. Но и принять это не так чтобы и просто. Он уже оценил мои достижения, просто не может смириться с тем, что я так быстро вышел из под его опеки.

Иван только отвернулся, чтобы друг не видел его выражения лица. Угу. Рассказывай сказки. Ни черта этот профессор не поймет и не примет. Хотя бы потому что тогда ему придется признавать то что он безнадежно отстал, и вместо того чтобы учить, начинать учиться самому. А это не так уж и просто. Не в том он возрасте. Опять же, шел он всю жизнь, шел, и пришел к разбитому корыту. Не-эт, новое это удел молодых, и никак иначе.

Впрочем, развивать эту тему Иван не стал. Ну его. Еще не хватало поспорить на ровном месте. А у Карпова на Рудакова между прочим большие планы. Очень больше. Знал бы он. А пока...

— Паша, я тут тебе обещанную деньгу принес. Куда сгружать?

— И что, все вся пять сотен рублей принес?

— Все до копейки.

— А как же?.. — Павел с недоумением посмотрел на гостя. — А где мешок-то?

— Так вот он, — Иван хлопнул себя по животу. — Это я еще пару лет назад измыслил, когда появилась надобность в перевозке крупных сумм. Эдакий денежный пояс. Оно конечно в талии несколько раздаешь, зато очень удобно, и главное вся сумма при тебе.

— Это же около пуда веса.

— Ага. И я о том же. Ну что, здесь сгружаем, или в кабинет пройдем?

— Пошли в кабинет.

Карпов вовсе не поспешно подался в бега. В смысле, оно конечно Москву он покинул в течении пары суток. Но с далеко не пустыми руками. Еще чего не хватало. За день проведенный в подземелье у великой княгини де Вержи, он успел все обдумать и наметить план дальнейших действий.

Покинув узилище, он направился сначала в овраг, а потом с парнями к себе домой. Благо через княгиню знал точно, что там нет никакой засады. Розыск вел уже знакомый ему дьяк из разбойного приказа, и по совместительству человек Ирины Васильевны.

Дома он вооружил парней по первому разряду. Разве только духовушка оказалась одна. Ее он без раздумий вручил дополнительным оружием Григорию. У него и практика побогаче, и обращается он с карабином получше. Здесь же, озаботились припасами. А еще Иван озаботил Серафима на следующий день раздобыть лошадей. Путь им предстоял неблизкий.

Потом, с половиной парней прогулялся к выкресту дяде Яше. Денег для осуществления его планов, Карпову понадобится до неприличия много. А у еврея успела скопиться изрядная сумма. Нагружать пришлось всех товарищей. И это с учетом немалой доли золота. Шутка сказать, он увозил с собой в Псков двенадцать тысяч рублей!

— Ну и какие у тебя планы? — Выгружая монеты в выставленный Павлом ящик, поинтересовался Иван.

— А какие планы. Теперь деньги есть, можно оборудовать настоящую лабораторию. Помещение есть.

— Это дело хорошее. Но не хочешь ли ты подумать несколько шире.

— Например?

— Ну, например, построить госпиталь. Пригласить сюда пару тройку товарищей и сподвижников. А то, стоишь репу чешешь, согласятся псковские подлекари или пошлют куда подальше.

— Госпиталь? — С недоверием поинтересовался Павел.

— Госпиталь, — с самым серьезным видом подтвердил Иван. —

Землицу выбьешь. Чай в ближниках у княгини, а ей с некоторых пор бояре вроде как благоволят.

— Постыдился бы поминать Елизавету Дмитриевну.

— А мне стыдиться нечего Паша. Плевать что там плетут злые языки, накласть в присядку на обвинение в посягательстве на честь царской семьи. Не было ничего. То ложные обвинения.

— А то, как она презрев все запреты, правила и обычаи едва ли не ворвалась в палаты боярского веча, и стала просить за тебя? Это как расценивать?

— Паша, я не пойму, ты поддерживаешь тех, кто разносит ложные слухи?

— Я знать хочу, кто у меня в друзьях, государственный преступник, или достойный муж.

— Любовь, Паша, не преступление. Тебе ли этого не знать.

— Ты знаешь о чем я.

— Не было про меж нас ничего. Даже если Елизавета Дмитриевна и любит меня, это ни о чем не говорит. Она другому отдана, и будет век ему верна, — припомнив строки из Евгения Онегина, ответил Иван. — И все. Хватит об этом.

— Эх, Ваня, наворотил ты.

— Не я наворотил, а наушник Меньшиков. Оно ведь все можно извратить в дурном свете. Вот к чему ты при первой возможности над трупами измываешься, и кромсаешь их аки мясник. Уж не богопротивное ли удумал.

— Да я... Да ты... — Даже задохнулся в возмущении Павел.

— Вот и я о том же, Павел Валентинович.

— Л-ладно. Уел.

— Вот и хорошо. А теперь к нашим баранам. Ну так, как смотришь на это дело?

— Ты о госпитале?

— Именно.

— В общем-то нормально смотрю. Да только боюсь, что ты не представляешь весь груз. Место найдется. Даже не в посаде, а в Окольном городе. Здание поставить не проблема и не дорого. В Пскове нет московского запрета на деревянное строительство. Так что, получится дешево и сердито. Но госпиталь это не здание, и не наличие необходимого инструмента. Это в первую очередь сами лекари. Причем, коли браться за это дело, не абы какие.

— Так я и говорю о твоих друзьях, что поддержали тебя в твоём

начинании.

— Есть такие. Четверо, — с горькой ухмылкой, подтвердил Павел. — Один в Керчи, с твоей легкой руки очень даже неплохо пристроился. Кстати, недавно получил от него письмо. Возвели в лекарское звание, мощна изрядно пополнилась. Лихие казачки за лечение платят не скупясь. Один устроился в моем доме в Москве. Пусть и не признан профессурой, но отбоя от клиентов нет. Третий в Новгороде, тоже в полном порядке. Четвертый забрался в Испанию. Доны весьма щедры на плату, когда речь идет об их дражайшем здоровье. Вроде все. И как прикажешь их тянуть сюда? Чем заманивать? — Не без иронии задал вопрос Рудаков.

— Это смотря сколько им жалования положить.

— И сколько ты готов им положить?

— А вот это сам решишь. Прикинешь, посчитаешь, и потом мне расскажешь. Только не откладывай в долгий ящик. И учти следующее. Лекарская помощь для посадских и крестьян в госпитале должна быть бесплатной. А еще, чуть дальше, через годик, другой, нужно будет чтобы появились лекари в каждом пригороде.

— И они тоже должны будут лечить задарма?

— Вот ты и подумай, какое лекарям положить жалование, чтобы они и с жиру не бесились, и были бы вполне обеспеченными.

— Ты представляешь, во что это тебе обойдется.

— А еще, при госпитале должна будет появиться настоящая и самая современная лаборатория. Лишний, так сказать, стимул для твоих соратников.

— Иван.

— Да не гляди ты на меня так. Эта задумка станет не дороже денег. А уж серебро-то я зарабатывать умею. Надеюсь ты в это не сомневаешься.

— И зачем тебе это?

— А затем, Паша, что взамен я хочу получить то, что ни за какие деньги не купить. Коль скоро в Псковских землях народ имеет силу, то не помешает получить толику любви, этого самого народа. Хм. Так говоришь, Елизавета Дмитриевна заступалась за меня на боярском вече.

— Да, — растерялся от смены темы Павел.

— Вот и ладушки. Тогда обратись для начала к ней. Пусть эта идея исходит от нее. Бросьте клич в народ, мол жертвуйте на благое дело. Глядишь и еще от кого обломится. Если княгиня там станет участвовать, то обязательно найдется кому поддержать.

— И где тогда твоя выгода?

— А в деньгах, что я буду жертвовать. Уж поверь, девять из десяти

рубликов моими будут. И как это не скрывай, а слухи о том пойдут. Запомни Паша, лучше всего люди верят в то, что от них хотят скрыть. Попомни мои слова, все будут точно знать, о том, как бояре оттирают меня, за мои же деньги. А я молчу и делаю все на благо народа.

— Уж не ты ли те слухи будешь распускать?

— А вот это уже не твоего ума дело. И еще. Ни в коем случае не отдавай это дело в казну. Как бы ни уговаривали, как бы не умасливали.

— Боишься растащат по кошелькам?

— Не боюсь, Паша. Знаю. Поэтому есть ты и Елизавета Дмитриевна, вот вдвоем и правьте. И кстати, наберите женщин, обучите ухаживать за больными, да обзовите их, ну не знаю, сестрами милосердия. Да форму учредите. Потом с тобой о том еще поговорим.

— Я тебя понял. В смысле не до конца, но...

— Но выгоду свою узрел, а?

— Вот если бы ты еще придумал как мне трупы препарировать, чтобы не угодить под церковный суд.

— Хозяйка, дай воды напиться, а то так есть хочется, что переночевать негде, — уже привычной присказкой, с нескрываемой иронией произнес Иван.

— Да ладно тебе. Сколько раз ты мне уж это повторял, а потом все одно, и помогал, и изыскивал возможности.

— Ну так, всему свое время.

— А я и не против. Просто, напоминаю, чтобы не забылось. Я в тебя верю, Ваня.

— Верит он. Ладно, Павел Валентинович. Пойду я. А то завтра у меня трудный день. Нужно будет поспеть вернуться в Замятлино.

— Две тысячи.

— Что две тысячи?

— Я думаю, что на этот год, мне будет достаточно две тысячи.

— То есть, полторы, — кивая на шкаф, где было укрыто серебро, уточнил Иван.

— Без учета этих пятисот, — категоричным тоном, ответил Рудаков.

— Ну и аппетиты у тебя, Паша, — покачав головой, уважительно произнес Иван.

Нет, сомнений у Карпова не было никаких. Рудаков был увлечен своим делом, ему нравилась медицина, он жаждал новых открытий и знаний. Так что, хапнуть себе, да побольше, побольше, это не про него. Если только потом кто-нибудь появится в его окружении.

Ночевали на постоялом дворе в посаде. Вот-вот начнется весенняя

ярмарка, а потому за стенами города с постоем откровенно плохо. Хорошо как найдется местечко на сеновале. А потому Иван предпочел пусть и в посадe, зато на постели. Причем чистой. Никаких тебе клопов и вшей.

Проснулся с рассветом, прекрасно отдохнувшим. Правда, в теле все одно чувствовалась ломота. Но это нормально. Чувствует организм, что сегодня ему достанется на орехи, вот и паникует.

Тут ведь какое дело, просто так кататься в Псков ему как бы не с руки. Хозяйство пусть и небольшое, а три десятка человек у него на попечении все же имеются. Крестьянские же подворья достались ему в крайней степени разорения.

Словом, побывать в Пскове, и не сделать необходимых закупок он не мог. На вьючной лошади много не увезешь. Подводой будешь добираться двое суток. Вот и решил он смастерить катамаран из двух средних каноев.

А что? Суденышко легкое, увезти способно до пятидесяти пудов груза. Если же устроить эдакий велосипед, из двух приводных деревянных колес, с натянутой меж них веревкой, и гребным колесом сзади, то получается уже очень даже интересно. Тут только не стоит гребца сажать, как на прогулочных катамаранах, потому как неудобно и вызывает быструю утомляемость. Лучше как на велосипеде, когда можно использовать собственный вес.

Скорость суденышка доходит верст до десяти в час. А с учетом того, что педали крутить можно посменно, то и останавливаться для отдыха не нужно. За световой день преодолеть порядка шестидесяти верст, а именно столько и выходит по реке, никаких проблем. Да еще и груза увести получится столько же, сколько на двух подводах, Красота!

Иван уже заканчивал завтрак, когда в обеденный зал, ну если можно так назвать небольшую комнату с тремя столами, вошел крепко сбитый, невысокий мужичок. Подвижный как ртуть, он тут же направился к Ивану, и остановившись перед ним, поклонился, не так как на Москве, но все же выказывая уважение к дворянскому званию.

— Здрав будь, Иван Архипович.

— И тебе здорову. С чем пожаловал, Ерофей? Ить вчера вроде обо всем поговорили.

Вообще-то, разговор с старшиной плотницкой артели вчера ни разу не сложился. Цена которую тот загибал, никак не могла устроить Ивана. Нет, он конечно не скупердяй, и готов платить честную цену. Но только не переплачивать. А если и платить лишнее, то с определенным умыслом, а не потому что у него вполне хватает серебра, и с заработком особых проблем не стоит.

В общем, задумал Иван поставить целое село, с церковью, и однотипными просторными подворьями. Да еще и за крепким частоколом, с угловыми и надвратной башнями. Псковская земля, довольно веселый край, да и от Замятлино до границы всего-то верст тридцать пять. Так что, о защите приходится думать не в последнюю очередь. Потом-то все изменится, и частокол этот разберется. Но то потом, а сейчас он просто необходим.

Словом, у старшины артели даже глазки разгорелись, от такого жирного заказа. Ну и обозначил он свою цену. Был поднят Иваном на смех, и отправлен восвояси. Нет, артельщик цену не ломил, и все вроде бы было по совести. Но то, если забыть о том, насколько жирный заказ ему должен был обломиться. Никаких поисков работы, никаких перерывов и простоев. Работы с весны и до самой поздней осени. И то, управишься ли, неизвестно, потому как Карпов намекнул, что одними только домами да церковью дело не обойдется. А какой же тут обычной плате тогда говорить?

— Мы тут с артельщиками посоветовались. В общем, устраивает нас твоя цена, Иван Архипович. Коли то предложение еще в силе.

— Предложение в силе. Иную артель я пока не искал. А потому, собирайтесь, и милости прошу, в Замятлино. Еще вопросы имеются?

— Только насчет задатка.

Ничего так мужик, не тушует. Подумаешь, вчера гоголем расхаживал, и цену ломил, а сегодня сам же и согласился на условия работодателя. Чай без работы не останется. Не из последних артель-то.

— Сколько?

— Сто рублей.

— Не многовато?

— Так ведь семьи до самой осени без кормильцев оставляем. Меньше никак нельзя.

— Ясно. Значит так. Вот тебе сорок рублей, — бросил Иван на стол перед собой звякнувший кошель, — раздашь артельщикам. Для поддержания штанов хватит. Больше у меня с собой нет. А как вскорости в Псков пойдем, так прихватим кого из твоих, чтобы он разнес остальное по домам. Ну чего глядишь? Кабы вчера не кабенился, все сполна и получил бы. А сегодня я уж ту деньгу в иное место пристроил. Устраивает забирай деньгу. Нет, прощевай.

— Добро, — согласился старшина, сгребая мешочек с серебром.

Вот так. Никаких договоров, и свидетелей. Оговорили, ударили по рукам, и будь здоров. Шансы того, что один кинет другого, минимальны. Время такое, совершенно иные люди, нравы и жизненные ценности.

Разумеется, если говорить не об исключениях, а о правиле.

Едва только ушел плотник, как в зале тут же появился Борис. Вид довольный. Где-то даже игривое настроение присутствует. Не иначе как его переполняет предвкушение предстоящего путешествия. Это у Ивана организм в панику ударился, предвидя серьезные нагрузки. А для местных такой катамаран в первую очередь диковинка и развлечение.

— Все готово, Иван Архипович. Приказчик все припасы доставил, и мы их уже погрузили. Можно выдвигаться.

— Вы уже завтракали?

— Уж давно.

— Съестное в дорогу заказал? Не хватало еще останавливаться на готовку.

— Снедь тоже уже в лодке.

— Ну, тогда с Богом.

Дорога прошла без приключений. Спокойный погожий майский день. Разве только солнышко докучало, когда садился на педали. Впрочем, особо поработать у него не получилось. И дело вовсе не в том, что дворянин и господин. Парням и впрямь было страсть как интересно управлять катамараном.

Опять же, и руль Иван сделал на манер велосипедного, и лодка резво так закладывает развороты. А парни, озорства ради, да под видом обхода коряг и топляка, закладывали те развороты не так чтобы и редко. Карпов предпочитал делать вид, что не замечает этого. Ну ей богу, как дети малые. А ну их. Пускай развлекаются.

ГЛАВА 2

К часу по полудни они были уже верстах в пяти от устья слияния Пенной и Великой. А там еще с полверсты вверх по речушке, и дом. Именно в этот момент они и слышали первые выстрелы, которые с каждой минутой становились все более отчетливыми. Не сказать, что палили как на поле боя, но все же довольно интенсивно. И это были явно не учебные стрельбы его товарищей. Они конечно регулярно тренировались, но только по воскресеньям. А сейчас только четверг. Так что, ничего хорошего это означать не могло.

— Никак в Замятлино, — озвучил общую мысль Борис.

— Больше негде, — уверенно подтвердил Иван. — Поспешать надо. До устья Пенной, всяко разное можно идти по Великой. А там, разберемся. Емеля, крути педали, что есть мочи. Борис, садимся на весла.

— Слушаюсь, — едва не в голос, ответили телохранители.

Ну да. Помимо гребного колеса, на катамаране были предусмотрены и весла с уключинами. Причем две пары. Мало ли какая надобность возникнет. Скорость эдак на пару верст возрастала, а если подналечь, так и на все три. И они налегли. Еще как!

Пока добрались до Пенной, перестрелка стала совсем вялой. Так, раздавались отдельные выстрелы, с довольно значительными промежутками. И говорило это только об одном, нападающие серьезно получили по зубам, и теперь стараются лишний раз не отсвечивать. А что? Очень даже реальный сценарий, учитывая точность оружия и опыт товарищей Ивана. Ну и еще то, что думать о плохом решительно не хотелось.

— Емеля, в Пенную входить не будем. Правь к той иве, — глянув себе за спину, и указывая направление, приказал Карпов.

— Понял, Иван Архипович.

Вот и ладно, что понял. Катамаран пошел в пологий поворот, и взял курс к намеченному участку берега. Еще немного, и раздвинув тонкие прутья, нависшие над самой водой, лодка оказалась под сенью ветвей плакучей ивы. Вот, все же удивительное дерево. Даже в самую знойную жару под этим деревом всегда прохладно. И дело тут вовсе не в том, что весна, и вода все еще стылая. Подобное наблюдается даже в южных широтах и посредине лета.

Привязали катамаран к дереву, и поспешили на берег. Сознание того,

что их товарищи сейчас отбиваются от противника, подстегивало похлеще иных стимуляторов. За транспорт и груз можно не переживать. Если не знать точно, что под ивой что-то находится, ни с воды, ни с берега лодку не рассмотреть. Ну или нарваться совершенно случайно.

— Братцы, меняем порох на полках и в магазинах, — спохватившись, остановил бойцов Иван.

А и то. Оружие заряжали еще перед выездом из Замятино, а прошло уже трое суток. Да больше половины суток они провели на воде. Нет, оно конечно вовсе не означает, что порох отсырел настолько, что ни на что не годен. Просто, у кремневого оружия и без того слишком высокий процент осечек, чтобы увеличивать шансы дополнительными факторами. Ага. И еще, не забыть протереть кресало от грязи и жиров спиртом. Он и ершик находятся в пенале на прикладе карабина.

Парням хорошо. У них обычные, так сказать, армейские образцы. Ссыпали порох с полок карабинов, и из пороховниц насыпали новый. А вот Ивану нужно вытрясать из магазина на кресале. Эдакой коробочке, из которой порох подается на полку посредством дозатора. Да та же манипуляция и с револьверами. Впрочем, с револьверами пришлось помучиться всем троим.

Иван вообще подошел к оснащению своих людей со всей ответственностью. У каждого из них помимо карабинов, было еще и по одному револьверу. У самого Ивана и телохранителей по два. Жаль револьверы с унитарными патронами остались в Керчи, при денщике, которого де Вержи брат отказался. Он ведь прибыл арестовать Ивана. И без того, во многом пошел на встречу.

Двигаться пришлось напрямик через лес. Не то, чтобы напролом, но использовать только звериные тропинки, ведущие в нужном направлении. Места тут мало обжитые. Только и того, что в восьми верстах пригород Остров, да вокруг него с дюжину деревенок и сел. А дальше озера, леса и болота. В этом же месте, только одна деревенька, Замятино. Все. Дальше одна сплошная глушь.

А потому и тропы натаптывать, кроме зверья, некому. Правда, есть одна стежка, нахоженная людьми. Вездесущие мальчишки, которые пробавлялись рыбалкой натоптали. Ловля свежей рыбы, это их епархия. Когда дело к зимним заготовкам, то там уж в дело вступают мужики. Но они до великой спускаются на лодках, и никак иначе. Потому как тут уж возникает потребность и в сетях и в мордах^[4]. Да и улов как-то вывозить нужно. Словом, уже не баловство, а серьезный подход.

Вот только, лучше бы тропу мальчишек обойти стороной. Потому как

на общем фоне она очень даже отличима, а значит может быть потенциально опасной. Поэтому и приходится пользоваться звериными путями, подчас продираясь сквозь ветви подлеска.

Они уже приблизились к опушке, перед выпасами, когда шедший впереди Борис, резко остановился, и присел. Отсюда до их острога было не дальше трехсот шагов. А чем еще должна была быть барская усадьба в этих развеселых краях, как не острогом? Нет, понятно, что не стоит смотреть на окружающую действительность так-то уж радикально. И граница с шляхетской вольницей недалеко, и лихие случаются, но перебарщивать все же лишние.

Н-да. Нет, ну все верно, чего уж там. Только у военных мозги всегда будут по другому закручены. Не умеют они жить обычной гражданской жизнью. Обязательно устроятся с военным уклоном. Потому как военный это не работа, и не служба, а образ жизни. Когда еще служилый оттает, и приспособится к новым реалиям.

Вот и Иван с парнями, наученные горьким опытом, еще с зимы озаботились строительством острога. Благо с плотницкой артелью в неурочное время особых проблем не возникло. Правда, артельщики покрутили пальцами у виска. Мол, чудачки дремучие, кто же строит в зиму, да еще и из сырого леса.

Знали о чем говорят, чего уж там. Щели в строениях уже сейчас начали появляться. А что будет дальше, и думать не хотелось. Но основательно можно будет отстроиться и после. Для начала же им нужен был укрепленный пункт, и острог вполне подходил. А что прикажете делать, коль скоро на руках изрядная сумма, а такой же надежный человек, как дядя Яша, Ивану в этих краях неизвестен. И сам еврей никого не присоветовал, хотя и знал, куда отправляется Карпов. Знать не было у него тут никого, в ком он был бы уверен. У Ивана же, отсутствовало желание кого-либо проверять.

— Что там, Борис, — поравнявшись с ним, и опустившись на колено, скорее выдохнул, чем спросил Карпов.

— Да вон они, аспиды, — так же выдохнул боец.

Ага. А вот начинает прорисовываться картина в целом. Острог, стоящий несколько на отшибе от деревеньки. Н-да. Деревня. Три небольших избенки, с постройками, обнесенные плетнями. Вот и все поселение. Ничего, бог даст, вскоре тут станет куда веселее.

Но то картина известная. А вот валяющиеся на еще неподнявшейся весенней траве с десятков тел, это в уже знакомом пейзаже нечто новенькое. Как и вспухшее на стене острога белое облачко, с донесшимся звуком

выстрела. И если судить по направлению вырвавшегося из ствола дыма...

Та-ак. А вон они и нападающие. В смысле, никого особо не рассмотришь. Просто видно, что примерно в паре сотен шагов вправо от них, кто-то есть. Кто-то, не больно-то и знакомый с лесной наукой, а потому легко определяется среди подлеска. Конечно деталей не рассмотреть и из острога. А потому и в том что пуля найдет свою цель, имеются определенные сомнения. Но свинец, ударивший в ствол, или прошуршавший по ветвям, по нервам все же пройдет.

Так. С виду ситуация патовая. Засевшие в остроге не могут достать укрывшихся в лесу. Нападающим нечего и мечтать, достать обороняющихся. Даже будь у них винтовки с диоптрикой, поди попади с такого расстояния в бойницу, которую отсюда и не видно. Подойти поближе, подставиться под меткие выстрелы. И трупы на лужайке, весьма красноречиво указывают на то, что лучше бы этого не делать.

Ох, что-то Ивану это напоминало. Вот такая же ситуация была у них на Урале, когда на них напали башкиры. Йолки! Один в один! Н-да. Вот только почти. Все же тогда им удалось извести лес на куда большее расстояние, и лучникам было никак не достать до острога. А тут...

Со стороны нападающих в сторону обороняющихся полетела стрела оставляющая за собой дымный след. Чуть погодя еще одна. Потом еще. И еще. Если начнется пожар, а он рано или поздно начнется, то это радости не добавит. Уже сейчас Артем будет вынужден отрядить часть людей на поиск и тушение огненных гостинцев. С первым же возгоранием, придется выделить еще больше людей. И если нападающих наберется хотя бы с пару десятков, и у них имеются лошади...

Послышалось ржание. Ага. Кони у нападающих есть. Значит, и преодолеть открытое место за короткое время они успеют. Пар-разиты! Интересно, Гришка тоже отсиживается за стенами, или уже воспользовался подземным ходом? Эх. Разведать бы. Да некогда. Еще немного, и пожгут все, сволочи!

— Братцы, слушай мою команду. Расходимся и движемся в сторону этих гадов. Между собой держимся в десятке шагов, не больше. Идем скрытно. Если есть возможность взять в клинки, делайте. Нет. Палите не задумываясь. Вопросы?

— Да чего спрашивать. Ясно все, — пожал плечами Емеля.

Ага. В особенности по отношению клинков. У обоих бойцов сабельки имеются. И обращаются они ими не в пример лучше, чем со штык-тесаками. Хотя и штыками не пренебрегают. Нет, в рукопашной Ивану с ними не ровняться.

Едва сделал первый шаг, как потянул из ножен тесак, и пристроил его на стволе. Случись противник с длинным клинком, и Ивану противопоставить ему нечего. Нет, если бы при нем были бы его револьверы, то для рукопашной они подошли бы как нельзя лучше. Ну да, нет тех револьверов, и хватит об этом. Вот он карабин со штыком, и уже не все так безнадежно.

Как Иван ни старался, а первым противника заметил Емеля. Вот только что крался, как здоровый и матерый котяра. А вот сорвался, словно камень, пущенный пращей. Мгновение, и после отрывистого шороха ветвей и листьев, послышался сдавленный стон. Вроде и негромкий, и в то же время в сознании Ивана он прозвучал ударом гонга.

Впрочем, услышал это не он один. Из-за листвы кусов подлеска тут е слышались тревожные выкрики. Емеля выдернул из тела штык, и навскидку, практически не целясь выстрелил в пока еще невидимых Карпову врагов. Мало кустов, так еще и дым в лесу не спешит развеиваться.

Вот кусты раздались в сторону, и перед ним, шагах в двадцати, возник какой-то мужик в сером кафтане. Не успел вскинуть карабин, как выстрелил Борис. Неизвестный тут же повалился на землю, оглашая округу паническим и болезненным криком. Каким-то неестественным криком. Но что с ним не так, Ивану разбираться было некогда.

Ломиться сквозь кусты, понятия не имея, что там впереди. Глупее не придумаешь. Карабин в левую руку. Правой извлечь гранату. Отработанным и привычным движением большого пальца скovyрнуть берестяной колпачок. Крутнуть колесико кресала. Есть дымок!

Чугунная чушка улетела за кусты. Время тянется бесконечно долго. Вот в просвете листьев появился еще кто-то. Выстрел! Молочно белая пелена, но кое-что рассмотреть все же можно. Есть! Правда, на таком коротком расстоянии, стреляя из винтовки и метя в грудь, попасть в ногу... Даже если стреляешь на вскидку... Ну-у-у, бывает.

Иван тут же позабыл о своем намерении воспользоваться штыком. Вместо этого выронил карабин и выхватил сразу оба револьвера. Отточенным движением повел оружием вдоль бедер, взводя при этом курки. Долго тренировался. Пижонство? Возможно. Зато какая экономия времени выходит. Правда, к сожалению сколь-нибудь приемлемо стрелять с двух рук у него научиться так и не получилось. Ну да, похоже здесь придется биться лицом к лицу.

Хлопок взрыва. Рядом прожужжало. Толи осколок, толи картечина из начинки. Плевать. Время. У них только одно преимущество, внезапность.

Ошеломят, запутают, испугают, обратят в бегство, и тогда они выиграли. Нет. Им троим не выстоять, а товарищам от острога не поспеть.

Пробегаая мимо раненого и не желая тратить на него заряд, врезал по голове ногой как по футбольному мячу в момент решающего пенальти. Кажется услышал хруст позвонков. Впрочем, только и того, что кажется. Не до этого ему сейчас. Ясно одно, вырубил он его качественно, и он какое-то время не противник. А такой бой по определению не может длиться долго.

Кусты перед ним раздались в стороны. А вот и разбойнички! Странные какие-то лихие. Мозг отмечает это как-то отстраненно. Шагах в пятнадцати от него неровная живая стенка из вооруженных мужиков. Не иначе как отпрянули после взрыва гранаты. Странно, но никого не задело. Может просто слегка оцарапало?

Да плевать. Куда занятнее сами нападающие. Десятка два их. Одежда вполне приличная. У некоторых даже дорогая. Все вооружены огнестрелом! Только у двоих арбалеты, с наложенными болтами, один из которых уже горит. Это что за бандиты такие!?

Все это пронеслось в его голове буквально в мгновение ока, пока он вскидывал обе руки с револьверами. А в следующее, Иван уже нажал на спуск, и грохнул дуплет. Треснули выстрелы справа и слева. Это Емеля с Борисом отметились. А в следующее мгновение побросав револьверы, ринулись в рукопашную на ходу выхватывая сабли и ножи.

Роняя себя на колено Иван успел ругнуться на тему стереотипов местных, относительно огнестрельного оружия. После выстрела оно отбрасывалось в сторону и в дело вступали клинки. И нужно слить несколько бочек пота, пока вытравишь из них это. Уж из ветеранов точно. Именно поэтому Иван и старался заполучить молодняк.

А еще, не преминул удивиться тому обстоятельству, что оба его выстрела достигли своей цели, свалив двух противников. Правда один из них точно был ранен, так как схватился за плечо. Емеля так же достал выстрелом одного из разбойников. Борис промазал.

Упав на правое колено, и больно ушибив его, Иван почувствовал как сносся мурмолку^[5], над головой пролетел горящий арбалетный болт. В ноздри вроде бы даже ударил запах паленых волос. Вот только вдаваться в детали он не стал. В отличии от подчиненных он предпочитал огнестрельное оружие. Поэтому руки с револьверами пошли вперед вдоль левого бедра, упираясь в него и ставя на место кресала, одновременно взводя курки.

Руки сами, делают всю работу. Взгляд наблюдает за происходящим. А посмотреть есть на что. Емеля и Борис вломились в нападающих как кабаны. При этом бешено орудуя клинками, и оглашая окрестности

яростными криками. Трое бегут на Ивана, громко выкрикивая какой-то воинственный клич. Карпов вновь вскинул револьверы и поочередно нажал на спуск. Два выстрела раздалась с коротким промежутком. И...

Нет, он определенно сегодня в ударе! Двое нападающих валятся на землю. Впрочем, и расстояние отделяющее их смехотворно. Всего-то шагов семь. Один из них запнувшись, так и проехался по жидкой траве прямо до места, где мгновение назад был Иван.

Сам он, сознавая, что перезарядиться не успевает, выбросил свое тело вперед, навстречу третьему, уже замахвающемуся саблей. Вложив в это движение всю массу своего тела, Карпов выбросил вперед правую ногу, насаживая на нее разбойника, не ожидавшего подобной подлости. Дух из него выбило качественно и надолго. Он только и успел, что высоко взбрыкнуть ногами, и рухнуть на спину, сильно приложившись головой оземь.

Иван же отскочил назад, стараясь охватить всю картину боя, и вновь взводя курки, единым отработанным движением вдоль бедер. Поэтому он отчетливо различил, раздавшиеся чуть в стороне выстрелы. Как и повалившихся на траву бандитов. И это могло означать только одно, обороняющиеся не собирались отсиживаться за стенами, и воспользовавшись подземным ходом предприняли вылазку.

Впрочем, сообразил это не только он. Многие нападавшие, так же пришли к выводу, что соотношение сил резко изменилось. Причем, тут по видимому сработал принцип, у страха глаза велики. А потому бросив товарищей уже ввязавшихся в рукопашную, и незамечающих ничего вокруг, остальные ринулись в заросли подлеска.

Иван вновь вскинул револьверы, и выстрелил в бегущих. Но... Хотя расстояние продолжало оставаться небольшим, на этот раз ни один из выстрелов не достиг своей цели.

Потом он решил помочь своим бойцам. Вновь взвел курки. Прицелился с правой руки в одного из наседавших на Емелю и нажал на спуск. Осечка. Быстро переложил револьвер из левой руки... Разбойник в которого только что целился Иван вдруг ни с того, ни с сего, замер, словно схлопотал в грудь сильнейший удар, и изломанной куклой упал на землю. Ин-нтерес-сно! Прицелился в другого. Выстрел! Есть!

Впрочем, загадочное происшествие разрешилось очень быстро. Кстати, оно имело повторение с еще одним нападающим. Вновь взводя курок, Иван наблюдал за тем, как на помощь его телохранителям приходят Ефим и Игорь. А чуть в стороне, скользнула фигура Григория, с воздушкой наперевес. Иван четко рассмотрел как само оружие, так и набалдашник

глушителя.

— Гришка, не увлекайся! — Только и успел выкрикнуть Иван.

— Понял, — раздался в ответ полный задора и огня голос парня.

Очень хочется надеяться, что действительно понял. Бросаться в атаку очертя голову, как только что поступил Иван с телохранителями, умным никак не назовешь. Но, признаться, он тогда не видел иного выхода. Разбойники очень даже могли спалить острог, и какова обстановка у обороняющихся Иван не знал. Вот и решил атаковать сходу. Сейчас же ситуация в корне изменилась, и инициатива полностью была в их руках.

Парням помощь Карпова больше не понадобилась. А вскоре из-за деревьев послышался топот множества лошадей. Судя по всему, всадники, а повозкам по звериным тропам не пройти, удалялись в сторону Пенной. Ага. Получается они собираются воспользоваться бродом, что на тракте. Не сказать, что там сейчас так уж мелко. Половодье как-никак. А потому, лошадкам по грудь будет. Но переправиться вполне возможно.

И куда дальше? Да кто же их знает. Для начала не мешало бы понять, кто это вообще такие. Разбойники? Ага. Как бы не так. Скорее уж господа со своими холопами. Нет, гадания ни к чему путному не приведут.

— Тяжелых добить. Легких тащите на беседу, — начал отдавать распоряжения Иван, как только из-за кустов появился Григорий.

— Троих ссадил, — довольно сообщил парень. — Где-то с дюжину ушли. И остальных лошадок с собой заводными увели. Там только четыре осталось.

— Та-ак. И сколько же их было? На лугу лежит где-то с десятков. Здесь... Дюжина. Троих ты там прибрал. Да с дюжину ушло. Хм. Около четырех десятков выходит. И все при хорошем оружии. Григорий, займись-ка пленными.

— Сделаю, — недовольно дернув уголком губы, тут же ответил парень.

Это хорошо, что ему не нравится пытаться людей. Иметь подле себя больного на голову маньяка не хотелось. А так, когда человек четко сознает, что делает пусть и грязную, но нужную работу. Н-да. Вот Иван к примеру к пыткам как-то не очень. То есть, вообще. Экспресс допрос в полевых условиях, точно не для него. Нет, если жизнь заставит, не так раскорячишься. Но отчего бы не остаться в стороне, когда есть такая возможность.

Впрочем, с пленными вышла незадача. Добить пришлось троих тяжелых. С более или менее легкими ранениями ушли, остальные были холодными. Кстати, тот которому Иван врезал по голове как по мячу, так же

оказался мертвым. Не показался Карпову хруст. Все же сломал ему шею. Зато тот, что получил ногой в грудь, пришел в себя, и был вполне пригоден для вдумчивой беседы.

Ага. А вот и из острога ребятаки поспели. Вот только к шапочному разбору. Лучше бы прокатились вниз по Пенной, может и успели бы перехватить беглецов. Хотя-а. Знать о том Артем не мог. Да и не успели бы они. Речку ведь не нужно переплывать.

— Емеля, Борис, вы чего рванули в рукопашную? Богатыри былинные?

— А как иначе-то, Иван Архипович, — пожал плечами Борис. — Они же вон как близко были. Перестрелку не приняли бы, пошли бы в рукопашную. Вот мы и связали их боем, чтобы ты, значит, нам из пистолей помогал. Мы с Гришкой такому учились.

— И чему еще учились?

— Да много чему, — пожал плечами Емеля.

Угу. Но он-то о том ни сном ни духом. Не иначе как Рыбину стало скучно, вот он и подтянул телохранителей. А что, им дополнительная подготовка совсем не помешает. Да и сами мужики калачи тертые, многое умеют, и новым не брезгают. И скорее всего чему-то толковому сумели научить и Григория. Уж больно ловко у них получалось. У этой парочки незасорно поучиться и Фролу Емельяновичу.

При мыслях о казаке, стало чуть тоскливо. Надежный как скала, Копытов сейчас командовал Измайловской сотней, которая квартировала в Керчи. Вот так. Пошел за Иваном, приняв его авторитет, несмотря на младость лет. А как результат, застрял в стрельцах в одиночестве. Ну да, чего теперь-то. Жизнь еще и не такие коленца выделяет.

Пока суд да дело, нашел свою мурмолку. В смысле, установил ее судьбу. Безрадостную. Сгорела она к ляду. Тут же вспомнил о волосах. Ага. Брить голову налысо, однозначно. Не то, выходит чуть ли не забритый лоб как у какого каторжника или рекрута. Хотя, каторжан тут пока не бреют, а рекрутами так и вовсе не пахнет. И появятся ли, непонятно. Петра-то нет.

Хотя-а... Николай тот еще затейник. Вон, слухи дошли, опять отправился воевать турок. Никак не замирится. Впрочем, войны тут неспешные, и десять лет могут бодаться. К тому же, это турки никак не желают смириться со сложившимся положением дел. Ну и руки у них оказались развязанными. Ну да. Заклятые союзники заключили с султаном мир, оставив русских одних против весьма серьезного врага.

— Как у вас тут? — Поинтересовался Иван у подошедшего Артема.

— Нормально. Пытались поджечь, но загореться нигде не успело.

Кабы в деревеньку пускали стрелы, то да, беда могла прийти. А так, обошлось.

— Раненые, убитые?

— Все слава Богу. Крестьяне сразу же подались в лес. Думаю, до рассвета носу оттуда не высунут.

— Вот и ладушки.

— Литовские шляхтичи, — подойдя к Ивану, доложил о результатах допроса Григорий.

— Точно. Вот что мне показалось странным в их криках. Погоди. Но я вроде бы слышал польскую брань. Хм. И кажется белорусскую. Хотя-а... Да, было что-то...

— Да чему удивляться, Иван Архипович. Там же полная солянка. Кабы южнее, то да, там все больше русины^[6]. А севернее, из-за войн со шведами, шляхта изрядно перемешалась.

Ага. Ну молодец Гришка, что тут скажешь. Не просто так проживает в Замятлино, а интенсивно так собирает информацию об окружающей местности. Служба в Керчи, и соседство с татарами приучило к подобному подходу. И это хорошо.

— Откуда они?

— Из окрестностей Балви. Землевладельцы со своими холопами.

— И какого они тут позабыли?

— Ну так, за серебром подались. Слух у них там кто-то пустил, что поблизости от Острова, один москвит прикупил деревеньку Замятлино, и острог поставил. Да не просто так, а по причине полной мошны, туго набитой серебром и златом. Обычное в этих местах дело.

— Обычное говоришь, — зло процедил Иван.

Нет, так дело не пойдет. Эдак ему жизни не дадут. Прогонит этих, заявятся другие. И уж тем более в свете того, что он тут собирался развернуть самый настоящий строительный бум. А это все требует серьезных вложений. Не сидеть же все время в осаде. Получается, нужно врезать так, чтобы только пух и перья.

— Артем, как считаешь, что будут делать побитые шляхтичи? — Поинтересовался Иван у бывшего полусотенного, и в настоящий момент своего заместителя.

— Уползут зализывать раны, что же еще. Причем не на Псковских землях. По ним сразу будет видно, что они из боя вынулись. И то что шляхтичи, тоже понять несложно. На такое число воев, разбойнички не позарятся. Значит сами куда сунулись, и получили по сопатке.

— Вот и я так думаю. Выходит до парома в Острове они не пойдут. Станут переправляться через Великую где-то верстах в четырех от нас. Причем вплавь.

— Могут и обойти Остров, — усомнился Григорий.

— Долго. По сути вещей, мы уже должны отправить островскому посаднику весть о шляхетском отряде. А тат соберет ополчение и устроит погоню. Не-эт. Они будут уходить. Причем со всей поспешностью. Так братцы, слушай мою команду. Артем, седлаете каноэ и рвете вниз по реке. Гришка, Емеля, Борис, Игорь и я к катамарану. Он конечно груженный, но вниз по течению, да с дополнительными двумя парами весел ходко пойдем.

— Может мы верхами, берегом пойдем, — предложил Артем.

— Нет. На берегу они могут устроить засаду, на случай погони. Здесь мы их взяли потому что не подгадывая сумели ударить одновременно, и ошеломить. Если они устроят засаду, все будет иначе.

— С пленным что делать? — Поинтересовался Григорий.

— Заколи, и вся недолга, — пожав плечами, ответил Иван. — Чего глядите? Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет. Слыхали такие слова? Кстати, как раз в этих местах их и произнес князь Александр Невский. Понятно.

Иван выдернул из кобуры револьвер, и выстрелил в пленника. Осечки не случилось. Привязанный к дереву шляхтич тут же сник, испустив дух. Вот так. В конце-концов, они пришли сюда не воровать, а грабить, и как следствие, убивать.

Иван налегал на педали настолько сильно, насколько это вообще было возможно. Парни на веслах так же выкладывались изо всех, а потому катамаран буквально летел по реке. Не сказать, что так же, как и с мотором, но носы каноэ исправно задирались вверх, причем особо, при очередных гребках. Вот так и не скажешь, что лодка перегружена.

Кстати, легкое каноэ с шестью гребцами с большим трудом сокращает разрыв с катамараном. Артем не оставил в остроге никого. Всех погнал в погоню. Когда отправлялся на помощь к дерущимся в лесу, в остроге оставлял двоих. Теперь же. Пар-разит. Иван с ним еще разберется. Ну как можно оставлять дом без присмотра. Там ведь кроме имущества, есть еще и казна. Вояка! Йолки!

Вот они! Великая заложила крутой поворот, и перед взором догоняющих предстали беглецы. А кому еще вздумается переправляться вплавь, в холодной воде весенней реки? Получается, беглецы отделились от Замятлино не больше чем на три версты. И до берега им остается всего-то шагов семьдесят. До них же, не больше двухсот.

— Братцы, бросайте весла и беритесь за карабины. Живее. Уйдут, — продолжая бешено вращать педали, приказал Иван.

Парни тут же побросали весла, и вскоре загрохотали выстрелы. Пусть катамаран сейчас и шел без рывков, сказывалось испытанное бойцами напряжение. И чего тут только не было, от беготни, до рукопашной схватки. Да что там говорить, одна только гребля дорогого стоила.

Словом, из четырех прогрохотавших выстрелов, свою цель нашли только два. Иван четко видел, как головы пары пловцов пропали под водой. Карпов продолжал вращать педали люсом к этому еще и само течение Великой, поэтому расстояние сокращалось довольно быстро.

Поэтому пока трое бойцов перезаряжали свои карабины, Григорий отложил в сторону оружие командира и подхватил свою духовушку. И тут же раздались частые, и тихие хлопки выстрелов. Если их едва слышал Иван, находившийся рядом со стрелком, то беглецы вообще не должны были ничего различить.

Впрочем, без разницы. Нет, двоих ему подстрелить удалось. А вот с остальными вышло полное разочарование. Беглецы уже после первых выстрелов поспешили укрыться за лошадьми. Так что, очень скоро цели попросту исчезли из поля зрения. Стрелять лошадей? Можно. Но-о...

Иван налег на педали еще больше, хотя и казалось, что это уже невозможно в принципе. Григорий занял более удобную позицию для стрельбы. Остальные трое, покончив с перезарядкой, последовали его примеру. Вот только цели пока не появлялись из-за лошадей.

Наконец лошади достали до дна, и рывками начали выскакивать на берег. Дистанция сократилась еще больше. Но всадники, продолжали укрываться за животными, вцепившись в седла. Но вечно это продолжаться не могло. Наконец беглецы начали вскакивать в седла, и пришпоривать коней. И именно в этот момент стали представлять собой мишени.

Выстрелы раздались как с катамарана, так и с нагонявшего его каноэ. Часто захлопала воздушка. Послышалось ржание раненых лошадей. Три из них все же угодили под раздачу. На землю свалились еще четверо бандитов. А кого еще-то? Бандиты и есть. Впрочем, двое из них упали, едва достигнув берега, так и не сумев вскочить в седла. И если судить по тому, что видел Иван, оба они были ранены еще раньше.

А вот четверым удалось уйти, нахлестывая своих лошадей, и прильнув к их гривам. Причем, ушли с заводными, что никак не радовало. Поди догони этих сволочей. А отпускать хотя бы одного в планы Ивана никак не входило. Урок должен был быть максимально серьезным.

Раненых добили без тени смущения и сожаления. Ну, не так чтобы

совсем. Но не колеблясь ни мгновения. Плевать на их выкрики о выкупе и о том, что они благородные шляхтичи. Благородные, мать их. Бандит, он и в дворянском звании бандит. Опять же, как знать, скольких они уже отправили на тот свет, вот в таких пограничных набегах, для выправления материального положения. Так что, собаке, собачья смерть. И точка!

— Артем, немедленно отправь двоих в острог. И чтобы это было в последний раз, — тихо, чтобы не слышали посторонние, сквозь зубы процедил Иван.

— Понял, — понурился полусотенный.

— Дальше. Переловите всех лошадей. И соберете все имущество. Трупы в ледник. Завтра поутру отправишь троих в Псков, к Рудакову. Отсчитай там две тысячи рублей. Половину золотом. Да пуская расскажут ему о телах.

— Опять кромсать будет?

— Будет, — боднув его строгим взглядом, подтвердил Иван. — И чем больше он выпотрошит этих, — кивок в сторону трупов, — тем больше сможет спасти наших.

— Да понял я все.

— Это хорошо, что понял. Да. Выдели парням еще шестьдесят рублей для Ерофея, старшины плотницкой артели.

— Значит, скоро у нас будет многолюдно.

— Будет. А чтобы следом не пришла и беда, мы догоним и тех четверых, что ушли.

— Думаешь, не найдется больше желающих?

— Думаю, дураков хватает. Но на них глядеть вообще не стоит. А вот те кто поумнее будут знать, что из отправившихся в набег, не вернулся ни один. Глядишь, это их отрезвит.

— Понял.

— Вот и ладно. Ну что думаешь, Гриша, догоним? — Обратился Иван к подошедшему Рыбину, который в дополнение к своей воздушке, уже отжал у одного из парней карабин.

— Да куда они денутся. Оно конечно, через Удрою они и вплавь переправиться смогут. Чай не Великая. Да только до нее им только один путь, по тракту. А значит крюк изрядный делать. Мы же пройдем напрямки, через лес и болото. Полазал я тут, так что не сомневайся, опередим с гарантией.

— Пешком пойдем?

— Не. Пешком нежелательно. Мало ли, как оно обернется. А лошадей я там проведу.

— Емеля, Борис, готовы?

— Готовы, Иван Архипович, — отозвался Борис. — И харч прихватили, — показал он котомку, которую извлек из катамарана.

Это они еще в Пскове закупались в дорогу. И как всегда с запасом. А то мало ли как оно все обернется. Вот и пригодилось. Не сказать, что там так уж много. Но ноги с голодухи не протянут, и то хлеб.

Признаться, Иван успел трижды пожалеть о своем решении непременно настигнуть беглецов. Ладно бы пришлось выдержать пару-тройку десятков верст бешеной скачки. Он конечно завзятым наездником не стал, и это было бы для него вполне серьезным испытанием, но то что пришлось выдержать сейчас, не шло ни в какое сравнение.

Галоп на открытых участках, сменялся продвижением по звериным тропам, где ветви так и хлестали по лицу, грозя оставить всадников без глаз. Нередко приходилось спешиваться и вести лошадей в поводу. С учетом же того, что при них были еще и заводные лошади, становилось совсем весело. А уж когда на пути встало болото, Иван и вовсе усомнился в том, что Григорий знает куда их ведет.

И вообще, когда это он успел тут все узнать и облазать!? Нет, понятно, что Гришка по большому счету непоседа, и облазил всю округу. С охотниками общался, и вообще, по большому счету это случайность, что он оказался в остроге, потому как все время пропадал невесть где. Вот только, бредя по пояс в мутной воде, и с податливым дном под ногами, отчего-то казалось, что фамилия у его друга не Рыбин, а непременно Сусанин.

Однако, за час до заката, когда лес уже начал тонуть в вечерних сумерках, они внезапно вышли на дорогу. Не сказать, что Московский или Вильненский тракт, но маршрут вполне наезженный. А то как же, купеческие караваны не только по большим трактам ходят, но и по второстепенным направлениям. Да и не одни купцы. Люди везде живут, а значит и дороги между поселениями имеются.

— Не упустили? — Переводя дух, поинтересовался Иван у Григория.

— Не. Этож мы напрямки, только верст десять отмахали. А им, по дороге, чуть не вдвое нужно отмахать. Оно конечно с заводными, но ведь те не так чтобы и свежие. Так что беречь будут.

— Сколько мы прошли, — Иван даже усомнился в том, что все верно расслышал.

— Ну, с десятков верст. Нам до Удрои по дороге еще версты четыре. Я помню это дерево, — друг детства указал на расколотый по стволу дуб.

Приметный великан. Тут не иначе как постаралась молния. Страшно подумать какая должна была высвободиться энергия, чтобы сотворить

такое. Словом, хочешь, не хочешь, а эта картина отпечатается в твоей голове намертво. Просто не сможешь не обратить внимание.

— А что не так, Иван Архипович? — Удивился Гришка.

— Да я думал, что мы позади оставили полноценный дневной переход.

— Это, господин сотник оттого, что ты за зиму поотвыкнуть успел от серьезных переходов. Забыл как сам же поучал — во всем нужна сноровка, закалка, тренировка.

— Ага. Поумничай еще у меня. Значит, думаешь не прошли еще?

— Неа, — мотнул головой Рыбин.

— Ну тогда готовим встречу. Господи, хоть бы дотемна появились. Как думаешь, в ночь остановятся?

— Сомнительно, — покачал головой Григорий. — У них же земля под ногами горит. Идут по дороге. А значит, останавливаться не след. Тем более, что ночи сейчас лунные. Да и лошади у них заводные есть. Думаю, до границы они роздыху знать не будут.

Ну что сказать? Прав оказался Гришка. Беглецы появились когда сумерки сгустились настолько, что уже в семидесяти шагах их очертания размывались и были практически не видны. В том, что это те кто им нужен, сомнений никаких. Уж четверых всадников с заводными, отличить всяко разное было возможно.

Иван прицелился в движущегося впереди и справа. Перед устройством засады они рассмотрели несколько вариантов движения шляхтичей. И этот порядок как раз укладывался в один из них. Оставалось только взять на прицел своего клиента, и дожидаться сигнала от Рыбина, крика филина.

И-да. Вместо этого заржал трофейный жеребец Ивана. Скорее всего, у кобылы под каким-то седоком была течка. А иначе с чего бы этому ироду ржать как конь стоялый. Хм. Вообще-то он и есть конь. Чтоб ему!

Иван нажал на спуск, но было уже поздно. Пуганные всадники тут же всполошились. Тот, которого держал на мушке Иван не раздумывая дал шпоры лошади, и сорвался с места в карьер. Карпов же промахнулся. Зато остальные парни не подвели. Ссадили разом всех троих. Григорий подхватил свою воздушку и попытался было достать убегающего всадника, да без толку. Две пули, пущенные Иваном из револьвера, так же ушли в белый свет, как в копейку.

— Ушел, в перехлест его в колено! — В сердцах выкрикнул Григорий, когда всадник растворился в сгущающихся сумерках.

— Не блажи, — одернул его Иван. — Емеля, Борис, соберите лошадей да барахло.

— Что делать-то будем? — Поинтересовался Григорий.

- Ты этим трактом до границы хаживал?
- До границы. Но только тут уж не срежешь. Коленца дорога конечно закладывает, но не то, чтобы можно было срезать.
- Сколько отсюда до границы?
- Верст двадцать пять. Чуть больше или меньше.
- Гнать он не будет. Сейчас сойдет горячка, и он сбавит ход. А то и вовсе встанет на ночевку, — предположил Иван.
- Тогда в погоню? — Скосил взгляд на командира Григорий.
- Уймись, Аника-воин. Верхами шеи переломаем, пешком, сами ноги протянем. Разбиваем лагерь и отдыхать. С рассветом отправимся догонять. Никуда он не денется. Тоже чай не семижильный.
- Его страх гонит, — усомнился Григорий.
- Это он его сейчас гонит. А через час поотпустит, и усталость возьмет свое. А нет. Значит найдем его на той стороне, и все одно достанем. Выйдет чуть дольше, но с гарантией. Они же все из окрестностей этого самого Балви, правильно?
- Ну да.
- Ну так и деться ему некуда.

Ночь прошла без происшествий. Лошади успели достаточно хорошо отдохнуть. К тому же теперь у каждого в распоряжении было по две заводные, а значит и чередовать их можно куда чаще. В итоге, это сыграло свою роль. Оправившись в погоню в предрассветной дымке, уже к полудню они нагнали беглеца, у небольшой пограничной речушки.

Правда, тот успел переправиться, оказавшись на сопредельной территории. Оно бы и плевать, да именно в этот момент появился какой-то отряд из дюжины всадников. Может пограничный разъезд, а может какой шляхтич со своими холопами. Кто же их разберет.

Военная форма только, только набирает популярность, и имеется только там, где есть регулярная армия. Шляхту же к таковым никак не отнести. Одеты кто во что горазд, пусть и на королевской службе. Только и того, что амуниция и вооружение стараются подбирать однотипные.

— Уш-шел, гад! Прямо из под носа ушел! — наблюдая за тем, как беглец подъезжает к разъезду, раздосадовано выпалил Рыбин.

— Гришка, ты его достать сможешь? — Задумчиво глядя в сторону всадников, поинтересовался Иван.

— Шагов пятьсот. Но смогу, — уверено произнес лучший тсрелок сотни.

— Ну так достань, Гриша.

— Уверен, Иван Архипович?

— Делай, Гриша. Делай.

— Слушаюсь.

Рыбин соскочил с седла. Подошел к отдельно стоящему дереву, пристроил цевье на толстой ветви. Поднял диоптрический прицел. Ими были снабжены все карабины, прихваченные из мастерской, при побеге. Прицелился. И нажал на спуск.

Грохот выстрела. Облачко порохового дыма. Мгновение назад всадник, еще что-то пояснял вышедшим ему навстречу землякам. Теперь же, нелепо взмахнув руками, упал в траву. Лошадь испуганно дернулась, и прыгнула в сторону. Всадники же похватали мушкеты, в ожидании команды от своего командира.

— Емеля, Борис, займите позиции. Гришка, перезаряди карабин, и изготвь духовушку. Не журись, братцы. Дернутся, так мы их тут всех и положим, — вынимая и вздевая над головой белый носовой платок, бодро заверил Иван.

Потом отвязал повод заводной, и двинул лошадь шагом к берегу речушки. На той стороне его поняли правильно. От отряда отделился один всадник, и так же направился навстречу парламентарю.

— Приветствую вас, пан. Псковский дворянин Карпов Иван Архипович

— Шляхтич Великого княжества Литовского, Острожский Константин Иванович, — в свою очередь представился тот, и тут же, — Я требую...

— Как дела у барона фон Ланге? — Вдруг перебил его Иван

— Вы знаете моего шурина? — Искренне удивился шляхтич.

— О как! Значит прекрасная Амалия пала-таки перед напором смелого русина.

— Откуда?.. Нападение разбойников. Это вы?

— Я.

— Но помнится, вы не стали представляться, говоря, что ваше имя ничего мне не скажет.

— Верно. Тогда я был никто, и звали меня никак. Но за прошедшее время я успел отличиться в войне с турками и получить дворянство. Даже покомандовать стрелецкой сотней. Слышали об измайловцах?

— Так это вы?

— Я.

— И вы же были уличены...

— Ложь. От первого и до последнего слова, ложь, — даже не дал ему закончить Иван.

— Итак, я обязан вам жизнью. И в то же время, вы убиваете

подданного короны Речи Посполитой, прямо на глазах солдат короны.

— Помнится вы не очень-то убивались, по погибшим разбойникам.

— То были разбойники.

— Эти ничем не лучше. Было их порядка четырех десятков, и они решили совершить набег на мое имение. Оно может тут и в порядке вещей, но не для меня. Домой из них, теперь уже никто не вернется. Во всяком случае, живым.

— Вот значит как?

— Именно так, Константин Иванович, и никак иначе. Я мирный человек, но непрошеным гостям на моей земле делать нечего. И еще. Если вдруг долг в вас возобладает над чувством благодарности, учтите одну маленькую деталь. Нас только четверо. Но все вооружены скорострельными штуцерами. Думаю, вы слышали о них, — при этом Иван указал на лежащий поперек седла карабин. — Кроме того, у каждого из нас имеется по паре магазинных пистолей, — и вновь демонстрация, на этот раз, револьверов. — Так что, если вы нападете на нас, мы перебьем вас всех. Какие мы стрелки, Вы могли убедиться сами. Константин Иванович, мне бы не хотелось раздувать ссору из-за бандита.

— Он был шляхтичем.

— Он пришел в мой дом, чтобы убивать и грабить, — покачав головой, возразил Иван.

— Признаться, трудно вам возразить. Будем считать вопрос исчерпанным.

Конечно ты будешь считать именно так. Атаковать-то придется по открытой местности. И огневое преимущество на стороне этих клятых псковичей, или московитов, поди разберись. Так что, лучше сохранить лицо, чем нарываться на неприятности. Иной причины принятого решения не было. Иван помнил, эту особенность довольно заносчивого пана. Но в слух Иван произнес все же другое.

— Рад, что не ошибся в вас. Так, все же, как дела у фон Ланге?

— Отлично. Мы в точности выполнили ваши рекомендации, и рука срослась самым лучшим образом. Ганс сейчас служит комендантом пограничного замка Апе.

— Передавайте ему и вашей супруге мои наилучшие пожелания. До встречи.

— Надеюсь, что если она и состоится, то в следующий раз не под мушкетную пальбу, — ухмыльнувшись, и покачав головой, ответил Острожский.

— Полностью разделяю ваши чаяния, Константин Иванович.

Вот и ладушки. Худой мир, он куда лучше доброй ссоры. Впрочем, тут и ссоры-то никакой не было. Хотя-а... Кто же их шляхтичей знает. Они ведь все больше сами себе на уме.

Нуда и бог с ними. Сейчас тишком, да бочком, разойдутся краями, и пора возвращаться домой. Весна в разгаре, а дел нужно сделать столько, что хоть за голову хватайся. Хм. И надо будет озаботиться десятками тремя наемников. А то еще опять кто припожалует в гости. Не до всех же доходит с первого раза. Ну да ничего, Иван не постесняется и во второй раз разъяснить. Ему не сложно. Хм. Ну или выхода у него иного нет.

ГЛАВА 3

Ну вот и Москва. Надо сказать, что до города добежали довольно быстро. Чему способствовал катамаран, и то простое обстоятельство, что уже лет пять, как из столицы Русского царства до Балтики можно было добраться не сходя на берег. Этому способствовали два канала возникшие на древних волоках.

Первый, связал Приток Москвы реки Истру, с Сестрой. Оттуда суда попадали в Дубну, далее Волгу и Тверцу. Через второй канал в Цну, потом озеро Мстино, река Мста, до озера Ильмень и наконец Волхов, с Новгородом на его берегу.

Оттуда же до Балтики рукой подать. Пройти Волхов, Ладожское озеро, Неву и пожалте, Финский залив. Вот только справедливости ради нужно заметить, что этот участок маршрута московскими купцами никогда не использовался. Они ходили только до Великого Новгорода.

Впрочем, и сами новгородцы редко им пользовались. На Балтике хватало как промышлявших пиратов, так и военных кораблей. Моряки той же Швеции не брезговали прибрать к рукам ладью русских купцов под самым, что ни на есть надуманным предлогом.

Так вот, этот речной путь оказал значительное влияние на товарооборот, увеличившийся в разы. В свете же выхода Москвы на берега Русского моря, значение этого водного пути должно было увеличиться еще больше. Ведь раньше русским купцам не было туда ходу. Мало того, и иноземные торговцы, не вели активной торговли. Тому способствовали как политика Турции, так и разбойничья натура казачков. Но, похоже что молодой царь решил радикально изменить ситуацию.

— Ну слава тебе господи, добрались, — жадно вглядываясь в родные места, выдохнул Григорий.

— Тебе-то чего радоваться, — хмыкнул Иван. — Чай и погостить-то толком не успеешь, сразу двинешься дальше.

— Не скажи, Иван Архипович, — поддержал товарища Игорь. — Родных обнять, оно дорогого стоит.

— Согласен. Да только не расслабляйтесь. Эвон, каноэ вас дожидается, — кивая за спину, напомнил Карпов.

Катамаран, он пригнал сюда под себя. А вот Григорию и Игорю предстояла дальняя дорога до славного городишки Керчи. Оно конечно всю сотню Ивану за собой не увести. Найдется не так много желающих

преступить через присягу. Но в том, что таковые желающие будут, он не сомневался.

Ну не могло быть иначе, и все тут. И уж за десяток штурмовиков, Григорий ручался головой. Слишком многое парням пришлось пережить вместе. Опять же, никто из них не обременен семьями. А родители? В конце-концов, отец за сына, и сын за отца не ответчики. Тут никому и в голову не приходит требовать отречься от родства. Мало того, в местном законодательстве существовало положение, согласно которого укрывающие преступника родственники, к ответу не привлекались. Ну что тут скажешь, тепло родового очага в этом мире берегли и лелеяли.

Саму же Ивану, в сопровождении своих телохранителей предстояло разобраться с переездом мастерской. Запланировано это было еще с зимы, и с купцом Авдеем Гордеевичем оговорено заранее. Тот должен был предоставить суда, и обеспечить переброску всего оборудования мастерских. Хм. Или все же, по местным меркам, завода. Разумеется, той его части, которую вообще можно было переправить. Все нетранспортабельное подлежало вдумчивому и тщательному уничтожению. По всему выходило, что неслабый такой караван получится.

Кузьма так же не терял времени даром. За прошедшие месяцы он должен был провести вдумчивую работу по подготовке переезда рабочих. Что не говори, но оставлять в Москве готовые кадры, Иван не собирался. И причина тут двояка. Нет, деньги тут ни при чем. В конце-концов одна только выделка железа должна была принести полную мощну.

Во-первых, имея рабочих и станки, он уже к следующей весне мог возобновить производство. Плевать, что не Москва. В этом плане где-то даже и выгоднее, потому как тут и Литва со Швецией под боком, и выход на Балтику имеется. Но главное, это было одной из основных составляющих его плана.

Во-вторых, умных и прозорливых людей в этом мире хватает. Мало того, нет недостатка и в гениях. Остается только к какой-нибудь неглупой голове добавить квалифицированного рабочего. И тога, воссоздание того или иного станка, это только вопрос времени. Как и производственного процесса. А там, по образцу и подобию. Словом, могло получиться, ну о-очень занятно. Иван был готов лишиться секрета выделки железа. Но он пока не желал терять преимущество, предоставляемое правильно организованным производством.

До устья небольшой речки, на берегу которой и находилось подворье Ивана добежали уже в сумерках. Причем, чтобы не привлекать к себе излишнее внимание необычностью лодки, пересели на весла. Скорость

значительно упала, и уж тем более, когда двинулись вверх по течению. Так что, до места добрались уже в темноте.

Григорий и Игорь тут же поспешили в отчие дома. Иван выделил им на побывку только пару дней. Да и то, велел лишний раз не отсвечивать. Мало ли доброхотов вокруг. Иди потом опять из узилища вызволяй. Мало ли, что по делу Карпова они проходили как свидетели. Зато теперь они вполне себе реальные дезертиры, за что в лучшем случае грозит каторга, а то глядишь и на плаху угодишь.

— Ну слава тебе, Господи, — истово перекрестился Миронов, встречая Ивана на пристани.

— Не ждал, Серафим? — Весело поинтересовался Иван у своего кабального.

— Здрав будь, Иван Архипович.

— И тебе поздорову. Как у вас тут дела-то? — Крепко пожимая заскорузлую, крепкую ладонь мужика, поинтересовался Иван.

— Так, хороши дела. Грех жаловаться. Заказов столько, что и переезжать никуда не надо.

— Ну, надо, не надо, а придется, — остудил его Иван, наблюдая за тем, как настроение мужика ухнуло вниз.

Ага. Надеялся выходит, что чаша сия его минет. А оно вона как. Не минула. Правда, не сказать, что его облик походит на полную безнадегу. В смысле, тот вроде как сомневается в реальности переезда.

— Серафим, а скажи-ка мне друг ситный, такой настрой на переезд только у тебя, или и остальные не спешат вязать узлы?

— Так, Архип Алексеевич...

— Не понял. С каких это пор, это подворье и мастерская принадлежат бате? — Тут же сменив интонацию на стальную, холодно произнес Иван. — Где Кузьма? Через плетень его в гробину!

— Ну так, в своем домишке. Эвон, рядом поставил. Аркашка!

— Тут я, батя, — сразу же отозвался паренек шестнадцати лет. — Здравия тебе, Иван Архипович.

Н-да. Летит время. С их последней встречи парнишка еще вытянулся, и раздался в плечах. Красавец, чего уж там. Женить уж можно. Здесь вообще взрослеют рано.

— Сбегай к дядьке Кузьме, скажи, что Иван Архипович приехал.

— Понял, батя.

— Да не шуми по этому делу.

— Да что же я, без понятия, батя?

— Давай, уж. Понятливый.

От-тано как! Кузьма озаботился своим подворьем. Не сказать, что ему не позволяли заработки или его род деятельности. Из подполья он вышел. Жалование сродни жалованию сотника, сто рублей. Да еще есть возможность сэкономить из средств выделяемых на оперативную работу. Это было оговорено заранее. Ивану главное результат. И пока он не пожалел ни об одной копейке.

Вот только сама тенденция. Кузьма точно знал, что ему предстоит переезжать. И в этой связи обзаводиться своим подворьем... Вообще-то, кем, кем, но глупым Овечкин не был по определению. Получается, авторитет Карпова старшего пересилил. А уж в свете того, что парнишка начальника безопасности заглядывается на хозяйскую дочь, так и подавно.

Ох зря вы так-то ребятки. Ох зря. Не тот случай, чтобы Иван врубал заднюю, и шел на попятный перед отцовским авторитетом. Очень может быть, что ссора выйдет знатной. Да такой, что размежуются окончательно. Вот только иначе никак. Ссора же, по большому счету ничего не изменит. Разве только сроки реализации отодвинутся на год. Нежелательно. Но не смертельно.

— Ну здравствуй, братишка.

Иван и сам от себя не ожидал. Но при виде младшего брата, корпевшего над какими-то бумагами, даже сердце сжалось в легком спазме. Надо же. Ведь он родня только телу, а не самому Ивану. Но за прошедшие годы. Недостающая душевная близость выросла, окрепла и возмужала. Так что, родной брат. Роднее не бывает.

— Ваня!

Митя, глядевший на стоящего в дверях Карпова не верящими глазами, сорвался с места и сграбастал его в объятия. Все именно так. Младшенький в свои восемнадцать был уже больше Ивана, и буквально нависал над ним. Н-да-а, такого точно нужно с молотом к наковальне, или в плуг впрягать, а не за тетрадки сажать.

Впрочем, что тут поделать, если Господь одарил и статью, и силушкой, и разумом редким. Нельзя талант мордовать тяжким трудом. Грех это. Да и не сказать, что за письменным столом, такое уж простое житье. То одна лишь видимость.

— Ну здравствуй, брательник. Да не дави ты так, задушишь.

— Как хорошо, что ты приехал.

— Ага. Мне и самому радостно, — продавливая во внутрь образовавшийся в горле комок, произнес Иван. — Вот держи, — протянул он младшему брату футляр обтянутый черным бархатом.

— Что это?

— Готовальня, от лучшего голландского мастера. Выполнено все с тщанием. Глаз радуется, и сам в руки так и просится.

— Спасибо, братец, — буквально впившись взором в блестящие серебром на четном бархате инструменты, восхищенно произнес парень.

— Ну что, Митя рассказывай, как у тебя дела?

— Да замечательно все, — с явным сожалением, прикрывая крышку готовальни, начал отвечать Митя. — Учусь, понемногу. Да свое создаю. Дядька Серафим меня в мастерскую невозбранно пускает, и помощников выделяет не скупясь.

При этих словах Миронов и ус подкрутил, и бородку огладил. Приятно мужику. А кому неприятно доброе слово? То-то и оно.

— Это ты сейчас меня коришь, — скосив на брата ироничный взгляд, поинтересовался Иван.

— Скажешь тоже. Разве-ж я без понятия. Просто, сейчас в мастерских попроще, заказов казенных нет.

— О как! Серафим?

— Ну так, Архип Алексеевич в приказную избу с челобитной, мот так и так, переезжать собираемся. Какие уж тут казенные заказы. Вняли. Потому только так, текущие и ладим.

— Ясно. Значит, решили под шумок от казны откреститься, и нормальных заказов хвататься. Чего смотришь на меня. Заказов хватались?

— Ну-у, не без этого.

— И много чего еще невыполненного?

— Достанет.

— Ну так отказывайся от заказов. Завтра же начинай сворачивать мастерские. Вскорости суда придут.

— Да как же это, — едва не всплеснув руками возмутился Серафим.

— А вот как я сказал, так и делай, — жестко припечатал Иван. Русским языком сказано было, в конце мая, как погода установится, начинаем переезд. А вы чего учудили?

— Так уговор с купцами. Они же неустойку затребуют.

— Значит заплатим.

— Но...

— Серафим, вот ни разу я так-то не сказал, но ты видать позабыл, кто тут хозяин. Выполнять! Все. Свободен.

— Братец, ты хотя бы представляешь во сколько выльется отказ от договоренностей? — Проводив взглядом Серафима, поинтересовался Митя.

— Подозреваю, что дорого. Батюшка добро дал, а Серафим и рад стараться. Ничего. Уж как-нибудь. За мной тянется слава государственного преступника, хоть какая-то польза. Глядишь, поумерю пыл купчишек. Чай они серебро вперед не давали. Что? Давали? Н-ну батя. Плевать. Переиначивать не стану.

В этот момент раздался звук работы механизма, и следом послышался звон колокольчика. Один. Второй... Иван обернулся, и заметил на стене часы, ходики. Только вместо кукушки, из них появился медведь который стучал молотом по колокольчику.

— О как! Антона работа?

— С чего бы я его часы у себя вешал? — Возмущенно фыркнул Митя.

Угу. С Антоном все получилось как и предвидел Иван. Парня обуяли гордыня и жажда наживы. Он сумел-таки построить мастерскую на паях с одним мелким купцом. Забросил учебу, и сейчас вполне неплохо зарабатывал на изготовлении часов. Стоили они баснословных денег. Штучная работа. Но все же их покупали. И даже в очереди стояли.

Имя Мити забыто не было. Чего не скажешь о доходах. Все серебро оседало в карманах Антона. Теперь уже только его. После получения достаточной прибыли, он попросту предложил купчишке выкупить все оборудование мастерской. Или оставить себе, потому как Рябов не собирается вечно горбатиться на купца.

А на что купцу те станки, без человека, что умеет ими пользоваться? Антон с умыслом никого не учил. Все ссылался на то, что пока и сам не с усам. Надо бы подучиться, поднатреть, а уж потом учеников набирать. Нет, купец конечно хотел было взять мальчика в оборот, да не тут-то было. Договоренности то все были устные. Ударили по рукам, и ладно. Вот только, не всегда такой уговор был нерушимым. Тут ведь от человека зависит. А тля она во все времена найдется.

— Кстати, с кукушкой у меня пока ничего не ладится. Вань, может подскажешь?

— Митя, кабы я сам знал, так непременно подсказал бы. Да откуда же. Но по мне, так и с колокольчиком очень даже хорошо.

— Ну-у, не зна-аю. Вот как ты сказал про кукушку, так я и загорелся ее смастерить. А как, в толк не возьму.

— Извини брат.

— Ладно. Чего уж там. Удумаю еще. А у Антона, никаких колокольчиков нет. Так и останется недоучкой. О том, чтобы вернуться на учебу, и думать не хочет. У него одни только часы, да заказы на уме.

— Во-от. А я о чем говорил. Ничего Митя. Каждому свое. Ты учись,

впитывай знания. И оно тебе еще сторицей вернется. Веришь?

— Я тебе всегда верю, Ваня. А хорошо все же, что про Глашу ты вовремя подумал.

Это да. Жадный до денег Антон качественно так задурил голову их сестре, так что та едва на глупость не пошла. Пришлось вразумлять. Ну да, хорошо все то, что хорошо кончается. Кстати, Мать с сестрами сейчас в Карповке. Отец решил, что нечего семье врозь жить. В мастерских за управляющего оставил Серафима, дом продал, Митю переселил на Иваново подворье. Вот так пока и определились.

Дверь хлопнула, и в комнату вошел тщедушный мужичок. Вид имеет виноватый. Как кот, умявший крынку сметаны, и только потом осознавший, что где-то изрядно так перестарался. Вот молодец! Чем нравился Ивану Овечкин, так это тем, что на ходу рвал подметки.

— Здравия тебе, Иван Архипович.

— И тебе не хворать, Кузьма Платонович. Ну и учудили вы тут. И как теперь быть? Вот ты мне объясни, сумеешь теперь народ стронуть с места? Они ить уверились, что никуда перебираться не надо, и корни пустили пуще прежнего.

— Сумею, Иван Архипович, — виновато потупив взор, заверил Овечкин. — Оно конечно, невзлюбят тебя, и волками смотреть станут, но поедут. Кто добром, кто за рублем, кто из-за долга, а кто и со страхом. Но все работники мастерских, вместе с семьями, соберутся и поедут. В том ручаюсь.

— Ручаешься значит, — то ли спрашивая, то ли подводя черту, произнес Иван, а потом продолжил. — В лоб бы тебе дать, за такие художества. Ну да, я не девка, чтобы меня любили. Народу пояснишь, что все как и обещал. По десять рублей серебром. Дом с подворьем. Да на каждом корова и лошадь. Полный хлебный кошт до следующего лета. Все что получают с продажи домов, им и останется. Прежняя работа, с тем же жалованием.

— Серебро-то будет где тратить? — Поинтересовался Кузьма.

— Не переживай. Все даже лучше, чем было бы в Карповке. И купеческие суда мимо ходят, и лавка в селе будет своя. То с купцом оговорено. И цену ломить не станет. Он во мне интерес имеет.

— Не сомневайся, Иван Архипович. Все сделаю как и было оговорено.

— Тебя-то не возненавидят?

— А меня уж давно ненавидят. Наушником считают. Тот же вор Селин, что купчишке новгородскому запродался, у них в куда большей чести. И воду мутит больше всех прочих.

— Ну, это ожидаемо. Ты вот что Кузьма. Сына своего переселишь к Мите. Присмотрю им экономку, чтобы под присмотром и обихожены были. И вдвоем им куда веселее будет. Как Митя, согласен?

— Да отлично будет. Мы с ним хорошо ладим, — заверил брат.

— Вот и ладно.

— Лишнее это, Иван Архипович. Я ить не просто так дом поставил. Семью из села перевез. Так что, супруга моя присмотрит за Дмитрием Архиповичем.

— Дядька Кузьма, ну чего ты. Скучно же мне будет, одному-то, — вскинулся парень.

— Ну, то вы сами с Семеном решайте. Захочет у тебя квартировать, пускай. Я только к тому, что супруга моя и присмотрит, и обиходит. И денег не возьмет. Знаю, что это для тебя мелочь. Но ты уж не обижай нас, Иван Архипович.

— И не подумаю. Спасибо тебе, Кузьма.

— И еще. Прости меня. Я ить...

— Да понимаю я все. И сыну счастья желаешь, и опаску имеешь, что батюшка взбрыкнет, коли не станешь под него гнуться. Но больше такого чтобы не было. Оно конечно, я вроде бы и сам тебя к бате подвел, но наперед мое слово, а его уж потом, и если не в пику моему.

— Уяснил, Иван Архипович, — заверил Кузьма.

— Вот и ладушки. И еще. Семью ты оставляешь здесь только до поры. И никак иначе.

— Все так серьезно?

— Ты даже не представляешь насколько, Кузьма. Да. И не забудь приставить кого-нибудь к Мите. Чтобы кто не уволок под кусток. А то мало ли. До меня не добрались, на брате отыграются.

— Уже предусмотрено. На этот счет не волнуйся, — проигнорировав возмущенный взгляд Мити, ответил Кузьма, и пошел на выход.

Дел у него было более чем достаточно. Ивану особо светиться нельзя. На Миронове демонтаж, упаковка, и погрузка оборудования и инструмента. Уничтожение всего того, что вывезти нет никакой возможности. На Овечкине самое главное, что может только быть на белом свете. Люди. Карпов категорически не хотел оставлять тут ни одного человека. Каждый из них для него был, что твой золотой фонд.

— Ваня, я тебя просить хотел, — обратился к брату Митя, когда они остались вдвоем.

— Говори.

— Оставил бы ты Аркашу Миронова.

— Этот-то зачем тебе сдался? — Удивился Иван. — Он ведь к наукам тяги не имеет, все больше руками.

— Вот в том-то и дело, что руками. Они у него золотые, Ваня. Он мне в опытной мастерской ой как пригодится. Я же все больше к механике склонность имею, сам ведаешь.

— Угу. Есть такое дело, давно уж приметил.

— Будет переезд иль нет, но я тут кое-что из своих денег выкроил, да Серафим с Аркашей помогли руками. Словом, пару тройку станков смастерили. Небольших, таких.

— Это часы что ли ладить? — Догадался Иван.

— Их. И Аркашка на диво их ладит. И по станкам его идеи были.

— Понял. Знать, не дает тебе покоя Антон с его мастерской, — вздохнул Иван.

— Ты только не подумай, Ваня, я это не из-за серебра. Да только не могу я смотреть как он... Про меня уж и не поминает. Все себе приписывает.

— Обидно?

— Обидно, — потрянув головой, подтвердил Митя. — А еще, в мыслях слова твои держу, когда ты сказал, что когда придет время, мы будем делать и лучше, и больше, и дешевле, и заткнем его за пояс.

— Я и сейчас от этих слов не отказываюсь.

— Так, а чего тянуть? Аркаша он пока я учусь и мастерства поднаберется, и мне помощь какую окажет. Мысли то у меня поперек рук бегут, а те за ними и не поспевают.

— Понял, я тебя брат. Скажу Серафиму, чтобы сына оставил при тебе. Но если станете дурью маяться... А я вот Кузьме накажу, чтобы он человечку своему разъяснил все с толком, с чувством и расстановкой. Дабы вы тут не особо куражились.

— Это как скажешь брат.

— Ка-ак ска-ажешь. Ну давай, показывай, над чем нынче трудишься. Я конечно в академии не учился, но вдруг сподоблюсь чего подсказать.

Ага. Вот делать было ему нечего. Как засели за чертежи да бумаги, так чуть не до первых петухов засиделись. Хорошо хоть в лампе карбид весь вышел, и они погрузились во тьму. А то и удержу не знали бы. Но... С толком посидели, чего уж там. Иван Мите кое-где подсказал, да подправил. А вообще, только подивился, насколько братец подрос. И уж точно верил, что часы с кукушкой не за горами.

Хм. Вот знал бы в чем там хоть суть, так обязательно подсказал бы. Но... Ну не интересовался он этим никогда, и все тут. Часы мастерить,

мастерил. В сторону же кукушки, даже не думал. И в живую ни разу не видел. Только и того, что в фильмах про седую старину...

С утра пораньше, Иван проснулся от шума и гама на подворье. Новость о начале демонтажа оборудования, и подготовке его к транспортировке, работникам явно не понравилась. Погалдели, малость. Нашлась парочка бузотеров, что хотели ор поднять. Да не срослось. Все закончилось, так толком и не начавшись.

Кузьме ни голос поднимать не понадобилось, ни втолковывать что-либо. Просто эдак встретился взглядом, покачал сокрушенно головой, да и отвел взор. Возмущения же сразу сходили на нет. Ну чисто Берия, йолки!

Как только начались работы по демонтажу, Иван тут же поспешил навестить знакомый постоянный двор. Гаврила имел обыкновение всегда останавливаться именно там. Оно и к постоянным клиентам отношение особое, и компаньоны не ломают голову, где его искать. Вот и Карпов не мучился загадками.

— Здорово, Гаврила.

— И тебе здравствовать, Иван Архипович.

Оно вроде и приятели. И было дело общались запросто, на равных. Да только, успел Карпов подняться на дворянскую ступень. А тут уж, какое панибратство. Всяк сверчок, знай свой шесток.

— Чем обрадуешь? — Сходу поинтересовался Иван.

— А и обрадую. Привел целый караван, как и уговаривались. Но радость не в том. От бати весточку получил. Пишет, чтобы плату с тебя взял вдвое меньшую от оговоренной.

— О как! А не разорится батя, делая такие подарки?

— Да никогда. Счет деньгам он ведает. Как и то, кому можно цену ломить, а к кому с уважением.

— О будущем печется, Авдей Гордеевич, — понимающе улыбнулся Иван.

— Так, днем сегодняшним только дурень живет. Умный, наперед смотрит.

— И чего только батя такого разумника к латинянам в учебу отправлял?

— Так, ить, на Москву меня посылал до поры. Думку же имел насчет заморской торговли. Оттого и наука латинянская должна впрок пойти.

— А пошла?

— Да кто же ее знает. Вот попробую, а там и видно будет.

— А пробовать стало быть, с моим товаром будешь?

— Аль против, Иван Архипович.

— Да ни за что, — тряхнув для верности головой, заверил Карпов. — Ты вот что, Гаврила, подойдешь к Серафиму, и обговоришь с ним, когда корабли начинать подавать.

— Груз-то уж готовят?

— Готовят. Но то все с Серафимом. Подгадаешь время, сам наведишь.

— Понял.

Они устроились в обеденном зале постоянного двора, и Иван, вовсе не думавший расслабляться, сел так, чтобы контролировать дверь. Мало ли, что с ним двое телохранителей. Береженого, бог бережет. Ведь в розыске. Причем все трое.

Поэтому вошедшего в дверь Данила, он заметил сразу. Чего не сказать про невесть откуда здесь нарисовавшегося денщика. Хотя-а. Он же нестроевой. По сути, боевой холоп Ивана. Ну с того момента, как тот получил дворянское звание. И жалование с того момента получал от Карпова, а не от великой княгини. Ага. Заприметил. И напрямик к своему командиру.

— Здравия тебе, Иван Архипович, — сняв шапку, и изобразив быстрый поклон, поздоровался Данил, щерясь в белозубой улыбке.

— Ты как в Москве-то, Данил?

— Так ить, ждал в Керчи, пока весть дурную не получили. Потом собрал все вещички твои, и оружие, да двинулся на Москву своим ходом. Пристал к купцам, вот с ними и дошел.

— Ну что же, рад. А тут как? — Имея ввиду постоянный двор, поинтересовался Иван.

Данил замялся, стрельнув взглядом в Гаврилу. Купец все понял без слов, и поднявшись, поспешил распрощаться. А и то. Меньше знаешь, лучше спишь. Опять же, все уж оговорили. Так что, пора и делом заняться.

— Кузьма весть подал, — едва отошел купец, заговорил денщик. — Еще велел передать, что Селин, песий сын, успел в приказную избу ябеду отправить, мол государевы преступники сейчас на подворье Карповых.

— Та-ак. И что?

— Так, десяток стрельцов уж там. Все вверх дном переворачивают. Тебя и Бориса с Емелей ищут.

— Н-да. Не было печали. Ты вот что, Данил, навести Гришку и Игоря. Скажи, что хватит с них. Погостили. Пускай немедля уходят. Потом иди на подворье, садись в каноэ и выводи его куда Гришка скажет. Грести, я чай не разучился?

— Обижаешь, Иван Архипович.

— Вот и ладно. И Кузьме скажешь, что в полдень встретимся в овраге.

Он знает где это. Потом иди домой, и носа оттуда не высовывай. И готовься в дорогу. Как? Готов и дальше службу нести?

— Я завсегда готов, — тут же возбудился парень.

— Вот и ладушки. Да. Вот тебе деньги. Прикупишь провизии в дорогу, на четверых. Дня на три, не больше.

— Понял. Все сделаю.

Иван с довольной улыбкой проводил парня. Все же, приятно сознавать, что люди к тебе тянутся и готовы ради тебя рисковать. А еще, не задавая вопросов выполнять все твои приказы, и следовать за тобой куда угодно, полностью вверяя тебе свою судьбу. Хм. С одной стороны, приятно. С другой, страшно. Ведь при этом ты взваливаешь на себя ответственность за судьбу доверившегося тебе.

Задерживаться на постоялом дворе не стали. А то мало ли как оно все обернется. Чай государевы преступники объявились. Глядишь так возбудятся, что еще и хвост прищемят. Игра-то идет по взрослому. Тех, кто в курсе происходящего по пальцам счесть можно.

А Москва что? Большая деревня, только и того. Так что, народу способного его опознать предостаточно. Это он просто расслабился, вот и разгуливает по столице, как у себя в горнице. Оно конечно, внешность при сбритых усах и бородах у них сильно изменилась. Но к чему рисковать.

Опять же, Селин наверняка сообщил, что они с голыми лицами. А таковых на Москве, и уж тем более, среди русских, не так чтобы и много. Да чего уж там. Единицы. Так что, примета верная, даже для тех, кто и в глаза их не видел.

Поэтому, Иван поспешил покинуть пределы Москвы. Разве только прихватили с собой харчи. Вряд ли им получится нормально пообедать. В сухомятку оно конечно не то. Ну да, им не привыкать.

Кузьма появился как раз, когда солнце было в зените. Рассказал о творившихся на подворье безобразиях. Стрельцы ничуть не церемонились. Словно Иван и Архип когда-то и не были их сослуживцами. Мало того, и не служили с ними в одном десятке.

Угу. Их бывшие сослуживцы, переполняемые завистью и злостью и заявили. А то как же. Сами сволочи эвон как живут, богатеют, и то что Ванька стал государевым преступником, им не помеха. А они горемыки...

Вот вроде и отдарились отец с сыном лесопилкой. Да радости от того никакой. Стрельцы едва бороды друг дружке не повыдирали. Все мнилось, что кто-то работает больше, а получает меньше. Пришлось продать ее купчишке одному, да разделить деньгу. А потом пожалеть о том. Ведь у купца того, дела в гору пошли. И усадьбу новую, краше прежней сладил, и

сам приосанился, да поднялся.

И все эти беды у стрельцов через этих клятых Карповых. Вот и переворачивали все, до чего только руки дотянулись. Все сундуки вытряхнули, везде залезли. Даже перины с подушками вспороли, словно там кто схорониться мог. Эх, зависть людская, и что только ты сотворить способна.

Поведал Кузьма и о несчастье. Кровью отметился переезд мастерских. Так уж случилось, что сорвавшейся станиной насмерть придавило Селина. Вот так. Был мужик, а уж и нет его. При этом Овечкин взирал на Ивана самым честным взглядом, мол я ни я, и хата не моя. То бог, шельму пометил.

Угу. Станет Иван ему верить, как же. Но и винить не будет. Раз простили, обошлись строгим внушением. Второй раз предательство прощать, уже никак нельзя. А главное, что и остальные уверились, неспроста это. Вот и ладно. Плевать под каким соусом пройдет переезд. Главное вывезти людей и оборудование. А там уж он позаботится, чтобы люди не пожалели о своем выборе, вольном или невольном.

В овраге провели весь остаток дня, пока Кузьма навещал великую княгиню, и сговаривался с ней о встрече. А то как же. Ивану без ее поддержки никуда. Ведь нужно будет обмануть бдительных москвичей, и умыкнуть у них из под носа ценное производство. Без подстраховки о таком нечего и мечтать.

Даже если вначале и проворонят, то пока караван доберется до границы Новгорода, минует не меньше месяца. Времени чтобы осознать произошедшее, и принять соответствующие меры, более чем достаточно. Так что, нужен влиятельный зонтик. А как там это Ирина Васильевна организует, это ее личное дело. Да хоть взятку на кого повесит. Кстати, если что, то Иван был готов заплатить. Пусть батя о том, пока ничего и не знал.

Встречу княгиня назначила в полночь, в Измайлово. Признаться, Иван даже заподозрил ее в том, что она решила отступить от своих принципов, и согрешить с прежним любовником. Муж-то опять уже умчался на юг, воевать с турками. Так что, чем черт не шутит, пока бог спит.

Н-да. Накоси, выкуси. Не сказать, что он так-то уж сильно разочаровался. Но признаться, при виде этой статной и все еще желанной женщины, вдруг вспомнил, что у него уже довольно долгий срок не было близости. И организм тут же отреагировал на красочные и бурные воспоминания.

— Ваня, мне приятно, что ты настолько рад меня видеть. Но ты бы все же держал себя в руках, — не сдержав ухмылки, подначила его княгиня.

Хм. А ведь ей приятна его реакция. Даже румянец стал ярче, в глазах мелькнула легкая поволока, и голосок едва дрогнул. Ну да. Это для него всего лишь красивая женщина, и потребность организма. Она же отрывала его с мясом от самого сердца. И похоже рана та еще кровоточит. Вот ей-ей, если бы не необходимость, уже раскланялся бы и ушел, чтобы не травить ей душу. Но...

— Прости княгиня, но у этого паршивца своя голова, причем без разума, а с одними желаниями, — без приглашения опускаясь в кресло, чтобы скрыть конфуз, и краснее как рак, ответил он.

Ерунда все это. Не будет ничего. То есть, вообще. Это же не женщина, а кремень. Она уже приняла решение, и не отступится от него. Даже на самую малость, не даст себе слабины. Ну, а коли так, то лучше выбросить все бредни из головы, и сосредоточиться на деле.

Ирина прекрасно все поняла, и не стала делать ему замечание. Ну присел без дозволения, и бог с ним. Оно ведь не от дерзости или неуважения, а совсем даже наоборот. Да и ей так легче. Сделав вид, что ничего не произошло, она так же опустилась в кресло, по другую сторону столика.

— Итак, Ваня, с чем пожаловал?

— Я приехал организовать переезд мастерских.

— А без тебя не управились бы. Эвон, разбойный приказ весь всполошился, преступников государевых ищут.

— Поумерить их пыл никак нельзя?

— И как ты себе это представляешь? Я таких приказов давать не стану ни под каким видом. А вот всыпать тебе с пяток горячих, Матвею велю. Чтобы ум на место встал.

— Не мог я иначе, Ирина Васильевна. Ить переезжают мастерские не в Карповку, а в Псков.

— Ку-уда-а? — Княгиня даже подалась вперед, опершись руками о столик.

— Не ослышалась ты, Ирина Васильевна. В Псков.

— И думать забудь. Я слышала, что ты собрался там выделку железа наладить. И даже купца нашел, что от шведов руду тебе возить станет. А значит, и серебра у тебя будет более чем достаточно. Чай, я-то знаю, как вы можете железо варить.

— Тут твоя правда. С серебром у меня проблем не будет. Коли не согнут и не отберут все. Однажды уж попробовали.

— Знаю. Те шляхтичи появились стараниями московской партии. Коль скоро не смогли передать тебя государю, так и решили отдать то дело на

откуп литовцам.

— Вот же... А урезонить их никак? — С надеждой поинтересовался Иван.

— Так, чтобы это не стало явью, не получится, — покачав головой, разочаровала его Ирина.

— Ясно. Ну тогда давай считать. Речь Посполитая и Австрия с турком замирились. Персы воевать не собираются. Франция так и вовсе оказывает помощь. Теперь русское царство, одно против Турции. И случись война со шведами, Пскову и Новгороду придется отбиваться самим. Допустим, если шведы оккупируют Новгородские земли, это будет на руку Николаю. Как показывает практика, шведы подвержены бесчинствам на захваченных территориях. А значит, уже через год новгородцы не просто будут встречать Николая как освободителя, но еще и поддержат вооруженными восстаниями.

— Не скрою, такой вариант рассматривался. Хотя, пока еще ничто не указывает на то, что шведы станут воевать с Новгородом и Псковом.

— Но согласись, княгиня, весьма заманчиво прибрать к рукам младших братьев, пока старший возится где-то там на юге.

— Новгородские земли чуть не вдвое больше Русского царства, — покачав головой, уточнила Ирина.

— И что с того? По моему всем прекрасно ясно, у кого сила, и кто на Руси старший. Ну да не суть. Если по отношению Новгорода такая политика себя оправдывает, то Псков подобного не заслуживает. Помочь псковичам вы не сможете. А значит, им придется самим озаботиться своей безопасностью. Я хочу поставить под ружье полк. Полк нового строя. На манер Измайловской сотни.

— Помню, как ты говорил, что один такой полк в состоянии остановить целую армию, — задумчиво произнесла Ирина.

— И это вовсе не фигура речи. Твоя сотня это отлично доказала, — подтвердил Иван. — Но согласись, будет выглядеть довольно странным, если государев преступник будет закупать оружие в Москве. К тому же, у такого полка есть Ахиллесова пята. Он весьма чувствителен к военным поставкам. А это значит, что одних денег мне будет маловато. Производство мне попросту необходимо. Терять два года, на создание станков, и подготовку мастеров, я просто не могу. Опасность исходящая от Швеции вполне реальна.

— Она реальна уже не первый год. И было дело, Шведы получили от новгородцев и псковичей по сопатке.

— Только в то время со шведами воевала целая коалиция государств, и

Москва активно помогала Новгороду и Пскову. Народ это помнит, и за то благодарен. Но сейчас ситуация изменится. Если Николай попробует воевать на два фронта, то проиграет обе войны.

— Хм. Звучит весьма убедительно, — задумчиво помяв подбородок, произнесла княгиня. — Значит, ты хочешь, чтобы никто не заметил, куда именно направляется некий водный караван?

— Именно.

— А глава рода Ерохиных хотя бы понимает, что на том их торговля с Москвой закончится. Мы ведь не сможем простить купцу подобную вольность. Разве только после присоединения всех земель.

— Авдей Гордеевич уж как-нибудь выдержит этот удар.

— А ты ему поможешь, — не вопрос, утверждение.

— Ну так, долг платежом красен. И потом, Ирина Васильевна, какая разница, где будет тот завод, коль скоро, Москва все одно планирует прирезать псковские земли? Если же, его нахождение в тех краях будет способствовать этому, то к чему этому мешать.

— Тем более, что его возникновение только вопрос времени.

— Именно.

— Что же. Полк штуцерников, это грозная сила. Мне только непонятно, отчего ты решил нести столь значительные затраты на его экипировку и содержание. Вроде бы никогда не отличался транжирством.

— А я и сейчас не собираюсь выбрасывать деньги на ветер. Снаряжение сотни в азовский поход я почитаю полностью взвалил на свои плечи. И все ради того, чтобы отличиться, и получить дворянство. Я своего добился, вместе с опалой. Сейчас же я желаю достичь высот, где буду чувствовать себя достаточно безопасно, даже находясь далеко от Кремлевского дворца с государевой опекой и твоим покровительством. В конце концов, это только серебро. Но за него положение и спокойствие не купить. Зато вполне реально заслужить.

— Что же. Звучит довольно убедительно. Действуй Ваня. Мы тебя благополучно проспим.

— Благодарю, княгиня.

— Да. Чуть не забыла. Помню, что тебя отличают своеволие и своенравие. А потому говорю особо, к Софье не суйся. Не гляди на меня так. В твоём положении, это уже будет слишком. В конце-концов есть пределы любой слепоте.

— Я все понял, Ирина Васильевна.

— Вот и ладушки. Что станешь делать теперь?

— Ну, пока мастерские грузят на ладьи, пробегусь в Карповку.

Повидаюсь с отцом. Он ведь еще не в курсе, что мастерские уходят в Псковские земли.

— Поди обрадуется, — с хитрым прищуром, предположила Ирина.

— И не говори, княгиня. Кабы мне еще голову не оторвал. Он у меня на расправу скорый.

— Ничего, ты тоже не промах, — отмахнулась де Вержи...

В путь выдвинулись этой же ночью. Конечно далеко уйти не вышло. Только и того, что на несколько верст отделились от Москвы, и встали на ночевку. Так оно куда надежней будет. Не то, мало ли какой еще бдительны товарищ попадется. Иди потом, вертись как угорь на сковороде.

Хорошо хоть гостинцами Иван озаботился загодя. Еще в Пскове. Брату, вон готовальню привез, и про остальных не забыл. И про Мироновых помнил. Просто отдался на утро. Уж больно зол был с вечера. Правда, повинился, шаркнул ножкой, шмыгнул носом, да потупил взор. Мол, простите дурака неразумного. Па-аду-умаешь кабальные. Да они никогда таковыми и не воспринимались. Члены семьи, и не иначе. Ну, а раз уж родственники, то... Родню вообще, сплошь и рядом прощать принято.

Кстати, Емеля с Борисом предложили было воспользоваться катамараном. Не наигрались еще. Сколько дней в походе, а им так и не надоело. Хотя-а... Нет, точно лучше уж на лодке, чем в седле. Вот только, речной путь выходил длиннее вдвое, если не больше. Уж больно реки и речушки петли закладывали замысловатые.

Вот если на каноэ, то дело другое. Эту лодочку и подхватить можно, чтобы через очередную петлю перенести. Что значительно сокращает время. Но и тут все не слава богу. Для этого нужно досконально знать маршрут. Словом, все было за пеший маршрут, верхом на лошадках, и отбивая задницы.

Впрочем, адаптировались довольно быстро. И темп сумели взять весьма резвый. Не сказать, что дорога далась им легко. Но к исходу третьих суток, перед ними предстала Карповка, во всей красе. И посмотреть тут было на что.

Аккуратное, новенькое село, выстроенное, что говорится по генеральному плану. Однотипные дома, ровные улицы и переулки, просторная церковь, с площадью. Это Архип Алексеевич при обустройстве поселения, последовал совету сына. Получилось и красиво, и просторно и пригоже. Правда, усадьбы уже начали приобретать свою индивидуальность благодаря изменениям вносимым хозяевами.

В стороне, день и ночь дымили заводы, печи которых не затухали не на мгновение. А то как же! Процесс этот непрерывный. На одном заводе варят

железо и сталью на другом развито чугунное литье. Было предусмотрено еще одно место, под механическую и оружейную мастерские, или все же заводы. Но, не срослось. Не желал больше Иван устраивать тут производство, и все тут.

— То есть как это в Псков!? — Вздрыбился Архип, когда они наконец остались одни, за запотевшим кувшином пива.

Мать испугалась, и тут же заглянула в рабочий кабинет отца. А то как же. Ор ведь на весь дом стоит. А матушка помнит, как оно однажды, меж отцом и сыном-то вышло. И то, что батюшка зыркнул на нее испепеляющим взглядом, ее ничуть не смутило.

— Иди матушка. Иди. Если что, я в окошко сигану. Чай тут не высоко, — успокоил мать Иван, намекая на то, что теперь драться с отцом не станет.

— Сиганет он. Не успеешь, сопля маринованная, — единым махом осушив кружку пива, и грохнув посудой о стол, припечатал Архип.

— Ну как, студеное пиво помогло? Остыл?

— Ванька...

— Бать, ну что ты опять заводишься? Тебе мало того, что перепадает с варки железа и стали, да чугунного литья? Эвон, сам сказал, государь сотню пушек заказал, и это только начало. Корабли, крепости. Да ты только на пушках озолотишься. А ведь и иного литья хватает. За металлом и вовсе в очереди стоят, на всех не хватает. К чему тебе такая головная боль, как мастерская?

— А тебе?

— Так ведь, та мастерская от первого и до последнего винтика, моих рук творение. Это одно. Иное то, что она мне нужна именно во Пскове. Есть у меня планы. Не обессудь, но я о них пока помолчу. Но дело того стоит, поверь.

— И как же ты людей с места стронул?

— Им пришлось нелегко, после того как ты их успокоил. Но ничего, проглотили. И поверь, я в лепешку расшибусь, но люди у меня там будут жить лучше чем у тебя в Карповке.

— Ну, эт ты шали-ишь, — погрозил сыну пальцем Архип. — Лучше чем у меня, работный люд нигде не живет. Мало того, что сытно. Так к нам уж и мелкие купцы заворачивают со своим товаром. И лавка уж своя имеется. И иные, приезжая на закуп везут товар и свой. Потому как с достатком у меня народ, и может себе позволить всякое разное. А еще, отбою нет от желающих поселиться и пойти работать на заводы.

— А я тебе что говорил? — Делая характерный, обличительный жест,

произнес Иван.

— Это кто еще, и кому говорил. Говорилка, — передразнил его Архип. — ладно, сказывай, чего удумал?

— Железодельный завод ставить буду. Своей там только болотная руда, но уже в этом году пойдет шведская. А она добрая. Куда лучше твоей. Ну и механический с оружейным заводы запуссу. Есть мысли.

— Хм. А стоит ли, на привозной руде-то?

— Стоит батя. Пусть та руда и дороже твоей обходится в разы, но ты знаешь, что стоит.

— Я о том, что без своей руды все дело можно под корень загубить.

— За то не переживай. Я под твои объемы рядиться не собираюсь. А под мои и болотной за глаза хватит. Металлом только на первых порах брать буду. Потом только за счет изделий, и никак иначе. Но помощь твоя мне нужна.

— И в чем?

— Хочу, чтобы ты поехал со мной, и сам все там наладил. У тебя уж опыт имеется. И людей на первое время с собой прихвати, за плату добрую. Ну и деньги нужны.

— О как! А твое-то серебро где? — Удивился отец.

— Батя, будем рядиться? Иль вспомним откуда взялось твое серебро?

— Ты не закипай, молодец, — одернул сына отец. — Лучше скажи, куда мог такую прорву серебра задевать? У тебя же его больше десяти тысяч было. Мы с гораздо меньшим смогли поднять Карповку.

— Согласен. Только тут ты два года поднимался, и только в этот год в полную силу заработаешь. Мне же раскачиваться некогда. Сожрут, оглянуться не успею. А это дорогого стоит. Опять же, руда от шведов да от псковичей пойдет уже в этом году, и только за нее выложить нужно будет изрядно. А выделка металла, с первой прибылью, хорошо как к весне случатся.

— Н-да-а. Удумал же, — помяв подбородок, задумчиво произнес Архип. — Хм. И главное, все одно к одному.

— Ты о чем, батя?

— Да, тут вишь какое дело. Есть в Туле один оружейник, Антуфьев Никита Демидович. Вот сватает нашу Глашку за своего старшенького, Акинфия. А за ней нужно приданое дать. Да не абы какое. Никита с челобитной к царю обращался, чтобы тот позволил ему построить завод на Урале.

— И?

Иван даже напрягся. Вот помнилось ему, что знаменитый род

Демидовых, поначалу вроде как и не Демидовыми были. А еще, то что старшего сына родоначальника и добившегося наиболее значимых результатов, звали Акинфием. Неужели это они и есть? Если да, то-о...

— Так я и хочу, под это дело подвести и приданое, и своим серебром вложиться, — начал пояснять отец. — По твоим словам, края те богатые. Каждая вложенная копейка, червонцем обернется. Тут ведь только пальчик всунуть, а там, где первый завод, там и второй. Государь заводчикам благоволит. Эвон, ты вроде и в бегах, а на твою землю никто руку не бросает.

— Ну, по мне-то как раз все ясно. Следствие не окончено, суда не было, а потому и вина моя пока не доказана. А коль скоро так, то и имущество мое отбирать государь пока не может. Если конечно пожелает придерживаться буквы закона. А как решит проявить волю самодержца, так тут уж не видать мне моих земель.

— Вот еще и это, Ваня. Никита чего за гоношился-то. Указ Николай издал. Мол заводчики, какие свою пользу и состоятельность доказали, могут выкупать землю в собственность, и владеть ею пока заводы работают. Мне такое дозволение дадено.

— И ты хочешь выкупить мои земли?

— Пока та земля за тобой, так все нормально. А как государь повелит отобрать, так ить ктож знает, кого там посадят. А это кус серьезный.

— Я тебя понял батя. Значит, тебе средства потребны и на приданое, и на покупку земли у казны, а тут еще и я под бочок закатился.

— И на то, чтобы Никите ссудить под его завод на Урале, — напомнил отец.

— Хм. Ну дело-то хорошее. Я так понимаю, что заем сделаешь по родственному, под дою малую?

— Нуда. Всего-то под двадцатую часть.

— Не жадничай батя. Коли по родственному, то делай под сотую. Но на все заводы, что будут поставлены Никитой и Акинфием.

— Не продешевим? Они ить и по миру могут пойти.

— Даже не сомневайся, батя.

— Ладно. Быть по сему. Вот только серебра-то ем потребно много. Ему ить еще и крепостных выкупать. Это мне хорошо, вольные потянулись на отхожие промыслы, да и остались. А ктож к нему в ту глухомань-то подастся?

— И сколько при таком раскладе ты можешь выделить мне?

— Двадцать тысяч. Это все, что могу. Все расширения, что на этот год

были запланированы, псу под хвост. И покупка земли, в то же место. К концу осени еще накопится, но никак не раньше.

— Двадцать тысяч, значит. Хм. Ну что же, конечно это чуть меньше, чем я рассчитывал, но ничего. Если впрытык, то уж как-нибудь разруем. А за землю не переживай. До моего клина никто не подберется. Коль скоро Николай не тронул раньше, не тронет и теперь. Ну и другие потом выкупишь. Никуда та земля от тебя не денется. Да даже если у меня и отберут ту землю, все одно ты будешь первым, кому предложат.

— Оно конечно неплохо, коли так-то. Но ить выкупать от тебя, и из казны, это две большие разницы.

— Это да. Так-то, бесплатно отойдет, а эдак, придется казну посеребрить. Но ты на этот счет не переживай. Не будет тут урона, — произнес Иван.

Причем он был настолько убедителен, что отец сразу же ему поверил. Вот не было причин ему не верить. А все началось с той клятвой сосульки. Как приголубила сына так того словно подменили И ведь ни разу еще не ошибся.

— Ну что, батя, готовься в путь дорожку.

— А как же Глашка? — Растерялся от такого напора отец.

— Ну не беда, оженят без тебя. Благослови и в путь.

— В путь? Ага. Вот так значит все просто?

— А чего усложнять, — пожав плечами, произнес Иван.

— Ты когда женишься, бестолочь, — вдруг ни с того ни с сего выдал Архип.

— Батя, опять? — Закатив взор, едва не простонал Карпов.

— Я те дам опять. Раньше Ирина мешала, а теперь-то что!? — Отпуская подзатыльник, едва не выкрикнул отец.

Больно же! Йолки! Иван подхватился, и с самым решительным образом, рванул к распахнутому окну. Что-то батю в этот раз, развезло по особенному. И ведь, теперь-то он его не воспринимает как постороннего. Близка ему стала вся семья, и ничего-то с этим не поделать. А раз так, то самая лучшая оборона это не мордобой, а бегство.

— Куда, песий сын!? А ну стоять! Пива налей.

— Драться не станешь? — С надеждой, поинтересовался Иван.

— Не стану.

— Ладно.

Иван отошел от окна, и подойдя к столу взялся за кувшин. Когда наполнил кружку, отец уже отсек путь к окну, и деловито снимал пояс.

— Батя, ты обещал, что не станешь драться, — выставив перед собой

руку, напомнил Иван.

— Так и не стану. Дерутся дланью, а как ремнем, вожжами али хворостиной, так это и не драка, а воспитание. Куда? А ну стой!

Ага. Щаз. Окно это конечно хорошо. Но Архипу не раздвоиться, а в комнате есть еще и дверь. Р-раз, и Иван уж выскочил в коридор. Столкнулся с испуганной и удивленной матерью. Отставил в сторону маленькую женщину. И стремглав бросился из дома. Погостил, йолки! Да он лучше не сеновале переночует. А там глядишь, очередной батин заскок и пройдет.

ГЛАВА 4

— Корчмарь! Вина и еды! Пся крев.

Шляхтич ввалившийся в корчму, был явно не в духе. А потому попавшемуся ему на пути пьянчужке досталось от всей широкой русинской души. От тычка кулаком мужик с грохотом отлетел в угол обеденного зала. Хм. Даже если русинский шляхтич едва мог связать пару слов на родном языке^[7], кровь она не водица. А уж норов, так и подавно.

Явно кипя от злости, шляхтич осмотрел всех присутствующих. При этом он старался заглянуть каждому из них в глаза, явно желая спустить пар. Для этого ему нужна была хотя бы маломальская зацепка. Но все посетители дружно сделали вид, что ничего не происходит, и в корчму вошел вполне достойный господин, имеющий все основания требовать к себе особого отношения.

— Пся крев, — на этот раз, недовольно буркнул себе под нос шляхтич.

Еще раз окинул помещение, но теперь уже ни в кого не всматриваясь. Что-то для себя решил, и двинулся напрямик к большому столу, у распахнутого окна. Четверо его спутников, вооруженных до зубов, двинулись следом за своим лидером.

Лето выдалось жарким, а потому стол оказался занятым. Купец, по облику и одеянию, сразу видно, что не из голытьбы. Чего никак не сказать о шляхтиче. Но торговец предпочел подняться, и отвесив почтительный поклон, переместиться за другой стол. Тут же появилась подавальщица, и переставила посуду вслед за согнанным со своего места посетителем.

А к шляхтичу и его спутникам тут же поспешил сам хозяин корчмы. Таких клиентов лучше ублажать. Даже если эта сволочь решит не платить. Тут ведь какое дело. Коли не заплатит, то оно конечно убыток. А коли учинит какой погром, так к убытку за угощение, добавится битая мебель и посуда. Да самому корчмарю достаться может. А еще, остальные посетители разбегутся, не уплатив по счету.

— Чего изволит пан? — Услужливо поинтересовался корчмарь.

— Пан уже все сказал. Вина и еды. Да поживее, — зло и в то же время, пренебрежительно бросил шляхтич.

— Кашу, щи или...

— Мясa! Пся крев! Много мясa! Пшел вон, — отвесив корчмарю пинка, завершил заказ посетитель.

— Базыль, остынь. Этот-то тут при чем, — усаживаясь напротив

лидера пятерки, произнес его товарищ, щуплого сложения и невысокого росточка.

— Крыштав, ты мне не указывай, что делать, — набычился шляхтич, отличавшийся куда как большей статью и крепким сложением.

— Остынь говорю, — ничуть не смутившись, и ничуть не выказывая беспокойства, произнес щуплый. — Хватит с нас твоих глупостей. До сих пор не мог понять, как мог дать себя уговорить на эту авантюру, — а вот это уже устало, и с нескрываемой досадой.

— Можно подумать, тебя на это дело силком тянули, — недовольно буркнул здоровяк Базыль, и тяжело вздохнул.

Остальные компаньоны наблюдали за этой ленивой пикировкой с совершенным равнодушием. Уже привыкли к тому, что эти двое вечно оспаривали друг у друга пальму первенства. У них это вообще с детства ведется.

Порой верх, а значит и высокий авторитет брал Базыль. Иногда, лидером среди соседских малолетних шляхтичей становился Крыштав. И если первый благодаря своей харизме, и самоуверенности, то второй добивался этого исключительно умом. Что же до владения оружием, то тут они шли ноздря в ноздю, не уступая друг другу ни в чем. Впрочем, благодаря именно этому-то соперничеству, они и умудрились занять несомненное лидерство среди соседской ребятни, которая теперь уже подросла и...

Н-да. В немало числе легла в сырую землю. Впрочем, пока только в сочную июньскую траву. И похоронят ли их останки по православному и католическому обряду, неизвестно. В лучшем случае могут сбросить в общую яму. В худшем, сбросят в реку или оставят на потраву падалыщикам. Хм. Проще конечно последнее. Все же, травить реку мертвечиной, неразумно. А трупов на берегу Великой предостаточно.

— Твоя правда, Базыль. В набег мен никто силком не тянул. Эту глупость я совершил сам. Поддавшись твоим уговорам. Как и остальные наши друзья детства. Не подскажешь, где сейчас Георгий?

— Крыштав...

— Я хочу только одного. Признай что прав был я, а не ты.

— Тебе от того будет легче?

— Помирать, чувствуя, что ты был прав, всегда легче.

— Типун тебе на язык, — не выдержал один из спутников.

— Ты чего, Адриян? Думаешь беду накличу? — Ухмыльнулся Крыштав. — Успокойся. Мы уже это сделали, когда пошли на поводу у нашей жадности. Ведь знали же, что все кто отправлялся пожить за

счет Карпова неизменно находили свой конец. Но не-эт, мы же самые самые. И каков результат? Чего молчишь?

— Крыштав, не трави душу. Дай перевести дух и поесть, — отмахнулся Адриян.

Н-да. Случилось это прошлой зимой. В их краях появился ротмистр Войнилович. Он собирал людей для одного дельца, на псковской стороне. Пограничные набеги, обычное в общем-то дело. Ну кого этим удивишь? Отмечаются в этом деле обе стороны. Иное дело, что в этот раз отряд набирался куда как серьезный. По всему выходило, что больше трех сотен. Две полные хоругви^[8]!

Оно бы наплевать и забыть. Большинство польстившихся нуждались в средствах, а плата за участие в деле была более чем щедрой. Крыштов же вполне умело вел свое хозяйство, и средств на то чтобы воспитывать двух сыновей, у него было вполне достаточно. И жена красавица, могла блеснуть не то что на светских приемах их повяты^[9], но и вполне достойно выглядеть в столичном обществе.

Вот только не судьба. Как только узнал, что соседи словно с цепи сорвались, засобирались в поход, так бросился их убеждать в глупости подобного предприятия. Да, Замятлино было на слуху. Да. За какие-то три года, тамошний пан Карпов серьезно поднялся. И товары его мастерских разлетаются как горячие пирожки. Одни только легкие коляски и кареты на мягком ходу чего стоят. А оружие, от его оружейников. Да за всем, что выходит из под рук замятлинских мастеров очередь чуть не до самой Варшавы и Москвы.

Три года. Всего лишь, три года, и на месте деревеньки из пары дворов, вырос самый настоящий пригород. Причем, по численности он был уже самым крупным. Нет, с Псковом ему не соперничать. Как ни крути, но там проживает порядка двадцати тысяч человек. Но лиха беда начало. Если пойдет так и дальше... Нет. Сомнительно. У Пскова слишком выгодное местоположение.

Н-да. В соседском огороде, яблоки всегда слаще, трава на его лугу зеленее, а поля у него урожайней, а скотина тучнее. Ну вот как такое стерпеть! Хм. И уж тем более, когда платят серебром вперед, и вся добыча, что будет взята в Замлятино, отойдет наемникам. А там есть чем поживиться. Даже если слухи о серебре на миллионы, преувеличены, есть там мастерские и склады, забитые дорогим товаром.

Но... Нет, Крыштав не подался уговорам Базыля. Еще чего! Просто не смог отказаться. Замлятино успело уже пережить несколько набегов. И

каждый раз Карпов огрызался настолько серьезно, что ни один из замахнувшихся на его удел в живых не остался. За ним уже закрепилась такая слава, что после похода в их повяте шляхтичи разделятся на тех, кто участвовал в этом деле, и кого там близко не было.

Ну не мог Крыштав позволить себе, остаться в стороне. Самолюбие заело. Потому как если бы он не сел в седло, то мог на век распроститься со своим лидерством среди соседей. Нет, он старался убедить друзей детства в том, что лучше бы им не лезть в это. Что данное предприятие может оторваться им настолько сильно, что они костей не соберут. Вот только, он не преуспел.

Все уже делили добычу, и прикидывали как распорядятся свалившимся на них богатством. Хм. Ну и пристраивали вполне реальное серебро. Причем не в польской монете. Шутка сказать, но рядовые бойцы получили по пятьдесят талеров, командиры по сотне. Кому-то этот Карпов серьезно так встал поперек горла.

Ну и еще один довод, на который повелся Крыштав. Более трех сотен проверенных в боях шляхтичей. Это не баран чихнул. Это настолько серьезная сила, что могла угрожать и пригороду. Плевать, что там населения куда больше. Было доподлинно известно, что Замятлино имеет только ров и вал. Ни о каких стенах там и говорить не приходилось. Словом, все было за то, что у псковичан нет шансов устоять перед такой силой...

Их встретили когда они только-только закончили переправу через Великую, в десятке верст выше по течению от Замятлино. Отправившиеся на разведку разъезды успели прислать гонцов с вестью, что никого не обнаружили. А потому появление вооруженной дружины было самой настоящей неожиданностью.

К тому же, насколько было известно у Карпова было не более сотни дружинников. А тут уж, каким бы ты удалым и славным воякой ни был бы, трехкратный перевес, он и есть трехкратный. Конечно у сборного отряда не было ни одной пушки. Но и в карповской дружине их вроде всего-то парочка. А это, так. Не серьезно. На деле же...

Сначала, лагерь на берегу реки накрыла артиллерия. Причем все говорило о том, что обстрел ведется из нескольких десятков орудий. И судя по разрывам гранат, весьма внушительного калибра. Грохот, огонь, дым, свистящая смерть, крики и стенания людей, ржанье лошадей.

Затем в наступление пошла пехота. Не менее, а возможно и более трех сотен. При этом они открыли огонь с такой дальней дистанции, что нечего было и мечтать достать их из мушкетов. Чего не сказать о псковичах. Это

было невероятно, но среди шляхтичей появилось множество убитых и раненых. А вокруг помимо осколков гранат, свирепыми шмелями жужжали пули.

На берегу Великой развернулось самое настоящее избиение. Ни о каком бое не могло быть и речи. Нет, нашлись горячие головы бросившиеся в кавалерийскую атаку. Вот только никто из них так и не сумел добраться до наступающих. Кто-то попытался сбить строй, и встретить противника плотными шеренгами и дружными залпами. Но их быстро выкашивала коса смерти, прицельного огня.

Третьи, сообразив всю тщетность сопротивления, поспешили переправиться на левый берег, и уходить домой. Вот только и это сделать было не так чтобы и просто. Бросившихся вплавь шляхтичей на том берегу уже встречали частыми и точными выстрелами. Вырваться удалось только единицам. И в их числе были Крыштав с товарищами...

— Послушай меня, друг Адрьян, и вы слушайте, — обратился он ко всем, при этом многозначительно взглянув на Базыля. — Домой нам никак нельзя. Навлечем беду на родных. О Карпове ходят страшные слухи, и я вам о том говорил. Тогда вы от меня отмахнулись. Сегодня уже знаете, что я был прав. Так что, поверьте, в покое нас не оставят. Нужно уходить как можно дальше. Подадим домой весть о том, что живы, и все. Думаю на несколько лет нам придется превратиться в скитальцев.

— Да ты думаешь, что говоришь? — Вскинулся Базыль.

— Остынь, — уже в который раз, одернул его Крыштав. — Однажды ты меня уже не послушал, и увлек за собой наших друзей. Да, я тоже отправился с вами. Но только чтобы вы не сочли меня трусом и недостойным вашей дружбы, — обведя взглядом остальных, продолжил он. — И как мне кажется, теперь имею право на куда большее внимание. Итак, кто со мной?

Оно конечно, шли бы эти сволочи лесом! Но, каково оно быть одиноким скитальцем. А они уже изгои. Или трупы. Тут каждый должен сделать свой выбор. И коли отправляться в неизвестность, то лучше бы иметь рядом крепкое и надежное плечо.

Трое спутников, с легкостью согласились сопровождать Крыштова. Кровь шляхетская она конечно спесива, но это вовсе не значит, что в их головах нет разума, а одно только больное самомнение. Судьба их отряда, доказала правоту друга детства, а значит и все остальное может оказаться правдой. Ходили слухи, что дружинники Карпова доставали обидчиков даже на порогах собственных домов. И хорошо как убьют только их, а ну как близким достанется.

Ага. Ну, насчет разума вывод несколько поспешный. Спесь и самоуверенность все же сделали свое дело. Подавальщица как раз поднесла поднос с большим блюдом мяса, парой кувшинов вина, и кружками. Базиль налил себе вина. Сделал изрядны глоток. Потом подхватил шмат горячего мяса, и с жадностью надкусил его. Пару раз шевельнул челюстями, проглотил и в упор посмотрел на Крыштова.

— Значит посчитать захотелось? Ну-ну. А что други, вы теперь после каждого неудачного похода станете прятаться как крысы? Ну не повезло нам. С кем не бывает? Военное счастье переменчиво. Сегодня ты на коне, завтра кропишь своей кровью землю. Ждать иного? Тогда незачем и в седло садиться, и с детства приучать свою руку к клинку. Для тихого житья достаточно только одной науки — как половчее прятаться за подолом у своей бабы.

Закончил Базиль, под одобрительный ропот товарищей. А и верно. Чего это их дружок тут панихиду развел. У всех случаются неудачи. Военное ремесло оно такое. Поэтому, позиции Базили стали резко укрепляться. Ничего. Избиение трех сотен шляхтичей псковичам никто не спустит. Вот бросят клич, и благородные рыцари еще наведут порядок у зарвавшегося соседа.

— Ты за словесами-то следи, — набычился Крыштов. — Никто не может уличить меня в трусости. А ты, так и подавно. И не смерти я боюсь, а того, что не смогу уберечь от лиха свою семью. Много слухов ходит о Карпове и его дружине, но все сводятся в двух вещах. Он всегда и все знает наперед. И это мы видели по той засаде, что он устроил. Его дружинники умеют биться, как никто другой. То, мы так же зрели. Есть еще и третье. Все до единого, кто отправлялся на Замятлино, нашли свою смерть. Хотите и это проверить на своих шкурах?

— А мы проверим. Так я говорю други?

— Так.

— Верно.

— Поглядим еще чья возьмет, — поддержали Базыля трое товарищей, чуть не в один голос.

Крыштов обвел взглядом присутствующих за столом. Они уже все решили, и переубедить их у него не получится. Ведь по сути, что он предлагает воинам, потерпевшим сокрушительное поражение. Спрятаться в самую дальнюю нору, и дышать через раз, чтобы ничем себя не выдать. Базиль же, пусть и явился в некотором роде, причиной их несчастий, все же предлагает реванш. И именно этого сейчас жаждет растоптанная гордость.

Ну а раз изменить уже ничего не получится. Оно конечно хотелось бы иметь рядом верных товарищей. Но раз так, то не след терять время. Вот только нужно подкрепиться. Поэтому он набросился на мясо, запив его всего лишь половиной кружки вина. После чего, рассчитался с корчмарем, и вышел на улицу. Надо бы еще и к станционному смотрителю заскочить. Весточку жене отправить.

Базыль же с товарищами предпочли задержаться. Приговорили еще кувшин вина. И уничтожили второе большое блюдо с отварной говядиной. Потом поднялись, и честь по чести расплатившись вышли во двор. Дух перевели. Пора и честь знать. Пыжиться, то пыжаться, не без того, но и понимание имеют, что чем дальше от границы, тем безопаснее.

Корчма располагалась при почтовой станции, на окраине довольно большого села. Здесь можно было и письма отправить, и лошадей сменить. Нет. Кабы под ними были их лошади, то они пожалуй не стали бы этого делать. Но так уж случилось, что в суматохе искать своих коней было уже некогда. Вот и похватали, что под руку подвернулось. А потому, и оставлять их не больно-то жалко. Лишь бы замена была равнозначной, а животные свежие, отдохнувшие. Что же до них самих, так они и несколько суток к ряду выдержать способны.

Они как раз выехали за ворота, когда вдруг раздались какие-то странные хлопки. Вот ни дать ни взять, ребенок какой забавляется в ладошки. Да только, грудь Базыля отчего-то вдруг взорвалась острой болью, в миг затопившей все его сознание. Последнее что он видел в своей жизни, это летящую ему навстречу землю. Дальше одна только тьма...

— Не расслабляемся. Контроль, — держа под прицелом видимую часть двора, приказал Григорий.

Потом скользнул к воротам, расширяя сектор обзора, и все время упирая баллон приклад в плечо. Он был готов начать стрельбу в любое мгновение. Однако надобности в этом пока не возникало. Позади слышались легкие хлопки. Порядок, с контролем управились.

— Не расслабляемся братцы. Должен быть еще один, — вновь заговорил Григорий. — Саня, Муром, проверьте конюшню и станцию. Если кто дернется, валите не спрашивая имени. Вы мне живые потребны.

— Ясно, — за обоих ответил Сашка.

А то как же. Ученые. Кого первым назвали, тот и за старшего. Ну, если не поступило никаких уточнений. Не смотри что им только по девятнадцатому годочку, а во взводе штурмовиков они только год. Натаскивали их упорно и всерьез. Это в линейных ротах тот бой у реки, случился впервые и боевым опытом его назвать сложно.

Штурмовики же в казармах не засиживаются. Так только, дух перевести. А то как же. Сами по себе что ли ватаги разбойные по всей Псковской земле, да по соседству извелись? Вот теперь тот опыт используют, гоняясь за шляхтичами.

— Митроха, за мной, — продолжал распоряжаться Григорий, беря направление на корчму.

Хорошо все же, что время полуденное, и постояльцев здесь быть не должно. Был небольшой купеческий караван, с охраной, но незадолго до появления беглецов отбыл. Так что, двор был практически пуст. А нет. Вон конюх появился, и тут же оказался на земле, сбитый Мурмом. Штурмовик ему что-то втолковал мужичку, и тот согласно закивал головой, насколько это было возможно. Потом сложил руки на затылке и замер.

Ага. В корчме какое-то движение. Нет, сквозь бычьи пузыри ничего не рассмотреть. Да и в открытые окна не больно-то видно. Помещение теряется в полутьме. Но зато отчетливо слышны, как испуганные крики, так и опрокидываемая мебель. Не иначе как имеется черный ход.

— Поправка. Митроха, занимай позицию у окна. Кого увидишь роняй на пол. Да шугани из револьвера, воздушку не воспримут. А я обойду корчму.

— Понял.

Обегая бревенчатое здание, Григорий уже потянул из кобуры кремневый револьвер, одновременно взводя курок. А вот и задний двор. Хорошо все же, что имеется высокий забор. Вон они четверо. По виду корчмарь, скорее всего подавальщица, и парочка завсегдатаев из села. Любителей приложиться везде хватает. Суется возле забора, не иначе как пытаются отодрать доску, и выбраться наружу.

— Всем стоять! Лечь на землю! Кому сказал! Ну! Или стреляю!

Хм. Стрелять не хотелось. Село-то оно вон оно, рядом. Кто его знает, какая будет реакция у селян. Они ведь тут через одного родня. А за родню принято стоять горой. Нет, понятно, что штурмовики отобьются. Но до сих пор удавалось не пролить ни капли лишней крови. А это хорошо для их облика в глазах соседей. Дурная-то слава быстро прилипает. А вот добрую зарабатывать приходится долго и по крупицам.

Стрелять не пришлось. Видать о дружинниках Карпова тут уже давно слухи ходят. А может еще и разговоры какие от шляхтичей слышали, пока те тут подкреплялись.

— Корчмарь, у тебя было пять шляхтичей. Из ворот выехало только четверо. Где пятый? — С явным акцентом, на русинском, поинтересовался Григорий.

— Дык, он раньше уехал. Энтим значитсЯ говорит, что дружинники из Замятлино их в покое не оставят, а потому бежать надо куда глаза глядят но только не домой. Потому как за семью опаску имеет. Те отказались. Ну он расплатился и был таков.

— Звали его как?

— Крыштав.

— Какого роду?

— Не ведаю, господин.

— Откуда они?

— Не ведаю, господин.

— А ты часом не врешь?

— Не-эт, как можно, — едва не дав петуха, поспешил с ответом корчмарь.

— Ну а кто они хотя бы были? Поляки, русины, литовцы, русские?

— Русины, — с готовностью произнес мужчина.

— Григорий Семенович, на станции сказывают, что один шляхтич раньше уехал. Куда, не ведают. Имени не знают, — тихо произнес подошедший с докладом Саня.

— Хм. Похоже правда. Ну и где нам теперь его искать? — Столь же тихо, произнес Григорий.

— Да никуда он не денется. Сыщем, — уверено заявил Саня.

— Некогда. Возвращаться надо. Этим пускай уже Кузьма Платонович занимается. Вот сыщет, а там мы и спросим. Все. Уходим. Корчмарь, считать умеешь? — Повысив голос, поинтересовался Григорий.

— Да, господин.

— Тогда считай до ста, и можете вставать. Да гляди, раньше встанете, всех перебьем.

— Понял господин, — как всегда поспешно заверил корчмарь.

Только для себя он решил, что лучше уж он посчитает до двух сотен. Так-то уж всяко куда вернее будет. И бог с ней, с кашей, что может пригореть. Не велика потеря.

* * *

Иван остановился окидывая взглядом псковский госпиталь. Здание бревенчатое, двухэтажное, с мезанином. Крыша довольно пологая, двускатная, крытая черепицей. С подачи Ивана, и при поставке им необходимого формовочного оборудования, с устройством печи, в Острове

появился черепичный заводик. Карпову от него перепадает только пятая часть прибыли. Но он вполне доволен. Главное, что производство заработало, и себестоимость довольно низкая, черепица выходит недорогой и востребованной.

Окна забраны в прозрачные стекла. Не местные. Из Англии доставили. Обошлись просто по грабительской цене. Ну да ничего. Укоротили хотелку англичанам. Не пожелали торговать честь по чести, решили урвать, ладно. Один раз урвали. В смысле конечно не один. Сколько лет везли сюда секло по цене хрусталя. Зато теперь лавочка закрыта. А не наглели бы, так еще бог весть сколько торговали бы.

Стараниями купца Ерохина старшего удалось сманить из Англии одного стекольных дел мастера. Снабдил его Иван деньгами, обеспечил оборудованием, изготовленным по заказу англичанина. Вот уже год, как он варит оконное стекло. Производство уже запущено на полную мощность, и сейчас строится стеклодувный цех, как обучаются и сами стеклодувы. Отсюда Карпову капает все та же пятая часть. И не сказать, что это так уж и мало.

С местным рынком конечно тяжко. Объемы достаточно скромные. Вон черепичный заводик, по сути не так уж и приподнялся. Ну сколько того населения в Псковской земле? Шестьдесят тысяч? А сколько из них людей состоятельных, готовых тратиться, чтобы себя показать? Правильно, мало, и они уже давно озаботились стеклом английским. Ну разве только на замену.

Вот сразу и ориентировали производство на экспорт. Причем львиная доля уходила как раз в Русское царство. Как впрочем, и основная масса карбида. Ацетиленовые светильники получили наиболее распространение именно в Москве. Ерохиных, кстати, никто преследовать не стал. Николай вполне справедливо рассудил, что коль скоро Иван утащил с собой оборудование, значит и продукцию выпускать станет. Из крупных же купцов он предпочитал работать именно с Ерохиным.

Словом сделали вид, что ничего особенного не произошло. Купец получил плату и обеспечил переезд, а кто, куда, и зачем то уже его не касается. Вот и идут на Москву товары из Псковской земли. И секло тоже и иная продукция.

К примеру, огнестрельное оружие. Завод сейчас производит десяток различных моделей. И добрая половина продукции уходит именно в Москву. Остальное расходуется в Европу. На гражданский рынок, разумеется. Ни одно государство не способно вооружать свою армию столь дорогими образцами.

Иван и не думал снижать цену. И даже наоборот, слегка задрал ее, дабы не вводить никого в соблазн. Эдак пожадничаешь, а потом получишь целую гору проблем в виде хорошо вооруженного противника.

Кстати, Карпов наладил серийное производство «бульдогов». Того самого револьвера с полноценным унитарным патроном. Само оружие стоило на пять рублей дороже армейского образца, с кремневым замком. Зато патроны выходили аж по двадцать копеек за штуку. Снарядить один барабан, рубль! Ага. Дороговато. Но и оружие предназначалось для богатой публики.

Под этот же патрон, на базе все того же револьвера, изготавливался и компактный карабин, с отстегивающимся прикладом, в результате чего получался вполне себе здоровый револьвер. Правда уже на шесть патронов. Модель куда удачнее, чем револьверный карабин с кремневым замком. У того был бич в виде прорыва газов, обжигавших руку на цевье. Здесь подобных недостатков не наблюдалось вообще.

Дорого. А уж по боеприпасам, так и вовсе песня. Но несмотря на это, карабин с унитарным патроном пользовался большой популярностью. Те кто могли себе позволить, предпочитали переплатить, и получить качественный и эффективный товар. К тому же, и снаряженные патроны хранились без проблем в течении нескольких лет. Впрочем, трудно удержаться имея под рукой столь занимательную игрушку. Обязательно пальнешь, эдак рублей на несколько.

Однако, несмотря на несомненные преимущества, сам Иван все же поостерегся делать ставку на этот револьвер. Носил с собой парочку, с парой десятков патронов в переметной суме. Но это только на всякий горячий случай. А так, предпочитал пользоваться армейские револьверы и карабин, с кремневыми замками. Жизнь она вообще способна преподносить сюрпризы, и эти образцы были куда предпочтительней на случай сложностей с боеприпасами.

— Здравия тебе, Иван Архипович, — почтительно поклонился мужичок в возрасте, прислуживавши при госпитале.

— И тебе здравствовать, Ермолай Пантелеевич. Как здоровье?

— А как оно может быть, при таком-то месте работы. В порядке. Вот только старость клятая. От нее лекарств наши эскулапы еще не нашли.

О как! Интересно, он знает кто такой был этот самый Эскулап^[10]? К примеру Иван узнал только в этом мире, из общения с Павлом.

— А что, Павел Валентинович у себя?

— Только что вернулся от больного.

— А чего же не отправил кого из своих помощников?

— Так, у боярина Севрюгова сынишка приболел, как не выказать уважение такому-то человеку.

— Поня-ятно. Ермолай Пантелеевич, тут за мной сейчас повозка подойдет, с гостинцами для вашего начальства. Ты уж прими все как положено.

— Даже не сомневайся, Иван Архипович.

Закончив разговор со стариком, двинулся дальше. Перед входом его как-то незаметно, обтек Ерема, и скользнул в дверной проем. Иван привычно сбавил ход, и дождавшись подачи сигнала, уверенно ступил в проем. Угу. Вот к примеру та же Лизавета или ее супруг вполне могут себе позволить обходиться без охраны. И кстати, обходятся. А он, будучи куда ниже по положению, вынужден все время держаться настороже, и помимо пары «бульдогов» под одеждой, еще и держать подле себя пару телохранителей.

Едва вошел в здание, как в нос тут же ударил знакомый больничный запах. Вот же! Вроде и фармакология отстает, и все больше используют различные настойки и отвары. Лекарства кое-какие конечно имеются, но только и того, что кое-какие. К примеру о хлорке тут и слыхом не слыхивали, а значит и полы ею никто не моет. Ну и много чего еще. А стоит только переступить порог, как сразу же больничкой пахнет. Или у него такая вот стойкая ассоциация?

Оказавшись в коридоре повернул направо. Тот упирался в дверь лаборатории. Ну а где ее еще устраивать-то, ка кне в госпитале? А вот слева дверь в рабочий кабинет местного начальства. Нет, табличка отсутствует, ввиду практической бесполезности. Что не удивительно, при повальной безграмотности большинства пациентов. Персонал, грамоте все же учили. Даже Ермолая Пантелеевича посадили за парту. А то как же!

— Здрав будь, Павел Валентинович, — получив позволение, ввалился в кабинет Иван.

— И тебе не быть моим пациентом, — в той же шутливой манере ответил Рудаков.

— Это что же, сразу в гроб что ли? — Делано возмутился Иван.

— Типун тебе на язык, — замахал руками лекарь.

— Сам не хочу, — заверил его Иван.

— С чем прибыл?

— Да вот, решил навестить. А за одно, доставил от Джека твой заказ.

— Уже сделал? — Явно обрадовался Павел.

— Все-о как заказывал, — заверил его Иван. — Колбы, пробирки,

стаканы и далее по списку. Причем в двойном количестве. И заметь, плату отказался брать категорически.

— Что так?

— А ты думал, как англичанин так и добра не помнит?

— Ну что же, ладно коли так.

В этот момент в дверь постучали, а затем в кабинет вошла молодая женщина. Темное платье, с белыми фартуком и платком, на котором красовался красный православный крест. Все же красивая униформа получилась у сестер милосердия. Простенько так и со вкусом. Хм. А может все дело в том, что очень похоже на форму девочек из детства Рогозина. Только бантов не хватает и юбка куда длиннее.

С другой стороны, все зависит от того, кто ту одежду носит. К примеру на Елизавете этот наряд был просто великолепен, подчеркивая как статность, так и плавность фигуры, с миловидным личиком. Вот так взглянешь, и залюбуешься. А еще появится учащенное сердцебиение, нервно сглотнешь, чтобы не дать петуха, если вообще заговорить сможешь.

— Здравия тебе, Иван Архипович, — прекрасно сознавая, какое впечатление произвела на Ивана, с лукавой улыбкой произнесла княгиня.

Вот же зар-раза! И когда она только успела настолько заматереть, чтобы так-то собой владеть. Да еще и с такой легкостью играть мужиками. Ведь вроде и не заигрывает ни разу, и сама скромность, а ощущение такое... Нет, если бы такой эффект наблюдался только у Ивана, то и бог бы с ним. Он стал ловить себя на том, что порой слишком много и подолгу думает о Трубецкой. Но ведь и Павел щерится во все тридцать два зуба.

Хм. А может это в нем ревность разыграла? И главное с чего бы. Ни словом ни полусловом Лиза больше не давала ему понять, что сколь-нибудь его выделяет в общем числе. То что кокетничает, это нормально. Это у всех женщин на произвольном уровне происходит.

Должны они ощущать что красивы, молоды и желанны, даже когда им за шестьдесят. Потому что если нет такого ощущения, то приходит разочарование и осознание потерянной жизни. И где им черпать ту уверенность, как не в глазах мужчин. Причем желательно не мужниных, а со стороны.

— И тебе здравия, Елизавета Дмитриевна.

Кстати, общество сестер милосердия было инициировано именно княгиней. Предложил-то его Павел, с подачи Ивана. А вот княгиня подхватила идею и развела самую что ни на есть бурную деятельность. Через Рудакова же, Карпов подсказал и идею с формой и ее эскизы. Остальное заслуга Лизы, которая оказалась прекрасной портнихой.

За прошедшие пару лет женщины и девицы поднаторели в деле оказания медицинской помощи настолько, что вполне были способны самостоятельно справиться с легкими случаями. Это касается и ран и заболеваний. А то как же! Теория, помноженная на практике, это великая сила.

Практика же в госпитале была богатой. Поначалу люди относились к бесплатной медицине с недоверием. Ну не могло быть такого, чтобы лекари, вот так-то бесплатно лечили. Не сказать, что молодые специалисты приезжавшие из университета так-то уж сильно ломили цены. Но во-первых, опыта у них пока никакого, и их лечение эффективным назвать трудно. Во-вторых, они отбывали повинность после академии. Здесь же трудились маститые медики, и излечивали от таких недугов, что казалось бы все, край пришел.

Сегодня, при встрече на улице с сестрой милосердия никто не заглядывает ей в лицо и не пытается определить качество материала ее платья. Благородная она там, из богатой семьи или простолюдинка, то никому не интересно, уважение ко всем одинаковое. А уж если самому довелось оказаться на госпитальной постели, так и подавно. Поэтому всем им без исключения уважительно кланяются.

— Что это, земля слухами полнится, будто литовцы ходили к тебе в очередной набег? — Поинтересовалась Лиза, присаживаясь на стул, напротив стола Павла.

— То правда, княгиня. Захаживали в гости, — подтвердил Иван.

— И как им твое угощение?

— Пришлось по вкусу настолько, что они решили остаться.

— Любишь ты гостей, Иван Архипович. Ох любишь, — погрозила на ему пальчиком.

Но было заметно, что ответом она чрезмерно довольна. А чего не быть довольным, коли вора́м пришедшим к тебе домой дали такой укорот, что и иным наукой будет. Лиза и сама не заметила в какой момент вдруг стала относиться к Пскову как к своему дому. Вот так, проснулась как-то поутру и представить себе не смогла, что когда-то сможет расстаться с этими краями. А ведь такое вполне вероятно. Ведь вече каждый год сызнова принимает решение, оставаться ли князю на столе в последующий год.

В этот момент дверь вновь открылась. Хм. Да нет. Пожалуй все же распахнулась, и в кабинет буквально ввалился князь Трубецкой. Такое впечатление, что он хотел тут застать какую-то только ему ведомую картину. Н-да. Чего уж там. Наверняка ожидал и вместе с тем боялся застать супругу в объятиях любовника. Это легко читалось по смеси

облегчения и разочарования одновременно, появившимся на его лице.

— Будь здоров, князь, — с легким поклоном, поздоровался Иван.

— Здравия, тебе князь, — Рудаков отвесил более глубокий, пусть и не раболепный, поклон.

А что такого? Это у Ивана привилегия, не кланяться низко даже государю московскому. И никто его ее не лишал. Может забылось, а может вопрос этот настолько серьезен, что решиться в одночасье, без доказательства вины никак не может. Ни следствия же, ни суда над Иваном не было. Трубецкой же, по сути подданный Николая. Вот так все заковыристо, и кучеряво.

— И вам здравия. Иван Архипович, что это поговаривают, что ты пять сотен шляхтичей в капусту порубал.

— Не пять, государь. А только чуть больше трех, — спокойно возразил Карпов. — Точнее сказать не могу, потому как какое-то число потонуло в Великой.

— А скольких твои штурмовики достали на литовской земле, тоже не ведаешь?

— Отчего же. До границы сумели добраться двадцать два человека, из них шестнадцать шляхтичей, остальные боевые холопы. В живых остался только один. Повезло, паразиту, вовремя отделился от остальных. Ну да ничего. Придет время, и его к ногтю придавим, — спокойным и размеренным голосом пояснил Иван

— Прошу простить, князь, мне там надо, — подался к двери Рудаков. — Привезли оборудование для лаборатории, принять бы.

Ага. Сообразил, что разговор может быть очень не простым. А оно ему надо. Ладно бы, касалось медицины, тогда бы его отсюда и пинками не выгнать. Но в разворачивающийся разговор он лезь не хотел. Тем более, что ему не впервой предоставлять свой кабинет для беседы этой троицы.

Угу. Так чтобы по отдельности они ни разу не беседовали. С одной стороны, Иван не желал провоцировать, пусть и ловил себя на том, что его отношение к Лизе претерпело весьма серьезное изменение. С другой, князь ревновал супругу и не на шутку. Ну и наконец была третья сторона. Вот такое недоверие, лишний раз подтверждало, что у этой троицы отношения далеко не простые, и ссора княгини с царем вовсе не на пустом месте и имеет-таки место быть.

— Ты хотя бы понимаешь, что можешь спровоцировать войну с Литовским княжеством? И хорошо как не со всей речью Посполитой.

— А что такого я сделал? Мне не надо было оборонять свой дом от бандитов?

— Оборонять? Ладно. А где пленные? Где раненые? А когда твои штурмовики добивали беглецов на литовской земле, ты тоже оборонял свой дом?

— Князь, о каких пленных ты тут вещаешь? — Начал заводиться Иван.

Плевать на княжеский титул. Иван уже и сам далеко не последний человек в Пскове. Вот уже год, как Замятино было не просто его вотчиной, но получило статус нового, тринадцатого пригорода Пскова. И Карпов был его представителем. Что с того, что он обладал только одним голосом, как и остальные пригородские? Зато, в отличие от остальных, они имели возможность присутствия на боярском вече. Причем попасть туда, они могли с куда большей вероятностью, чем тот же Трубецкой. Правда, при этом не имели равных с боярами прав.

— Кабы была война, то дело иное. Но ко мне домой пришли воры. Пришли грабить и убивать. За то и поплатились. В чем ты зришь мою вину?

— А ты ее не видишь? Ты побил более двух сотен благородных и около сотни их боевых холопов, и не видишь своей вины?

— Интересно. Я ить и не задавался вопросом сколько там было шляхтичей, а сколько холопов. Разве только в отношении беглецов. А ты вона как все ведаешь. Откуда князь?

— Ты на что намекаешь? — Вздрыбился Трубецкой.

— Я ни на что не намекаю, а просто задаю вопрос.

— Мужчины, может уже хватит, — не выдержав, раздраженно бросила Лиза. — Как бабки базарные. Бояре известить изволили, как и опасаются того, что война начнется. И заруби себе на носу, Иван Архипович, супруг мой уже многие годы несет на своих плечах груз княжеского стола, и не тебе сомневаться в нем.

— Прости княгиня, прости князь, — приложив руку к груди, обозначил поклон Иван. — Да только вор, он и есть вор. А боярин там, шляхтич или лесной разбойник, для того чей дом грабят, разница не велика.

— Разница-то не велика, — вновь заговорил Трубецкой, — да последствия могут быть разными. И сегодня, я вовсе не исключаю возможность военного похода литовского войска. Кабы ты просто намылил им холку, оказал помощь раненым, и потребовал выкуп за пленных, это все поняли бы и приняли. Но ты изничтожил всех, без разбору. А это уже пахнет войной.

— Ну так, нам это только на руку, — пожал плечами Иван.

— На руку? — Вздернул бровь князь.

— А почему нет? Я знаю доподлинно чьим серебром было оплачено то

нападение. Если будет затеяно следствие, то и доказать сумею. Надо же когда-то начинать ослаблять позиции литовской партии. Все так, князь, на этот раз постарались не москвичи. Боярина Аршанского работа.

— И что дальше? Людская кровь?

— А выхода иного нет. В прошлом году, на шведский престол сел Карл Двенадцатый, и он в отличии от своего батюшки, вовсе не горит желанием заниматься мирным реформированием Швеции. Напротив, с завистью взирает на русского царя, уже не первый год и довольно успешно ведущего войну с туками. Вот ничуть не сомневаюсь я в том, что он решит развязать войну. И тогда уж крови прольется куда больше.

— Карл Двенадцатый, мальчишка, шестнадцати лет от роду.

— Царь Николай в семнадцать отправился на Азов. А с шестнадцати был соправителем своего покойного батюшки, выказав при этом недюжинные способности и ум. Отчего ты в этом отказываешь шведскому королю, князь?

— Хм. К чему ты клонишь? — Явно заинтересовался Трубецкой, но никак не мог уловить суть.

— К тому, что сегодня я постараюсь свалить боярина Аршанского. Причем ни его одного. А лишить боярства весь род. Если сейчас война с Литвой под вопросом, то после такой потери в своей партии, великий князь Литовский непременно нападет. Или может навсегда распрощаться с намерением подмять под себя Псков.

— Насчет Аршанского точно?

— Никогда нельзя быть уверенным в чем-либо, абсолютно. Но возможность такова, что сорваться все может только при сильном невезении.

— И все же, это будет война.

— Причем заметить, наши новгородские братья, как всегда не станут спешить с помощью.

— И что с того. Так всегда было.

— Правильно. Но только в этот раз, по Псковской земле разлетятся слухи один краше другого, и неприязнь к Новгороду будет постоянно подогреваться.

— И тогда, потеряет свой авторитет и Новгородская партия, — помяв подбородок, заключил Трубецкой.

— Именно, князь. Зато на волне побед твой авторитет станет расти как тесто у доброй хозяйки. Оглянуться не успеешь, как бояре уже не смогут с тобой не считаться. И плевать какой они будут партии. Сейчас-то и москвичи не больно-то тебя жалуют. Но как только ты своротишь рыло

литовцам, все изменится. Всем скопом захотят тебя скovyрнуть, и умоются, потому как ничего не смогут поделать с людской волей.

— То есть ты решил вот так, единым махом, переворошить все устои.

— Не единым махом, князь. Мы к этому шли долгие три года. И делать за это время успели многое. И госпиталь, в котором великая княгиня лично обихаживает больных крестьян да посадских, не на последнем месте.

В этот момент, на смену монотонному тиканью ходиков на стене, пришел довольно громкий щелчок. Вслед за этим растворились створки, и из темного проема появилась кукушка, огласив всем, что минул очередной час.

Мите так и не удалось создать механизм кукования. Он его попросту подглядел у немецких часовщиков, разместив внутри своих часов небольшие мехи и свистульку. Но какая собственно говоря разница, если все работает в лучшем виде.

Мало того, в прошлую зиму в Замятлино был запущен часовой завод. Причем сразу на вполне серьезном уровне, с большим числом как работников, так и станков. Его продукция разлеталась как горячие пирожки. Сказывались и сравнительно невысокая цена, и исключительное качество товара.

Правда, сам владелец завода в настоящий момент все еще находился в Москве. Ему предстояло еще сдать выпускные экзамены. Так что, всеми делами там вертел Миронов Аркадий Серафимович. О как! Впрочем, батюшка его не далеко ушел. Стоит во главе всего большого замятлинского хозяйства. Какой уж тут кабальный. Ближайший соратник, и никак иначе.

— Время, — глянув на часы, произнес Иван. — Князь, — легкий поклон Трубецкому, — княгиня, — теперь Елизавете, — прошу простить, но времени вовсе нет. Нужно еще кое-куда поспеть, и через час быть на Соборной площади.

Проводив взглядом вышедшего Карпова, Трубецкой продолжал задумчиво смотреть на закрывшуюся дверь. Потом перевел взгляд на супругу, и вздохнул.

— Опять, — сощутив глаза в узкие щелки, прошипела Лиза.

— Бог с тобой, Лизонька, — как-то вяло, отмахнулся Трубецкой, и опустил на стул. — В верности твоей телесной сомнений у меня уж давно нет, — горестно улыбнулся и продолжил, — Только в сердечке твоём живет другой.

— Ох, Ванюша и какой же ты у меня дурачок, — поднявшись со стула и прижав голову мужа к груди, со смешинкой ответила Лиза.

— Смешной? — Не отрываясь от ее груди, и обдавая жарким

дыханием даже сквозь ткань фартука, платья и нательной рубахи, спросил князь.

— Ты у меня в сердечке, Ванюша. А под сердцем дите твоё.

Трубецкой не отрываясь от супруги, поднял лицо и взглянул снизу вверх в глаза жены. И столько в том взгляде было надежды, любви, заботы и готовности защищать свою ладу от любой напасти, что Лиза зарделась, и взъерошила его волосы.

— Ну чего глядишь? — Тихо, едва не шепотом, произнесла молодая женщина. — Второй месяц уж пошел. Надеюсь, что вторая будет дочка.

— Ты обещала, — поднимаясь, и подхватывая жену на руки, и закружив ее по комнате, возбужденно едва не выкрикнул князь.

— Окстись. Почему мне знать, кто там, — со смехом возразила она.

— Ничего не знаю. Обещала, делай.

— А ты стало быть к тому касательства не имеешь?

— Я другое, — упрямо гнул счастливый отец. — И да. Сейчас же собирайся домой. Нечего тут... — Он многозначительно мотнул головой.

— Ваня, ты давай особо-то не злобствуй, — щелкнув его по кончику носа, игриво возразила она. — Тяжесть, она чай не болезнь. Крестьянки эвон в полях рожают. А я тут ничего тяжелого и не делаю. Лучше о своем думай. Если Карпов исполнит то, что собирается, то литовцы точно придут с войной. Так-то они чают, что выйдет присоединить нас без крови. А когда поймут иное...

— То есть, гонишь меня из дому?

— Не я. Долг, гонит, — вздохнула женщина, и прижалась к нему, уложив голову на его могучее плечо...

За оставшийся час до полудня Ивану нужно было поспеть еще в два места. Причем оба располагались в разных концах Пскова. Город-то он конечно не так чтобы и велик. Но побегать предстояло изрядно. С другой стороны, едва только покинул госпиталь, как им овладел такой азарт, что энергия буквально была через край.

Успел он вовремя. Правда, с другим своим собеседником пришлось разговаривать по дороге на Соборную площадь. Ну да, ничего страшного. Главное результат. И коль скоро он был положительным, все остальное не имеет значения.

Вообще-то, по большому счету это были финальные переговоры. Иван попросту уточнял, приняты ли его условия, и поддержат ли его лидеры двух групп вечевиков. Все верно. Не только среди бояр имелись различные партии, со своими неформальными лидерами. Вече не было единым, но и тех кто сам по себе, не так чтобы много. Имелись свои авторитеты, к

которым прислушивались их ближайшие сподвижники.

Как правило, такие группы имели территориальное деление. Но нередко к ним приставали и соседние или из пригородов. Причины могли быть различными. Кто-то брал своим представительным обликом, и уверенным обхождением. К примеру, среди кузнецов, в большом почете были знатные мастера. Нередко объединение групп происходило по профессиональному признаку.

Вот именно на две последние группы Иван и решил надавить, дабы заручиться их поддержкой. Первая, кузнечный конец, к которому примыкало и два пригорода. Лидер кузнецов подумав пару месяцев после разговора, все же пришел к выводу, что Карпов вполне способен наладить массовое и дешевое производство различных металлоизделий, оставив кузнецов без заработков. А в качестве отступного, Иван обещал продавать псковским кузнецам металл, по заниженным расценкам.

С ткачами получилось еще проще. Иван представил им готовый усовершенствованный станок, и обещал наладить их выпуск, на достаточно выгодных для них условиях. Нет, станок не механический. Но более совершенный, с челноком самолетом, что минимум втрое повышало производительность. Но главное способствовало увеличению ширины производимого полотна. Что было особо ценным, при изготовлении парусов и выводило ткачей на новый уровень, с весьма востребованным товаром.

Иван конечно же не сомневался в том, что на него непременно последуют нападки. Пусть литовская партия и стояла за объединение с Великом княжеством, видеть на псковских землях пожарища войны в их планы вовсе не входило. Это ведь их дом. А кому нужно, чтобы разоряли его владения. Именно поэтому, они торопились покончить с тем, кого еще недавно поддерживали.

Н-да. Ну до тех пор, пока он не затеялся обустройством в Псковской земле образованием. В общей сложности им было запланировано четырнадцать начальных школ интернатов, по числу крупных населенных пунктов. С общим бюджетом в восемнадцать тысяч рублей. Бешеные деньги.

Через три года, когда начальные школы будут готовы выпустить первых учеников, должна была заработать школа-интернат в Замятлино. Кроме того, параллельно будет запускаться реальное училище. Постоянно растущему производству как воздух нужны были кадры.

Бюджет тут будет значительно крупнее, и учеников побольше. Причем последние будут проходить строжайший отбор и в прямом смысле этого

слова сдавать экзамены. Причем и держать их там никто не станет. Не справляешься, вперед, поднимать народное хозяйство дедовскими методами.

Кроме того, в самом Пскове должна была появиться еще одна школа смешанного типа. Часть учеников будут в интернате, другая на дневном обучении. Даже несмотря на то, что это заведение предназначалось для детей знати, обучение тут должно было быть совершенно бесплатным. Мало того, всем ученикам, и крестьянам и барчукам с бояричами, полагалась плата за обучение, десять копеек в месяц.

Новые учебные заведения должны были быть вполне престижными, дабы составить конкуренцию литовским, где иезуиты сворачивали мозги псковской молодежи. А потому, учителя для всех школ приглашались специально из Москвы. И на хорошее жалование.

Карпов намеривался вложиться в образование качественно и весьма солидным капиталом. Только само строительство школ должно было обойтись не в одну тысячу рублей. А ведь уже через десять лет, к тысяча семьсот седьмому году, в Пскове должен был появиться первый университет с несколькими факультетами.

Грандиозные планы? Возможно. А как еще можно было противостоять иезуитам? Эти змеи ведь планомерно и систематически сворачивали мозги псковской молодежи. Да, продвижение было достаточно медленным. Да, материал подавался неохотно. Но движение было и мировоззрение воспитанников коллегийумов постепенно менялось. И противостоять в этой борьбе за умы, можно было только точно таким же оружием, и никак иначе.

Да, дело затратное, и даже очень. Но... Организованное им производство давало достаточно средств. Хватало и на развитие промышленной базы, и выбранные направления медицины и образования. Он даже дружину в составе целого батальона содержал без финансового напряжения. Да что там, у него все еще оставался изрядный жирок. В кубышке уже собралось порядка ста пятидесяти тысяч, что составляло его нынешний ежегодный доход.

Кроме того, у бати дела шли более чем хорошо, и тот был готов помогать сыну, проникшись его устремлениями. Хм. Еще бы не проникнуться. Тот ведь не отступится. А коль скоро все так вышло, то не помешает и подстраховаться. Имелся кое-какой ручеек и от Демидовых. Но он пока только и того, что был слабеньким ручейком, и не более.

Так вот. Аршанский разгадав планы и намерения Ивана, решил поначалу уничтожить проблему. Причем нашел для этого поддержку в Литовском княжестве, пусть и пришлось выделять свое серебро на пару с

Пятницким.

Впрочем, с другой стороны, платил сам же Иван. Потому как бояре получили куда больший прибыток. А все благодаря отхожим промыслам своих крестьян, повадившихся сдавать Карпову руду. Законы в псковских и новгородских землях отличались от законов Русского царства. Если в последнем долг кабального был строго регламентирован, и увеличивался в строго определенном порядке.

У псковичей и новгородцев, угодивший в кабалу должен был уплатить ту сумму, которую означит кредитор. Стал зарабатывать больше? Ладно. Тогда вот тебе и увеличение оброка, чтобы жизнь медом не казалась. А о том чтобы выкупиться из кабалы, даже не мечтай. Хм. Как и меньше теперь уже не смей приносить.

Вот так. Иван-то думал, что поможет людям сбросить ярмо неволи, а на выходе, подложил им знатную такую свинью. Ну да, нет худа без добра. Теперь будет куда как осмотрительнее. И к сегодняшним нападкам боярина, он был более чем готов.

— ...Господин Псков, чего добивается Карпов? — Вещал Аршанский. — А ить все ясно как белый день. Заманит наших деток в свои московские школы и станет учить, что воля без Москвы и не воля вовсе. Да у него там и учителя все московские. А дружина? Для чего ему содержать такую большую дружину? Более трех сотен бойцов. И может ли он себе позволить такие траты? У меня сорок тысяч годового дохода. Сорок! Но я не могу позволить такую дружину. Значит серебро у него из московской казны. Змею мы пригтели у себя на груди, господин Псков, вот что я скажу.

Ага. Молодец. Вот как есть молодец. А главное, одобрение читается даже на лицах московской партии. Ну да, их понять можно. Во-первых, два предыдущих нападения были организованы именно ими. Во-вторых, уж они-то точно ведают, что за Карповым Москвы нет. Получается он сам себе на особицу, да еще и мешает московской партии. А значит, рвать его! И вся недолга.

Впрочем, не сказать, что Ивана это расстроило. Он изначально понимал, что на бояр ему рассчитывать не приходится. Он тут для всех чужой. Если поначалу еще способствовал обострению отношений Николая и Елизаветы, то сейчас уже превратился в помеху. Ну и ладно. Ну и не больно-то надо.

— Ты закончил, боярин? — Ничуть не смутившись, из толпы подал голос Иван.

— А тебе мало?

— Да откуда же мне знать, мало, иль много. Я просто спрашиваю.

Коли закончил вещать, то с позволения веча, я отвечу на обвинения. Коли нет. Вываливая на мою голову и остальные помои.

— Ты поначалу от этих отмойся.

— А то как решит вече. Ну что, господин Псков, позвольте мне ответ держать за всю ту грязь?

— Да чего ты вола за причинное место тянешь. Давай на помост, и разъясни честному люду, как до такой жизни дошел, — подал голос Лука.

Этот кузнец отнесся к Ивану я ярым недоверием с самого начала. Еще когда тот впервые, три года назад, появился на вече. И всем было ведомо, что раньше день станет ночью, чем Лука поддержит выскочку новичка.

И это было правдой. Но только до тех пор, пока Карпов не показал потомственному кузнецу, пусть и без подробностей, на что способны новые домницы. Да не провел его по мастерским, и не разъяснил, что может сделать уделом кузнецов только ремонт, да перековку лошадей.

Оно конечно куда предпочтительнее скovyрнуть его. А для того поддержать бояр. Но... Поддержка Карпова сулила выгоду. Займи сторону бояр, в лучшем случае удастся удержаться за старину. Вот только сомнительно, чтобы новичок этот вот так, за здорово живешь уступил боярам. Лука видел, врал тот в Замлятино качественно, основательно, на века. А потому и был готов поддержать его. Пусть поначалу и выглядело все как раз наоборот.

— Господин Псков, ну что я могу сказать. Лукавит боярин Аршанский. Доход его составляет пятьдесят тысяч. Да уж больно не хочется ему отдавать в подати еще две тысячи рубликов.

При этих словах возмущенный боярин рванулся было вперед, чтобы заткнуть наглеца. Хм. Вообще-то за такое оскорбление и на поединок вызвать не грех.

— Погоди, Никандр Лаврентьевич. Я ить не обвиняю тебя. Так, к слову пришлось. Только чтобы ответить насчет московского серебра.

В ответ на это вече зашумело, и потребовало подробностей. Боярину ничего не оставалось, кроме как осадить. Вообще конечно аргумент насчет невозможности подобных заработков, Аршанскому лучше бы не поминать. Но нужно же было как-то вернуть руку Москвы.

— Так вот, господин Псков, — продолжил Иван. — Все знают, что кузнец Лука, давно и крепко невзлюбил меня. Он бывал у меня в Замятлино, и видел как там поставлено дело. Спросите его, могу ли я заработать столько серебра?

— Лука, чего молчишь?

— Слово-то через губу выплони, к тебе ить честной люд обращается.

— Ну чего привязались? — Громко возмутился Лука. — Ну бывал я там, видел тамошние печи. Как не ведаю доподлинно, но железо там выделывают по иному.

— А в подтверждение того, что я не вру, пуская боярин Медведков, кой любовью к Москве не отличается, и ведает податями, велит принести податные книги, и сообщит вечу, сколько податей от меня поступает в казу земли Псковской.

— Ну чего воду мутишь? — Возмутился один из сторонников Новгорода. — Я и так скажу. Точную цифру не упомяну, но сорок тысяч точно.

— Сорок тысяч, господин Псков, — громко возгласил Иван. — Пятая деньга от дохода. И знать тот доход у меня есть, коль скоро в казну исправно вношу. С этим разобрались. Что до дружины, то согласно закона любой дворянин имеет право содержать либо боевых холопов, либо дружину, в числе по способности содержания. Но по первому требованию он должен представить своих людей под команду князя, или выступить в поход по его воле, и воле веча. Где я преступил закон?

— По закону все.

— Не преступил.

— Все по чести.

— Да, бог дал мне возможность заработать. Так что же, гневить его за это. Отчего не поставить школы, не пожертвовать на храмы и госпиталь? То дело богоугодное. Московские учителя не нравятся? А скажи-ка Никандр Лаврентьевич, коли я учителей из Литвы пригласил, ты поди не возражал бы?

— Литва нас под себя прогнуть не хочет, — подал голос боярин.

— Это тебе они рассказали, пока ты учился в их коллегииуме и университете? А вот мне мнится, что как раз прогнуть нас под себя они и желают. А еще и веру нашу православную у нас отнять.

При этих словах поднялся такой шум, что несколько минут невозможно было сказать ни слова. Карпов терпеливо ждал. Аршанский и Пятницкий из литовской партии, явно занервничали, что несколько обнадежило Ивана. Наконец, после длительного стояния Карпова с умиротворительно поднятыми руками, гвалт стих.

— Господи Псков, конечно можно сказать, что я вру. Но я готов доказать свою правоту. Пусть здесь и сейчас, боярин Аршанский достанет свой нательный крестик и покажет его честному люду. Коли на нем православный крест, я паду перед ним на колени и буду молить о милости. Да только не будет этого! Потому что боярин наш, католический выкрест!

Последнее Иван буквально выкрикивал, чтобы перекричать толпу. И видя испуг в глазах боярина понял, что угодил в самое сердце. Самый молодой из бояр, во время учебы в Вильно подался уговорам преподавателей настолько, что согласился даже не на униатство, а на принятие католичества. Причем это был не политический шаг. Молодой боярин принял католическое учение всем сердцем.

Ай да Кузьма! Ай да сукин сын! На руках паршивца носить, не то что сестру отдать за его сына. Надо же каков талант у мужика. За какие-то три года, создать довольно разветвленную разведывательную сеть. Причем не только в Пскове, но и за его пределами. Дорого. Но до последнего медяка оправдано.

На глазах Ивана и всего веча, сейчас рушился боярский род Аршанских в пяти поколениях. Нет, никто не станет судить его или отбирать у него имущество. Вовсе нет. Вече просто лишит его боярского звания. Уж это-то в силах вечевигов. А суд... Суд еще будет Позже. Будет знать как приводить на псковскую землю врага. А пока, хватит и того, что у него сейчас вышибут опору из под ног.

ГЛАВА 5

— Амалия, боже, ты меня с ума сведешь. Ну не могу я иначе, понимаешь ты или нет.

— Константин, что значит, не можешь? Ганс же не присоединяется к войску. Так отчего и ты не можешь остаться в стороне? — Возмутилась молодая женщина с немецким акцентом и годовалой дочерью на руках.

Ее пятилетняя сестра держалась за подол матери. Сын, сорванец, шести лет, уже убежал на конюшню, помогать собирать в дорогу отцовского боевого коня. Ну, или путаться под ногами конюха и оруженосца.

— Дорогая, Ганс по сути наемник, и состоит на службе в качестве коменданта пограничной крепости. Его никто и не зовет в поход. Но уверяю тебя. Если бы он получил приказ, то несомненно его выполнил бы.

— Костя, даже если ты решил забыть чем мы ему обязаны, вспомни о том, что случалось со всеми, кто отправлялся его грабить.

— Прекрати, Амалия. Ты прекрасно знаешь, что я не забываю ни добра, ни зла. И уж точно никого не боюсь. Но я ничего не могу поделать. Шляхтичи воеводства возвестили о конфедерации^[11]. Воевода собирает разрушение^[12] против Пскова. Пскова, а не Замятлино. Понимаешь? Я просто не имею права оставаться в стороне. И сам Карпов тут уже ни при чем.

Амалия в очередной раз ожгла мужа гневным взглядом. Потом тяжело вздохнула, и приблизившись положила ему на плечо свою головку, покрытую кружевным чепчиком. Острожский, притянув к себе головку дочки, поцеловал ее в розовую щечку, от чего ребенок забавно сморщил носик. Не иначе как из-за жесткой щетки отцовских усов. Потом погладил жену по голове. Когда же она подняла свое заплаканное лицо, двумя поцелуями осушил дорожки слез. Присел, перед Анной, и поцеловал ее в лобик.

— Богом заклинаю, Костя, будь осторожен, — перекрестив его, попросила она.

— Все будет хорошо. Ты просто жди и верь.

Задорно подмигнул жене, и решительно развернувшись, вышел в дверь. Острожский спешил так, словно боялся, еще немного, и у него не останется сил, чтобы уйти. Жену и детей он любил больше жизни, и ради них был готов не просто на многое, но абсолютно на все.

На конюшне его встретили конюх и оруженосец, с двумя верховыми и выючной лошаадьми готовыми к выступлению. По уже давно сложившейся привычке, Константин лично проверил состояние подпруги, ладно ли надето седло, не доставляет ли коню неудобств сбруя. В каком состоянии оружие.

— Ну что Михайло. Оставляю на тебя мать и сестер. Ты теперь в доме единственный мужчина. Береги их, — взъерошив светлые кудри шестилетнего сына, с самым серьезным видом, произнес Константин.

— Бей врага, батюшка. А о доме не тревожься, я тут за всем присмотрю, — с важным видом, заверил отца малец, от горшка, два вершка.

И-да. С тяжким сердцем шляхтич Острожский покидал свой дом. Хм. Свой, да не отчий. Не вышло у него удержать родительскую вотчину. Так уж случилось, что его поместье оказалось как бельмо на глазу у магната Гаштольда. Не из самых крупных и влиятельных. Но он над этим усиленно работал, прирастая землями и вассальными шляхтичами.

Вот и воспользовался сложной ситуацией, прижав Острожского в угол. Не так, чтобы у того не оставалось выхода. Но и выбора особо не было. Правда, после выкупа поместья, Гаштольд предложил Константину остаться в прежнем доме, в роли арендатора, с гипотетической возможностью впоследствии выкупить отчий дом. Да только, молодой шляхтич не верил в подобное.

А тут еще и шурин, сообщил о том, что в Вилякском повете продается за долги не такое уж и маленькое поместье. Разорившийся шляхтич, дело довольно обыденное. Правда, местный воевода, из немцев, проводил политику выкупа земель в первую очередь немцами. Но в случае с Острожским, решил принять его сторону.

Сыграла свою роль и просьба фон Ланге, бывшего у воеводы на хорошем счету. И то обстоятельство, что русинский шляхтич был женат на немке. А как известно, если муж голова, то жена это шея. Словом, Фелькерзам посчитал, что все вполне отвечает чаяниям немецкой общины. Опять же о Константине Ивановиче ходила слава как о славном воине и бывалом ротмистре, успевшим отличиться в последней войне с турками. И такой на границе будет совсем даже не лишним.

Вот так, три года назад, Константин с семейством и переселился на новое место. Да еще прихватил с собой все пять крестьянских семей, которым перед продажей успел дать волю. Больше в отместку ненавистному магнату, чем из доброго отношения к ним. Крепостные ведь являются неотъемлемой частью земли. А так, освободил перед сделкой

купли-продажи, и вся недолга. Хочешь, покупай. Не желаешь, было бы предложено. Цену же ты сам уже назвал.

Впрочем, надо признать, к крестьянам Острожский всегда относился хорошо. Еще батюшка говорил, что только у нерадивого хозяина скотина едва ходит, и светит ребрами. Добрый же, всегда следит за своей худобой, и содержит ее ухоженной. Вот и крестьяне требуют доброго ухода и заботы. Потому бывшие крепостные недолго думая и отправились вслед за ним, чтобы стать арендаторами в его новых владениях.

Пять семей арендаторов русин, да три крепостных латгальцев. Не сказать, что великое богатство. Но во-первых, он никогда не жил особо богато. А во-вторых, на круг получалось даже больше чем было прежде. Разве только по факту чужбина. Ну да, это для него. А вот дети уже прекрасно себя тут чувствуют...

К Виляку, сопровождаемый оруженосцем, Константин прибыл к вечеру этого дня. Сюда же стекались остальные шляхтичи откликнувшиеся на призыв об ополчении. Получив от воеводы звание ротмистра, и необходимые средства, Острожский сам должен был набрать свое подразделение. Обычная в общем-то практика. К тому же, в Виляке формировалось сразу две хоругви, большого состава. Набиралось по три сотни бойцов в каждую.

— Пан Острожский, — подойдя к нему, поздоровался его поручик.

— Пан Мицкевич, — изобразив учтивый поклон головой, поприветствовал его в ответ Константин.

— У нас все в полном порядке. Хоругвь полностью укомплектована. Есть даже желающие, которым мы уже вынуждены отказывать. Шляхтичи подходят даже из соседних воеводств.

Показалось, или в голосе Мицкевича послышались мстительные интонации. Да кой черт показалось! Все именно так и есть. Впрочем. А чего от него ожидать? Да он ждет не дождется, когда сможет отомстить за то избиение, что потрясло всю шляхту.

Случилось это два месяца назад. Большая хоругвь под командованием ротмистра Войниловича отправилась в набег на псковские земли. Обычное в общем-то дело. Не сказать конечно, что подобное происходит ежедневно, или систематически. Но все же случается. Вот только, убийство более двухсот шляхтичей и нескольких десятков оруженосцев не укладывалось ни в какие рамки.

Нет, если бы кто-то погиб в бою, кто-то от ран скончался, а кто-то угодил в плен. То все нормально. Есть кому выкупить, выкупят. Нет. Ну и будешь гнить в неволе. Дело-то житейское. Но эти псковские свиньи

попросту всех убили. Мало того, снарядили погоню за теми, кто сумел вырваться из той мясорубки. Пули убийц настигли беглецов даже уже на территории Инфлянтского^[13] воеводства.

Кто-то говорил о том, что это преувеличение. Иные свято верили в правдивость этого. Константин же точно знал, что это правда. Нет, дело тут вовсе не в выжившем Крыштаве. Просто Острожский был лично знаком с Карповым, и знал, на что тот готов пойти. Опять же, последний беглец, из самого первого набега на Замятлино, был убит у него на глазах.

Шляхта начала требовать отмщения. Но осталась неуслышанной. Начинать войну, у короля, да и у сейма в целом, не было никакого желания. Замятлино конечно лакомый кусочек, но не настолько, чтобы из-за него одного начинать войну с союзником Русского царства. Плыша едва только вынулась из затяжной войны с Турцией, чтобы влезать в другую.

А вот если сама Речь Посполитая окажется как бы и не при делах. То это совсем иное дело. И ведь была такая возможность. Шляхтичи Инфлянтского воеводства, усмотрев в том, что король не вступившись за своих подданных, нарушил их права, могли объявить о конфедерации и выйти из под воли короля. А тогда уж и самостоятельно объявить войну Пскову.

Формально, королевская власть останется в стороне. Да и великий князь Литовский получается непричастным, так как эта территория была под протекторатом как Польши, так и Литвы. А потому и предъявить им никто и ничего не мог. По существующим законам, к конфедерации могли примкнуть абсолютно любые шляхтичи. Мало того, и другие воеводства.

Но тут уж никто и никому воли давать не собирался. Магнаты прекрасно сознавали, что если в деле примет участие больше одного воеводства, то тут уж Николай наплюет на все. Быстренько замирится с турками, пойдя им на ряд уступок. А потом, навалится на Речь Посполитую. А уж если еще и договорится с обиженным султаном, которому пришлось кое-что уступить полякам и австриякам, то тогда и вовсе кисло станет.

* * *

— О-ох-х! — Как-то разом, и глухо вздохнула толпа.

Вот так сразу и не поймешь, что выражает это людское море. А вообще очень похоже на то, как реагируют зрители в цирке, на очередной

смертельный кульбит эквилибриста. У Ивана, пристроившегося у самых ворот, отчего-то промелькнуло именно это сравнение. Русь она конечно не иноземщина, но и тут казни можно счесть неким видом развлечения. А уж когда секут голову тому, кто еще вчера был всесильным, а сегодня превратился в ничто, так и подавно.

— Доволен, поди? — Послышался голос за спиной.

Иван обернулся, и окинул взглядом мужчину лет пятидесяти, с боярской высокой шапкой на голове, и в богато изукрашенном кафтане. Пятницкий смотрел на него хмуро, если не сказать зло. Эка его распирает-то?

Пару месяцев назад Иван нанес удар в Ахиллесову пяту его соратника по партии боярина Аршанского, который тайком перекрестился в католичество. И ведь не остановился на этом. Вече выволокло на помост всю его семью, и как выяснилось все они носили католические нательные крестики. Псковский боярин отрекшийся от православия...

Оно конечно, боярское звание в Пскове по факту уже давно было наследственным. Все к тому привыкли, и никто на это не обращал внимания. Но только не Иван. Именно он напомнил вечевикам о том, что звание это вообще-то присуждалось народом. И то было записано в судной грамоте. Просто о том успели позабыть. Так что, боярского звания лишился не только глава семьи, но и потомки его.

Хм. Впрочем, свято место пусто не бывает. Нашлись те, кто начал выкликать имя нового боярина Карпова. Нет, это конечно же были не стихийные выкрики, а очень даже проплаченные Иваном. Несколько выкриков, и разгоряченная толпа, почувствовавшая вкус своей власти, тут же подхватила этот призыв.

Так что, вместо того, чтобы быть привлеченным к ответу, на том вече Иван вошел в высшую иерархию республики. Причем, как бы и не сам туда стремился, даже упирался, мол не мое это дело, не умею, мне бы своему хозяйству ума дать. Но народ настоял, и силком вручил ему боярскую шапку. Кстати, не настолько высокую, как у москвичей, а куда как практичней.

Лишив род Аршанских боярства, Иван вовсе не собирался останавливаться. Незачем врагов плодить. Надо приучать бояться уже имеющихся. Ну и избавляться от тех, кто может быть опасен. Вот он и инициировал расследование по факту набега на Замятлино, к всеобщему удивлению представив в качестве свидетеля даже литовского ротмистра, Войниловича, командовавшего той хоругвью.

И вот сейчас Карпов наблюдал за логическим завершением этого

расследования. А чем еще могла обернуться измена. Вот если бы боярин сам со своей дружиной напал на Замятлино, тут было бы совсем иное. Спрос конечно был бы, но не столь строгий. Он же, по факту, привел в Псковскую землю иноземные войска. Так что, измена, и никаких гвоздей.

— Здравия тебе, Ефим Ильич, — изобразив почтительный поклон, поздоровался Иван.

В этот момент над толпой разнесся возбужденный рев. Палач как раз ухватил за волосы отрубленную голову Аршанского, и показывал честному люду.

— А вот я и не знаю, желать ли тебе здравствовать, иль проклясть, — зло выплюнул боярин.

Угу. Он ить только что лишился своего верного союзника. А еще, принял позор на свою голову. Уж не одно поколение их роды были дружны, не разлей вода, а тут... Словно предал, перед лицом опасности.

— Вот оно даже как, Ефим Ильич. А не пройти ли нам. Тут все одно уж ничего интересного не будет. Да хоть до трактира. Посидим, помянем раба божьего Аршанского, хоть и отступником он был, но господь милостив, глядишь и простит. Ну и поговорим малость. А люди наши поспособствуют, чтобы нам никто не мешал.

— А есть о чем говорить?

Ага. Сразу видно. Боярин подошел к нему только ради того, чтобы высказать свое «фи». Ну и обозначить для Карпова, что тот обзавелся серьезным врагом. Открыто и в лоб? Да тут нужно быть полным идиотом, чтобы не прийти к тому же выводу. Высказавшись же в лицо, можно было ощутить хоть какое-то облегчение.

— Поговорить всегда есть о чем, Ефим Ильич. И лучше уж беседовать, чем махать саблями.

— Ну что же. Пойдем, побеседуем.

Трактир располагался неподалеку. Буквально в полутора сотнях шагов. Место весьма приличное, рассчитанное на чистую публику. И по случаю казни, и всеобщего столпотворения на лобном месте, сейчас пустующее.

Боевые холопы Пятницкого и телохранители Карпова тут же взяли место под свою охрану. Ну и приступили путь во внутрь всем без исключения. Иван положил перед трактирщиком золотой червонец, и тот с легкостью проглотил все свое недовольство. Он конечно и так все снес бы молча, но при подобной щедрой оплате даже мысли нехорошей не допустил.

— Ну и о чем ты хотел поговорить? — Отпив из кружки холодного кваса, и удивленно кивая, признавая хорошее качество напитка,

поинтересовался Пятницкий.

— Хотел кое-что уточнить. Благодаря мне, вот уже три года, как доходы бояр и помещиков увеличились минимум на тысячу рубликов. Я честно плачу крестьянам за приносимую ими руду, вы исправно ту деньгу кладете себе в казну. А в благодарность нанимаете литовских шляхтичей, да еще и чуть не половину оплачиваете серебром, полученным от меня же. Не надо так удивляться, Ефим Ильич, я прекрасно знаю, сколько именно серебра выделил именно ты. Более того, моими стараниями о том никто не спрашивал Аршанского на допросе.

— И к чему тебе это? Взял бы да и убрал сразу двоих.

— Во-первых, не смог бы. Не достало бы сил. Ты ведь не Аршанский, даже если и принял католичество, то сделал это настолько тайно, что я так и не смог вывести.

— Потому что и выведывать нечего.

— Я тоже так думаю, младшего-то твоего, за норов и непокорность, секут в Вильно регулярно. Во-вторых, мне нужны не противники, а союзники. Напрасно, — покачав головой, и отпивая глоток кваса, возразил Иван на появившееся в лице собеседника выражение недоверия. — Ты Ефим Ильич достаточно прожил на этом свете, чтобы понимать, вчерашние враги, сегодня могут стать друзьями.

— А что же Аршанский? Он не мог стать тебе другом?

— Аршанский по натуре своей предатель. Он отрекся от веры, и полностью перешел на сторону латинян. Да еще и в орден их иезуитский вступил. А предавший однажды, предаст вновь. И в этом основная разница между тобой и покойником. Ты не предаешь ни союзников, ни Родину. Сторонники Москвы, хоть и противятся воссоединению с Русским царством, но в то же время, и особо возражать тому не станут. Глядящие в сторону Новгорода, спят и видят, как бы воссоединиться с соседом, потому как им это сулит несомненные выгоды. Аршанский, тот и вовсе считал, что русский мужик ни на что не годен, и им должны править умные латиняне. А вот ты всегда стоял за самостоятельный Псков. И батюшка Аршанского, дружок твой, придерживался твоих взглядов.

— Экий ты, всезнайка, — хмыкнул боярин.

— Всего знать никому не дано. Но да. Знаю я многое. Как и то, что два предыдущих нападения были оплачены сторонниками Москвы. Только говорить я сейчас хочу не о том. Ты весьма умный муж, Ефим Ильич, и прекрасно сознаешь, что в одиночку Пскову не выстоять. Новгород или Москва, попросту подомнут землю под себя. Литва же согласится и на вассальный договор. Чем положение той же Курляндии так-то уж плохо.

Вот только и это ты считаешь лишь меньшим из зол.

— К чему ты ведешь?

— А к тому, что я тоже за вольный Псков.

— Боишься, что случится присоединение к Москве, и сам угодишь под суд?

— Кто бы и что бы ни говорил, но между мной и княгиней ничего не было. И следствия мне опасаться нечего. Сбежал же я по двум причинам. Первая, не хотел оказаться на дыбе под горячую руку. Вторая, не желаю, чтобы кто-то вот так, за здорово живешь, мог схватить меня и бросить в узилище.

— Ишь каков, — хмыкнув, иронично бросил Пятницкий.

— Я псковский боярин, — пожав плечами, нарочито просто, возразил Иван.

— Кхм. Н-да. Уел.

— Пока еще нет. Кроме того. Еще несколько лет, и Псков сможет выстоять в одиночку хоть против всей Речи Посполитой, хоть против шведов или кого иного. И меч для того я сейчас кую.

— Ты о дружине своей?

— О регулярной армии, боярин.

— Армии?

— Именно. Конечно она будет небольшой. Но поверь, зубы у нее будут большие и острые. Причем настолько, что дадим от ворот поворот любому врагу. И ждать осталось недолго.

— С чего такие мысли?

— А ты не знаешь о том, что в Инфлянтii уже собирается войско, чтобы воевать Псков?

— Н-нет.

— О как. Не упредили значит. Ну да ладно. Сторонник, это ведь не союзник. Так вот. Сначала мы врежем по зубам Речи Посполитой. Затем нападдадим шведам. Уж больно горяч молодой Карл. Не усидит в своем Стокгольме. А уж потом и с Москвой договариваться можно. Но не о вхождении в состав Русского царства. А о союзе двух государств.

— А почему именно с Москвой?

— Потому что искать союза с Речью Посполитой глупо. Она сама долго не простоит, и бита была раз от разу. Шведы, нас за людей не считают. Новгороду тоже осталось недолго. При их подходе, они обязательно окажутся под чьей-то пятой. И при всей схожести нашего уклада, идти по пути Новгорода, я лично не советую.

В этот момент открылась дверь, и в обеденный зал вошел гонец. Судя

по изможденному виду, мокрому, покрытому грязными разводами лицу, досталось ему изрядно. Не иначе как скакал не жалея лошадей.

Псковская земля была достаточно богатой, чтобы иметь на торговом тракте почтовые станции, со сменными лошадьми от южных рубежей, до самого Ивангорода. Карпову оставалось только слегка приплачивать зрителям, чтобы там всегда была наготове свежая лошадь, которую бы по особому знаку предоставляли его людям. Не так дорого. Зато удобно. А вообще со связью конечно нужно что-то делать.

— Боярин, срочное послание от Кузьмы Платоновича.

— Спасибо, Леша. Жди на улице, — принимая запечатанное послание, ответил Иван, и тут же сломал сургуч. — Прости Ефим Ильич, но коли гонец так погонял.

— Читай, чего уж там, — махнув рукой, ответил Пятницкий.

Хм. А ведь жест... Ну как сказать. Чуть ли не свойский что ли. Казалось бы, только что, благодаря стараниям Карпова казнили его сподвижника, и он должен бы испытывать ненависть. Но, нет этого. Да и положила руку на сердце, не было с самого начала. Разочарование и злость на того, кто порушил десятилетиями установившийся порядок, это да. Но жалеть предателя Пятницкий не собирается.

И вот теперь, он похоже начинает присматриваться к возможно новому союзнику. Понимает, что в одиночку он конечно выстоит. Вот только добиться ничего не сможет. А просто жить, ему претит.

— Хм. Вот такие дела, Ефим Ильич, — складывая послание, с горькой улыбкой произнес Иван. — Войско числом в семь тысяч выступило в поход, и движется напрямик на Замятлино и Остров. Пойду, упрежу князя. Пора созывать ополчение.

— Ты ведь ждал этого, — вздернул бровь Пятницкий, удивляясь реакции Ивана.

— Ждал. Просто, тут такое дело. У меня всегда так перед дракой. Самое паршивое дожидаться начала, а там уж ни бояться, ни думать уже некогда.

— Это да. Ну что же, тогда пошли вместе. Чего удивляешься? Ты чай теперь не сам себе на особицу. Ты боярин, и тебе надлежит принять участие в совете бояр. А т-ты к-как думал, мил человек. И князь решение о сборе ополчения в одного принять не сможет. Ну да не тушуйся. Кабы мы телились как первотелка, то Псков уж давно сожрали бы. Но порядок должен быть во всем.

Вот так. Дает понять, что теперь они в одной упряжке, или хотя бы он присматривается к подобной возможности? Желает показать остальным

боярам, что ничего не изменилось, и он все так же в силе, да еще и союзника приобрел куда значимее прежнего? Очень может быть. Очень может быть.

С другой стороны, Ивана все устраивает. Ни к тому ли он и сам вел? К тому. Так чего же тогда пугаться, коли все пошло по намеченному пути? Хм. Ну, как-то уж больно легко пошло. Опаску вызывает. Л-ладно. Взял карты, играй. Только поаккуратнее надо. Поосмотрительней.

Как и предрекал Пятницкий, заседание совета продлилось недолго. А чего тянуть-то? Время военное. Опять же, на этот случай все и давно уж было предусмотрено. Пригороду к которому подступится враг, держаться до последней возможности и ожидать прибытия помощи. Князю собирать ополчение, и выдвигаться на помощь.

Н-да. Последнее все же дело не такое быстрое. Совет-то не рассусоливает. Но сбор ополчения по определению не может быть быстрым. Разве только боярские да княжья дружины. Правда, тут по определению много не получится. Пять сотен, и это все. Разве только собрать их можно уже в течении суток.

Сведения Ивана относительно направления движения противника ни у кого возражений не вызвало. Нужно было быть последнем профаном, чтобы предположить что-то иное. А потому Иван получил наказ совета, отправляться в свою вотчину, и держаться, до подхода псковской армии.

Ну и в Новгород слать гонца. А то как же! Союзники они или так, погулять вышли. Н-да. Тухленькие правда союзнички. Сколько раз их не призывали, никогда лишний раз не почешутся. Разве только доберутся уже до них самих. И это когда Псков всегда спешил им на помощь по первому призыву.

Покинув совет, Иван поспешил на пристань. Водой все быстрее получится, пусть и время уже к вечеру. Ничего страшного. Луна нынче стоит полная. На небе ни тучки, так что, под светом волчьего солнышка вполне можно дошлепать до Замятлино.

Не. Не на катамаране. Иван теперь ходит на весьма вместительной плоскодонке, с бортами обшитыми нормальной доской. Ну и гребные колеса по бортам имеются. А то как же! Вот только приводит их в действие паровая машина. Не сказать, что она отличается мощностью, да и суденышко движется где-то даже медленнее катамарана. Но зато вполне себе уверено, и способно увести за собой баржу, или там скажем грузовое судно.

Откуда паровая машина? Ну а как бы он устраивал приводы всему многообразному оборудованию в Замятлино. Вот и пришлось «изобретать»

паровую машину. Правда, первая получилась ну очень корявой. Как оказалось, он успел о многом подзабыть. Но ничего. За год сумел создать вполне себе рабочий агрегат. На суденышко поставил уже уменьшенную копию. Пароходик сейчас проходил всесторонние ходовые испытания.

Не обошлось и без трудностей. Псковский епископ едва не предал новинку анафеме. А и то, дымит, свистит и чухает. Хорошо хоть удалось умаслить духовенство солидным подношением. Оно ведь Иван и в Замятлино не церковь, но храм ставит. И в Пскове богоугодными делами занимается. Вот хотя бы на госпиталь жертвует ни в пример иным. И школы открывает в которых неизменно должно преподаваться слово божье.

Но, пришлось все же еще малость пожертвовать, на новую церковь в одной из псковских слободок. Солидно так, пожертвовать. С другой стороны, поддержка духовенства дело такое, но коем экономить ну никак нельзя.

* * *

— Ну ты как, ладушка? — Нависая над супругой эдакой громадой, и ласково ее обнимая, заботливо поинтересовался князь.

— Плохо мне, Ванечка. Господи, как же мне плохо. С Дмитрием было совсем не так, — уткнувшись лицом в широкую грудь мужа, едва не простонала Лиза.

— Так может тогда, и того. Дека у нас будет, — поглаживая ее волосы, с надеждой произнес Трубецкой.

— Вот только пускай не девочка, сама ее придушу.

— Его, — невпопад поправил Иван Юрьевич.

— Что? — Оторвав лицо от его кафтана, и устремив на него взор снизу вверх, спросила она.

— Я говорю, если не девка, значит сын, и придушишь, стало быть, ты не ее, а его.

— Ты о чем тут... О б-бо-оже, — Лиза зажала рот ладошкой и пулей выскочила из светелки за дверь.

Иван Юрьевич так и остался посреди комнаты, олицетворяя собой саму растерянность. А нет. Еще и немую панику. Ну искреннее сострадание, в ту же копилку. Мужчина умный, решительный, волевой, водивший за собой полки, и уже доказавший свою храбрость на поле боя. А тут... Просто, нет слов.

Наконец Лиза прекратила изливать содержимое желудка. Послышался

плеск воды. Не иначе как Анюта помогает госпоже умыться. Дверь вновь отворилась, и бледная Лиза вернулась к мужу. Впрочем, бледность практически сразу сменилась румянцем. Едва увидев представшую перед ней забавную картину, под названием растерянный муж, Лиза тут же рассмеялась.

— Выдохни, Ваня. А потом вдохнуть не забудь. И дыши, дыши. Ну чего ты, глупый. Судьба наша бабья такая. Что тут поделаешь. Так создателем предначертано. Фу-ух. Вот спасибо рассмешил, так и полегче стало. Может и дальше веселить будешь? Глядишь, в животе кроме непоседы той, еще хоть маковая росинка останется.

— Лиза, ты только скажи. Я... Я...

— Господи, да знаю, что ты, Ванюша. Знаю. Но тут уж ты мне не помощник. Все что мог, уж сделал, — подытожила она нарочито обвинительным тоном, вгоняя мужа в краску и еще больше этим веселясь. — Ладно о том. Лучше расскажи, что там на совете?

— Ну а что на совете. Все ожидаемо. Рассусоливать не стали, как и собирать вече. Чай не самим на ворога идти, а обороняться. Гонцы уж поскакали по пределам с вестью об ополчении. Кто от Острова к северу, собираются в Пскове. Кто с юга, в Вороничах. А далее, будем действовать по обстановке.

— А об ляхах что известно?

— Войско в семь тысяч. Половина пехоты. Учатся ляхи. Раньше считай одной конницей воевали.

— Угу. Или среди них хватает безлошадных, — не согласилась Лиза.

— Может и так, — не стал спорить Трубецкой.

— Далее.

— Ты прямо как начальник, — пошутил супруг.

— Я жена твоя, а значит опора. А как на меня опираться, коли я ничегошеньки не знаю. Не увликая, Ванюша, давай говори. Пока эта негодница опять не начала бунтовать.

— Да говорить-то особо нечего. При них десять полевых пушек. Двигутся на Замятлино и Остров. Но это ожидаемо. Даже если позабыть о жирном куске, Карповской вотчине, остается его дружина, которая уж показала, что недооценивать ее не следует. Я бы на месте ляхов тоже постарался в первую очередь известить именно этот отряд. Потому совет и решил, что Карпову надлежит садиться у себя в осаду, и ждать подкреплений.

— И как к этому отнесся боярин?

При этом вопросе, Трубецкой внимательно посмотрел на

пребывающую в задумчивости Лизу. Нет. Даже его ревнивое сердце не углядело сейчас ничего кроме деловитой заинтересованности и задумчивости.

— Да нормально отнесся.

— То есть, ни о чем не просил, не требовал, ни выдвигал условий. Вообще ничего?

— Просил только не задерживать его, де времени совсем мало.

— Вот значит как. Ай да Карпов. Ай да сукин сын.

— Ты это о чем, Лиза?

Между тем, пребывающая в задумчивом возбуждении княгиня не отдавая себе отчета, взяла со стола краюху хлеба, и откусила добрый кусок. Прожевала пару раз. Подхватила крынку с молоком, и запила, пустив по подбородку две тоненькие белые бороздки. Спихватилась, и быстро утерлась рушником^[14].

— Ваня, Сколько воев ты сможешь собрать до завтрашнего вечера?

— Вряд ли больше пятисот, — растерянно ответил тот.

— Верховых?

— Ну да. Тут моя дружина, да людей из боярских дружин. Ну может еще кого из купеческих да окрестных помещичьих сыновей. Но вряд ли больше шестисот. Я даже твоего Егора с его десятком в расчет не беру, потому как они все больше по матушке земле ходоки, а не наездники.

— Ага. Но эти-то шесть сотен в бою не оплошают?

— Нет конечно. Учения мы постоянно проводим, сама ведаешь. Но к чему ты это все спрашиваешь?

— Вот что Ваня. Нужно тебе как можно скорее собирать этот конный отряд и выдвигаться на Ляхов.

— Шестью сотнями, против семи тысяч? Смеешься?

— Нет не смеюсь. Я Карпова хорошо узнала, пока мое сердечко по нему стонало. Уж поверь мне, Ваня. Он за своих людей, и в огонь и в воду. И последнее что станет делать, это подвергать их опасности. А тут, что вытворяет. Ляхи к нему заявили, так он их под корень, да еще и за пограничным рубежом достал обидчиков. Нешто не знал, что разворошит осиное гнездо? Знал. И сам нам о том сказал. Мол показать гниль Новгородцев. Но те даже захотят стремглав прийти к нам на помощь, не обернутся быстро. Просто не смогут. Потому как им времени потребно даже больше чем нам. А тут еще и затеялся свалить Аршанского.

— Прости Лиза, но я что-то не улавливаю о чем ты? Мы ведь все это знали. Ну разве только Аршанский...

— Ваня, как ты не понимаешь? Вспомни, как Карпов получил

дворянство.

— Ну-у, отправился впереди войска, захватил и удерживал каланчи до подхода Николая с армией.

— Та, да не так. Для начала он изрядно потратился на снаряжение своей сотни. Выпросил у тетушки позволения нанять дополнительные десяток, и экипировал его полностью за свой счет. А сколько всего громыхающего, и жутко дорогого, он утащил с собой, это вообще отдельная история. И как результат, добился своего.

— То есть ты хочешь сказать, что все три года, он готовился к тому, что сейчас творится?

— Именно! — Ткнув в грудь мужа пальчиком, подтвердила она. — Он подготовился и фактически вынудил Аршанского начать действовать против него, начав сближаться с нами, и проводя политику в пику Литве. Р-раз, и он провоцирует ляхов на крупный набег, а ничем иным это не является, коль скоро воеводство находится в конфедерации. Д-два, и Аршанский слетает с игровой доски, а Карпов в одночасье становится боярином. Т-три, и пришедшее на псковскую землю войско оказывается разбито дружиной новоявленного боярина. Плевать ему на Новгород. Он добивается того, чтобы вече заглядывало ему в рот, и внимало каждому его слову, весом червонного золота. И госпиталь, и школы, и прием руды у крестьян, все это звенья одной цепи. С рудой он правда опростоволосился, но еще вывернется. Опять же, кроме крепостных, и вольные сдавали руду его приказчикам, и именно они, а не крестьяне, имеют голос на вече. Так что, не так чтобы и опростоволосился.

— Хм. Выглядит все очень даже стройно. Но с другой стороны, он ведь слуга Николаю, и значит все это нам на руку.

— Ты ничего не понял? — Вновь откусывая хлеб, и запивая его молоком, разочарованно спросила она.

— Что я должен был понять, Лиза?

— Да то, что он больше не в одной с нами упряжке. Он сам по себе. Чего так смотришь? Он верно служил московскому престолу, а его по первому огульному обвинению в кандалы. Плевать, на то, что потом разобрались, и решили использовать ситуацию в свою пользу. Он этого не забудет и не простит. Вот скажи, с кем он заявился на совет?

— Ну сидел он...

— Не сидел. Тут каждый сидит на предписанном ему месте. Пришел. Беседовал. Переговаривался.

— С Пятницким.

— Ефим Ильич ярый противник Москвы и Новгорода. Да по

большому счету он сторонник полной независимости Пскова. Не с нами Карпов. Да и не был никогда. Он сам себе на уме. И если он разобьет ляхов... А он разобьет, даже не сомневайся.

— С тремя сотнями стрельцов?

— У него был только десяток, когда он разогнал больше сотни башкир. Всего сотня, когда выстоял против атаки татарской конницы, и столько же, когда он положил в сырую землю больше тысячи янычар. Сейчас три сотни хорошо обученных стрельцов. Пушки, его эти, полевые мортиры, и недюжинные способности преподносить сюрпризы. Ваня, он сделает это, поверь мне.

— Хм. Получается, единственно что мы можем сделать, это выхватить у него славу, которая уже готова сама к нему упасть в руки.

— Не сама. Для этого он много трудился, не щадя руки и спины. Но выхватить ее нужно. Иначе, ситуация с присоединением Пскова к Русскому царству станет еще хуже чем была раньше.

— Л-ладно. Тогда, я дождусь когда ляхи завяжутся с карповской дружиной, и навалюсь с тыла. Никакая армия не устоит перед таким коварным ударом. Если Карпов решит разбить ляхов в чистом поле, а он должен пожелать именно этого, чтобы не подвергать опасности Замятлино, то я уже представляю где он сделает это. Извини, Лиза, но я пойду. Нужно еще очень много сделать.

— Стой.

— Что еще?

— Разошли гонцов собирать всадников, а за одно попроси бояр Офросимова, Севрюгина и Барановского прийти сюда, — перечислила она членов московской партии.

— К чему? Что ты еще задумала?

— Открою им глаза, и расскажу, что удумал этот хитрован.

— Это плохая идея.

— Да ты что? — Даже возмутилась она. — Я вовсе не собираюсь говорить о тайном. Просто преподнесу все в нужном свете, вот и все. Зато, почешут старички свои лысеющие головы, да не станут жадничать, выделяют тебе поболее своих людей. Глядишь, и не шесть сотен выйдет, а уже семь. И еще Ваня.

— Да? — С готовностью, откликнулся Трубецкой, восхищаясь прозорливостью жены.

— Если погибнешь в бою, домой не возвращайся. Я тебя сама придушу, — вновь прильнув к груди мужа, и шмыгнув носом, тихо произнесла она.

— Не волнуйся, ладушка. Когда так ждут, погибнуть невозможно, — зардевшись, и засияв как начищенный медяк, радостно ответил он.

— Ладно. Иди. Мне еще нужно собраться с мыслями, чтобы убедить бояр.

ГЛАВА 6

Василь в очередной раз взглянул на алый диск солнца поднимающегося над деревьями. Прислушался к ощущениям своего тела. Все одно к одному. И примета за то, что будет жаркий день, и пробежавшая по телу тоскливая волна говорит о том же. Не любил он жару. Куда лучше пасмурные деньки с не пролившимся дождем, ну или время от времени начинающимся и прекращающимся, так и не успев обильно смочить землю.

Ну а о какой еще погоде должен мечтать землепашец? Нет, то понятно, что род Василя от века шляхетский. И до объединения Литвы с Польшей, его предки были воинами, пусть и так же не гнушались пахать землю. Просто так уж сложилось, что жила его семья в обычной избе, да имела надел в шесть десятин пахотной земли, которую сама же и обрабатывала.

Правда, при этом Василь никогда не расставался со своей саблей. Оно и сынишку старшего учить надо. Что же за шляхтич, который не умеет обращаться с саблей. Ну и защита никак не помешает. Нет, не от лихих. Что с него брать, кроме неприятностей, чтобы грабить?

Зато если какой иной шляхтич будет проезжать мимо, то и не подумает выказывать пренебрежение. Так-то Василя с домашними от простых крестьян и не отличить. Сабля же, что на виду, сразу говорит, семейство это благородное. И тут дело такое, что хочешь, не хочешь, а выказывай уважение или готовься ответить за оскорбление на честном поединке. Будь ты магнат, с парой тысячей клиентов^[15] или безземельная голытьба, у которого только и того, что драные обноски да сабля, шляхтичи все равны. Так было, так есть и так будет.

Вообще-то, не сказать, что Василию так уж хотелось отправляться в этот поход. Война с турками ничем хорошим для него не обернулась. Нет, поначалу то даже очень. Целый воз добра набрал. Но потом так уж случилось, что пришлось все бросить. Своего-то оруженосца у него отродясь не водилось. Вот и пришлось договариваться с обозником. Когда же войско разбили, тот спас только свою повозку, добро же Василя бросил без раздумий. Так и вышло, что с чем шляхтич ушел на войну, с тем и вернулся.

На войну, он отправился во шляхетскому рушению. Не сказать, что без

надежды улучшить свое материальное положение, но все же без особой охоты. В этот же поход напросился сам. Еще и припомнил ротмистру о том, как рубился с турками. Оставил хозяйство на жену и старшего сына, коему уже пятнадцать, сел на единственного коня, и отправился в набег. Оно конечно, надо поставить на место одного зарвавшегося псковского боярина.

Но с другой стороны, ходят упорные слухи что у него серебра, на миллионы злотых. Нет, Василию столько не надо. Ему достанет и куда более скромной суммы. Хотя бы восемьсот злотых ^[16]. За эти деньги можно будет подправить и обновить инвентарь, прикупить еще одну лошадь и коровенку, ну и подлатать иные дыры в хозяйстве. Да, ста рублей вполне достанет.

Неплохо бы получить плату за службу, чтобы оставить семье. Но не получится. Набиравший хоругвь ротмистр сразу оговаривал, что поход полностью за счет шляхтичей, в расчете на добычу. С командования только провиант. Н-да. В этот поход вообще набирались по большей части бедные шляхтичи. И в основном русины. Пехота, немецкие наемники. Вот этим платили звонкой монетой. Но и права на добычу они были лишены.

Были конечно и состоятельные шляхтичи. Но полковник сразу оговорил, что те смогут присоединиться к делу, лишь отказавшись от собственного обоза. Обоз в войске Речи Посполитой, это вообще отдельная тема. Если у шляхтича был хотя бы маломальский доход, то он непременно отправлялся в поход хотя бы с оруженосцем. Если имелся достаток, то с прислугой, шатром, и вообще его скарб умещался минимум на паре повозок.

Полковник Савенок, справедливо рассудив, что они как бы отправляются не на войну. Им нужно поставить на место распоясавшегося боярина. Ну и за добычей, чего уж там. А значит и большому обозу в походе делать нечего. Максимум что могли себе позволить шляхтичи, это оруженосец и одна вьючная лошадь.

И по мнению Василя, это было справедливо. Ну к чему всяким там богатым неженкам браться за это дело? Отомстить за побитых братьев и придать суду зарвавшихся псковичей? Нет, оно конечно так. Но ведь и добыча тут стоит не на последнем месте. Да чего уж там, себе-то врать не надо. На первом. Ну и зачем этим богатым та добыча. Что для них не полная тысяча злотых? Так, мелочь.

Василь в очередной раз осмотрел свой взвод. Три десятка шляхтичей. Все из бедных родов. Собственно именно поэтому и оказались в легкой

кавалерии, а не в гусарии^[17]. Экипировка крылатых гусар стоит немалых денег, и позволить себе служить в ее рядах может далеко не каждый.

— Ну что, други, пошли, — подбадривая как товарищей, так и себя, громко произнес Василь.

— У-ух-ха! — Возбужденно ответила ему три десятка глоток.

Василь дал шпоры коню, и двинулся к броду через пограничную реку. Надобности в мосте тут никакой. Речушка легко преодолима даже в половодье. Разве только приходится преодолевать довольно обширный разлив. Но в остальном никаких особых трудностей. Грунт тут песчаный, а потому и грязи особой нет. Мокрый и слежавшийся песок вполне сносно держит колеса повозок. Правда, каково оно будет, когда тут прокатятся сотни колес, оно непонятно. Но это не его проблема.

Двигаясь передовым дозором, они довольно далеко отделились от основных сил. Ничего удивительного. Польская армия, даже состоящая из одной только кавалерии, весьма медлительна. И причина все в том же обозе. Потому как скорость движения армии определяет самая медленная повозка. Ну а, при наличии большого числа пехоты, так и говорить нечего.

До Замятлино неполный дневной переход для конницы. Ну или полуторадневный для пехоты. Вот только для войска с совершенно другим подходом к формированию и иными требованиями. В данном случае, будет большой удачей, если они сумеют добраться до Великой хотя бы за двое суток. А там еще и переправа через эту большую реку.

Но с другой стороны, для Василя ничего нового. Так было всегда. И никакого отторжения или недовольства он не почувствовал. Дело-то привычное.

Они как раз проезжали очередную березовую рощу внимательно вглядываясь в редкий подлесок. В этот момент Василь вдруг услышал частые легкие хлопки, едва различимые сквозь шум листвы. Он даже не понял что это. Не похоже не на арбалет, ни на лук, вот только грудь отчего-то взорвалась огненной болью.

Едва слышно прохрипев проклятье, шляхтич схватился за грудь и сполз с седла. Василь еще какое-то время слышал заполошные выкрики. Ржание лошадей. Стенания и проклятья. А затем пришли темнота, покой и осознание окончания бренного земного пути.

— Поворачивайтесь парни! Живее! Андрей, — Григорий окликнул командира первого десятка, и указал рукой в то направление, откуда появился дозор ляхов.

Десятник только кивнул, обозначая, что команда понята, и увлек за собой своих людей. Штурмовики, обряженные в лохматые одежды, с измазанными сажей лицами, походящие на каких-то страшил из детских сказок, скользнули за Андреем, выдвигаясь навстречу основному войску. Их дело, прикрывать товарищей, пока они разбираются с пленниками и трофеями.

— Контроль! Муром, Сашка, подберите мне парочку для беседы, — продолжал раздавать команды командир роты штурмовиков.

Есть такое дело. Помимо трех стрелковых рот, минометных и пушечной батарей, Карпов озаботился и формированием отдельной роты штурмовиков. Правда по численности в ней было только сорок шесть человек. Командир роты, два командира взвода, пара взводов по двадцать человек. Ну и трое нестроевых, старшина, каптенармус и повар.

Костяком роты являлись соратники Григория еще по азовскому походу. Они все без раздумий покинули царскую службу и пошли за... Нет, не за Карповым. За Григорием. Потому что именно с ним делили все тяготы, и рисковали своими жизнями.

Кроме них, нашлось еще пятеро из линейных взводов. Эти как раз пошли за своим сотником, и приняли самое деятельное участие в создании стрелкового батальона и минометной батареи. Нет, не даром Иван делал ставку на молодых и не обремененных семьями. Как впрочем делает и сейчас. Самому старшему из рядового состава едва исполнилось двадцать лет.

— Ну что, голуби мои ясные, русскую речь разумеете? Ладно. Я не гордый, могу и на русинском, — пожимая плечами, и переходя на означенный язык, произнес Григорий. — По какому маршруту движется войско? Цель наступления?

— И к чему нам о том говорить? Вы же все равно нас убьете, — сплюнув под ноги Григория кровавую юшку, произнес один из пленных.

Ну а какой он еще должен был сделать вывод глядя на то, как добивают его товарищей. Опять же, репутация за замятлинцами закрепилась особая. Так что, ничего хорошего им ждать не приходилось.

— Убьем конечно, — не стал возражать Рыбин. — Но ведь и умереть можно по разному. Одно дело, быстро. И совсем иное, когда тебя режут на ремни. Итак, кто из вас начинает говорить, тот умирает быстро. Кто станет артачиться, долго и мучительно, — перекладывая воздушку на стиб левой

руки, произнес Григорий.

Ага. Репутация она дорогого стоит. Поверили сразу и бесповоротно. Не сказать, что начали говорить наперебой. Но разговор все же сложился. Да и не поведали они ничего нового. Так, только подтвердили то, что и без того было известно.

Штурмовики уж не одну ночь лазают вокруг войска собиравшегося близ Виляки. Языков не брали, чтобы никого не всполошить. Но достаточно и просто послушать о чем там говорят караульные по периметру лагеря, коротая ночные часы у небольшого костерка.

— Саня, срежь кусок бересты. Да подбери почище, — приказал Григорий, глядя, как относят в сторону тела убитых.

Вообще-то, как показывает личный опыт, чем больше раненых в войске противника, тем лучше. Ну не добивать же своих. Им нужно оказать помощь, или организовать их эвакуацию в тыл. А как следствие на это приходится отвлекать дополнительных людей, причем совершенно здоровых. Даже если это обозники. Вот только не тот случай. Потом, да. Но не сейчас.

Итак. Тут практически все. Трофеи так себе. Ценности особой не представляют. В лавке их примут за сущие копейки. Если только среди клинков попадется какой знатны. Но то нужно смотреть отдельно. Самое ценное это лошади и седла. И уж тут-то они постарались, чтобы ни одна животина не пострадала.

* * *

— Господин ротмистр, вы должны на это взглянуть, — едва не выкрикнул подскакавший к Острожскому, молодой шляхтич.

— Что там еще случилось? — Поинтересовался Константин, прищипывая коня.

— Там наш дозор.

— И что эти бездельники решили привал устроить? — Наблюдая за тем, как всадники его хоругви останавливаются сиюсь понять в чем дело, вновь поинтересовался он.

— Вам лучше самому взглянуть, — гнул свое юноша.

Наконец они обогнали колонну, и оказались во главе. Н-да-а. Дела-а. Острожский замер, перекаывая от злости желваки на скулах. С-сволочи! Ну дай только бог, отольются еще вам материнские слезы.

— Скачи к господину полковнику. Да смотри там, загадками не

разбрасывайся. Говори как есть, четко и ясно. Да побыстрее оборачивайся. Мне нужно знать, пожелает ли он взглянуть на это самолично. Крыштав, — позвал он своего заместителя, едва юноша пришпорил свою лошадь.

— Я здесь, господин ротмистр, — сразу отозвался тот.

— Озаботьтесь могилами. Вон на той проплешине.

— Слушаюсь.

Нет, шляхтичи копать могилы не станут. Даже при том, что большая часть из них, трудится не меньше обычных крестьян. Есть обозники и оруженосцы, вот пусть и работают. Шляхтич же сел на коня для войны. Ни больше и не меньше.

Впрочем, меньше всего Константин сейчас задумывался об этом. Его взгляд был прикован к трем десяткам убитых шляхтичей. Тех, кто отправляясь в этот поход, доверился его опыту, и лично ему. Тех, с кем ему уже доводилось воевать против турок.

Василь. Горемыка с храбрым сердцем, и воинским талантом. Если бы в Речи Посполитой была регулярная армия, то ему там самое место. Но коронных войск совсем немного, и они попросту не способны вобрать всех желающих.

Н-да. Их не просто убили. После этого их тела посадили на дороге в некоем подобии строя колонны по четыре, лицом в сторону приближающейся армии. К четверым в первой шеренге была прикреплена большая полоса белоснежной бересты, по которой угольком на польском и русинском была написана одна фраза. «Вас сюда никто не звал».

— Что тут у вас? — Поинтересовался подскакавший полковник Савенок.

— Я подумал, вы захотите это увидеть, — глухо ответил Острожский.

— Уже увидел, ротмистр, — сквозь зубы процедил полковник. — А теперь освободите дорогу. И... Вот эту бересту, доставьте в мой штаб. Я забью ее в глотку написавшему это.

— Слушаюсь, господин полковник.

Хм. Не звали, значит. Л-ладно. Но они уже здесь. И кое-кому придется сильно пожалеть об этом.

* * *

Сашка Редькин сидел так уже битый час. Устал и затек дальше некуда. Вот так сиди в неглубокой яме в три погибели, и костери себя любимого. Лень ему вишь ты было выкопать окоп полного профиля. Тут ведь не

просто откопать, но еще и землю нужно отнести в сторону, да разбросать. А то, мало ли, пустят по лесу боковое охранение, те и нарвутся на свежевынутую землю. А оно ему надо?

Как ни крути, а их сейчас тут только двое, и на чью-либо помощь рассчитывать не приходится. Оно ведь по сути плевать, что двоих отправь, что десяток. Случись начать отбиваться всерьез, и все. На штурмовиках можно ставить крест. Поэтому тут работает только одна тактика. Нашкодил, и бегом подальше в лес. И чем быстрее, тем лучше.

Н-да. А ведь боковое охранение ляхи не пустили. Зря выходит корячился с землицей. Но то что никто по лесу не пошел, оно и к лучшему. Штурмовики конечно постарались замаскировать и картечницы, и бечевки, что идут к спусковым механизмам. Но даже при недостаточно внимательном осмотре, обнаружить их все же возможно. И Ахиллеса пята тут как раз бечевки, а не сами заряды.

Что за картечницы такие? Нет, это не пушечки. Во всяком случае, не в прямом понимании этого слова. Полый деревянный чурбак с зарядом пороха и картечи. Пружина, ударник, механизм его удержания, боек из гвоздя и капсуль, что ладят для снарядов. Все. Наводишь туда, куда должна полететь картечь. Закрепляешь чурбак. Настораживаешь ударник и ждешь.

Когда надо дергаешь за бечевку, и происходит толи выстрел, толи взрыв. Порой чурбачок просто отбрасывает в сторону. Порой разрывает. Но картечь неизменно устремляется в заданном направлении. Правда при этом расходится куда быстрее и шире, чем при стрельбе из пушки, но это даже хорошо. Потому что уже через десяток саженей серьезно навредить она уже не может.

Нужно разом задействовать несколько картечниц? Просто соединяешь их между собой бечевками, и порядок, все сработают по цепочке. И именно такую схему сейчас и применяют штурмовики.

Конница наконец прошла. Бить по ним, нежелательно. Во-первых, у всадников плотность низкая, потому как сами лошадки очень даже немаленькие. Во-вторых, туши животных примут основной удар картечи. Словом, даже с учетом того, что по обеим сторонам дороги выставлено два десятка картечниц, потери выйдут довольно скромными. Совсем другое дело когда речь идет о пехоте. Тут уж строй куда плотнее.

И сейчас сквозь ветки, покрывающие его укрытие, он как раз наблюдает движущуюся по дороге пехоту. Следом, с небольшим интервалом, еще одна рота. Идут довольно плотно. Ну да, ничего удивительного. Они же только в самом начале. Всего-то с пяток верст отошли от границы. Ни усталости, ни натертых ног, пока не наблюдается.

Потому и не растягиваются. Вот еще через пяток верст, картина уже изменится. Ну да их еще нужно пройти.

Сашка мелко перекрестился, прося прощение у Господа, за то что собирается совершить, но не испытывая и тени сомнений. Да, лишать человек жизни дурно. Но кто же ему виноват, коли он идет в твой дом с оружием в руках. Намотав бечевку на ладонь, впился взглядом в сержанта идущего во главе строя. Вот он поравнялся в примеченной сосной. Рука резко дернулась вниз, и через удар сердца. Б-бах! Б-бах! Б-бах!..

Оглушительные хлопки все еще звучали, заволакивая лесную дорогу молочно белым пороховым дымом, когда Сашка отбросил маскировочный плетень. Ох, йо-ожики курносые! Это он изрядно так затек. Да е не сумел с первой попытки выскочить из укрытия. Вон в стороне Муром, уже не только выскочил, но и припустил вглубь леса, бросив мимолетный взгляд на Сашку.

Тот в свою очередь, только ободряюще махнул рукой, и со второй попытки выскочил из окопчика. В ляду! В следующий раз нипочем не станет лениться. Служба у них такая, что разок расслабишься и все. Хорошо как сыщешь быструю смерть. А как попадешь в руки живым? Вот уж в чем не сомневался, так это в том, что в руках у ляхов умереть быстро для него будет ну очень мудрено.

Тело восстановилось довольно быстро. То ли от волнения кровь быстрее заструилась по жилам. То ли получилось ее разогнать движением. Не суть важно. Главное, что уже через десяток шагов от онемелости не осталось и следа. Зато воздуха явно не хватает. И как такое возможно. Ведь сколько бегали на тренировках, и за беглецами гонялись ни раз.

Они лошадей только в трофеи брали. Даже снаряжение и то на себе доставляли на место. Если только командование специально под это дело выделит людей с вьючными лошадьми или повозками. А так, все только на себе. И всадников преследовали на своих двоих. А тут, задыхается и все. Не иначе как переволновался.

Но как бы он ни был возбужден, топот ног и возбужденные выкрики все же расслышал. Причем бегут не просто куда-то. А целенаправленно, за ним. Ага. Та задержка похоже аукнулась и его, несмотря на лохматку, все же заметили. И что самое паршивое, явно нагоняют. Среди немецких пехотинцев нашлись охотники? Очень может быть. Война, она куда выгоднее охоты. И уж тем более, если речь идет только об одном единственном походе. Так отчего бы и не подзаработать.

Не уйти. Сашка ощутил это совершенно явственно. А раз так, то лучше уж встретить врага грудью, а не подставлять ему спину. Редкин

резко остановился, проехав по мягкой земле и вздыбив ее словно соха. Разворот, и упасть на колено. Вот не знает кто додумался крепить на штанах кожаные наколенники, но был благодарен безмерно.

Баллон приклад уже уперся в плечо. До ближайших кустов шагов двадцать. Вот они раздались в сторону, и из них показался высокий, худощавый мужчина. Мозг как-то отстраненно отметил, что Сашка не ошибся, и этот действительно немец.

Хлоп-п!

Глушитель сработал как надо. Штурмовик даже не услышал выстрела. А может он не услышал бы сейчас и выстрел из обычного мушкета. С такой силой пульсирует в висках кровь. Наемник как-то нелепо взмахнул руками, запнулся, о полетел кубарем на землю. Не теряя времени, парень потянул на себя курок, одновременно основанием ладони левой руки сдвигая в сторону затвор, и выхватывая из магазина новую пулю.

Новый противник, появился пусть и ожидаемо, но тоже неожиданно. Впрочем, несмотря на это Сашка не растерялся и нажал на спуск, одновременно сознавая, что промахнулся. Преследователь каким-то невероятным образом почувствовал опасность и успел среагировать, пригнувшись и наподдав, ломясь вперед как атакующий секач.

Перезаряжаться или сделать еще что-либо Сашка попросту не успевал. Да он вообще в этот момент ни о чем не думал, действуя только на одних рефлексах. Мгновение, и воздушка полетела прямо в лицо набегавшему противнику. Тот инстинктивно прикрылся руками, отбивая три с половиной килограмма высококачественной стали.

Одновременно с броском Редькин сделал шаг на полусогнутых вперед, выдергивая из ножен на груди тесак. Наемник сам наскочил животом на выставленный клинок, взревев белугой. Подняться, синхронно уводя пораненного противника в сторону, одновременно проворачивая отточенную сталь, и взрезая внутренности. И вот он снова стоит на ногах, а враг лежит на земле, мелко суча ногами.

Б-бах!

Третий преследователь не ринулся в атаку очертя голову, а едва появившись из кустов, предпочел выстрелить из пистоля. Расстояние всего-то в дюжину шагов. Промахнуться, просто нереально. Но как видно парня сегодня бог хранил. Щеку ожгло огнем. А в следующее мгновение тесак ушел в полет, после короткого замаха. Тяжелый клинок вошел на половину длинны точно в грудь. Немец словно не веря опустил взор на рукоять, тихо прохрипел, и завалился на бок.

Сашка выхватил револьвер, одновременно взводя курок, и выискивая

новых противников. С жизнью он уже простился, и в голове жила только одна мысль, продать ее как можно дороже. Как там говорил Григорий Семенович, чем больше мы их убьем здесь, тем меньше дойдут до Замятлино. А у Сашки если что, там зазноба, и он скорее сам себе горло перегрызет, чем позволит кому над ней надругаться.

Легкий шорох. Слишком легкий для преследователей. Но мозг просто выделяет чужеродный для леса звук. Рука с револьвером поворачивается в ту сторону. И тут штурмовик вдруг вздернул ствол вверх, сбрасывая палец со спускового крючка, словно это ядовитый зуб змеи.

— Муром!

— Не пальни, дура. И не ори, — поводя окрест толстым раструбом глушителя, тихо выдохнул напарник. — Чего замер? Хватай свое имущество, и ходу.

— Ага.

Подскочить к последнему. Выдернуть клинок. Отереть об одежду убитого. Потом назад, подобрать воздушку, привычно глянув, не забился ли ствол землей. Порядок. Немец со вспоротым животом еще хрипит и подвывает. Взгляд на Мурома, тот только скривил лицо. Сашка легонько вздохнул. Вновь выхватил клинок, и сунул его под лопатку раненому. Тот слегка выгнулся, и тут же затих. Опять отереть лезвие, и в ножны. Порядок.

— Уходим, — подытожил Муром.

После чего они скользнули в зеленый подлесок бестелесными тенями. Отчего-то в голове Сашки мелькнула мысль, что большой насос остался в Замятлино, и теперь ему придется небольшим ручным доводить давление в баллоне до нормы. Мало приятного знаете ли.

А вот о том, что он впервые в своей жизни сошелся в смертельной рукопашной схватке, и вышел из нее победителем, отчего-то совершенно не думалось. А что тут думать? На тренировках приходилось куда тяжелее и больнее. А тут, и испугаться-то как следует не успел. Муторная же работа с насосом вполне реальна, и уже отдается в руках усталостью.

Нет, он еще все осознает, и удивится самому себе. Но это будет позже. Много позже. Сейчас же, если он и думал о врагах, то мысли крутились вокруг одного. Чем больше они положат ляхов здесь. Тем меньше их дойдет до Замятлино.

* * *

Завывание летящих снарядов, разрывы, свист осколков и картечи,

крики, стоны, ржанье, топот. На довольно просторном пяточке перед мостом через реку Утрою, сейчас творился форменный ад. Никак иначе Острожский назвать происходящее не мог.

Невозможно себе даже представить откуда псковичи взяли столько осадных мортир. По его прикидкам выходило порядка трех десятков. Если бы он взял на себя труд, то мог бы подсчитать количество разрывов, но это не имело смысла. Даже без подсчета ясно, что их запредельно много.

К этой реке они сумели выйти только через двое суток похода. За это время на них было совершено еще несколько нападений. Трижды это были мины. Разве только одинокие, а не два десятка, когда под удар угодила пехота наемников. Ну и жертв соответственно было куда меньше. Плохо то, что они все же каждый раз случались.

Несколько раз они подвергались обстрелу из штуцеров. И всякий раз, стрелки наглухо перекрывали дорогу. Уж больно метко бьют. И позиции выбирать умеют. Дистанция слишком велика, даже для залповой стрельбы. Так просто, с наскока этих тварей, что не умеют биться в честном бою, не взять. Вот и приходилось каждый раз искать обходные пути. А это потерянные время и силы.

Часа три назад, они вышли к этой реке. Константин вовсе не удивился тому обстоятельству, что мост оказался разрушенным. Впрочем, не до основания. На починку придется затратить какое-то время, но все вполне решаемо. Даром что ли полковник озаботился наймом и роты саперов.

Острожский, посоветовал было полковнику, чтобы тот запретил располагаться на открытом месте. Но тот предпочел пренебречь подобным предостережением. Не бездумно. На правый берег, где так же имелась довольно большая проплешина, переправились две роты наемников. Отправлять туда всадников было бесполезно. Кругом густые леса, болота и озера, толку от них, если появятся стрелки, немного. А вот пехота совсем другое дело.

Вот только это не помогло. На этот раз стрелки не появились. Зато ударили мортиры. И надо сказать, их бомбы собрали обильную жатву. Было еще достаточно светло, до вечерних сумерек не меньше часа. Дыма конечно много, но его быстро сносит вдоль русла реки. Из-за густого леса кругом, оно тут как продуваемая труба. Причем относит как раз в противоположную от Константина сторону и взор не застит. Так вот, по его прикидкам на том пяточке сейчас не меньше сотни убитых и раненых.

Ага. Обстрел прекратился. Либо сворачивают мортиры, чтобы убраться подобра-поздорову. Либо перезаряжаются. И возможны оба варианта. Впрочем, можно ведь и уточнить.

— Крыштак, с вами было так же? — Присмотрев рядом своего заместителя, заинтересовался Острожский.

— Нет. На нас упало куда больше бомб, — возразил тот.

Хм. Может и правда. А может и нет. У страха вообще-то глаза велики. Это они сейчас наблюдают за происходящим со стороны. А окажись там, под обстрелом, со-овсе-эм по другому запели бы.

— Ротмистр Острожский, — позвал кто-то, напрягая голос.

— Здесь я, — отозвался Константин.

— Вас вызывает полковник Савенок.

— Иду. Крыштак, отведи людей подальше. Вот так, вдоль реки. Только на открытое место не выходите, — приказал Константин.

— Думаете...

— Осторожность не помешает. Я уже потерял три десятка славных шляхтичей. И впредь, не хочу нести безответные потери.

— Слушаюсь, господин ротмистр.

Полковника нашел как раз, когда началась повторная бомбардировка. Только на этот раз мортиры били по лесу, куда отошли хоругви. Мины как пролетали сквозь ветви и рвались уже на земле, так и ударившись о стволы деревьев. Вновь слышались крики, стоны, проклятья и ржание испуганных лошадей. Да сколько же у них мортир!?

— Острожский, давай со своей хоругвью на тот берег, — перебивая разрывы мин, начал приказывать полковник. — Проскочи по дороге, и найди эти клятые мортиры и заставь замолчать.

— А что если там вся замлятинская здружина?

— Сомневаюсь, что тут много народу. Слишком далеко от Замлятино. Карпов не станет так отдаляться. Так что, тут все тот же малый отряд.

— Но мортиры...

— Это не те мортиры о которых ты подумал. Иные. Слышал я о них. Да только использовать их в войне, все одно, что пушки серебряной картечью заряжать. Вот Николай от них и отказался. Но похоже у Карпова того серебра и впрямь в достатке. Выполняй ротмистр.

— Слушаюсь.

А что тут еще скажешь. Приказ отдан недвусмысленный. Остается только его выполнить. Хм. Вот только, глупостью это может оказаться несусветной. Вот опять обстрел прекратился. Да только, скорее всего расслабляться не следует. Если ничего не предпринять, то наверняка бомбардировка возобновится, как только саперы приступят к ремонту моста.

— Крыштак.

— Я господин ротмистр.
— Прикажете отловить хотя бы с десяток бесхозных лошадей.
— Но их хозяева еще могут сыскаться.
— С этим разберемся потом. Сейчас выполняйте.
— Слушаюсь.
— Господа офицеры, отправляйтесь к своим взводам, и спешно преступаем к переправе на тот берег. Поторапливаемся, господа. Поторапливаемся.

Утроя, не мелкая речушка. Хотя и к крупным ее отнести трудно. И все же, для армии является довольно серьезным препятствием. Переправиться через нее задача уже не тривиальная. Но если налегке, да еще уцепившись в седло лошади, которая сама доставит тебя на тот берег, то ничего сложного. Даже для того, кто плавать отродясь не умел. Вот сберечь от воды огнестрельное оружие и припас, тут да, нужно постараться.

Оказавшись на правом берегу Острожский тут же повел свою хоругвь по дороге, сквозь стену леса. Двигались весьма резво, на рысях. Но не бездумно. Памятуя о привычке псковичей к всевозможным сюрпризам, впереди пустили с дюжину отловленных лошадей без всадников. И как оказалось не зря. Хлопнул-таки взрыв, сразив пару лошадей наповал, и ранив еще несколько. Потом был еще один взрыв, и снова потери в лошадях.

Больше сюрпризов не случилось. Как впрочем и замятлинцев. В полуверсте от реки Острожский обнаружил место, где располагались эти клятые мортиры. Им оказалась небольшая поляна рядом с дорогой.

Трава там изрядно помята. Имеются четыре какие-то странные отметины. словно кто-то, непонятно зачем утрамбовывал землю. Еще, кроме человеческих следов, имеются следы не меньше дюжины лошадей. И все. Больше ничего. Что же это за странные такие мортиры?

Нет. В том, что они нашли именно то, что искали, никаких сомнений. И уверенность в этом в нем крепнет благодаря последней детали. Впрочем, заметили они ее как раз в первую очередь. Между двумя невысокими деревцами натянута полоса бересты, отчетливо видимая в начинающих опускаться сумерка. Знакомая вещица, как и надпись на ней. «Вас сюда никто не звал».

— Пся крев! — Выругался в сердцах Константин.
— Что будем делать, господин ротмистр? — Поинтересовался, перекатывающий желваки, Крыштав.
— Для начала расположимся на этой поляне и осмотрим окрестности, пока светло. А там, отправлюсь к полковнику, пускай высылают нам в

подкрепление хотя бы роту пехоты. И желательно чтобы среди них были охотники. С рассветом нужно будет обследовать все вокруг куда лучше. Чтобы эти сволочи, нас опять не обстреляли.

— Тогда позаботьтесь о провианте. Обоз-то наш на том берегу остался, а людям нужно поесть.

— Не городи глупости. Для этого придется переправлять весь наш обоз, потому как выяснится, что нужны котлы и тому подобное. Там, на дороге минимум четыре убитых лошади. Да еще и раненые, что не устояли на ногах. Мало?

— Но конина...

— Мы в походе. Все. Вопрос с едой закрыт. Соль привезем. Збышек, — заканчивая разговор с замом, позвал Острожский.

— Я, господин ротмистр.

— Собирай свой десяток, и за мной. Придется нам еще пару раз искупаться в речке.

— Слушаюсь.

— И прихвати это, — указав на полосу бересты, приказал он.

— Уже делаю, — отозвался капрал.

Н-да. Повторное купание далось куда тяжелее. В смысле было значительно холодней. Ну да, что уж тут поделать. Тем временем перед мостом собирали раненых и убитых. Добивали лошадей. Ни один Константин такой умный. Конина, она конечно не говядина, но свежее мясо все лучше солонины.

— Господин полковник, мы нашли место, откуда велся обстрел. Правда, я не представляю, что это за оружие такое. Но... — Острожский неопределенно развел руками.

— Уверены, что это то самое место?

— Абсолютно, — протягивая рулон бересты ответил ротмистр.

— Опять, — скрипнув зубами, произнес полковник. Л-ладно. Это я так же отложу. Еще что?

— Прошу усилить мою хоругвь хотя бы ротой пехоты. Чтобы избежать повторных бомбардировок, достаточно держать под контролем определенный участок местности. А учитывая леса, тут нужна пехота. И желательно охотники.

— Егерей^[18] не дам. Пришлось всех их собрать в один взвод, и отправить бродить по лесам. Эти лешие сволочи под шумок бомбардировки, умудрились подстрелить из своих духовушек более пяти десятков человек, отбежавших от места обстрела.

— И сколько их было?

— Пока неизвестно. Жду доклада.

— А каковы потери?

— В общем и целом, с начала похода мы потеряли убитыми и ранеными около четырех сотен. Пся крив! Дай только господь добраться до этих собак, уж я им припомню их подлую натуру.

— Дай господь, — искренне поддержал его Константин.

Нет, понятно конечно, что он отправлялся в этот поход не по своему желанию, а скорее поставленный в безвыходную ситуацию. Если бы отказался от предложения полковника, то непременно навлек бы на себя позор, и всякий голоштаный шляхтич, без кола и двора, или ходящий в поле за плугом, мог бы порицательно тыкать в него пальцем. Вот уж чего он не собирался позволять ни при каких условиях.

* * *

— О Родион Никифорович. Какими судьбами?

— А ты не скалься. Бросайте сходни, пока не осерчал, — недовольно буркнул в ответ дюжий сержант, командовавший мортирной батареей.

Пирогов был у самых истоков создания этого оружие. Нет, у станка он не стоял, а вот во всесторонних испытаниях принимал участие от начала и до конца. И первое боевое применение этих полевых мортир так же было на его руках. Когда же, узнал, что сотник зовет желающих с собой, без особых раздумий последовал за Гришкой. Ну и не прогадал.

Сегодня он командовал одной из двух мортирных батарей. Причем лучшей. Эвон за прошедшие два дня сколько крови ляхам попортили. Только и успевали им гранаты во выюках подвозить. То на переправе через Утрою покуражились. То из-за болота качественно так накрыли, что только пыль столбом.

Правда вымотались, не без того. И как только эти клятые штурмовики выдерживали? Они ведь все время кружили вокруг ляхов. Постоянно жали тех, то из карабинов, с приличной дистанции. То подберутся вплотную, и подстрелят по тихому, какого зазевавшегося и отставшего от основной массы. Уже к исходу второго дня, ляхи старались не отходить от колонны ни на шаг.

Гришкиных молодцев вроде как пытались достать. Как он рассказывал, собрали в кучу всех охотников, чтобы они выследили штурмовиков. Да только, замятлинцам не понравилось, что на них кто-то там собрался охотиться на их же земле. Вот они и устроили непрошенным

гостям кровавую баню.

Пирогов устало поднялся по сходням на баржу, и только теперь смог оглядеться. До этого из-за наращенных толстыми плахами бортов особо было не рассмотреть. Хм. Оказывается их не просто так подобрали, чтобы переправить на тот берег. Эвон и конюхов отправили восвояси вверх по течению, поближе к Замятлино. Мол там подберут.

— Ну рассказывай Игнат, чего на этот раз удумали? — Устало вздохнул Родион, показывая на выставленные четыре мортирки.

На барже было достаточно места для установки еще одной батареи. Ну и берестяных коробок с минами предостаточно. Не весь арсенал конечно, но минимум по полсотни мин на каждый ствол имелось. Хм. Вообще-то, на складах хорошо как по сотне на ствол осталось. Н-да. И судя по уже имеющемуся опыту, это все же не так чтобы и много.

— Как только ляхи соберутся на переправу, так с реки их и накроем. Боярин удумал.

— Эка. Ну-ну, поглядим, — одобрительно покачав головой, ответил мужчина героических пропорций.

— А чего глядеть-то? — Пожал Игнат. — Принимай всех под начало и командуй.

Паренек лет восемнадцати, не имел боевого опыта и серьезной практики. Но зато обладал живым, любознательным умом и небывалой сметкой. В мортирки, которые все чаще называли минометами, он влюбился сразу и бесповоротно, отдаваясь обучению без остатка. И преуспел настолько, что сегодня уже во всю командовал как сверстниками так и парнями на пару лет постарше.

Впрочем, те ничуть не были против. Дураком нужно быть, чтобы не признать, что Игнат любого с легкостью заткнет за пояс. Да он бы и Родиона... Но у того слишком богатая практика. Игната же дальше полигона пока и не пускали. Разве пару месяцев назад, когда били ляхов. Да и то, Пирогов со всем тщанием проверял наводку, считай сам и наводил.

— Вот значит как. Над всеми поставили главным.

— И кормчий на пароходе тоже под тобой.

— И как ты с ним общаешься?

— Так вот, — показал паренек медный рупор, — вот сюда говоришь, и громко так получается. А вон на ту площадку становиться надо.

Площадок было две. На носу и на корме баржи. Иначе над бортами просто не подняться. Надежно укрывают расчеты, чего уж там. Правда есть еще и редкие бойницы. Но в них не больно-то и рассмотришь. Разве только приписанные четверо штуцерников могли разогнать особо вьедливых

преследователей.

— Ладно получилось. А пушки что же?

— Пушки те, только на больших ладьях можно установить. Эта баржа больно хлипка для них. Но ладей нынче в Замятлино нет. Вот и решил боярин использовать наши мортиры.

Родион согласно кивнул. Потом поднялся на кормовую площадку и прокричал кормчему.

— Василий, отводи нас от берега, и куда-нить повыше. Да от глаз укрой хорошенько. До завтрашнего дня времени у нас в достатке. Отдыхать будем.

— Понял, сделаем, — раздался в ответ так же усиленный рупором голос кормчего.

— Ну вот что, парни. Выставляем наши мортиры, по установкам второй батареи и спать, — обратился Родион к своим артиллеристам. — Давай Игнат, как ты тут за сторожила, командуй.

Никаких сомнений, потом Пирогов все проверит самым тщательным образом. Но ведь сейчас-то доверяет. И коли все будет сделано толково, то и менять ничего не станет. Словом, все сейчас в руках Игната. И преисполненный гордости, парень тут же начал деловито раздавать команды. А ну как Родион Никифорович передумает...

Ближе к полудню следующего дня, плавающая батарея начала сплавляться вниз по течению Великой. Перед походом, все детально обговорили с кормчим. Так что, сейчас их сцепка баржа пароход, двигалась баржей вперед. Василий только и того, что время от времени запускал машину, чтобы подправить сплав. А потом и вовсе встал посреди течения, вяло отрабатывая гребными колесами, и удерживая суда на одном месте.

Прицелились. Перекрестились, да и ударили из всех стволов. С любопытством наблюдавшие за странным судном и баржей ляхи, не сразу сообразили, что тут вообще происходит. Но как только расслышали знакомые хлопки, и завывание оперенной смерти, тут же поспешили разбежаться.

Впрочем, они оказались все же не настолько быстрыми, и на берегу, в очередной раз начался ад. К тому же, Родион, наблюдающий а происходящим воочию, своевременно вносил корректировки в прицел, и бегство ляхам не больно-то и помогало. Буквально каждая мина уносила минимум одну жизнь или ранил кого-то.

Наконец ляхи сообразили отправить к пароходу всадников. Впрочем, единственное чего они добились обстрелом судов, так это того, что Родион сменил наблюдательную площадку, на бойницу. Свинцовых гостинцев

только на то и хватало, чтобы с глухим стуком впиваться в толстые плахи наращенных бортов.

А вот сами всадникам досталось сразу же. Даром что ли на борт определили штуцерников. Вот только жаль, маловато их было. После первых же выстрелов, и жертв, ляхи поспешили отступить за пределы видимости. Не иначе как там ротмистр из пуганных. Ну или далеко не глупых.

— Ну как там, Родион Никифорович? — Возбужденно поинтересовался Игнат.

— Хорошо там, Паря. Вот как хорошо, — выставляя большой палец, более степенно, но не менее довольный собой, ответил Пирогов. — Василий, давай ниже подходи. Отсюда уже никого не видеть.

— Принял, Родион. Делаю.

И в этот момент борт неподалеку от сержантов буквально взорвался щепой. Послышался вскрик, и стон. А оба командира в удивлении уставились на образовавшееся в борту отверстие. Вроде и не так чтобы большое ядро трехфунтовой полевой пушки постаралось на славу. Отверстие, по диаметру, вышло раза в полтора больше.

— Ох-хренеть, — удивленно выдал Родион.

Потом глянул на личный состав. На сравнительно небольшом пятачке собралось три десятка человек. И это просто чудо какое-то, что ядро прошившее оба борта, никого не зашибло. Так, только одному из минометчиков большая щепка воткнулась в бедро. Да другому сыпануло трухой в глаза.

— Василий, давай уводи нас отсюда! Слышишь!? — Едва осознав, что они сейчас отличная мишень, и позабыв про рупор, прокричал Родион.

— Да слышу, я слышу, не блажи.

Еще одно ядро прошуршало мимо. Третье ударило с небольшим недолетом. Четвертое вновь угодило в борт, и напрочь снесло среднюю плаху.

— К мортирам, живо! Два кольца^[19]! Угол сорок пять! Вправо два! Первый расчет первой батареи! Пристрелочным! Огонь! — Возбужденно, но в то же время, привычно, начал командовать Родион.

Хлопок! Мина ушуршала в направлении противника. Туда, где пушкари активно так суетятся вокруг своих орудий. По дальности нормально, но мину серьезно увело влево. Пароходик едва только сумел остановиться, и начать отходить вверх по течению. Но прежние прицельные установки уже не работали. И подтверждением тому несколько последующих выстрелов. Родион каждый раз вносил поправки, но

безуспешно. Движущееся судно не позволяло вести хоть сколь-нибудь точный огонь, из оружия, и без того не отличающегося этой самой точностью.

Радовало хотя бы то, что и немецким наемникам приходилось ничуть не легче. Во всяком случае, пусть они и заставляли замятлинцев все время нервничать, добиться попаданий им больше не удалось.

* * *

Сказать, что полковник Савенок был зол, это не сказать ничего. Он был в бешенстве. Пусть не бесновался в своем шатре, не бросался на каждого встречного поперечного, и не раздавал идиотских приказов. Что в общем-то вполне свойственно командующим, пребывающим в сильном расстройстве чувств.

Подумать толь, расстояние которое он планировал преодолеть всего-то за трое суток, его хуфа^[20] проделала только за неделю. Это просто уму непостижимо.

Хорошо хоть с переправой все прошло так, как и планировалось. Саперы вполне управились за отведенные двое суток, соорудив наплавной мост. Благо с лесом в этих краях нет никаких проблем. Конечно была опасность того, что время будет потеряно и тут. Но странное судно, вооруженное не менее странными и загадочными полевыми мортирами, удалось отогнать с сравнительной легкостью. Спасибо пушкарям, которые даже обрадовались, когда наконец смогли достать до надоевших им коллег с противоположной стороны.

Правда, тем все же удалось в очередной раз пустить наступающим кровь. И потери убитыми и ранеными, уже перевалили за пять сотен.

Но зато, когда они ночью попытались устроить очередной налет, их удалось накрыть. Не сказать, что все столь уж вышло удачно. Случился ночной бой. И пусть, не удалось завладеть ни одной мортирой, на этот раз, этим бестиям, предпочитающим наносить удары исподтишка, удалось хоть как-то пустить кровь. И если бы не их привычка каждый раз при виде шляхтичей подаваться в бега, то там бы им и пришел конец. А так...

Ротмистр Острожский, командовавший переправившимся отрядом из двух хоругвей и двух пехотных рот, предпочел не увлекаться преследованием. Уж больно противник у них на этот раз коварный. Полковнику казалось, что по этой части никому не переплюнуть турок. Но

те перед дружиной боярина Карпова, были сущими младенцами.

И наконец все позади. А вот враг теперь уже перед ним. Этот негодяй все же решился выступить в открытом бою. И выбрал для этого узкий участок, между Великой и языком одного из многочисленных в этих местах болот. Его не обойти ни справа, ни слева. И потому он рассчитывает на то, что сможет удержать этот узкий участок, шириной не больше полуверсты. Ох зря он так решил.

Да, хуфа понесла существенные потери. Вот только это ничего не значит. И уж тем более, коль скоро Карпов решил выйти в чистое поле. Никакие ухищрения и полевые заграждения на которые идут все армии, дабы противостоять доблестной шляхетской гусарии, русским не помогут.

Во-первых, Наблюдая за этой жидкой полоской пехоты, полковник Савенок ничуть не сомневается в том, что заграждений в виде одних только волчьих ям, там более чем достаточно. А потому есть и во-вторых. Он не собирается отправлять в бездумную атаку, элиту кавалерии. Три гусарские хоругви останутся в тылу, на случай вылазки из оставшегося позади Острова. Уж в чистом-то поле, им никто не сможет противостоять. Замятлинцы же столкнутся с чем-то для них необычным.

— Господин полковник, пушки готовы открыть огонь, — доложил подскакавший порученец.

Полковник еще раз осмотрел поле предстоящего сражения. Не сказать, что тонкая линия солдат, виднеющаяся вдали, достойная цель для пушечных ядер и гранат. Но с другой стороны, он все же кое-чему научился у Карпова. И если есть возможность нанести противнику потери на значительном расстоянии, то нужно ее использовать. Даже десяток убитых солдат противника, чего-то да стоит.

— Передайте приказ фон Ланге, пусть открывает огонь.

— Слушаюсь, господин полковник, — задорно ответил молодой порученец.

Ага. Не один Савенок искрошил себе зубы в бессильной ярости. Все шляхтичи уже доведены до последней стадии терпения, в жажде дотянуться-таки до глотки этих ненавистных и бесчестных ублюдков. Ну что же. Осталось недолго. Да чего там. Уже началось.

ГЛАВА 7

Сначала вспухли молочно белые облачка. И одновременно с этим, подчиняясь командам, солдаты поспешили укрыться в окопах. И вовремя. Одновременно с басовитым орудийным грохотом, по позициям батальона ударила дальняя картечь^[21], вздыбившая на брустверах и перед окопами множественные фонтанчики земли.

И тут же послышался душераздирающий вопль. То ли командир припоздал с командой. То ли солдат замешкался. С этим потом обязательно разберутся. Боярин не позволяет расслабляться командирам и наплевательски относиться к своим обязанностям. Даром что ли, жалование положил столь высокое, какого ни где больше не сыскать. А вот бедолагу жаль. Ранение от крупной картечи по определению не может быть легким. Она ведь руки и ноги отрывает. Ну, может на трехстах пятидесяти саженьях^[22] той силы уже и не будет. Но все одно изрядно.

Представив себе раненого, Митя нервно сглотнул. Спаси и сохрани от такого. Если случится, так лучше сразу насмерть. Обретаться в этом бренном мире калекой не хотелось категорически. Оно конечно брат говорил, чтобы младший не маялся дурью, и занимался тем, что у него лучше всего получается. Но механика и заводы никуда не денутся. Он же себя уважать не будет, коли останется в стороне, когда беда пришла в дом.

Опять же, вот эти пушки, его детища. Конечно, многое подсказал брат, да направил в нужную сторону. Но все остальное от начала и до конца, работа Мити. А где лучше всего можно испытать оружие, как не в бою? Вот то-то и оно. Иван это и понял, и принял, пообещал самолично голову оторвать, коли младшенького убьют. И матушку помянул, которая будет безутешно горевать. Ну да, что уж тут поделаешь.

А вот и труба заголосила. Ну что же, пора и им братья за дело. Дистанция уже давно выверена. Прицелы выставлены. Это ляхи устанавливали свои пушки на новых позициях, прикатив их из своего лагеря. Его батарея, пока еще единственная, здесь уже четверо суток стоит, врага поджидая. Так что, и к позиции приноровились, и пристреляться успели.

Два дня кусали кулаки, наблюдая за тем, как противник ладит переправу через Великую. Да только Иван запретил даже носы высовывать на открытое место. Не то, что палить по врагу. Боярин рассчитывал наподдать ляхам по сусалам так, чтобы надолго отбить желание соваться на

Псковскую землю. И уж тем более, задевать богатое Замятлино.

Но уж теперь-то им никто не запретит. Сегодня сам бог велел. Митя злорадно ухмыльнулся, и потер руки.

— Ну что братцы, помолясь начнем! — Задорно выкрикнул он. — Дистанция триста пятьдесят сажен. Командиры взводов, не забываем о разборе целей. Наводчики, целимся тщательно, под основание пушек.

Нормально. Ляхи, или точнее, немецкие наемники, выставили свои пушки в одну линию. Разве только не ось к оси. Так что, для батареи Мити расположившейся на холме, они как на ладони. Только и того, что не зевай.

— Батарея-а! Огонь!

Если орудия противника грохотали, то Митины пушки скорее рывкали. А то как же! Чай нарезные, не хухры-мухры! Опять же, обычные пушки после выстрела нужно накатывать обратно на позиции, эти же остались на месте. Разве только подпрыгнули малость. Из-за чего, на манер древних римлян, Митя назвал их «Онаграми»^[23].

А все благодаря трем невиданным ранее новшествам. Стальному лафету, со станком, по которому скользит ствол. Пружинным рессорам, работающим как на растяжение, так и на сжатие, а соответственно взаимно гасящим колебания. Ну и дульному тормозу, что благодаря газам, в значительной мере гасит саму отдачу как таковую.

Правда, сохранить после выстрела линию прицеливания не удавалось. Пусть по задумке Ивана именно этого и старались достичь. Но зато отпадала необходимость в постоянном накатывании орудий. Это здорово сэкономило время, и увеличивало скорострельность. А при необходимости позволяло обходиться с орудием хоть одному человеку.

Вообще, Митя трудился над созданием этой пушки целый год. Учились отливать ствол. Потом осваивали выделку нарезов. С затвором пришлось помучиться, не смотри, что подглядели конструкцию у старой казнозарядной затинной пищали. Таковая нашлась в псковском арсенале. Орудие конечно и сейчас далеко от совершенства. Но по предварительным испытаниям превосходит все известные образцы.

Хм. Как впрочем, и по части веса. Пушка получилась втрое тяжелее даже немецких, серьезно превышавших по массе шведские. И для их транспортировки нужна была минимум пара лошадей, а с учетом укомплектованного зарядного ящика, лучше все же четыре. Словом, по современной классификации это не полевое орудие, а самое что ни на есть осадное.

Но все недостатки с легкостью перекрывались небывалой скорострельностью. Снаряд весом более чем в треть пуда забрасывался на

расстояние в четыре версты. При этом выказывал невероятную точность, разрушительную силу и поражающую способность. За подобное, «Онагру» можно было простить многое.

Дым от залпа быстро снесло в сторону, не смотри что ветерок не особо силен. Митя вскинул подзорную трубу и взгляделся в пушки на правом фланге ляхов. Снаряды как раз начали рваться, вздымая бело серые фонтаны из смеси земли и дыма. Ну вот и подтверждение превосходства их пушек. Как оно дальше пойдет, время и бой еще покажут. Но уже сейчас минус одна пушка, и несколько раненых и убитых канониров.

Вокруг слышатся команды командиров взводов и орудийных расчетов. Митя не мешает им, хотя и внимательно вслушивается. Батарею расположили узким фронтом на вершине холма, имеющемся на правом фланге обороняющихся. Так что, держать руку на пульсе достаточно просто. Нет, оно конечно можно и самолично, но...

Подчиненные должны иметь некую самостоятельность, чтобы элементарно не бояться принимать решения, случись им остаться без командования. Плеть, учит только одному, как подставлять спину. Чрезмерно плотный контроль лишает инициативы. Нужно уметь выдержать золотую середину. Так говорит Иван. Как этого добиться Митя пока не знает. Но вот учится. Хм. Оно конечно на ходу. Ну да, ничего, бог даст, не обделается.

Вообще, то орудия вполне могут выдавать и десяток выстрелов в минуту. Ну или шесть прицельных. Но Митя строго настроено приказал придерживаться только четырех. При таком темпе удастся избежать перегрева стволов. Равная же скорострельность с пушками противника, с лихвой компенсируются точностью восьмидесятимиллиметрового снаряда.

Перегрев чреват произвольным воспламенением даже если не основного заряда в картузе, то запальной трубки. А отсюда могут простекать многие печали. Нет, если припрет, и не будет иного выхода, то оно конечно, станут палить без роздыху. И так быстро, как только возможно. Но пока в этом нет необходимости, лучше все же воздержаться.

— Первое орудие готово!

— Второе орудие готово! — Посыпались доклады командиров расчетов.

— Батарея-а! Огонь!

И вторя команде Мити, «Онагры» вновь дружно рывкнули, посылая вдаль смертельные гостинцы. Нет, славно все же получается, чего уж там. Очередное орудие получило снаряд точно в лафет, развалившийся скорее от удара, чем от разрыва. Два других снаряда снова рванули вздыбив на

батарею противника фонтаны земли и дыма, засыпая все крест горячими осколками и картечью. А вот последний угодил точно в складированные бочонки с порохом.

Знатно так рвануло. Практически всю вражескую батарею заволокло дымом, скрывая ее от взора. Но вот ветерок взялся за свое дело, и дымовую завесу отнесло в сторону леса. Ага. Удачно так получилось, что тут скажешь. На ногах практически никого. Досталось и паре пушек.

Одна лежит на боку, и похоже у нее обломано одно колесо. Вторая, уткнулась стволом в землю, задрав вверх хобот станка. Хм. Вообще-то, подобное трудно себе представить, потому как тот должен перевесить. Получается, там все же имеются повреждения, нарушившие целостность конструкции.

Плевать. Подлежат они ремонту или нет, в этом бою им в любом случае не участвовать. Итак. Восемь выстрелов и минус четыре вражеские пушки. Результат просто замечательный.

— Молодцы братцы! Так держать. Еще чуть, и мы заткнем их всех. Навались! — Подбодрил Митя своих пушкарей, и вновь приник к окуляру подзорной трубы.

Ну вот и движение началось. Пехота двинулась вперед, по немецкому четко выдерживая строй. Прусаки? Очень может быть. Эти ребята повоевать ничуть не против. Опять же, под вассалитетом у Речи Посполитой, а потому весьма ожидаемы у них на службе. Хотя-а. Хватает германских княжеств, готовых за серебро оправить своих солдат сражаться за чужие интересы. Обычное в общем-то дело.

А вот и пехота пошла в атаку. Следом, на некотором удалении держится легкая кавалерия. Гусар находятся далеко в тылу. Они сейчас в полном боевом облачении, охраняют тылы армии, ну и обоз. А куда деваться. У шляхтичей гонору конечно не занимать, но не дураки же они в самом-то деле, чтобы переть плотным строем на укрепившуюся пехоту.

Вот если против наступающего противника, то они пожалуй и наплевали бы и на плотный ружейный огонь, и на рвущую в клочья картечь. Потому как помимо гонора у них и храбрости не занимать. Правда, тактика их безбожно устарела, эдак уже с больше шести десятков лет. Но шляхтичи отчего-то не спешат ее менять.

Н-да. Соблазнительная все же цель. И не столько всадники, сколько плотные шеренги пехоты. Ух-х, как их пушечки сейчас покуражились бы. На такой дистанции, и при таком обзоре, пушкар Мити могли выбивать любую роту на выбор. Но...

Каждый должен заниматься своим делом. Митя вновь перевел трубу на

батарею противника. Ага. Ну нечто подобное они с Иваном и предполагали. Немцам явно не понравились столь значимые потери артиллерии в самом начале боя. Вот они и начали наводить свои пушки на позиции «Онагров».

Хм-м. Вообще-то, самое лучшее, что они могут сделать, это свернуться и подобра-поздорову убраться прочь. Ну, кто успеет, ясное дело. Устраивать же дуэль...

- Первое орудие готово!
- Второе орудие готово!
- Третье орудие готово!
- Четвертое орудие готово!
- Батарея-а! Огонь!

* * *

Родион вглядывался в представшую перед ним картину через небольшую подзорную трубу. Приближение так себе. Не идет ни в какое сравнение с трубой Карпова, в которую ему пару раз приходилось заглядывать. Но все же серьезное подспорье, и позволяет рассмотреть многие детали.

Правда, несмотря на возвышенность, где занял позиции батальон, местность перед ними, пусть и пологая, но имеет складки. Опять же, заросли кустов, встречающийся местами высокий камыш и бурьян. Коровкам, которых тут выпасают горожане и посадские, те заросли совсем не интересны.

Левый фланг позиций располагается на довольно высоком холме, занимающим чуть не половину прохода между лесом с болотом и Великой. Посредине оставшегося фронта примерно в три сотни сажен, и около полутора сотен от линии обороны, имеется березовая роща, шириной около сотни сажен.

И пусть она скрывает большую часть обзора. В то же время, эта преграда непременно рассекает силы атакующих. Либо заставит ляхов сосредоточить усилия на одном из проходов. Вот именно напротив них и расположились минометные батареи, по одной на каждый проход. И основные силы обеих рот, сосредоточены как раз напротив них.

Так что, все поле боя Родиону не обозреть. Если только глянуть с холма, где пристроились грохочущие пушки. Но как говорится, каждому свое. У пушек тех и дальность не жалкие триста пятьдесят сажен, а все две

тысячи. И бьют они куда как точнее, и снаряд, при схожем калибре, раза в два тяжелее. Правда, при этом они серьезно уступят в габаритах и скорострельности. Ну и позиции у них в первой линии, потому как бить могут только прямой наводкой. У минометов все иначе. Вон она пехота, в двадцати саженях перед ними.

Н-да-а. Потруился Карпов за последние годы, нечего сказать. Взяв за основу Измайловскую сотню, и костяк, из стрелцов пожелавших последовать за ним, он сформировал свою собственную дружину, которую именовал батальоном. И вообще, с названиями намудрил на свой лад. Сотня, у него не сотня, а рота, вместо стрелцов, стрелки. А дальше как в солдатских полках. Помощник поручик, командиры полурот подпоручики, взводы под сержантами, десятки под десятниками.

Эвон и пушки с минометами свел в отдельные батареи, подчиняющиеся напрямую командиру батальона, то есть, ему, боярину Карпову. Нет, коли прикомандируют к кому, то тогда совсем иное дело. Да хоть, как взять его батарею. Пришлось побегать по лесам и болотам, выполняя приказание Гришки. Припомнив это, Пирогов невольно расплылся в улыбке. Ничего-о. Побегали конечно, вымотались, ну да не зря. Кровь ляхам пустили изрядно.

Есть еще один отдельный взвод огнеметчиков. Два десятка огнеметов, способных пускать струю пламени на расстояние в пятнадцать сажен. Страшное оружие. Причем, если свдить из практики под Азовом, как для врага, так и для своих. Не дай Господь, пуля пробьет баллон с огнесмесью. Нет, так-то ничего особенно страшного. Ну обдаст всех кто поблизости липкой и вонючей жижей. Отмыться конечно сложно, но вполне себе возможно.

Но это если не случится какой маломальской искры. А тогда уж... Спасение только одно, засыпаться песком или землей. Да и то, сам ты себе не помощник. Если только товарищи помогут. Словом, думать о том, что может случиться не хочется категорически. И солдаты на огнеметчиков поглядывают искоса, да стараются держаться подальше. Ну и жалование у тех вдвое против обычного. Хм. А и по праву. Вот к примеру Родиона ни за какие коврижки не уговорить тем оружием орудовать.

Вновь рывкнули пушки на холме. Куда палят, Пирогову не видать. Роща застит. Вот Игнату тому да. Он как раз напротив левого прохода, и на торговом тракте расположился.

Впрочем, то уже без разницы. Родион вскинул к глазу окуляр. Ну точно. Зашевелились ляхи напротив них. Сначала, скорым шагом двинулась пехота. Бодренько так идут. Правда, равнение выдерживать не очень-то и

получается. Но ничего так. В общем и целом, полный порядок, и строй вполне себе сохраняется.

Ну что же. Наше вам, с земным поклоном.

— Батарея-я! Угол сорок пять. Ориентир два! Четыре кольца! Четыре мины! Огонь!

Вторая его команде, тут же захлопали минометы, посылая по крутой траектории оперенную смерть. Родион словно прикипел к трубе, вглядываясь в надвигающегося противника. С одной стороны, можно подумать, что все эти деревца, кусты, только помеха, и ограничивают обзор. Но на деле, расстояния до всех этих примет, которые боярин мудро обозвал ориентирами, вымерены самым тщательным образом. И теперь остается только следить за ними и вносить командами нужные поправки.

Шестнадцать мин накрыли противника вполне исправно. Пара даже рванула прямо посреди атакующих шеренг, враз проделав в них серьезные такие бреши. Но у германских наемников выучка все же на высоте. Все эти раны очень быстро затягиваются. Строй сжался с боков, и вот опять движутся относительно ровные шеренги. Разве только чуть укоротились по фронту. Да позади остались убитые и раненые, часть из которых побрела в тыл. Некоторые помогают своим товарищам.

Что не говори, а с медицинским обеспечением в их батальоне дела обстоят куда как лучше. Нет нужды отвлекаться на раненых товарищах, потому как о них позаботятся санитары. А будет возможность, еще и павших в сторонку отнесут. Дабы их тела не смущали остальных.

Внести поправку в прицел. Уточнить ориентир. И новая серия. Ага. На этот раз не так удачно. Малость промахнулись. Не сказать, что так уж все плохо. Кое-кого осколками все же достало. Но цель накрыть не удалось. Жаль. Ну да, на ошибках учатся.

Когда пехота миновала половину пути, в дело вступила кавалерия. Тысячи две, не меньше. Это получается почитай вся их легкая конница. Уж Родион-то точно ведает, сколько ляхов отправилось в набег, тем более, что гусар не видно. Не иначе как полковник решил попридержать в резерве. Ну что же, толково, что тут еще скажешь. Гусары они хороши в открытом бою, а не против укрепившейся пехоты.

Та-ак. Практически вся кавалерия, и довольно внушительное количество пехоты. Вряд ли вся, но большинство, это уж точно. Решили опрокинуть левый фланг Замятлинцев? Ну-ну. Милости просим. А пока...

— Батарея-а! Слушай мою команду! Ориентир три. Угол сорок пять! Четыре кольца! Четыре мины! Огонь!

Надо приласкать всадников. Эти ребятки куда подвижнее пехоты, и загодя слегка проредить их число ничуть не помешает. Вот только не следует забывать о том, что движутся они очень быстро. А потому, не дожидаясь разрывов первой серии мин, ввести уточнения.

— Батарея-а! Три кольца! Четыре мины! Огонь!

Снова хлопки, и вдогонку первой, уже летит вторая серия. Мины с соответствующим количеством колец уж давно подготовлены, и разложены по отдельности. Только не перепутай горку. Хорошо все же, что нет дождя. Не то пришлось бы растягивать палатку и укрывать боезапас от влаги.

Та-ак. Шестнадцать разрывов, с небольшим интервалом, примерно на одной линии. Легли удачно. Почти в середину плотной массы всадников. Побило многих. Хватает и тех, кто прекратив атаку, пытается совладать с испуганной лошадей, а то и вовсе, оказался выброшенным из седла. Что же, это радует.

Грохнул винтовочный залп. Расстояние еще достаточно велико, а потому одиночные выстрелы мало эффективны. А так, вон, несколько всадников и лошадей покатились по земле. Вдогонку прозвучали разрозненные выстрелы. Это штуцерники. Бьют по способности, и как бы свалили не больше, пары сотен винтовок.

Ага. Второй залп пришелся за спины атакующих. Нет, кого-то там вроде как задело, осколками. И до поотставшей пехоты вроде бы долетело. Но Пирогов в том не уверен. Впрочем, ему и разбираться-то в том некогда. Слишком быстро движутся ляхи.

— Батарея-а! Одно кольцо! Четыре мины! Огонь! — Пропуская серию с двумя кольцами дополнительного заряда, приказал он.

Во-от. Давно бы так. Первые мины опять угодили в самый центр. Последующие, из-за движения массы всадников, рвались все глубже в построении. Первые снаряды следующей серии пришлось прямо перед рядами всадников. Остальные словно нанизали на себя атакующих. Хм. Что-то как-то многовато разрывов.

Ага. Теперь ясно. Это Игнат решил помочь. Воспользовался моментом, пока у него тихо, и навел свои минометы на конницу. И как только так удачно подгадал? Едва только те показались из-за рощи, как тут же получили гостинец. Все же молодец парень. К стыду своему Родион должен был признать, что у того получается даже получше, чем у старшего товарища.

Ну да Пирогов никому не попустит. В Замятлино еще в прошлом году школа заработала. Все думал, что оно ему ни к чему. Писать да считать умеет, ну и хватит с него. А оказывается, очень даже может пригодиться.

Эвон Игнат, учится этой самой, математике. И рассказывает, что там учат не всему, а по особому, отчего потом с минометом управляться проще. И судя по тому как славно у него выходит, наука та не совсем бесполезна.

Впрочем, то дела завтрашних дней. А до того, нужно разобраться с сегодняшними. Без дураков разобраться. Вдумчиво и с толком.

— Батарея-а! Угол шестьдесят девять! Ориентир восемь! Заряд простой! Десять мин! Огонь!

Если ляхи решили, что вот так, за здорово живешь смогут пробиться к позициям батальона, то они сильно просчитались. Это только с виду нет никаких преград. На деле, перед окопами в достатке и волчьих ям, и заостренные колышки вбиты в землю частой гребенкой, и чеснок разбросан. Так что, замедлится конница однозначно.

А там, чуть ближе к позициям, их ожидает еще один сюрприз в виде минного поля. Не сказать, что растяжками усеяно все пространство перед окопами, но гостинцев хватает. А для начала, как только скучатся перед полосой заграждений, по ним отработают мины. Хорошо так, вдумчиво.

Вот же! Умные, с-сук-ки! Ляхи словно почувствовали что-то, осадили лошадей не доехав до полосы заграждения, всего-то несколько сажен. А ничего, так у них полковник. Не глуп. Жаль конечно, что ловушка не сработала. Но зато минометы накрыли ринувшихся в пешую атаку вполне исправно. Да плюсом к этому постоянно трещат винтовочные выстрелы. Оно конечно в дыму цели не особо разберешь, но бесполезным огонь не назвать.

* * *

Острожский, приостановил коня, и вслушался в гул не такой уж и далекой канонады. Переглянулся с Крышталом, и другими шляхтичами, оказавшимися поблизости. В их глазах явственно читалось одно и то же. Началось. А еще азартный блеск в глазах и толика сожаления. Их товарищи вот-вот пойду в атаку. И все говорит о том, что бой тот будет славным.

А еще, это сожаление было вызвано тем, что каждый из сражающихся там, имеет возможность заполучить себе знаменитую карповскую винтовку. Это оружие уже давно доказало свою исключительную надежность и высокие боевые качества. Они же, п блажи полковника, катаются по лесам в нескольких верстах от места сражения.

Вот только, в отличии от подчиненных, сам Константин не считал решения Савенка блажью. Мало того, он был более чем уверен, в том, что

им еще предстоит поучаствовать в сражении. Как и в том, что кое-кого, а может и многих из его отряда, еще до вечера ждет смерть. Карпов очень серьезный противник, способный преподнести неприятные сюрпризы. Именно ожидая очередной каверзы, полковник и свел две хоругви в один отряд, поставив во главе проверенного, опытного и далеко не глупого ротмистра. И Константин по настоящему гордился оказанным доверием.

Если коротко, то его двум хоругвям, общим числом в три сотни всадников, предстояло подняться по левому берегу на несколько верст вверх по течению Великой. Затем переправиться, и обойдя пригород по дуге, ударить в тыл обороняющимся. К тому времени, если оборона замятлинцев и не будет сломлена, все их силы будут скованы боем, и этот удар будет иметь решительное значение.

Признаться, Острожский, и раньше относился к полковнику с уважением. Но вот эта его предусмотрительность, и самое серьезное восприятие противника, подняло его в глазах шляхтича еще выше. Уж кто-кто, а Карпов заслуживал особого внимания и подхода. И пусть этот маневр с глубоким обходом был ни чем иным как перестраховкой, он не был лишен смысла.

— Господин ротмистр, мы поднялись выше Замятлино уже примерно версты на четыре, — обратился к нему Крыштак. — Река здесь закладывает несколько поворотов, и нашу переправу не обнаружат. А там, во-он по тому гребню, в полуверсте от берега, проходит тракт.

Крыштак не просто участвовал в неудачном набеге на Замятлино, но еще и разведывал пути и подступы к пригороду. Так что, он точно знал, о чем говорит. Правда, в тот раз Отряд переправлялся еще выше по течению. Но тогда это было оправдано, потому что, ротмистр Войнилович рассчитывал на внезапный удар. Сейчас же, там, примерно в восьми верстах пути, уже начался бой, и все решала не столько скрытность, сколько быстрота.

— Господа, готовимся к переправе, — приказал Острожский, и направил своего коня к пологому берегу, покрытому высокой травой.

Спешившись, он быстро упаковал все огнестрельное оружие и припасы в непромокаемый кожаный чехол. Кто-то воспользовался бурдюком, используя его еще и как подспорье в воде. Кто-то, быстро нарубил камышовый мат, куда и водрузил оружие боящееся влаги. Для хоругви Острожского это дело было уже давно привычным. Приданные шляхтичи так же не были новичками в воинском деле. А на войне, чего только не случается, и каким только опытом не обзаводишься. Вот и преодоление вплавь водных преград вовсе не было в диковинку.

Это случилось, когда Острожский и сопровождавший его Крыштав были уже на середине реки. К тому моменту в воде была уже половина отряда, когда из-за поворота реки, буквально в сотне сажен от них появился знакомый пароход.

Небольшое суденышко, на этот раз без баржи, резво рассекало речной поток, стремительно приближаясь к беспомощным пловцам. Остававшиеся еще на берегу, поспешили расчехлить уже упрятанные мушкеты дабы защитить товарищей. Вернее, в отсутствии пушек, только попытаться это сделать. У шляхтичей в воде сейчас пожалуй было только два выхода. Первый, это плыть к одному из берегов. Второй, погибнуть. Впрочем, был и третий. В отчаянной решимости атаковать пароход. Забраться на палубу и разобраться с его командой.

Вот только, отчаяние не всегда способно свернуть горы. И уж точно не в данном конкретном случае. Вероятно желая ввести противника в заблуждение, Карпов в прошлый раз не вооружил свое судно. Теперь же, на борту парохода были видны целых четыре фальконета на вертлюгах.

Шкипер как раз заложил поворот, встав под углом к потоку и орудия стали отлично видны. А затем над рекой раздались четыре пушечных выстрела, и зубодробильный визг картечи. А следом с берега донеслись крики, проклятия и стенания. Острожский в отчаянии стремясь добраться до берега, только сжал челюсти, перекатывая желваки.

Вслед за пушечной пальбой, послышались резкие и хлесткие винтовочные выстрелы. Много выстрелов. Это что же получается, несмотря на явное численное преимущество противника, Карпов отрядил серьезные силы, для охраны возможной переправы через Великую? Константин не мог поверить в подобную прозорливость.

Хм. И в общем-то правильно делал. Хотя бы потому что, Карпов вовсе не относился к ясновидящим. Зато Кузьма Овечкин, был невероятно проницателен, и умел не только собирать информацию, но и договариваться с людьми.

В хуве полковника Савенка с самого начала имелся шпион. Не в среде приближенных, и не в штабе, но имелся. А потому, Иван имел вполне достаточные сведения о планах противника. Как имел и общее представление о плане предстоящего боя. Так что, вооруженный пароход здесь оказался вовсе не случайно. И в день начала переправы армии, он специально был фактически безоружным, чтобы его наличие не изменило планов полковника.

Вообще-то глупость. Зная о наличии парохода не обеспечить переправу прикрытием хотя бы одной самой мелкой пушечки, глупость

несусветная. Фальконет, способный метать всего лишь однофунтовые ядра, с легкостью решил бы вопрос с этой опасностью. А так...

Хм. Вообще-то, все не столь уж и однозначно. На борту сейчас находились самые лучшие бойцы и стрелки батальона. Рота штурмовиков. Так что, если бы расчет того орудия и успел бы сделать выстрел, то только один. Потом, пушкарей попросту смели бы винтовочным огнем. Вот как сейчас, выкашивают противника, словно косой.

Впрочем, шляхтичи не стали долго изображать из себя мишени, и поспешили покинуть берег. Канониры по неволе, из числа все тех же штурмовиков, еще успели перезарядить орудия и дать залп вдогонку скрывающемуся за деревьями противнику. А потом, перед ними остались только плывущие по реке.

Большинство развернулись и устремились к левому берегу, укрываясь за лошадьми. Меньшая часть продолжала упорно тянуть к берегу правому. И именно они стали приоритетной целью. Удар в тыл даже пары десятка отчаянных и умелых рубак, мог иметь фатальные последствия.

— Ну что, еще не навоевались? Хватит баловаться. Оставьте лошадей, и сами плывите к правому берегу. Отвоевались. Кто не сдастся, или попытается бежать, будет уничтожен, — слышался с парохода голос, усиленный рупором.

Константин, переглянулся с подчиненными находящимися поблизости. Хм. Оставаться в воде, верная смерть. А так... Ну какой русским смысл брать пленных, если все одно собираются их убивать?

Тяжко вздохнув, он отпустил поводья своего коня, и оттолкнувшись от него, поплыл к правому берегу. Плыть в одежде, без помощи своего боевого друга было тяжело, но ничего невозможного. Возможно если бы не его подчиненные ответственность за которых он принял перед Господом, он бы и не подумал о сдаче... Н-да. Ну уж себя-то обманывать не следует. Ситуация безвыходная, а он хочет вернуться к своей семье. Так что, все одно сдался бы.

Пленных набралось около сотни. На берегу их приняли три десятка ополченцев, не весть как оказавшихся в нужном месте. Причем, вооружены они были... Винтовками. Это что же за человек такой этот Карпов, коли даже ополченцы у него имеют оружие, которое по карману далеко не всякому шляхтичу?

А еще, все они были одеты в мундиры, ярко желтого цвета, непривычного кроя. Солдаты на борту судна в таких же, только темно-зеленых. С другой стороны, кто и как только не забавляется, коли средства позволяют. Сегодня формой никого не удивишь. Разве только она не особо

отличается от гражданского платья. Эта же не имела с ним ничего общего.

Пока ополченцы принимали пленников, определяя их состояние, пароход причалил к противоположному берегу, и солдаты быстро собрали всех раненых. Перевязали, и присовокупили к пленникам. Набралось около полусотни. Командир ополченцев от души начал переругиваться с начальником солдат, поминая всех его родных.

По всему выходило, что тот вроде как повеселился от души, а ополченцам теперь расхлебывать кашу. В смысле, принимать заботу о раненых. И хорошо, мол, что штурмовики хотя бы перевязали раны. Хм. Странно. Если все то, что о них говорили правда, то к чему проявлять такую заботу?

И уж тем более, странно наблюдать такое со стороны штурмовиков. За их нападения и жестокость шляхтичи уже успели окрестить их лешими. Да что там! Константин прекрасно помнил, что именно они были повинны в поголовном убийстве его взвода, и товарища по турецкой кампании, Василя. Но факт остается фактом.

Впрочем, ополченцы недалеко ушли от них, и направились в заросли, вырубать лесины. Потом используя свои куски парусины, скроенные как-то по особому, сладили носилки. Правда, сами нести раненых не стали, предоставив эту честь шляхтичам. Но... Никто и помыслить не мог о подобной заботе.

Пароход же, сдав пленников, коротко просвистел, и зашлепал гребными колесами, вниз по течению. Не иначе как лешие приготовили еще какую каверзу. Они на такие дела мастаки. Вот только господина ротмистра это уже не касалось, потому как ему злой, подавленный и мокрый, он брел по тракту, неся на носилках своего товарища и заместителя. Крыштава достала-таки русская пуля. Едва не утонул. Но товарищи поддержали.

* * *

Трубецкой всматривался в поле боя, разворачивавшегося сейчас перед его взором. Место у него хорошее, на возвышенности, а потому видно далеко. А при наличии подозрной трубы, так еще и детали легко рассмотреть. Он ведь мало того, что расположился на высоком холме, так еще и на дерево взобрался, где ему устроили площадку. Небольшую, только одному человеку и поместиться. Но больше-то и не нужно.

Иное дело, что всего, ему все же рассмотреть не получалось. На

раскинувшихся перед ним лугами, помимо травы, хватало и иной растительности. Это и отдельные деревья, и заросли кустарника с камышом. К примеру, если на сотню другую сажен от торгового тракта, и трава помельче, и кустарник более или менее изведен, то чуть поодаль картина уж меняется.

Взять хоть его сборный конный полк. Возникнет надобность, так он сможет приблизиться к ляхам на расстояние в половину версты. Да так, что те его заметят, только когда он уж в атаку перейдет. Вот только, не самоубийца он, вести своих людей на верную гибель. Уж кто-кто, а он знал цену шляхетской гусарии. Опрокинут его сборную солянку в тысячу копий, и глазом не моргнут.

Вон их полковник, оставил в сторонке сильный резерв. На вскидку сотен пять, шесть. Да только было дело, что такими силами гусары опрокидывали и добивали противника в несколько раз превышавшего их по численности. Так что, тут нужно действовать не грубой силой, а умом.

Хм. Ну и поторопиться. Эвон, что творится на левом фланге у Карпова. Все в дыму и огне. Именно что огне. Отсюда отчетливо видны языки жаркого пламени, мечущиеся горящие фигурки, вздымающийся в небо густой черный дым. И среди этого разрывы гранат, и вспухающие белые облака порохового дым, контрастно выделяющихся на фоне черного от пожарищ.

А еще, множество тел павших людей и лошадей. Большое число раненых, бредущих в тыл. Бесхозные кони, мечущиеся по лугу, или испугано жмущиеся друг к другу. Картина по настоящему страшная, и ничем иным, как поражением быть не может. Даже если командир литовцев этого не понимает. Ну или по меньшей мере, замлятинцы сумели выстоять, отбив наступление многократно превышающего по численности врага, нанеся ему катастрофические потери.

Сам Трубецкой уже давно сыграл бы отступление. Потому что продолжать лобовую атаку в такой ситуации, это глупость несусветная. Еще немного, и поражение может обернуться самым настоящим разгромом. Но полковник Савенок, не отличается глупостью. Иван Юрьевич знал это совершенно точно. А значит, он на что-то рассчитывал...

Князю Трубецкому в первый же день удалось собрать в шесть сотен всадников. В течении последующих трех, его ополчение возросло до тысячи. И все это время, он выжидал, встав лагерем в глухом лесу, окрест Острова. Никакого обоза. Каждый из воинов взял с собой провианта сроком на несколько дней. Правда, припасы пришлось пополнить. Но удалось сделать это скрытно, не привлекая к себе внимания.

Он даже не высылал разведку, опасаясь того, что те могут быть обнаружены. Нет, не ляхами, а разведчиками Карпова. Место предстоящего сражения. Князь предположил с большой долей вероятности, и как результат не ошибся. Ляхам надлежало либо взять сначала Остров, либо обезопаситься с его стороны, выделив для этого часть войск.

Брать Остров им было незначит. Не такой уж и богатый пригород. Чего не скажешь о Замятино. Поэтому, выбор очевиден. Тем более, что численный перевес вполне позволял это. На дружину Карпова навалилось около пяти тысяч ляхов и немецких наемников. Хм. Сила грозная, но недостаточно. Обороняющиеся выстояли. Если судить по количеству использованных боеприпасов, то серебра это стоило изрядного. А как в ином плане, так получается, что чуть и не с легкостью опрокинули врага.

Так вот. Как только ляхи приступили к устройству переправы, князь тайно посетил Островского посадника, и оговорил с ним взаимодействие на несколько вариантов развития событий. И похоже, сейчас осуществлялся один из сценариев. Все говорило о том, что полковник вскоре отдаст приказ на отступление, после чего организованно отойдет за реку. А там, и уберется обратно в Инфлянцию. Вот только князя подобное никак не устраивало.

— Прохор, подавайте сигнал, — склонившись, отдал он приказ находящемуся под деревом вестовому.

— Слушаюсь, — задрав голову прокричал парень, и тут же вскочил на коня.

Вскоре, чуть в стороне, в небо поднялся черны столб дыма, который впрочем очень быстро пропал. Но этого было более чем достаточно. В литовском лагере его могли и не заметить. Все же основное внимание приковано к полю боя или пригороду. А вот островской посадник не мог не заметить, потому как внимательно следил именно за этим местом.

В подтверждение этого, уже через пять минут ворота распахнулись выпуская за стены около семи сотен ополченцев. Здесь были практически все защитники Острова. Случись атака, и пригород защитить будет некому. Старики да бабы, конечно какое-то время продержатся на стенах. Вот только, совсем недолго.

* * *

Полковник Савенок наблюдал за полем боя, с нескрываемой злостью. Вот пусть только сподобит Господь, чтобы этот Карпов попался ему в руки,

и он пожалеет, что вообще родился на белый свет. Эти сволочи рвали его людей на части, забрасывая их просто запредельным количеством бомб. Выкашивали своими убийственными и точными винтовками. Подрывали минами и уже знакомыми картечными. И под конец, начали заливать шляхтичей и наемников жидким огнем.

Хм-м. Похоже, слухи о греческом огне, или чем там еще, оказались правдивыми. Обороняющиеся обильно заливали пламенем наступающих, превращая их в живые факелы, мечущиеся по полю, не разбирая, куда именно бегут. Случалось и обратно, бывало и в сторону противника. Свои пытались потушить огонь, хоть и безуспешно. Враги, попросту добивали бедолаг, не желая тратить на них время.

И все же полковник ждал. Он отправил своего лучшего и самого надежного ротмистра во главе двух хоругвей, в дальний обход Замятлино. Тот уж вот-вот должен был ударить в тыл обороняющимся. И как только это случится... Главное прорвать оборону дружины боярина Карпова. А там, дело будет сделано.

Хм. Да какой он боярин. Так, выскочка, и не более. Сам Савенок шляхтич уже в десятом поколении, и помнит всех своих предков. А этот... Мужлан. Пусть и талантливый.

— Господин полковник, дозволейте доложить?

Савенок в удивлении уставился на подскакавшего всадника, и на остановившихся поодаль порядка сотни шляхтичей. Он помнил этого поручика из хоругви приданной Острожскому.

— Говори, — заподозрив неладное, потребовал полковник.

— На нас напали при переправе. Большие силы. На том самом корабле с машиной. Только теперь на нем установили пушки. Дождались когда большинство из нас окажется в воде и беспомощными, появились из-за поворота и ударили картечью в упор. А потом еще и добавили из сотни этих самых винтовальных мушкетов.

— Да откуда у Карпова такие силы? — В сердцах, едва сдерживаясь, и скрипя зубами, произнес полковник.

— Предполагаю, что он собрал ополчение

— И вооружил их винтовальными пищалями?

Впрочем, полковник тут же поспешил поглубже спрятать свое недоумение. От Карпова подобного вполне можно было ожидать. Почему? А что он делает сейчас? По сути, попросту заливает атакующих серебром. Трудно себе даже представить, во что ему обойдется этот бой.

— Трубач. Труби отход.

Все. Надеяться больше не на что. Козырь в его рукаве оказался

бесполезен и не сыграл. Теперь остается только одно. Отступить сохраняя порядок, и вывести остатки армии.

— Господин полковник, островитяне открыли ворота, и выходят за стены, — Вдруг доложил один из вестовых.

Полковник со своим штабом расположился на вершине невысокого холма, который все же давал неплохой обзор. При этом, он находился примерно посередине между Островом и позициями обороняющихся, в паре верст от них. Расположись он ближе, к полю боя, и не имел бы обзора, а как следствие возможности оценить обстановку. Был еще один холм, повыше, но тот располагался в двух верстах севернее, а значит значительно дальше от места боя.

Савенок обернулся в сторону Острова. Никакой ошибки. Все именно так и есть. Неужели посадник решил, что шляхетское войско разбито, и пожадничаив захотел поживиться за счет обоза? Хм. А что, очень даже может быть. Общая картина складывается так, что шляхтичи терпят поражение. Находящиеся же в резерве три хоругви гусар, защитникам города попросту не видны. Конечно сложно спутать крылатую конницу с кем иным. Но ничем другим эту глупость, полковник объяснить не мог.

Он поднес окуляр подзорной трубы к глазу. Никакой ошибки. Это никакая-то там толпа, а ополчение, причем неплохо экипированное и подготовленное. Псковичи за свою историю слишком часто подвергались нападениям соседей, и коль скоро до сих пор оставались самостоятельными, это говорило о том, что драться они все же умеют. Вот только сейчас они совершили несусветную глупость.

— Вызвать ко мне ротмистра Жидковского.

— Слушаюсь, — тут же отозвался один из порученцев.

Атака гусар, все может изменить самым кардинальным образом. Единым махом разбить островитян, отчего-то решивших, что в тылу не осталось больше войск, и обоз беззащитен. А потом, единым махом захватить и сам Остров. А тогда уж картина разительно изменится, и ситуация из проигрышной, превратится в выигрышную. У них как минимум появится порядка трех тысяч заложников, за которых можно потребовать значительный выкуп.

Останется конечно крепость, которая как раз и находится на острове, образованном рекой Великой и протокой. Но что такое стены самой могучей твердыни, без защитников? Гора сложенного камня, и только...

Иван так же расположился на самом возвышенном месте позиций батальона. То есть, на том самом холме, где находилась батарея младшего брата. А потому, обзор у него был превосходный. Даже роща, что росла посередине поля боя, не особо мешала. А уж что касается лагеря ляхов и Острова, так и говорить нечего. Вон они, как на ладони.

Вполне ожидаемо прозвучал сигнал к отступлению, и изрядно побитые хоругви и роты начали откатываться назад. Минометный обстрел так и не возобновился. Но солдаты и не думали останавливаться, выпроваживая непрошенных гостей точным винтовочным огнем.

Что же. Теперь дожидаться ночи, и приласкать их пушечным и минометным огнем. А там, гнать, гнать и гнать. Если господин полковник отчего-то решил, что с ним тут кто-то будет раскланиваться, то сильно ошибся. Солдаты в ротах все сплошь молодые, крепкие, и прошли серьезную подготовку, а за последние сутки хорошенько так отдохнули. Так что, весело будет дорогим гостям. Ох весело.

А эт-то еще что такое!? Не веря своим глазам, Иван даже посмотрел в подзорную трубу. Твою в гробину душу мать нехай!!! Это чем там думает Рукавишников, если такое вытворяет!? Вот не верилось, что князь, мог назначить своим посадником какого идиота. Сам не таков, чтобы доверять командование дебилам. Но тут похоже все таки клиника.

Неужели островитяне не видели переправляющуюся крылатую конницу? Неужели так трудно их отличить, и не понять, что они в атаке не принимали участие? Поверить в это было трудно. Очень трудно. Но как тогда объяснить происходящее?

— Митя! — Наплевав на вестовых, находящихся неподалеку, Иван сам пробежался по холму, и рванул брата за руку.

— А? Что? Что случилось Ваня?

— Гляди!

— Ну вижу. Островитяне решили пойти в наступление, — ничего не понимая, ответил Митя.

— Не в наступление они идут, а на смерть! — Возмущенно выкрикнул Иван. Немедленно наводи орудия на гусар.

— Понял.

— Действуй.

— Батарея-а! Слушай мою команду!..

Вскоре орудия обрушили прямо-таки ураганный огонь на скопление гусар. Вот только это вовсе не значит, что им удалось тех разогнать. Гусары, это элита, и среди них сплошь ветераны, успевшие хлебнуть лиха войны и пройти сквозь множество сражений.

Так что, ни взрывами, ни смертью товарищей их не пронять. Хотя, потери и случились изрядные, это ни коим образом не сказалось на их боевом духе. Шляхтичи под которыми убивало лошадей, достаточно равнодушно взбирались на коней своих товарищей, которым не повезло быть убитыми или ранеными. Единственно, что они предприняли, это рассредоточились, так чтобы одной гранатой не валило сразу десяток.

Наконец островитяне достаточно отделились от стен города, и гусары выметнувшись из-за холма, пошли в атаку. Митя тут же начал вводить поправки, стараясь сопровождать атакующих артиллерийским огнем. Интенсивность стрельбы резко пошла на убыль. Наводчикам все время приходилось менять угол возвышения.

И тут случилось нечто из ряда вон. Нет, не дурень посадник. И не застила ему взор жажда наживы. Все гораздо проще, и сложнее одновременно. Из лесочка справа, примерно в паре сотен саженой от островитян и гусар появилась псковская конница. Вот так, в одночасье ляхи оказались зажатыми между пехотой и кавалерией.

Выход только один, смять одного противника, пока не успел подойти другой. И командир гусар выбрал пехоту, намереваясь пройти сквозь нее, как нож сквозь масло.

Но перед ударом, им нужно было сбить строй. Потому как островитяне как раз успели занять позицию между двумя солидными островками камыша. Не иначе как там были заболоченные участки, а потому коннице лучше бы обходить те места, где она будет лишена главного своего преимущества, подвижности.

Впрочем, с перестроением гусары управились просто великолепно. Вот только, и Митины пушкари успели изрядно приноровиться. Ну или, так все сложилось. Четыре султана разрывов случились как раз в гуще всадников, и буквально за спинами первых рядов. Благодаря этому напор первого удара удалось сбить, а на второй не оставила время подоспевшая конница во главе с князем. Удар во фланг оказался страшным.

— Вот молодчина, йолки! Звали тебя, гад, паршивый! — В сердцах, бросил Иван.

— Что не так, брат? — Удивился Митя.

— Все не так, братишка. Все.

— Толком-то объяснить можешь?

— А чего тут объяснять, — безнадежно махнул рукой Иван. — У нас только что украли победу.

— Это вот этот-то удар? — Искренне удивился Митя. — А ничего что мы тут покروшили целую уйму народу. Ты погляди только на луг.

— Ну и кому это интересно? Не важно, кто и как сражался. Главное кто и как поставил точку. И у князюшки получилось просто на загляденье, — качая головой, пояснил Иван.

Н-да. Жаль конечно. Но не все еще потеряно. Если Кузьма сработает как полагается, глядишь, еще удастся оставить славу за собой. Так, и где он сейчас находится? В Замятино, где же ему еще-то быть. Его дело разведка, а не в бою смерть искать. Тут уж как-нибудь и без него обойдутся. Он же, пусть занимается тем, что у него получается лучше всего.

ГЛАВА 8

— Бойся!

Предостерегающему выкрику вторил легкий хруст, быстро перешедший в громкий треск, а затем скрежет. Зеленый великан проломившись сквозь кроны своих товарищей, обламывая сучья завалился на землю. Несколько раз колыхнулся, создавая иллюзию последнего вздоха павшего героя. И наконец окончательно замер.

Люди с топорами наперевес, возбужденно перебрасываясь шутками, направились к павшему исполину. А вскоре округу огласили удары топоров, вплетаясь в общую какофонию лесоповала. Там где трудится сотня лесорубов тихо не может быть по определению.

Двое пильщиков свалив дерево, переглянулись и направились к другому, помеченному лесником. День только начинается, и прохладиться некогда. Есть дневная норма, и ее необходимо выполнить, а иначе ни платы ни обеда. Здесь принцип прост как мычание коровы. Кто не работает, тот не ест. При этом не сказать, что требования столь уж запредельные. Пусть наличие вооруженной охраны и указывает на то, что трудятся здесь подневольные.

— Острожский! Калинчук! К господину управляющему! — Раздался зычный голос десятника охраны.

Константин Иванович переглянулся со своим оруженосцем, и прихватив инструмент, они направились в сторону выкликавшего их. Шли неспешно, с достоинством. Один из них шляхтич, коему его положение велит блюсти себя. Второй верой и правдой служит своему господину, и прекрасно сознает, что по его поведению будут судить и о нем.

— А, вот ты где, Константин Иванович. Идите к каптеру, сдавайте инструмент, и отправляйтесь в лагерь.

— Без конвоя, — невесело ухмыльнулся шляхтич.

— А на кой он вам, конвой-то? Смысла вам бежать никакого. Выкуп за тебя пришел, а потому хочешь прямо сейчас в бега подавайся, искать никто не станет, — пожав плечами, ответил десятник.

— Ясно. Ну что, Микита, пошли что ли.

— Как скажете, пан.

— Да так и скажу.

Каптер оказался на месте и без вопросов принял топор и пилу. Чай не глухой, и слышал как этих выкликали. Освободившись, Константин

Иванович еще раз окинул взглядом осенний лес, наполненный визгом пил, перестуком топоров, человеческими голосами и ржанием лошадей. Потом подал знак оруженосцу, и зашагал в сторону их лагеря, благо идти было не так чтобы и далеко.

Бой у неприметной речушки Бобровни закончился полным разгромом хуфы полковника Савенка. Сам он сумел избежать позора, сгинув в бою. А мертвые как известно сраму не имеют. А вот выжившим пришлось испытать эту чашу полной мерой. Части разбитого войска хотя бы удалось покинуть поле боя. А попросту бежать. Но многим довелось испытать горечь плена.

Микита, вполне мог бежать, и спасти добро господина. Благо тот брал с собой в поход немного, и вся поклажа с легкостью умещалась на одной вьючной лошади. И поначалу он так и поступил. Но потом узнал, что господин его то ли убит, то ли ранен, а то и попал в плен. Словом сгинул без вести. Вот и отправился напрямик к Замятлинцам, искать Константина Ивановича.

Нашел. Калинчука кстати в число пленных так и не определили. Тот сам решил сопровождать своего господина в неволе. Хоть куда, лишь бы рядом. Потому как он не мог и помыслить вернуться домой без Острожского. Рабская душонка? Ой не спешите клеймить. Верность, достойна только уважения. И мужчину искренне уважали как среди пленников, так и их охранников.

— Здравия вам, Константин Иванович, — поприветствовал вошедшего в конторку начальника лагеря, Карпов.

— И вы будьте здоровы, Иван Архипович. Видите как у нас получается. Вы мне жизнь спасаете, а я в ваш дом с оружием.

— То жизнь. И, признаться, грех на нее жаловаться. Живы, и слава богу. Но вот то, что не во всем себя считаете правым, это уже радует, — с открытой улыбкой ответил Иван.

А как тут себя считать полностью правым? Шляхтичи ведь полагали, что от отряда в три сотни человек никого в живых не оставили, а на деле оказалось совсем не так. Те кто в бою погибли это понятно. Те кто сумел вырваться из бойни на берегу реки, так же нашли свой конец. А вот попавшие в плен, выжили все.

Причем и немалая часть раненых. Разве только те, кто скончался от совсем уж тяжких ран. Но и к их спасению Карпов приложил все усилия, развернув в лесу самый настоящий госпиталь. И спасти удалось многих. Как и избавить от увечий. Местные лекари просто чудеса творили.

После сражения у Бобровни, княжеская и островская дружины собрали пленных и легко раненых. Им в основном достались гусары,

которые по большей части были людьми довольно состоятельными. Но даже в этом случае, тяжело ранеными никто заниматься не собирался.

Карпов же собирал всех без разбора, и в том числе прусских наемников. При этом в равной степени прилагались усилия по спасению всех раненых, и безнадежных в том числе. И что удивительно, немалая часть с тяжелыми ранениями поднималась. Вот и Крыштав уже встал на ноги, хотя пока и не мог работать.

Угу. В плену приходилось не гнить в подземелье или надрываться за баланду на рудниках и каменоломнях. Вовсе нет. Пленникам как раз предоставлялся выбор. Ты либо работаешь, при весьма солидном, надо сказать, заработке, и простом, но сытном котле. Либо сидишь в остроге на баланде и медленно загибаешься.

Это не касалось раненых, у которых был достаточно серьезный котел, дабы они могли подняться на ноги. Но потом выбор невелик. Либо работать, либо гнить в узилище. А что вы хотели. Жестокий век, жестокие нравы. Хм. Кстати, Карпов еще и проявлял прямо-таки верх гуманизма.

Те кто трудился на добыче болотной руды или лесоповале, за счет своего заработка со временем могли выкупиться из неволи. И это не был чем-то из ряда вон. Выкуп был фиксированным. Так что, года три, и выкуп будет уплачен.

Мало того, они могли даже часть заработка отправлять своим родным, правда при этом на выкуп отдавать придется куда дольше. Так что, на это никто не шел. А вот трудиться, как говорил молодой боярин, по стахановски, им никто не запрещал. Так что, перевыполнявшие норму, имели все шансы выкупиться и пораньше. Опять же, на добыче руды, где работа была не в пример тяжелее, и заработки были повыше.

Конечно был еще один выход. Податься в бега. Вот только удачных побегов пока не случалось. Беглецов неизменно возвращали обратно. Причем живых и относительно здоровых. После чего бросали в острог, на ту самую баланду. Выкуп их увеличивался вдвое, кто его уплатит, Карпову было без разницы.

Вот Острожский. На лесоповал он пошел не потому что не имел возможности выкупиться. Сумма конечно ни как за бедного шляхтича, а посolidнее. Но супруга и шурина все же сумели ее собрать. Вот только дожидаться пока его выкупят из неволи в остроге, категорически не хотелось. А так и чистый воздух, и физические упражнения, и сытная еда.

— Выпьете, Константин Иванович? — Приглашая шляхтича за стол, предложил Карпов. — Ну чего вы на меня смотрите, как на врага. Сами же сказали, что вы пришли ко мне как тать, а не я к вам.

— Сказал, то так. Но это вовсе не значит, что я буду с вами сидеть за одним столом.

— Бросьте. Была война, и мы бились каждый за свое. Потом плен, и тоже каждый на своем месте. Сейчас же, выкуп за вас уплачен, и мы снова на равных.

— Ну а коли так, то и я волен решать, с кем мне пить вино, а кого вызвать на поединок.

— Ага. А есть за что? По моему, так даже совсем наоборот, я заслуживаю всяческого уважения. Вы и ваши соратники ко мне как тати, а я о вас такую заботу проявляю. Может все же присядете и мы попытаемся договориться к вящей пользе Пскова и герцогства Задвинского^[24], - Пристально глядя в глаза Острожского, закончил Иван.

— Как вы сказали? — Взглянув на Ивана с прищуром, поинтересовался шляхтич.

— Вы не ослышались, Константин Иванович. Так что, давайте-ка мы с вами посидим рядком, да поговорим ладком. Уехать-то всегда успеете. Я вам даже всех коней ваших верну без выкупа.

— А как не договоримся?

— А не договоримся, так еще и заводных выдам. Только бы вы быстрее покинули Псковскую землю.

— Это вы на мою возможную глупость намекаете?

— Именно.

— А с чего вы взяли, что ваше предложение пойдет на пользу Речи Посполитой? — Все же присаживаясь за стол, поинтересовался Острожский.

— Вот только не надо приписывать мне слова, которых я не говорил, — разливая по кубкам вино, возразил Иван. — Я поминал герцогство Задвинское. О Речи Посполитой, разговору не было.

— Интересно, — беря оловянный кубок, подбодрил Острожский.

— Наше здоровье, — предложил тост Иван.

— За здравие, — поддержал шляхтич.

Выпили. Вот нравилось Ивану местное вино. Разумеется, хорошее, а не кислятина какая, или безбожно разбавленное. В его мире, если и доводилось пробовать, то либо порошковое, либо домашнее, но неизменно крепленое. А вот здесь, красное сухое... Только одни положительные эпитеты.

— Итак, не будем ходить вокруг да около, — посмаковав терпкий напиток на языке, вновь заговорил Иван. — Что готов предложить я. Вы, господин Острожский получите мою полную финансовую поддержку, дабы

занять пост Вилякского старосты. Нынешний допустил много промахов, и не удержал в узде шляхтичей, что привело к серьезным и весьма плачевным последствиям. Ну да, не мне вас учить, как это все можно обыграть к вашей пользе. Удивлены? Погодите, вы еще не все слышали...

— Вы хотите взять меня на свое содержание? — Прерывая Карпова, с прищуром, едва не прошипел шляхтич, подаваясь вперед и упираясь руками о стол.

— Спокойно, Константин Иванович. Спокойно. Ну схватитесь вы за нож, — Иван указал взглядом на обычный нож, лежащий на краю стола. — Даже может быть сумеете до меня дотянуться. Что сомнительно. Потому как будете застрелены, — теперь кивок в сторону застекленного окна.

Шагах в двадцати был виден стрелок, у коновязи, пристроивший карабин на поперечной балке. Услышать штурмовик ничего не услышит. Но зато и Острожского на прицеле держит качественно, и другим приблизиться послушать не даст. Как впрочем и стрелок на противоположной стороне, у поленницы дров, на которого Иван так же указал.

— А не боитесь, что промажут и угодят в вас?

— Эти? — Искренне удивился Карпов. — Вы их называете лешими. Они промахиваются крайне редко. Итак, я могу продолжить?

— Ну продолжайте, — выпрямляясь, и вновь беря в руки кубок с вином, произнес Острожский.

— Благодарю. Так вот, помимо того, что я помогу вам занять место старосты, я ежегодно буду выделять вам по двенадцать тысяч рублей. Это позволит содержать свою дружину. В этом году только по одной роте пехоты и хоругви шляхетской конницы. Но уже на следующий год, вполне достанет на пять рот и две хоругви конницы. Согласитесь далеко не каждый магнат может позволить себе содержание такой дружины. Выделяться будет не конкретно серебро. Я возьму на себя обеспечение вашей дружины. Поставки сукна на форму, оружия, припасов. На винтовки можете не рассчитывать. Но ваши солдаты получают отличные мушкеты выделки моего завода. Стволы у них конечно гладкие, но зато калибр ноготок к ноготку, выверенные пулелейки и высокая точность на дистанции до ста пятидесяти шагов. Кроме того, я поставлю по две легкие картечницы на роту, батарею из четырех полевых пушек. И самое главное, направлю к вам наставников. Они обучат ваших дружинников новым приемам боя, что обеспечит несомненное преимущество даже перед шведской и бранденбургской пехотой, не говоря уже об остальных, — внимательно глядя в глаза собеседнику, закончил Иван, и вновь пригубил вино.

Нет, Иван вовсе не собирался снабжать Острожского новейшими разработками. Еще чего не хватало! Картечницы предлагаемые Острожскому были сродни шведским. Такие же дульнозарядные, тот же вес, несмотря на наличие ребер охлаждения. Этого удалось достичь благодаря высокому качеству стали. Что в свою очередь позволяло достичь куда более высокой скорострельности, без опасений на самовоспламенение заряда.

Скорострельности в немалой степени способствовала простейшая противооткатная система. Ничего особенного, растяжки с пружинами, крепящиеся к колесам и хоботу станка. Для такого типа боеприпаса более чем достаточно. А как результат отпадала необходимость в накате орудий.

Преимущества подобных картечниц в боевых порядках пехоты с успехом доказали те же шведы. Ну и карповский батальон в недавнем бою. Пусть и было их только несколько штук. Эдакий современный пулемет. Правда, в свои полки Карпов собирался поставлять казнозарядные картечницы, с унитарным патроном без капсюля, в латунной гильзе. Но зато максимальная скорострельность такого орудия могла доходить до пятнадцати выстрелов в минуту.

— Хм. То есть, вы за свой счет вооружите дружину, которая может вам же и доставить неприятности? — Удивленно вздернув брови, спросил Острожский.

— Бросьте. Даже если я помогу вам поставить под ружье два полка, мне это ничем не грозит. Надеюсь у вас достанет ума, чтобы понять это. А еще то, что я не враг вам, но хочу стать другом.

— Но какая вам от этого польза?

— Прямая. Мне проще тратить деньги на содержание вашей небольшой армии, чем нести финансовые потери из-за набегов шляхты.

— То есть, говоря нормальным языком, вы хотите откупиться от Литвы данью?

— Не совсем. Вы сможете взять под свой контроль более половины границы между Инфлянтией и Псковом. И у вас будут силы, для того чтобы держать господ шляхтичей в узде. Кроме того, наиболее бедным, вы предоставите службу. Разумеется тем, кто примет новые веяния.

— Новые веяния? — Искренне удивился Острожский, делая очередной глоток вина.

— Разумеется. По моим прикидкам, уже через пару лет вы сумеете занять место воеводы Инфлянтского и контролировать всю границу. А там и завести чуть другие порядки. Шляхте пришло время меняться. И это явственно показала прошлая война со Швецией. Если бы магнаты

направили в действующую армию реальные силы, а не откупились от своего короля разной мелочью, то шведами пришлось бы несладко. Но вместо этого магнаты предпочли пойти под шведов. Вообще, Речь Посполитая сегодня существует не благодаря шляхте, а вопреки ей. Ну еще и стараниями самих шведов, которые своими зверствами довели чернь до всенародного выступления. А ваш сейм, где не способно пройти ни одно здравое решение? Словом, Речи Посполитой нужны серьезные реформы. Вот только это невозможно. А потому, некогда могущественное государство неуклонно идет к закату. Полвека, больше я ему не дам.

— И вы предлагаете...

— Пока только занять место воеводы. Вспомнить опыт герцога Курляндского и начать развивать в воеводстве различные мануфактуры. Повышение благосостояния позволит заручиться поддержкой местной шляхты. Подготовить и обучить преданные войска, что позволит противостоять как внешним, так и внутренним врагам. А там, когда придет время, а оно непременно придет, быть готовым отторгнуть воеводство от Речи Посполитой.

— Зачем это вам? — Вновь повторил вопрос шляхтич. — Посадить меня на место воеводы и обезопасить границы Пскова, это понятно. Но вы предлагаете идти дальше. Зачем?

— Псков граничит с Инфлянтским воеводством, Новгородом и Швецией. Война с последней, только вопрос времени. Молодой Карл так и бьет копытом, как застоявшийся жеребец. И в этой ситуации дружественный сосед нам вовсе не помешает.

— Ну, если шведы нападут на Псков, то под ударом непременно окажется и Речь Посполитая.

— Приятно иметь дело с умным собеседником, — отсалютовав Острожскому кубком с вином, и делая небольшой глоток, произнес Иван. — Ну и к чему тогда Пскову слабый сосед? — Продолжил он. — Шведы будут иметь явный численный перевес. Если мы встретим их на узком фронте, то без сомнений разобьем. Если они опрокинут польскую армию и захватят Инфлянцию, то учитывая Чудское и Псковское озера, протяженность границ со шведами увеличится в несколько раз. И ударить они смогут с нескольких направлений. Нет, я не сомневаюсь в том, что успею подготовиться, и в конце-концов переломлю Карлу зубы. Вот только до этого его солдаты успеют изрядно разорить Псковскую землю. А вот этого мне не надо.

— А если шведов достойно встретят в Инфлянтсии... — не договорив замолчал Острожский.

— Тогда и мы сумеем опрокинуть армию Карла, и вести боевые действия уже на их территории. Нам нужно немного, только город Нарва, чтобы контролировать устье реки, единственной нашей артерии в Балтику. Сегодня шведы нас буквально держат за горло, и позволяют вести торговлю только при несомненной их выгоде. Вы же получите Задвинское герцогство. Причем в куда больших границах, потому что мы прогоним шведов и из Эстляндии.

— И во главе этого герцогства вы видите меня?

— Надежного союзника и друга. И если это будете вы, то я буду этому только рад.

— То есть, даже если я откажусь, вы не отступитесь. Я правильно понимаю?

— Правильно.

— Но я буду знать, — глядя прямо в глаза Ивану, произнес Острожский.

— Да что вы, — тут же отмахнулся Иван. — Бросьте. Слухами земля полнится, и про кого только, что не говорят. Даже если вы выйдете с обвинениями против нового старосты на дворцовую площадь в Варшаве, это ничего не будет значить. Подумаешь, очередное обвинение очередного неудачника. А там еще и выяснится, что вы сами прочили себя на это место.

— Прямо как с вами и украденной у вас победой?

— Я гляжу даже в этой глуши в курсе.

— Не всякий день появляется князь которого сопоставляют с Александром Невским. И даже соотношение сил практически одинаковое. Так что, да, и до нас докатились вести, — ухмыльнувшись подтвердил Константин Иванович.

Ну а что тут скажешь. Если батальон Ивана разбил ляхов практически наголову, и вмешательство князя по большому счету уже не имело никакого значения. То на информационном фронте, Карпов был бит нещадно.

Кузьма конечно же попытался поднять волну, благо к тому и так все было готово. Вот только позиции его и молодого боярина были не так прочны, как у московской партии. К тому же, как выяснилось они так же готовились к вбросу своих сведений. Гонец умчался в Псков, стоило только начать гусарам сдаваться в плен. Так что, когда заряженные Кузьмой начали распространять свой вариант произошедших событий, по Пскову уже во всю гуляли пересуды о прозорливом князе Трубецком.

Мало того, его сравнивали с князем Александром Невским, и всюду звучали призывы, а не наречь ли князюшку Иваном Великим. А что такого?

По делам, да подвигам и награда. Заслужил! Псковичи были готовы князя на руках носить. А уж как княгинюшку привечали... Она и без того в любимицах была, а тут еще и такое подспорье.

Вот только бояре все же решили не перегибать. Нет, понятно, что тут по аналогии берется название реки Великой. Но... Словом, перебор, он и есть перебор. Но с другой стороны, не упускать же случай.

Потому московская партия и обратилась к вече сделав упор на то, что мол Великая не имеет к тому сражению никакого отношения. Ну течет себе рядом и течет. А вот пусть и неприметная, но оказавшаяся в гуще сражения речушка Бобровня, очень даже к месту. Ну и что с того, что речка мала? Тут главное не размер, а сам факт. Опять же, так оно и куда точнее выйдет. Ну и нарекло вече Трубецкого князем Иваном Бобровницким. И с этого дня, ему надлежало подписывать документы именно этим именем.

Обиделся ли он или глава рода Трубецких, на подобное поправление родового имени? Вот уж чего не бывало. То ведь честь великая. И пусть сам Иван Юрьевич знал, чего стоила та его победа на самом деле, это ничего не меняет. Сущность человеческая такова, что устоять перед многократно превосходящим врагом куда проще, чем перед медными трубами.

— Пример хороший, — согласно кивая, подтвердил Иван. — Кто станет кричать и обвинять громче, тот и победит. У меня средств на подкуп крикунов достанет. Оно даже на пользу новому старосте пойдет. Так что, нет у меня причин лишать вас живота.

— А с чего вы взяли, что герцогству вообще позволят появиться?

— Во-первых, оно уже существовало.

— Да но туда назначался губернатор и под двойным управлением.

— Угу. Потому и бардак здесь был побольше, чем в Польше и Литве. Да и в воеводстве сейчас та еще картина. В землях нужен хозяин. Один.

— Но этому не позволят осуществиться.

— А вот тут уже во-вторых. Вы никого не станете спрашивать. Но поступите по закону. Сначала стремительный разгром шведов, а затем, объявление конфедерации. Поводов можно найти сколько угодно, были бы единомышленники среди шляхты. Вон объявили же, чтобы добраться до меня и не вызвать серьезных дипломатических осложнений.

— Но король и магнаты могут отправить войска.

— Не думаю, что после Сандомирского рокоша^[25], кто-то захочет проливать кровь в гражданской войне. Но если так и случится, то вы сумеете отстоять свою позицию.

— Воевать на два фронта?

— Зачем же? Я уверен, что шведы ударят по двум направлениям. Карл молод, горяч и нетерпелив. Так что, пока вы будете охлаждать пыл короля и магнатов, я займу шведов. Поверьте, у меня получится. А потом мы вновь навалимся с двух сторон, и выбросим их с побережья. Ну а дальше, создание герцогства, и получение если ни герцогского титула, то пожизненного губернаторства и личного вассалитета королю. К тому же в вашу пользу будет говорить и то, что разбив шведов, вы сумеете вернуть Речи Посполитой не только расширившееся Задвинское герцогство, но и вассалитет Курляндии. Так что, все только на пользу вашей родине, как бы это двояко ни выглядело.

— Ловко у вас получается, — хмыкнув, произнес Острожский.

— Стараюсь, — вновь наполняя свой кубок вином, согласился Карпов.

— Вот так гляжу я на вас и мнится мне, что вы видите себя во главе Псковской земли.

— Вот уж чего мне не надо, — отмахнулся Иван. — Здешняя форма правления мне очень даже нравится. Несколько противоборствующих партий, вече, боярский совет, все это не дает власти застояться и превратиться в болото, как в той же Речи Посполитой. Но да, я вижу себя в числе тех, кто стоит у руля. А еще, вижу Псков независимым от Литвы, Москвы, Новгорода или Швеции. Оно и мне так спокойнее. Слышали о том, что я не мил в Кремлевском дворце?

— Ну а кто не слышал.

— Во-от. А поверите, если я скажу, что обвинения против меня были ложными?

— Хм. Скажем так, я бы этого не исключал.

— То-то и оно. Я же не желаю больше чтобы меня пинали и тянули к ответу по первому навету и желанию самодержца. А для того, должен стать достаточно весомой фигурой, и оказаться не по зубам царю Николаю.

— Ну что же, теперь мне хотя бы понятны ваши намерения. Кстати, а насчет великой княгини и вас, это впрямь пустой навет? Я это из чистого любопытства, — поднося к губам кубок с вином, с легкой улыбкой поинтересовался шляхтич.

— По большей части, навет. Начитавшись рыцарских романов, она действительно была мною увлечена. Возможно, причина крылась в том, что я был любовником ее тетки. Но общения меж нами, а уж тем более близости, никогда не было, не могло быть и не будет. Уж я-то хорошо знаю женщин из рода Рюриковичей.

— А если Елизавета станет вдовой?

— Вы это сейчас к чему?

— Просто подумалось. Вот ведь как порой случается. Князь Иван Бобровнинский украл вашу славу, а вы вынуждены охранять его как зеницу ока.

— С чего бы это?

— Так ведь если с ним что случится, то все обвинения падут на вас. Ну судите сами. Вас обвиняли в связи с великой княгиней. Трубецкой украл у вас победу, чем нанес серьезную обиду. Убив его вы не просто отомстите за свою обиду, но еще и расчистите себе путь к сердцу Елизаветы. Или, если быть более точным, то к ее телу. Ведь первая любовь, она незабываема.

При этих словах, Иван на некоторое время впал в ступор. Хм-м. А ведь он даже не думал в эту сторону. Многим он встал поперек горла. Причем уже здесь, в Пскове. Молодой да ранний, сверзивший древний боярский род, и по факту занявший его место. А тут еще и доходы такие, что вся казна псковская не сравнится, и дружина, которая в одиночку способна опрокинуть многократно превосходящего противника. Бояре не чернь, они-то уж верные выводы сделают.

— Данила — повысив голос позвал Иван.

— Здесь я, — через несколько секунд влетел в дверь денщик.

— Вестового, — не оборачиваясь к вошедшему, бросил Иван.

К этому моменту Карпов уже подошел к секретеру, и что-то писал, вооружившись ручкой, с которой никогда не расставался. К тому моменту когда он закончил, и запечатал послание своей печаткой, вестовой, молодой парнишка лет восемнадцати, уже стоял в дверях.

— Срочно доставить Кузьме Платоновичу, — протянув ему письмо, приказал Карпов.

— Слушаюсь!

Лихо козырнув, жест привнесенный Иваном, парень тут же скрылся за дверь. Только и того, что хлопнула дверь.

— Никак, я натолкнул вас на дельную мысль? — Кивая в сторону скрывшегося вестового, поинтересовался Острожский.

— Да. Благодарю.

— Отдали распоряжение об охране князя?

— Насколько это вообще в моих силах, при имеющихся возможностях. Мне конечно было бы выгодно его отсюда спровадить. Но ваша правда, смерть, только во вред. Ладно о том. Вернемся к нашим баранам.

— Что же, давайте, — согласился Константин Иванович. — Итак, все вроде бы выглядит стройно и пригоже. Но только до той поры, пока не начинаешь вдаваться в детали. Швеция имеет постоянную армию в

тридцать тысяч, в случае войны, это число может вырасти еще тысяч на шестьдесят. Даже при великом рушении, Речи Посполитой не собрать таких сил. Вы правильно заметили, что тому станут противиться магнаты, потому что каждый из них будет иметь ввиду то, что им предстоит еще защитить свои владения после войны. Вы великодушно согласились финансировать и обеспечить всем необходимым роту пехоты и одну хоругвь кавалерии. Для магната средней руки, это достойная дружина, но для тех задач о которых вы тут вещали... — Острожский многозначительно замолчал, и посмотрел на Ивана.

— Для начала давайте определимся, вы в принципе готовы ввязаться в это дело?

— В принципе, будет готов любой. Но чтобы принять решение, нужны частности.

— Согласен. Итак, как я уже говорил, половина из выделяемых мною двенадцати тысяч уйдет на то, чтобы добыть вам место старосты. Но оно и к лучшему. Сформированные рота и хоругвь, составят костяк будущей армии. Через год их число можно будет увеличить до четырех рот, больше не потянуть, и все той же одной хоругви. Со шляхтой все понятно, они учатся воевать с детства, и обучить кавалерию мои люди не смогут. Зато, если вы наберете молодых шляхтичей, податливых как глина и способных напитаться вашими взглядами, у вас будет в наличии командный состав будущей конницы.

— Вот значит как. Хм. И откуда молодым шляхтичам набраться опыта ветеранов?

— Разбавьте их теми, кто без сомнения поддержит вас. И никаких командиров со стороны.

— Л-ладно. Допустим с конницей все понятно. Но вот что касается пехоты... Четыре роты наемников, это всего лишь четыре роты.

— При обычном подходе, да. Но кто говорит о том, что следует поступать по давно заведенным порядкам? Официально, эти роты будут значиться как наемники. Мало того, они и жалование станут получать как наемники. Скажем по разряду московских солдатских полков. Как оно заведено и у меня. Вот только на деле они не будут наемниками в полной мере этого слова.

— Все. Вы меня запутали, — сдался Острожский, в недоумении глядя на Карпова.

— Объясняю свою мысль. За этот год мои наставники выучат слаженную роту мушкетеров, два расчета картечных, и один расчет пушкарей. Через год, вы наберете три роты новобранцев, и разбавите их

обученными взводами, и орудийными расчетами. Год усиленной подготовки, солдаты сдают оружие и расходятся по домам. На их место вы набираете новые три роты новобранцев, при прежних ветеранах, которые натаскивают новый молодняк. Таким образом, уже через три года в вашем распоряжении будет уже полный полк пехоты. При этом ежегодные расходы составят содержание все тех же четырех рот.

— Но стоит только отпустить солдата со службы, как он подается восвояси.

— Это если брать кого не попадая. Если же набирать рекрутов из местных крестьян, то уйдя со службы они будут возвращаться домой. И случись прийти врагу, окажутся под рукой, обученные и готовые сражаться.

— Солдаты, крестьяне? — С возмущенным призрением заметил Острожский.

Понять его было не трудно. Речь Посполитая уникальное в своем роде государство. Если в других странах доля дворянства от всего населения не превышала двух процентов, то в Польше шляхтичи составляли порядка десяти процентов, а в Великом княжестве Литовском так и все пятнадцать. Это было не просто дворянское сословие, но воины. Крестьяне и ремесленники в Речи Посполитой не воевали вообще.

И тут вдруг кто-то говорит умудренному годами шляхтичу, прошедшему горнило войны, что это не правильно. Что надо обучать воевать крестьян. Ну как можно на такое реагировать спокойно?

— Вы, Константин Иванович, видно успели позабыть о том, благодаря кому Речь Посполитая смогла изгнать шведов из Варшавы, и вообще с территории королевства. Но мне не сложно напомнить. Король в это время подался в бег, магнаты частью легли под шведов, а частью тряслись над своим добром. И тогда поднялся простой народ. Да нашлись бедные шляхтичи которые встали во главе крестьянских отрядов. Но основная масса была той самой чернью, о которой вы так презрительно отозвались.

Нет, все же правильно сделал Иван, что остановил свой выбор именно на этом шляхтиче. Он не стал бесноваться, выказывать гонор, указывать на слабоумие собеседника. В конце концов, шляхетское войско уже давно разбавляется наемной пехотой. А те как раз и набираются из черни.

Плохие бойцы? Да, не ахти какие, и шляхтичи постоянно прохаживаются на их счет. Но вот замятлинцы к примеру так же набраны из черни. И ничего, намылили холку их хуфе. И вообще, псковичи для войны всегда собирают ополчение. И ничего, сколько веков уже стоит их земля? Шведы, тоже набирают свою армию не из воинского сословия. И уж дважды хорошо мылили холку шляхтичам, отторгнув большие территории.

— Хорошо. Допустим вы правы, — вновь приныкая к кубку с вином, заметил Острожский. — Но скажите, как вы полагаете, сколько есть времени до того времени как шведский король начнет войну?

— Самое большее, три года. У молодого волчонка все сильнее прорезаются зубки, и он достаточно увлечен армией.

— То есть, к тому моменту у меня будет только полк пехоты, при артиллерии, я правильно вас понимаю?

— Абсолютно.

— Но этих сил недостаточно. Даже если я соберу шляхетское рушение по всей Инфлянтии, у меня будет слишком мало сил, чтобы противостоять шведам, я уж не говорю о победе, объявлении рокоша и противостоянию силам короны.

— Если не вступать в бой в открытом поле, а занять пограничные крепости, используя кавалерию для стремительных и внезапных ударов, в чем шляхтичи настоящие мастера, то все выгорит. Ну и опять же, мы поможем.

— Вы уже во второй раз говорите о своей помощи, а между тем у вас только три роты. Или я что-то не так понимаю?

— Именно, что не так. Уже в этом году, на базе этих рот, я разверну полный пехотный полк. И даже с небольшим запасом. На следующий год два полка. Еще через год, еще два полка. Так что, к возможному началу войны я смогу выставить пять полных полков. Да при большом количестве артиллерии. А это в общем, порядка семи тысяч штыков. Есть пробел в кавалерии, но с этим вполне справятся боярские дружины. Этого хватит и для прикрытия флангов, и для преследования отступающих.

— Вы настолько уверены в своих силах? — Усомнился Константин Иванович.

— Вы сами видели их в деле, и хоронили павших, — пожав плечами, возразил Иван.

— Да. Об этом я как-то и не подумал. Мне бы ваши винтовки... — Шляхтич вопросительно посмотрел на Карпова.

— Только если по паре штук на роту, для штуцерных бойцов, — отрицательно покачав головой, ответил тот.

— Ну хорошо. Допустим я согласился. Но четыре роты. Этого мало. Катастрофически мало.

— Понимаю. Если у нас будет в запасе время, тогда можно будет увеличить их число. К тому же, постепенно станут набирать обороты мануфактуры, и появится дополнительная прибыль которую вы сможете пустить на увеличение числа рекрутов. Поверьте, я и сам хотел бы

выделить вам больше. Но не могу. Уж слишком много взвалил на свои плечи.

— Но вы ведь говорите о двенадцати тысячах.

— Не пытайтесь найти излишки там, где их нет и в помине. Содержание одной роты, усиленной артиллерией в год обходится в две тысячи рублей. Полная хоругвь в две сотни всадников, четыре тысячи рублей.

— Но вы сами согласились с тем, что кавалерию обучать не нужно. Единомышленники? Я их наберу и так, — начал задумчиво перебирать варианты Острожский.

Во всем этом диалоге Ивану безусловно нравилось одно. Да, этот русинский шляхтич еще не дал своего согласия. И он еще будет серьезно обдумывать это предложение. Затратит на это не день и не два. Но он уже готов думать над этим предложением, он уже прорабатывает варианты. А главное воспринимает этот разговор всерьез. И это не могло не радовать.

— Вы, Константин Иванович, совершенно забыли о том, что вам надлежит охранять границу с Псковом, и не допускать на его территорию разных ловцов удачи. Иначе теряется смысл моего финансирования. А подобная охрана по силам только кавалерийской хоругви. Тем более, что пехота будет занята беспрестанными учениями.

— Н-да. Это я действительно упустил из виду. Но тогда, обучать новобранцев в течении полугода. Два полка все лучше одного. Или вы не сможете обеспечить всех оружием?

— Оружием обеспечу. Как и припасами. И заметьте, это пройдет по отдельной статье. А вот что касается сокращения срока обучения, плохая идея. Вся соль в том, чтобы противостоять врагу малыми, но хорошо подготовленными силами. Учебный процесс уже отработан и апробирован. Поверьте, меньше года никак нельзя. Научить крестьянина тупо палить из мушкета можно и за пару дней. Вот только после этого он не станет солдатом.

— Хм. Звучит убедительно. Но вы ведь понимаете, что этого явно недостаточно. Мне понадобится больше войск.

— Для задуманного мной плана, сил должно будет хватить. Опять же, не забывайте о том, что мне придется изрядно приплатить и за то, чтобы вы заняли место воеводы. Моя казна вовсе не бездонная.

Вообще-то, Иван мог увеличить выделяемую сумму. Но, развращать Острожского излишними средствами не хотелось. И вообще, в его планы входил сильный и дружественный сосед, а не пристроившийся к кормушке балласт. Карпов предоставит Константину Ивановичу средства и

специалистов, чтобы поставить мануфактуры. С отчислением части прибыли, ясное дело. По хорошему, тот может начать получать прибыль уже через год. Хочет увеличить число учебных рот, пусть шевелится.

— Иван Архипович, я слышал что вы принимаете у псковичей руду, по рублю за десять пудов.

— Очищенной и просушенной, — подтвердил Карпов.

— А что если я организую поставки руды из Инфлянт? Вы согласитесь закупать ее?

— Хм-м. Об этом я как-то не думал, — задумчиво потер подбородок Иван.

А ведь и вправду не думал. Было дело, новгородцы хотели поставлять руду. Но он отказался от подобных предложений, хотя и понимал, что часть руды поставляемой псковичами, является новгородской. Оно ведь как. Одно дело помогать землякам, пусть у тех и увеличился оброк, но тем не менее, достаток в семьях стал лучше. Те же, рекруты из молодых парней. Это ведь сродни отхожему промыслу. Послужил годик и вернулся домой с деньгой в кармане. И все это способствует росту авторитета Карпова среди псковичей. А какая ему польза от того, что он предоставит заработок новгородцам?

С чего такие рассуждения? Ну так ведь, шведская руда содержит вдвое больше железа, и на выходе дает куда более качественное железо и сталь. А начини он как пылесос собирать всю болотную руду окрест, так его ею попросту завалят. У него ведь объемы не сопоставимы даже с одной единственной домной из его прошлого мира.

Да и спрос на металл, оно конечно растет, но это вовсе не значит, что рынок бездонный. Он может увеличить объемы производства хоть вдвое, иное дело куда потом сбывать продукцию?

Впрочем, если немного увеличить объемы выплавки, то беды особой не случится. Рынок от одной домны не так чтобы и насытится. Иван же сможет не только компенсировать потери на закупку низкокачественной руды, но еще и что-то заработать на этом. И это при том, что эта же домна полностью снимет финансовое бремя по обеспечению дружины Острожского припасами.

Но серебро это не главное. Куда важнее то, что шляхтич еще не принял решение, но уже думает конструктивно, и в нужном ключе. А это уже дорогого стоит.

— Вот что, Константин Иванович. Я готов закупать у вас руду, сколько бы ты не поставил по цене рубль за десять пудов. Более того, за каждые тридцать пудов поставленной руды, вы будете получать пуд стали. Не

самого высокого качества, но это будет сталь, а не сырое железо. И продать его вы сможете рубля по два, а то и поболее. Итого, с каждых тридцати пудов выйдет пять рублей прибытка.

Любому могло бы показаться, что Иван нес при этом ощутимые убытки. И все выглядело именно так, при существующих технологиях. И только немногие задеиствованные на производстве здесь, и в Карповке, могли на это лишь хитро улыбнуться.

Эти самые тридцать пудов руды, только на сыром железе, в среднем приносили чистой прибыли шесть рублей. Сталь невысокого качества давала уже пятнадцать. При условиях выставленных Иваном сейчас, тринадцать.

— Хм. Может выйти изрядно, — задумчиво произнес Острожский, а потом посмотрел в глаза Карпову. — А с чего так-то? Ну и принимали бы, скажем, по рублю за пять пудов руды.

— Экий вы грамотей. Во-первых, тогда ваша выгода составила бы не пять рублей с тридцати пудов, а шесть. Во-вторых, я даю вам в руки удочку, рыбку ловите сами. Сами закупайте руду в Инфлянтти, сами продавайте сталь, сами ставьте мануфактуры. Сумеете получить изрядную прибыль. Сможете обучить большую дружину. А за оружие не переживайте. Его я поставлю в лучшем виде.

— Я еще ничего не решил, — беря кубок с вином, и отходя к окну, возразил шляхтич.

— Я понимаю, вам нужно подумать, — легко соглашаясь кивнул Иван.

Вот только ерунда это все. Решение Острожским уже принято. Даже если он еще сомневается, испытывает угрызения совести относительно фактического предательства своего королевства. А чем иным может быть задуманное? Вот только перспектива стать герцогом, не может не манить, как свет мотылька. Нет, можно конечно хапнуть серебро, и податься восвояси, благо сумма незначительная для масштабов задуманного, весьма существенна для одного. Но...

Острожский решительно опрокинул в себя содержимое кубка. Терпкое вино, скользнуло по горлу как простая вода. Н-нет. Надо подумать. Все взвесить, прикинуть, посоветоваться. Он ведь не один, у него есть жена, есть шурин, имеются друзья. Поднять такое дело в одиночку, без верных соратников, нечего и мечтать.

— Я могу узнать сумму выкупа, за некоторых из шляхтичей? — Обернувшись к Ивану, поинтересовался Константин.

— Назовите имена, и я их просто отпущу. Обставим так, словно вы спасли мне жизнь, и я оказался вам обязанным. Скажем, случай на охоте.

— И вы вот так просто откажетесь от выкупа? Даже если речь пойдет о десятке шляхтичей?

— Константин Иванович, я открою вам страшную тайну, я не получал за вас выкуп. Я даже не назначал его. Просто отправил вашей супруге послание о том, что вы живы, и попросил не предавать этот момент огласке. Но для всех вы выкупили себя из плена. Если понадобится, то я отпущу без выкупа всех, включая и раненых, которые помимо выкупа должны еще и за медицинскую помощь. Вот только стоит ли так-то демонстративно. Вот если скажем вы бросите клич среди шляхтичей, и организуете сбор средств. Плевать сколь мала будет сумма. Зато у вас появится обоснование выкупу пленников. Кстати, к этому же спасению можно будет привязать и начало нашего делового сотрудничества.

— Хм. В таком случае не следует подводить под ваше спасение и освобождение пленников. Пускай и дальше валят лес и добывают руду. Если я все же решу принять ваше предложение, — поспешно уточнил Острожский.

— Разумеется только в этом случае, — как всегда легко согласился Иван.

ГЛАВА 9

Ага. Ну наконец-то появились. Оно конечно князь не гнушается и в одиночку ходить, и не сказать, что это случается так уж редко. Скорее наоборот, очень даже часто. Вот только, поди подгадай момент, когда он будет один и в безлюдном месте. Тем паче, что в последнее время он в одиночку и не ходит вовсе. А двое сопровождающих дружинников... Оно конечно помеха. Но-о-о...

Случалось уж ему выходить в одиночку против нескольких противников. И то, что перед ним сейчас не наемники какие или разбойники, ничего не меняло. С одной стороны, он и сам имеет изрядный опыт. С другой, они ведь привыкли все больше с ворогом грудь в грудь рубиться. Противиться же удару исподтишка дано далеко не каждому знатному воину. Тут нужны особые умения, а главное, прямо-таки звериное чутье.

Убедившись, что вся троица свернула на довольно широкую и нахоженную тропу среди кустов вдоль берега Псковы, Захар, укрылся и затаился. Причем бывалый охотник проделал это настолько ловко, что и с пары шагов не враз рассмотришь, даже если будешь искать специально. Чего уж говорить о том когда взгляд только скользит по окружающим зарослям. Опять же, никто по настоящему опасности в пределах города не ожидает. Ну разве только темной ночью, а не светлым днем.

Правда, Крачкин все же ощутил некий отголосок неуверенности. Уж во второй раз ему приходится пересекаться с этим семейством. В первый раз, его хозяин новгородский купец Жилин, велел известить великую княгиню Трубецкую, тогда еще молодую царевну. Да только не срослось. И времени было мало, и на пути его встали стрельцы из десятка некоего Карпова, с которым у Игната Пантелеевича давние счеты, не смотри, что один другому в отцы годится.

Кстати, через этого Карпова, ныне псковского боярина, Захар дважды терял возможность обрести вольную. В-первый раз, когда случилась неудача с золотом. Во-второй, с царевной Елизаветой. И вот теперь Жилин в очередной раз расщедрился, пообещав вольную.

Чего греха таить, Крачкин поначалу доподлинно выяснил, кто именно охраняет князя. И успокоился только когда узнал, что десяток измайловских стрельцов обретается только возле княгини. Нет, ясно, что и дружинники псковские не бараны бессловесные. Но по поводу них у

бывалого охотника никаких предубеждений не было.

Князь идет впереди. Дружинники буквально на пару шагов позади него. Идти приходится в горку, потому как нужно сначала выйти к гостевым дворам, пройти их и только потом выйти на мост через Пскову. Ближе к нему стежки так же имеются, набила детвора пробавляющаяся рыбалкой. Но то уж придется продираться через заросли, а потому лучше малость обойти. И пусть мужчины крепкие, привычные к нагрузкам, и способные выдержать долгие переходы. Все же при подъеме дышат глубоко, а потому и со слухом у них не очень.

Захар дождался когда дружинники минуют его, и тут же вышел на тропу. Причем умудрился остаться незамеченным. Руки с зажатыми в них клинками разом разошлись в стороны, развалив жертвам глотки. Ветераны тут же позабыв об оружии, схватились за горло, заполним тропу характерным булькающим хрипом.

Несмотря на неожиданность, один из дружинников, Василий все же успел что-то такое заметить, и начал оборачиваться в сторону нападавшего. Нет, он не почувствовал опасности. Они вообще ничего не опасались, и считали охрану князя блажью Елизаветы. На Ивана Бобровнинского в Пскове разве не молились, всячески превознося его. Невиданное дело, но по популярности он сегодня затмил даже свою жену. Впрочем, никто не сомневался в том, что это только временно.

И тут... Он еще успел осознать опасность, и ухватить рукоять сабли. Вот только в следующее мгновение, он ее выпустил, зажав развалившуюся, кровоточащую гортань. Хрипя, с небывалой болью вдыхая обжигающий воздух, и полный безысходности, он осел на землю, глядя на своего убийцу. Невысокий зрелый, хорошо за сорок, муж, крепкого сложения. Двигается с необычайной легкостью и стремительностью.

Расправившись с обоими дружинниками убийца шагнул к князю. Тот успел почувствовать опасность, но как и его люди был приучен к сражениям. А потому первое что он сделал, это еще оборачиваясь потянул из ножен саблю. При этом он был довольно быстр, но недостаточно. Мгновение и клинок убийцы полоснул его по горлу. И следом, второй, взрезая уже не только трахею, но и яремную вену.

Сабля князя успела только наполовину покинуть ножны, когда все было кончено. Убийца не останавливаясь не на мгновение проследовал дальше, и вскоре свернул на неприметную боковую стежку, набитую мальчишками, а Трубецкой завалился на кусты. Проломившись сквозь тонкие ветви, он упал в траву, и выпучив глаза, хрипя разверстой глоткой, скончался, оставшись лежать в луже собственной крови. Впрочем, сухая

земля бабьего лета, довольно быстро впитала в себя влагу, оставив только бурое пятно.

* * *

Сашке наконец удалось улизнуть из дома. Батя у него был сапожником, и тачал знатные сапоги, передавая науку старшему сыну. И тому нравилось, создавать из простого куска кожи, красивую и носкую обувь. К делу он со всей душой. Вот только, малец двенадцати лет, мальцом и останется.

А потому малейший намек матушки, мол рыбки свежей давно не пробовали, мальчишкой был воспринят как руководство к действию. Отец еще толком и не сообразил, как этого постреленка и след простыл. Сообразивший что к чему сапожник едва выскочил на крыльцо, а Сашки уже и след простыл. И удочки, уж нету. Глянул на супругу с осуждением, а та только и того, что пожала плечами. Мол и сама такого не ожидала.

Вот только не суждено было Сашке сегодня порыбачить. Он уже выбежал по боковой стежке, на большую тропу, что вела к Великой башне, где любил рыбачить, как вдруг стал свидетелем нападения. Чуть выше по тропе, какой-то дядька, с двух рук, разом ударил в шею двоим дружинникам, а потом как-то походя, словно перед ним вовсе и не великий воин, зарезал князя Ивана Бобровнинского, коий врагов рубил от плеча до самого седла.

В испуге, Сашка шарахнулся в кусты, не в силах оторвать взор от убийцы, быстро поднимавшегося вверх по тропе. Наконец тот достиг стежки, которой пользовался Егорка, заводила с соседней улицы. Глянул по сторонам, и скрылся в зарослях. Но как ни краток был миг, что видел его мальчишка, Сашка его все же узнал.

Ну как. Узнал это громко сказано. Видел его недавно пару раз. В первый раз, на дворе постоялого двора в посаде за Окольным городом. Во второй, на торговых рядах, здесь в Запсковье. Детская память она крепкая, и впитывает в себя все как губка. Иное дело, что со временем часть информации уходит на задворки сознания. А со временем, если ее не тренировать, то многое проходит уже мимо сознания, не задерживаясь в нем.

С минуту Сашка сидел в кустах ни жив ни мертв. Он пребывал в полной уверенности, что этот аспид его видел, и сейчас непременно, выскочит из кустов, и набросится на невольного видока. Потом пришло осознание, что глупо так-то сидеть и дожидаться когда его схватят и убьют.

А как же иначе. Та легкость, с которой душегуб расправился с троими, стояла у него перед глазами так, словно он вновь и вновь видит произошедшее.

Нервно сглотнув, мальчик сначала попятился, а потом развернулся и побежал настолько быстро, насколько вообще был способен. В голове не было никаких мыслей. Даже картина расправы над дружинниками и князем уже исчезла. Зато яркими красками заиграла другая. И в ней, душегуб поймал Сашку, и со страшным оскалом резал ему горло.

— Ай!!!

— Ты чего, малец? — Любимов едва устоял на ногах.

Вообще-то он был редким гостем в Запсковской стороне. Но так уж случилось, что нужно было навестить больного купца. Мужчина солидный, и лечиться в госпиталь на отрез отказался. Лекарям же при госпитале не возбранялось иметь собственную практику.

Подумаешь, его переманили из Крыма большим жалованием и возможностью продолжить научную работу в лаборатории и под руководством Рудакова. Копейка она лишней никогда не будет. Как и практика. Лекарское дело требует постоянного совершенствования и все новых пациентов. А то где же еще можно набраться опыта. По книгам? Вот уж ничуть не бывало. Никакие книги не заменят личных примеров.

— Й-а-а... Дяденька...

— А ну-ка стой. Да стой, тебе говорю. На тебе лица нет. Что стряслось, паренек?

Сам не зная отчего, но Сергей вдруг решил, что это очень важно, и поспешил сменить тактику. Что тут же принесло свои плоды. Нервно сглатывая, и постоянно прерываясь, малец заговорил скороговоркой, впрочем, получалось у него откровенно слабо, и потому он потратил не меньше минуты, прежде чем сумел хоть что-то пояснить.

— Там это... Я на рыбалку... Тятка сапоги тачать, а мамка рыбки значит... Я удочку и по стежке... Всегда там хожу... А там этот... Ну тот который на постоялом дворе и на трожке... А князь, он по тропе значит к гостевым рядам... А тот... Ну тот, что у постоялого...

— Тихо Саша. Тихо. Что случилось? — Вдруг почувствовав тревогу, пытал парнишку Любимов, под взорами останавливающихся прохожих.

— Он значит сначала ножами дружинников, а потом и князя. Р-раз и все, — наконец выдал малец.

Впрочем, Сергей Пантелеевич его уже не слушал. О тропе, выходящей к гостевым рядам, да еще и в направлении указанном Сашкой, знали все. Поэтому, едва осознав, что случилось страшное, лекарь сорвался с места и

побежал за каменное строение. Несколько человек поспешили за ним. А то как же. Князь во Пскове только один. И он всегда был всеми любим. А уж после сражения на Бобровне, так и подавно.

* * *

Иван наблюдал за Лизой, ну той, что великая княгиня, и никак не мог разобраться в чувствах обуревавших его. Молодая женщина держалась стойко, и выдержала удар так, как то и положено представительнице дворянского сословия, и рода Рюриковичей в частности. Вот только было совершенно очевидно, что ее настигло самое настоящее и неприкрытое горе. И вот осознание-то этого сам ого горя, не давало Ивану покоя.

Что он ощутил узнав о гибели князя? Досаду, злость и даже ярость. Вот попади ему сейчас под горячую руку его политические противники, порвал бы как тузик грелку. Причем без разбора. Он попытался помешать этому. Но максимум чего ему удалось добиться, это того, что князь стал всюду ходить с парой дружинников. Да и то, уступив уговорам Елизаветы.

Но было еще одно чувство. Ревность. Да-да, самая что ни на есть банальная ревность. Он все понимал. У Лизы горе, погиб отец ее детей. Пусть, начавший расти живот под сарафаном пока и незаметен, тем не менее, Иван знал о том, что она в тяжести. Вот только поделаться с собой он ничего не мог и ревновал к покойнику.

А еще, испытывал... Облегчение и едва ли не радость от того, что великая княгиня теперь была свободна. Как? Когда, она угнездилась в его сознании? Ответа на эти вопросы он не знал. Но только сейчас вдруг осознал, что уже год у него не было ни одной женщины. Вроде и не монах. А подиж ты, как сподобился. Прямо как в той поговорке — воровать, так миллион, любить, так королеву.

— Прискакал? — Окинув его хмурым взглядом, задал риторический вопрос боярин Пятницкий.

Нет, новый соратник Ивана произнес это без намека на осуждение. Но случай такой, что радоваться особо нечему. Ефим Ильич прекрасно сознавал, по кому именно был нанесен удар. Опять же, по городу уже гуляет сплетня об обиженном боярине Карпове, в гордыне своей подославшего к князю целый десяток своих лешаков. Была версия и о двух десятках. А то как же! Всем ведомо сколь храбрым и умелым воином был князь Иван Бобровнинский! Такого одним десятком избранных воинов карповской дружины не возьмешь!

— И ты винишь меня, Ефим Ильич? — Тихо поинтересовался Иван, стараясь не привлекать к себе внимания.

Они находились в соборе, где отпевали князя, перед тем, как отправить его останки в Москву, где его похоронят в родовой усыпальнице. Кстати, мысль о том, что Елизавета будет сопровождать тело супруга, в очередной раз кольнула грудь острой иглой.

— Виню. Но в отличии от остальных, в том, что не уберег, — подтвердил боярин Пятницкий.

— Нельзя уберечь того, кто сам беречься не хочет. Мой Кузьма приставлял к нему парочку парней, чтобы сторонкой ходили. Так князюшка, царствие ему небесное, как заприметил, так сразу и в крик.

— Значит умнее нужно быть. Изворотливее.

— И без того верчусь, как угорь на сковороде. Где мне на всех изворотливости набраться.

— Не закипай. Лучше думай, — примирительно, произнес Пятницкий.

— О чем?

— О том, как это к себе на пользу обернуть. Чего глядишь? Любое дело можно обернуть как во вред, так и на пользу. Главное, чтобы рассмотреть ту пользу раньше остальных. Ну и знать, в чем она.

— Я сыщу убийцу. Клянусь.

— Ты не убийцу должен сыскать, а того, кто отдал приказ. Причем, чем быстрее, тем лучше. И хорошо бы еще до того, как княгиня покинет Псковскую землю.

— Так ей тут всего-то четверо суток. Бабье лето стоит, дороги сухие.

— Поболее. Завтра в путь она не выступит. И вообще, по нашим задумкам, хорошо бы ее на стол княжеский посадить.

— Ее?

— Именно.

— Бабу?

— Да брось ты. Подумаешь баба. Боярыня Марфа Борецкая, что Великим Новгородом крутила как хотела, чай похудороднее Лизаветы была, и ничего, все в рот заглядывали. А тут княгиней, считай бесправной. Да стоит только кличь бросить, как народ тут же подхватит, и никто тому воспротивиться не сможет. Но одно дело возвращаться в город, где мужа любимого погубили. И совсем другое, в град, где с его убийцами посчитались, до последней полушки, и до самого верха. Смекаешь, к чему это я?

— Думаешь кто-то из новгородской партии?

— Иль из московской. Князь с растущим влиянием и им не всем ко

двору. Твоя правда, будущее Псковской земли они видят подле Русского царства, но на особицу от него. Чему популярный князь может быть и помехой.

— А баба?

— А баба, она и есть баба. Никто ее в серьез не примет. Если только силу выкажет, да такую, чтобы всех в дрожь бросило. А до той поры, кукла, на княжьем столе, золотое, доброе и отзывчивое сердце, всеобщая любимица, и не более того. Но такую-то народ и любит и примет безоговорочно.

— Согласен.

— А коли согласен, то действуй. Пять дней у тебя. Ну может шесть.

— И что, обязательно нужно поспеть, пока она не покинула Псковскую землю?

— Непременно, Иван. Непременно.

— Хм. Ладно. А потом, я ведь все одно заинтересован в том, чтобы найти всех причастных. Так что и выбора-то у меня нет.

— Вот это уже умно, — похвалил его Пятницкий.

Старший сподвижник так раззадорил Ивана, что он едва выстоял до конца службы. А как же, уйти не то что признак дурного тона. Это попросту неприемлемо.

Покончив с делами в кресте, Иван поспешил в трактир неподалеку. Именно там его должен был ждать Кузьма. Вообще-то Карпов уже прикупил участок в престижном Среднем городе. И там уже во всю идет строительство дома. Вот только строил он его из кирпича, в московском стиле, а потому и времени на то требовалось куда как больше.

Мало того, усадьба, должна была быть не просто богатой. Иван собирался устроить в ней освещение газовое освещение, причем не карбидными лампами, а газогенератором. Карбидки они хороши в виде компактных светильников и фонарей. Для общего освещения дома, это дело было уже накладным.

Здесь было принято пользоваться канделябрами, но никогда с наступлением ночи не зажигали люстры. Эдак никаких свечей не напасешься. Газовое же освещение наоборот, будет приносить прибыль. Самое лучшее топливо для газогенератора это береза, побочным продуктом которой являются качественный древесный уголь и деготь. Товар, который всегда найдет своего покупателя.

Ну да, это дела будущего, пусть и недалекого. Пока же, приходится встречаться вот так, в трактире. Впрочем, не сказать, что Иван по этому поводу как-то комплексовал. Опять же, хозяин проникся уважением к

постоянному и щедрому посетителю, а потому всегда был готов предоставить ему отдельный кабинет. А случись тот занят, так и накрыть в своей комнате. Впрочем, Иван предполагал, что тут не обошлось без стараний Кузьмы. Уж больно шустрым был этот с виду неказистый мужичек. И хватка у него была поистине бульдожьей.

— Что скажешь, Кузьма Платонович? — Усаживаясь за стол, и набирая в кружку сбитень, поинтересовался Иван.

— А что тут скажешь. Один из дружинников выжил. Повезло служивому, нож только глотку вскрыл, до яремной вены не добрался. Ну и то что поблизости случился Любимов. Ходит ручки потирает. Мол такой случай, такой случай, — передразнил лекаря Овечкин.

— Дело говори, — утирая усы и бородку, приказал Иван.

Угу. Никуда не денешься. Боярин должен быть с усами и бородой, и весь сказ. А иначе народ не поймет. Хорошо хоть постоянное бритье привело к тому, что теперь лицо зарастало одинаково густо, а не клочками, как раньше. Впрочем, может бритье тут и ни при чем, ну да без разницы.

— А по делу, дружинник видел убийцу. И узнать его сможет.

— Угу. Только для начала должен поправиться. Кто их обнаружил-то?

— Мальчонка один, сын сапожника. Случайно все вышло. Сначала из кустов сумел рассмотреть душегуба. Потом набежал на Любимова. А тот как раз возвращался от больного купца, при своей лекарской сумке. Ну и смог спасти Василия, дружинника значит.

— Выходит, двое уж видели убийцу.

— Поболее. Малец опознал его. Видел разок на гостевых рядах, наверное когда тот примерялся к князю. Тот зачастил на укрепления по правому берегу Псковы, в связи с ремонтом стен. А вот во второй раз он его видел уж на постоялом дворе, в посаде.

— И ты сумел установить кто он, — тут же сделал стойку Иван.

— Хозяин, его жена, старший сын да подавальщица, смогут его опознать, говорят, что поговору вроде как новгородец, звать Никодимом. Но имя ничего не скажет.

— Ага. Как и представленные видоки. Убийство князя взваливают на меня.

— Знаю. Но если сыщем убийцу...

— Ну да. Возьмем с собой толпу видоков, и станем бродить по Новгороду. А душегуб тем временем может и вовсе убраться куда подальше. Да хоть в ту же Мангазею. Иди свищи его. Вот если бы можно было составить хотя бы фоторобот... Стоп!

— Чего это фото?.. — Запнулся Кузьма так и не сумев выговорить.

— Не обращай внимание. Лучше скажи, художник тот московский, что приезжал писать портреты великой княгини и князя с семейством здесь еще?

— Да-а-а... Хм... Ну-у вроде не должен еще уехать, — с сомнением, что ему было не свойственно, ответил Кузьма.

— Разузнай. Коли уехал, шли за ним вдогонку хоть пароход, но сыщи и доставь со всеми его вещами на тот постоялый двор. Туда же доставишь и мальчика этого. Все постояльцев гони со двора взащей. Хозяину скажешь, я все ему возмещу. И мало того, за помощь, еще и награжу. Ты с дружинником раненым не общался.

— Да куда с ним общаться, коли...

— И близко к нему не подходи, — строго припечатал Иван. — Вообще, чтобы никого из наших там поблизости не было. Я к Пятницкому, пуская расстареется, и охрану крепкую у того Василия выставят. Не понимаешь?

— Неа, — покачав головой, ответил Кузьма.

— Вот и ладно. Просто делай как я говорю. Потом все поймешь.

Художник еще был в городе, и собирался покинуть Псков Вместе с великой княгиней. Та согласилась предоставить ему место в своем караване. Опять же, дорога дальняя, кто же станет отказываться от попутчика, способного скрасить одиночество. Никакого подтекста. Все именно так и обстоит.

Правда не сказать, что его не удивила просьба Ивана. Пусть и щедро оплачиваемая. Он собрал всех тех кто видел убийцу, и предложил им высказаться, на кого по их мнению тот похож. Потом велел собрать на постоялом всех по их мнению похожих на разыскиваемого. Ну и поставил художнику задачу, нарисовать карандашный портрет разыскиваемого, по вот такому мудреному собирательному образу.

Признаться, Иван сильно сомневался в том, что у него что-то получится. Но, к его удивлению художник настолько увлекся этой идеей, что неотрывно проработал весь остаток дня и всю ночь. Утром же в руках Ивана был рисованный портрет мужчины средних лет, в котором все без исключения признали того самого новгородца. По заказу Ивана, художник быстренько изготовил копию, и должен был нарисовать еще несколько. Так будет куда удобнее.

Иван настолько не мог поверить в свалившуюся на него удачу, что тут же решил проверить ее еще раз. В Пскове как раз находился его компаньон, новгородский купец, Ерохин. Это только кажется, что Великий Новгород, большой город. На самом деле, в нем не так чтобы и много народу. Да еще

и все друг у друга на виду. А потому, вероятность того что кто-то из людей купца мог видеть искомого, была не столь уж и мизерна. Опять же, нужно же с чего-то начинать. Так отчего не оттуда?

— Ну покаж боярин, чего там я должен представить своим людишкам.

— Вот он, Авдей Гордеевич, — протянул Иван купцу рисунок.

— Хм. Так незачем тебе его показывать никому иному, — огладив седую броду, произнес компаньон.

— Ты знаешь его? — Боясь поверить в такую щедрость удачи, спросил Иван.

— Крачкин Захар. Охотник бывший. А ныне закуп, и подручный купца Жилина. Про того много чего поговаривают, да только доказать пока ничего не смогли. Был у него еще один мутный тип, Родька Кислицын. Но сгинул несколько лет назад в Москве. Не иначе как поручкался с таким же душегубом. А чего ты так-то на меня глядишь.

— Да так. Ничего. Спасибо тебе, Авдей Гордеевич. Не обессудь, но побегу я.

— Беги, чего уж там. Дел у тебя как я погляжу с избытком, да все горячие, как бы не обжечься.

Н-да. Неужели тут имеет место банальная месть, и псковская боярская боярская верхушка тут вовсе ни при чем. Хм. Может быть. У Жилина на Ивана давний зуб имеется. Правда все же сомнительно, чтобы тот вот так-то решился мстить. Опять же, по большому счету, Карпов ему не вредил, а только отбивался. Н-да. Ну допустим Родиона он убил, чтобы купец имел острастку. Нет. Все одно не сходится.

— Ты чего прибежал в такую рань-то? — Зевая недовольно проворчал боярин Пятницкий, выходя в светелку в одном исподнем.

Иван про себя сделал зарубочку. Нет, не пренебрежением отдает от подобного поведения. Наоборот, вот так запросто, бояре могут предстать только перед тем, кого за своего держат. Что с того, что еще и года нет, как они сблизилась? Порой куда меньшего срока достаточно, чтобы поверить человеку и принять его. А порой, и жизни мало. Вон, его бывший соратник Аршанский. И сын друга детства, и близок был, чуть ни как сын родной. А на выходе? Вот то-то и оно.

— Ну, не так чтобы и рано, Ефим Ильич, — возразил Иван.

— То вам молодым, что ночь, что рассвет, все едино. А нам старикам, уж покоя хочется, да бока подольше отлеживать.

Ага. Старик. Силен боярин приbedнаться. Ему еще и пятидесяти пяти нет, а туда же. Впрочем, мужчинам подобное свойственно. Это женщины

цепляются за свою молодость, как утопающий за соломинку. Мужчины же, бравируют своим возрастом. А то как же, эвон сколь мне лет, а я еще ого-го, молодым дам форы.

— Вижу вести есть? — Сбрасывая с кувшина рушник, и примеряясь к молоку, поинтересовался Пятницкий.

— Есть. Ты ведь знаешь, что душегуба того видели и малец, и на постоялом дворе, и выживший дружинник рассмотрел.

— Вестимо знаю. Да толку-то от того, — отмахнулся боярин. — Вот коли мы его поймали, да тем видакам представили, то дело иное. А так-то, что толку.

— Гляди сюда, Ефим Ильич, — выкладывая перед хозяином усадьбы, рисунок, предложил Иван.

— О как, пригоже рисовано. Хм. Может и мне того художника пригласить, пускай меня, да домочадцев срисует, на память потомкам.

— Ничего смешного в том не вижу. Дело хорошее, — поддержал его Иван.

— Это что же получается, художник тот, тоже видел душегуба?

— Нет. Видели другие. Да обсказали как тот выглядел, да на кого похож, а уж дальше талант рисовальщика сказал свое слово.

— И что, видоки?

— Говорят похож. А вот другой человечек признал в нем подручного купца новгородского, такого Жилина.

— Как ты сказал? — Вздернув бровь, поинтересовался боярин.

— Жилин, Игнат Пантелеевич. Никак имечко знакомо, Ефим Ильич? Коли есть что сказать, говори. Не то, как бы мне дров не наломать, что потом всем скопом не разберем.

— Кхм.

— Ефим Ильич, я ить не останавлиюсь.

— И откуда ты на мою голову свалился, — вздохнул боярин.

Нет, понятно, что можно и смолчать, и сделать морду кирпичом. Да даже войти в сговор с новгородской партией. Все можно. Вот только ни легче, ни проще от того не станет. И Карпов не из тех, что пойдет на попятную. Скорее уж наоборот. А силу он взял изрядную. Вот так вдруг и не скovyрнешь. Поди еще и ворогов своих к ногтю придавит. И дружину содержит такую, что лучше с ним не шутить.

Если только народ настроить против него. А сделать это не так чтобы и просто. Нет. Сейчас-то псковичи все больше верят слухам да пересудам, подогреваемым новгородской партией. Кто за этим стоит, Пятницкий сумел это выяснить доподлинно. Но как только Иван представит убийц и докажет

их вину, а никаких сомнений, что он это сделает, как все изменится. Он вновь обретет любовь народа, которая, как известно, переменчива.

Но главное даже не это. Пятницкий в лице этого молодого да раннего, нашел настоящего сподвижника. И правда состоит в том, что боярин всегда служил на благо Псковской земли. Конечно помнил о своих интересах, и всячески их придерживался. Но в общем и целом все же больше думал о благе Родины. Впрочем, как и остальные бояре. Просто каждый из них пользу видел по своему.

Словом, деваться некуда. Рассказал о заговоре, что имел место четыре года назад. Как порешили бояре известить царевну, и как для той цели обращались к купцу Жилину. И Пятницкий ничуть не удивится, коли тот же подручный купца, что побил дружинников с князем, организовал и то неудачное нападение на поезд царевны.

Вообще-то, сказать, что Иван был зол, это не сказать ничего. Ну а каково ему было выслушивать о том, что его сегодняшней соратник покушался на жизнь любимой. Плевать, что она тогда таковой не являлась. Хм. А может и являлась, да только он не мог разобраться в самом себе. Опять же, любовь это такое чувство, что должно настояться, как добрый взвар, или выдержаться, как благородное вино. Вспыхивает только страсть. Но она и прогорает быстро.

Однако, Карпов все же сумел сдержаться, и практически не подать виду. Даром что ли, он по возрасту, фактически, немногим отстал от собеседника. Оно конечно, далеко не факт, что с годами человек становится мудрее. Иной и в семьдесят не имеет в голове ничего, кроме дурости, да посвиста ветра. Но Иван к таковым все же не относился. Хотя и полностью скрыть своих чувств так же не смог.

— Осуждаешь? — Окинув его взглядом, спросил Пятницкий.

— А ты как думаешь? — Вопросом на вопрос, ответил Иван.

— Дело конечно прошлое. Но тогда мы не видели иного выхода.

— А потом появился я, и выход нашелся.

— Да. Ты на меня так не гляди. Было там у вас чего, иль не было, то мне доподлинно неведомо. А вот то, что сейчас ты к княгине неровно дышишь, то заметно сразу. Да только я все делал лишь во благо Пскову, и никак иначе. Были уж и мы и Новгород под Москвой, и ничего кроме разорения нам это не принесло. А потому снова пускать москвичей к себе не хотим. Эвон у нас кабальные, не чета московским в крепости сидят. Да только живут все одно лучше, чем в Русском царстве-государстве. Лекарей не так много, а от того и смертей случается поболее. Это да. Но сейчас-то уж который год все куда как лучше. И пусть то твоими стараниями, ты

Псковскую землю принял за свою Родину, а потому и руки Москвы тут нет.

— А как же великая княгиня. Чай она и днями и ночами о госпитале радела.

— За те деньги, что шли из твоего кошелька, и стараний твоего друга и соратника Рудакова в том деле куда как больше. Это ить он никому не дал растащить деньгу по углам, и притянул знающих врачей. Я умолять заслуг княгини не стану, но и превозносить свех меры не собираюсь.

— Хватит о том, Ефим Ильич. Меня убеждать не надо. Понимаю все.

Ну а как не понять. Если отставить в сторону чувства, и подойти к вопросу только с прагматической стороны, то действия заговорщиков вполне оправданы. Вот не верилось Ивану, что московское управление не наделает тут бед. Карпов предлагал уж Николаю куда как более выверенную и продуманную систему налогообложения. Да только обернулись те предложения вместо послаблений и прибытка в будущем, жестким завинчиванием гаек, и выдавливанием сиюминутной прибыли. Так что, понимал он бояр. Зол был безмерно. Но понимал.

— Это конечно плохо, что вы все лично встречались с Жилиным, когда против княгини умышляли, — между тем, продолжил Иван. — Получается, его на допрос тянуть никак нельзя. Но хорошо, Ефим Ильич, что ты мне все рассказал. Не то, наломал бы я дров. А так... Не думаю, что этот Захар ведает слишком много. Тут Жилину дураком нужно быть. А значит, его на дыбу мы потянуть сможем. Что до самого купца, то он ведь и при захвате погибнуть может.

— Если Жилина на дыбе не будет, то никаким рассказам убийцы бояре не поверят, покачав головой, возразил Пятницкий.

— Ладно. Давай тогда посмотрим на это дело с другой стороны. Неужели остальные бояре глупее меня, и станут поминать прежнюю историю с великой княгиней?

— Умысел против любимой сестры царя. Нешто он такое спустит? — Усомнился Пятницкий.

— Может и не спустит. Но кому из бояр от того польза? Вот в чем вопрос-то. И по всему выходит, что никому. Ну мало ли есть тайн которые похоронили в самом темном углу и не вспоминают о том? И это дело лучше забыть, да задвинуть подальше в сторонку. Потому как пользы никакой, один вред. Причем, всем без исключения.

— Хм. Согласен.

— Ну а коли согласен, то предлагаю тишком собрать всех бояр, кроме Медведкова и Горячинова в госпитале, да в их присутствии показать дружиннику этот портрет. Все они должны знать доподлинно, что я ничему

раненого не науцал, и ничего сам не придумал.

Если до этого еще были сомнения относительно причастности к убийству сторонников Москвы, то как только стало известно о Жилине, все сомнения сразу же отпали. Слишком серьезный вопрос, чтобы доверяться в нем не проверенному долгими годами сотрудничества. Так что, никаких сомнений, боярин Медведков в том деле увяз по уши. А вот причастен ли, и в какой степени Горячинов, предстояло еще выяснить.

— А как не признает Василий в том рисунке душегуба? — Усомнился Пятницкий.

— Тогда худо, — вздохнул Иван, но потом продолжил. — Нет, я все одно достану купца. Уж больно много концов к нему сходится. Но, желательно избежать самого маломальского сомнения среди бояр.

— Согласен, — вздохнул Пятницкий. — Ну да, чего тянуть. Сейчас же отпишу боярам, о встрече. Скажем, через два часа.

— Вот и ладушки. Ну и я пока отдам нужные распоряжения. Нужно готовить людей.

— Сам поведешь?

— Сам. И никак иначе. Мало ли какое решение нужно будет принимать прямо на месте. Подчас ведь и дурное, может пойти на пользу, а мудрое, сильно навредить.

— Н-да, Ваня. И где только ты седину свою потерял.

— Да было дело. Сам не знаю, как такое получилось.

Хотя и с улыбкой, но вполне искренне ответил Карпов. Вот только, откуда же Пятницкому знать, что за смысл вкладывал в эти слова его собеседник и союзник.

* * *

Как и предполагал Иван, раненый дружинник сразу же опознал убийцу. И это послужило серьезным аргументом в пользу Ивана. Более того, его версия о причастности к убийству новгородской партии была принята как приоритетная. Впрочем, могло ли быть иначе. О покушении на Елизавету, предпочли пока не вспоминать. Ну мало ли. Не станут спрашивать о лишнем, так и купец на дыбе не скажет ничего лишнего.

Странное дело, но никого не смутил тот факт, что придется умыкнуть уважаемого новгородца, и пытаться его нещадно. Иван отчего-то не сомневался и в том, что того еще и казнить могут по тихому. Пропал мол человек с концами. Ну чего только на свете не случается. То-то пытали

Ивана, сможет ли умыкнуть Жилина тайком, так чтобы концы в воду.

Угу. Ссориться с сильным соседом Пскову не с руки. Оно конечно не сказать, что псковичи так-то уж сильно опасаются новгородцев. Но и драться по поводу и без, не горят желанием. Да оно и понятно. В обеих землях у руля стоят по большей части торгаши, а не воины. Вот и псковские бояре, и торговлю ведут, и землю обихаживают. Дружины же представляют собой посадскую конницу...

Уже после полудня Иван выступил в путь во главе отряда из десятка лешаков (уж больно Григорию понравилось прозвище данное ляхами), ну и неизменных Емели и Бориса. Двигались одвуконь, а потому за оставшийся день успели добраться до границы Псковской земли с Новгородской, по реке Череха.

На ночь встали в лагере строителей, что трудились на возведении канала между Черехой и Узой. С его окончанием можно будет позабыть о волоке, и заполучить водную артерию до Москвы, Астрахани или на Урал. И надо сказать, что именно последний представлял для Ивана по настоящему стратегический интерес.

Конечно русский рынок сбыта дорогого стоил, но положила руку на сердце, Иван вполне мог себе позволить обойтись и без него. Чего стоил один только каретный завод, с каждым годом наращивавший производство. Не сказать, что повторить конструкцию Карпова было столь уж мудреным делом. И желающие повторить действительно находились. Вот только их изделия получались куда как дороже предоставляемых замятлинским заводом. Впрочем, пока и они находили своего покупателя. Это те, кому невтерпеж. Ведь как ни крути, а удовлетворить весь спрос у Ивана не получалось.

Такая же ситуация и со всей остальной продукцией, расходившейся как горячие пирожки. Ивану в пору было отбиваться от купцов, а не думать над тем, как сбыть продукцию заводов. Так что, на ближайшие лет десять можно думать только о наращивании производства, даже без изменений модельного ряда. Хм. А там глядишь и куда как дальше.

Интерес же его был в том, чтобы устранить зависимость производства от шведской руды. Во-первых, те уж больно сильно давили на горло. Во-вторых в случае ухудшения отношений, шведы могли без труда перекрыть ему кислород. И весьма чувствительные намеки на это случались уже не раз. Наличие же водного пути, позволяло получить альтернативу шведам, в виде уральской руды, которую на тех же условиях брался поставлять новый родственник, горнозаводчик Демидов.

Нет понятно, что объемы потребные для его доменных печей Иван

вполне мог набрать и луговой рудой. Новгородцы, псковичи, а теперь еще и соседи из Инфлянт будут только рады возможности подобных поставок. Вот только качество этой руды, и выход железа, оставляли желать лучшего. А значит и обрабатывать ее не так чтобы выгодно, да и качество стали не на высоте.

Именно поэтому Иван сумел продать договоренность с Новгородом, о строительстве канала за его, Карпова, счет. Ну и обслуживать его впоследствии, с уплатой положенных податей в казну Новгорода, так же предстояло ему. Конечно прорыть канал протяженностью порядка двенадцати верст, с четырьмя шлюзами, занятие не из дешевых. Но зато впоследствии, будет приносить стабильный доход.

Строительство же шло просто ударными темпами. Несмотря на то, что тут трудились опытные специалисты, Ивану пришлось чему их поучить. Его стараниями на рытье канала использовался целый ряд механизмов на мускульной силе. Частью людской, но большей частью все же на конной тяге.

Была мысль построить экскаватор. Но по здравому размышлению Карпов пришел к выводу, что времени на получение работоспособного образца вполне достанет на устройство всего канала. Тем более, что даже при использовании мускульной тяги скорость работ возросла в разы.

Вот ни капли сомнений, что приглашенные из Москвы инженеры, используют этот опыт на последующих стройках. Потому как серьезной альтернативы речным путям в этом мире пока еще нет. Тем более, что ничего особенно сложного Иван и не вводил...

Оставшийся путь, они проделали за полтора дня, прибыв в Новгород уже после полудня. Оставшегося времени оказалось более чем достаточно, для того, чтобы сориентироваться на местности. Тем более, что в их распоряжении имелось письмо от Авдея Гордеевича, к младшему брату, ведающему семейными делами в его отсутствие.

Ермолай Гордеевич предоставил им парнишку не из болтливых. Лука как обвел странных гостей вокруг усадьбы Жилина, так и помог составить ее план. Да еще и обсказал как там устроена охрана. Было дело, крутил любовь с дворовой, пока ту не выдали замуж в деревню за одного из крестьян. Уж бог весть, чем она прогневала хозяина. Ухажер же ее горевал недолго. Вскоро нашел другую молодку, уж на другом подворье.

Оба брата Ерохиных грозились его женить, да все без толку. Парень-то у них в услужении, но вольный. Правда, нежелание жениться, было единственное в чем он противился хозяевам. Было дело, они вытянули его

мамку с детьми из нищеты, и его вот к делу приставили. Какая разница, что они к тому времени начали расширяться, и рук у них не хватало. Могли ведь и кого иного присмотреть.

Лука же добро помнил, и мог быть благодарным, а потому и платил преданностью. Ну и понимал, что если предаст, то плату возьмут не с него одного, но и с мамки с братьями и сестрой. Нормальное в общем-то явление. К клятвам тут конечно отношение серьезное, но умный человек и о страховке подумает. Мало ли, какой тлей окажется человек...

— Захар Крачкин, — задумчиво почесал темя Лука, в ответ на вопрос об охотнике. — Этот уж третий день как гуляет в кабаке. Рубля четыре уж пропил. Радость у него, вольную наконец выторговал у Жилина. Да и то, в городе почитай и не бывает, только и знает, что по лесам пропадать, даже на Урал хаживает. Сколько зверя перебил, просто страсть.

— Такой знатный охотник? — Вздернул бровь Иван, который не стал представляться даже брату своего компаньона.

— Знатный не то слово.

— А как же тогда в кабале оказался?

— Так зацепился с купцом Онегиным, тот озлился и обвел Захара вокруг пальца. Крачкин-то охотник знатный, и под руку ему не попадайся, да только куда ему умом с купцом-то тягаться. Да только и Онегину не обломилось, потому как против Жилина у него кишка тонка.

— Ясно. Кабак покажешь?

— А то как же.

Вот так. Никаких лишних вопросов. Приказал хозяин помочь всем, чем только сможет, вот парень и помогает. Остальное его не касается. Меньше знаешь крепче спишь. Ну и привлекать его Иван ни к чему больше не собирался, отправив с ним парочку Гришкиных лешаков. Эти все сделают в лучшем виде. Правда, если тот бражничает, то как бы не пришлось дожидаться его допоздна. А то и до утра.

Хотя-а, это вряд ли. Здесь кабаки пусть и закрывались поздно, но все же не работали круглосуточно. Так что, сам не уйдет, его наладят пинком под зад. Нормальная в общем-то практика. Поэтому тот, кто к себе уважение имеет, все же до потери памяти не напивается, чтобы не оконфузиться...

Усадьбу брали штурмом. В прямом смысле этого слова. Ни на что умное и заковыристое попросту не было времени. По двору и саду бегало с дюжину здоровенных и злых псов. Травить бесполезно, потому как есть что ни попадя не приучены. Тут обществ защиты животных нет, а потому в собачек наука вдалбливается старым как мир методом кнута и пряника. И

первичен тут именно что кнут.

Первыми шли извечные напарники Сашка и Муром. Товарищи разом взметнули их на высокую ограду. Те в свою очередь, проявляя чудеса эквилибристики сноровисто и быстро пристроились наверху, и тут же перевели свои воздушки с раструбами глушителей в боевое положение.

Причем проделано это было совершенно бесшумно. Состав какой-то мази, показанной лешакам одним охотником, напрочь заглушил их запах. Так что собачки даже не поняли от кого им прилетел горячий свинцовый привет. Иван даже не брался предполагать, что там и как, умудрились рассмотреть эти двое лешаков, но их жертвы даже нормально проскулить не смогли.

Так, слышалось что-то такое едва различимое и жалобное. Все. Больше ни звука. И это при том, что собаки в принципе не умеют получать ранения молча. По малейшему поводу поднимают такой визг, что хоть уши затыкай, и бери в кулак свое сердце, исходящее жалостью.

— Чисто, — скорее выдохнул, чем произнес Сашка, и оба лешака, скользнули за ограду.

После них проследовали еще две пары, и только следом за ними Иван с Борисом и Емелей. А и по праву. Иван уж давно не мог соперничать с парнями ни по умениям, ни по боевому опыту. Он все больше иным пробавлялся, пока его лешаки гоняли по лесам и долам разбойничьи шайки, ляхов да наемников. Телохранители же, все больше заточены под охрану, а не под атаку. Словом, каждый должен заниматься своим делом.

Когда Иван не без труда преодолел ограду, слышалось еще несколько приглушенных хлопков. И, таки визг собаки, которой досталось хотя и серьезно, но не свалило наглухо. От этого Иван реально почувствовал как у него занули все тридцать два зуба.

— Кого там... Хк-к.

— Сашка, — выдохнул Карпов.

— Жив, — коротко бросил парень, имея ввиду холопа, вышедшего на шум.

Отряд быстро распался на пары и двинулся выполнять задачи согласно наскоро разработанного плана. Надлежало вывести из строя и связать всю прислугу и домашних купца. Убивать Иван запретил. Только в самом крайнем случае. То есть, если убивать будут самих лешаков. И никак иначе. Остальных глушить, и связывать.

Сашка с Муромом стремительно проникли в дом. В руках Сашки появился небольшой фонарь. Чиркнуло колесико. Полетел яркий сноп искр. И вот за круглым стеклом появилось ровное ацетиленовое пламя, и перед

лешаками появился освещенный коридор.

Компактные карбидные фонари с системой поджога и отражателями, появились сравнительно недавно. Но тут же стали весьма популярными. Все было за то, что под их производство придется налаживать отдельный завод. На паях, ясное дело. Если хвататься за все, что ему на ум приходит, никакой жизни не хватит.

Иван так же воспользовался фонарем. Ага. С освещением оно куда как лучше получается. Вот и у Бориса с Емелей в руках появились фонарики. Дверь вправо. Карпов неуклонно движется за лешаками, прокладываящими путь. Емеля скользнул в проем, проверяя помещение. Дверь влево, и туда устремляется Борис. Эти действия оговаривались предварительно.

Второй этаж. С улицы доносится лай, тут же сменяющийся громким визгом. И следом лай сразу нескольких собак, сзади дома. По описанию Луки, там имеется сад. Ноги обутые в поршни ступают совершенно бесшумно. Дом купец содержит в полном порядке, не скрипнула ни одна половица. Да только толку от этого...

— Кто тут? — Голос встревоженный, и в то же время угрожающий.

Хлоп-п!

— А-а-а, с-су-у!..

Хлоп-п!

— Уйо-о!..

— Лежи не дергайся, — это уже Муром, навалившийся на купца.

Угу. Один светит и пугает, второй играет первую скрипку. А вот Емеля и Борис. Разом скользнули в комнату откуда появился купец. Женский вскрик. Хлесткий удар. Возня. И вот в дверях появляется Емеля.

— Баба. Порядок, Борис вяжет.

Иван глянул на купца, сверлящего ненавидящим взглядом людей с прикрытыми платками лицами. Вот же пас-скудник. А где страх? Ага. Вот он. Пришел вместе с осознанием, что на помощь в общем-то рассчитывать не приходится.

— Гадаешь, кто это к тебе в гости припожаловал? — Не выдержал Иван.

При этом он наблюдал за тем, как связанному по рукам и ногам купцу, водворили в рот кляп. Теперь же наскоро накладывали повязки на правую руку и правое бедро. Ага. А вот и пистоль лежит на полу. Странно, но при падении курок не спустился. Вот значит как. Боевитый купец. Оружие в спальне держит.

— Понимаю, догадаться трудно. Слишком многих на тот свет

спровадил. И счет могу предъявить откуда угодно. Но ты потерпи. Недолго осталось. Вот выберемся за городскую стену, а тогда уж и поговорим. Муром?

— Порядок. Повязки наложил. Так себе работенка, но кровью не изойдет, — доложил лешак.

— Вот и ладушки. Борис?

— Закончил уж, — появляясь в дверях, ответил здоровяк телохранитель.

— Все уходим.

Отход прошел куда быстрее, чем штурм. Вот только под нескончаемый собачий аккомпанемент. В лай оставшихся в живых жилинских псов, влился хор соседских сторожей. Что не говори, а слобода не из последних, и в каждой усадьбе собак предостаточно. Что не говори, а правильно воспитанный пес куда надежнее человека, потому как никогда не предаст.

Город покидали через прореху указанную все тем же Лукой. Их вообще хватает во всех городских стенах. Потому как протяженность слишком большая, содержать же их в порядке, удовольствие довольно дорогое. Опять же, случись враг и та прореха не особо-то и поможет. Причем не только штурмующим, но и диверсантам. Уж горожане-то знают, откуда к ним может прийти беда. Но зато ими можно воспользоваться вот так. Когда нужно по воровски проникнуть за стены, или выскользнуть наружу.

Лошади с коневодом нашлись именно там, где и должны были быть. Как и двое товарищей отправившихся за Захаром.

— Как у вас?

— Порядок, Иван Архипович, взяли тепленьким. Спит. Думается мне, он так и не понял, что с ним случилось.

— Ну и сладких снов ему. Напоследок.

— М-м-м.

— Что купец понял кто я? Вот и молодец. Возьми с полки пирожок. Дурень ты, Игнат Пантелеевич. Тебе еще когда сказано было, чтобы ты дурью не маялся и обходил меня стороной. Дважды было сказано. А ты что же?

— М-м-м.

— А не интересно мне, что ты там хочешь сказать. Прибереги все это для пыточной и совета бояр господина Пскова. Муром, перевяжи его как положено. Он должен доехать до места живым, и способным к разговорам.

— Все сделаю в лучшем виде, Иван Архипович. Даже не сомневайся. Даром что ли с нами убивал время лекарь.

— Вот и ладно. Готовимся. Как только с повязками покончим, сразу в путь. На отдых станем с рассветом.

ГЛАВА 10

Нет, все же определенно хорошо, что у псковских бояр собольи шапки не столь велики, как у московских и у новгородских. Последние неустанно состязаются со вторыми во всем. В локоть высотой, головной убор жутко неудобный. Только предназначение у него, подчеркивать статус, а потому на это не обращают внимания. А потом, челок, он ведь ко всему привыкает. Вот и с этим убожеством свыкаются.

Правда горлатка^[26] псковских бояр тоже имеет свой несомненный минус. Потому как меховая шапка по определению теплая, а летний ее вариант как бы отсутствует. А на заседание совета без должного головного убора приходить не могли. Не поймут. Могут еще и вслух высказать свое недовольное «фи». Причем недовольными будут не только дворяне, но и простой люд. Коли ты боярин, так и будь добр соответствуй. И никаких гвоздей. Хорошо хоть бабье лето осталось позади. Оно конечно денек погожий, но все же ноябрь, а потому солнышко жарким не может быть по определению.

Иван обвел присутствующих взглядом, и тихонько вздохнул. Сволочи. А как тут иначе-то скажешь. Даже Пятницкий, пусть и вроде бы союзник Карпову, но полного доверия не вызывает. Отчего-то не отпускает ощущение, что случись, так он и отвернется не моргнув глазом. Причем, причина совсем не обязательно должна быть столь уж весомой. Главное, чтобы самому боярину вреда не случилось, но даже наоборот, было бы выгодно.

Да оно в общем-то и понятно. Ну кто ему Иван? А выскочка. Причем выскочка, ступающий по трупам, как старинных союзников, так и противников. Но противников таких, с которыми всегда были разногласия, а вот вражды как таковой не наблюдалось. Только за неполные полгода Карпов умудрился свалить два старинных боярских рода.

За четыре, из бесправного беглеца, поднялся до боярского звания. Да еще и припомнить народу, что бояре не от веку ведутся, а ставятся вечем. Словом, вот так, в одночасье, этот проныра умудрился расшатать старые устои и подвести добрую мину под все боярские роды. А потому никто из членов совета не мог чувствовать себя в безопасности, как это было прежде.

Народу дай только почувствовать боярскую кровушку, а там он уж удержу знать не будет. Эвон, уж двое на лобное место взошли, да два

боярских рода своего статуса лишились, оставив одно место вакантным. Негоже, когда в совете четное число бояр. А ну как голоса разделятся поровну и тогда поди прими решение.

Все так. Прав оказался Пятницкий. Дознание привело к Медведкову, давнему компаньону Жилина. Боярину пришлось не по нраву увеличившийся авторитет московского князя, а как следствие и увеличивающееся его влияние. Ну и Карпов, молодой да ранний, в ту же копилку. Вот и решил он решить две проблемы одним ударом. На счастье боярина Горячинова, его единомышленник решил действовать самостоятельно. Вот и наворотил дел.

Да только Иван оказался ему не по зубам. Никто и помыслить не мог, что вот так быстро можно выйти на убийцу, а там и размотать весь клубок. А Карпов используя знания из прошлой своей жизни, разобраться со всем в сжатые сроки. И даже если бы Купец Ерохин не опознал бы Захара, найти его при наличии довольно точного и узнаваемого портрета, было только вопросом времени.

Допрос доставленных пленников осуществляли в присутствии Пяти бояр, московской и псковской партий. Сторонников Новгорода в происходящее посвящать не стали. Захара Иван бросил на дыбу, не задумываясь. Потому как тот просто исполнитель.

Правда и нового узнать от него довелось немало. В частности, теперь было известно, кто именно умышлял против его экспедиции на Урале. И про нападение на поезд царевны душегуб поведал все в подробностях. Ведомых ему, ясное дело.

Ох как тут загорелись глазоньки у сторонников Москвы. Тут же потянули на дыбу Жилина. И купец запел. Как соловей запел. Вот только, по всему выходило, что во всем повинен боярин Медведков, потому как только с ним он и имел дело. Лучший способ верить окружающих в своей правдивости, это говорить только правду, разве только чуть недоговаривая. Вот и новгородец недоговаривал.

А как же иначе-то? Карпов ему четко объяснил, что валить все нужно только на одного, и никак иначе. Не то... Чай Жилин не перекасти поле, семья и дети имеются. И Карпов ему клятвенно пообещал, если лишнее станет болтать, семье конец. Порешит весь род, под корень. И после содеянного им, в это верилось охотно.

Потом настал черед Медведкова. С которым Иван так же успел переговорить, и дать понять, что нет нужды тянуть всех с собой. И при том, что сам Карпов в любом случае оставался в стороне, а настоящих верных союзников у него не было, слова его звучали вполне резонно.

Ну подставит боярин под удар Пятницкого и Горяинова. А толку-то. Царь Николай он конечно осерчает не на шутку. Глядишь еще и войной начнет грозить, или вовсе в поход отправится. Да даже если сообщников потянут на плаху. Ему от того какой толк? А вот роду его придется несладко. И обещаниям Карпова, который в любом случае останется в стороне, Арсений Евсеевич очень даже верил. Уж больно серьезная репутация у этого выскочки.

Так что, дыбы он не избежал. Был допрошен с пристрастием и в присутствии все тех же пяти бояр. Да только ничего нового не поведал. Да умышлял против, тогда еще царевны Русского царства. Да, организовал убийство псковского князя Ивана Бобровнинского. Ну и взошел на эшафот с убийцей и купцом.

Правда, московский царь затребовал было всю троицу к себе, так как не желал спускать покушение на сестру. Опять же, убили представителя древнего московского княжеского рода, и боярина. Но господин Псков ответил вежливым, но решительным отказом. Потому как ни князей, ни бояр московских на их землях никто не убивал, а убит был князь псковский. И покушались в первую голову на княжескую невесту, а не на сестру государя русского. А что до обидчиков, так вот он приговор, справедливый и суровый.

— А чего это боярин Карпов отмалчивается? Иль сказать нечего?

В принципе, несмотря на весьма шумное и бурное обсуждение, Иван воспринимал происходящее как некий шумовой фон. Попросту пропускал все мимо ушей, не придавая происходящему значения. От размышлений его отвлекло упоминание его фамилии. А так бы и продолжал пребывать в своих думах.

— Я отмалчиваюсь, потому как сказать мне нечего. Вы и постарше меня, и поболее моего ведаете. Так кому еще думать над тем, кого предложить вече на боярство.

Иван ничуть не лукавил. Ему и впрямь было совершенно все равно, кого предложат. У него попросту не было друзей или тех, кому он мог бы довериться. Даже союзник был так себе. Прибил бы гада, за то что покушался на Лизу. Вот как клопа раздавил бы. Но... Это был единственный человек, на которого он мог опереться хоть в какой-то степени.

Любой, кто ни окажется в боярском совете будет потенциальным противником Карпова, даже если будет клясться в вечной любви. За Иваном сила, авторитет в народе. Но, он только пять лет как дворянин, три с лишним года, как в Пскове. Иными словами, и сила и деньги вроде как

есть, да только никаких корней. Он все одно что палка, которую воткнули среди деревьев. Вроде и ровно торчит, и крепко сидит, да вырвать его куда проще.

— Значит без разницы тебе, кого рубить? — Вдруг вскинулся боярин Севрюгин, уже полнеющий мужчина за тридцать.

Хм. И чего вскинулся? Вроде из московской партии. Или боится, что оципав их противников, Иван возьмется и за москвичей? Н-да. И ведь не оставишь выпад вот так, без ответа.

— А ты о чем это, Капитон Михайлович? Нешто переживаешь, что возьмусь мстить тебе за два шляхетских набега? Ну чего ты на меня так смотришь, будто я тебе только что смертную обиду нанес? Иль хочешь, чтобы я доказательства представил? Так ведь всяк знает, что за мной не заржавеет.

— Ты это сейчас к чему клонишь, — собрав брови в кучу, строго изрек Офросимов.

Этому за шестьдесят. Все еще крепок, и умом остер. Правда, по своему. Но старческого слабоумия нет и в помине. Та еще гнида.

— Никак гадаешь, знаю ли я о твоей причастности к тому, Сергей Гаврилович? Так, не гадай. Ведаю. Да только пустое то все. То вы против меня умышляли, и меня достать хотели. Аршанский же, пошел дальше и решил, что и Пскову можно поступиться, чтобы скovyрнуть такую болячку, как я. Не лучше оказался и Медведков, поднявший руку на власть псковскую. Пусть князь тут и мало что решает, но именно он тут блюдет закон, и несет заботу о защите земли Псковской.

— Экий. Все-то ты знаешь. Все-то ведаешь, — не без иронии, произнес еще один представитель московской партии.

Иван столь же иронично взглянул на крепкого сложения мужчину за сорок. Боярин Барановский и не подумал тушеваться. Как и скрывать того, что так же имеет касательство к двум набегам.

— Петр Александрович, мы тут собачиться будем, или дело решать?

— Так ведь ты отмалчиваешься, — пожав плечами ответил Боярин.

— Отмалчиваюсь, потому что сказать нечего. Вот когда начнем выбирать, тогда и слово свое скажу.

И сказал. В смысле высказался за возведение в боярское звание купца Борятского. Причем, поддержал при этом московскую партию. А ведь казалось, что вопрос окажется неразрешимым, потому как шестеро их, и он по всему должен был поддержать противников Москвы.

Но Иван руководствовался своими интересами. И предлагаемый Пятницким помещик, мог стать в том серьезной помехой. В будущем

конечно. Но стоит сплеховать сейчас, как потом получишь серьезную проблему. Боярского звания оно конечно можно и лишить. Да только сделать это могло лишь вече. И если вручалось звание простым большинством голосов, то лишалось не менее чем тремя четвертями. А так, что в одном, что в другом лице, он все одно получал противника. Пусть и не явного. И то, кто его знает, как оно обернется.

В принципе, все решения принимались здесь, на совете бояр. И даже когда приходилось выносить решение на вече, неожиданности случались крайне редко, и решение принятое большинством в узком кругу, оказывалось принятым и расширенным составом. Вот только сейчас все было весьма неоднозначно. Старые связи рушились новые еще не окрепли. Все бояре спешили заручиться сторонниками, и вечевики частенько перекочевывали из одного лагеря в другой. Одним словом, бардак.

Вторым вопросом было принятие решения о кандидатуре на княжеский стол. И вот тут Иван отмалчиваться не стал. Наоборот взял слово самым первым.

— Я предлагаю призвать на княжеский стол великую княгиню Трубецкую.

— Кого? — Удивился старейшина московской партии Офросимов.

— Елизавету Дмитриевну, из рода Рюриковичей. Иль недостойна такая кровь княжения, Сергей Гаврилович? — Вздернув бровь, с нескрываемым сарказмом, вернул москвичам плюху Иван.

— Бабу на княжеский стол? — Не унимался Офросимов.

— А что такого? — Разыграл наивное удивление Иван. — Чай в Европе бабы с достоинством носят королевские короны. Так чем русские хуже? Опять же и Киевский стол видел великую княгиню Ольгу, и Новгород был под рукой Марфы Посадницы. И власти у них было куда как поболее, чем у князей в Пскове.

— Ты говори, да не заговаривайся. Отродясь в Пскове на княжении баб не водилось, — подал голос боярин Горячинов.

Причем прекрасно видно, дело тут вовсе не в том, что она сестра русского царя, который вовсе не против притянуть под свою руку Псков. Главное тут было именно в том, что она баба.

— Как скажете. Но я свое предложение вынес. А там, решайте господа бояре.

Ему и впрямь без разницы. Что бы они сейчас не решили, пройдет именно предложение Ивана. Даже если бояре сейчас выступят единым фронтом против, они не смогут помешать ему. Ведь решения должны подтверждаться голосом вече. Именно оно призывает князя. И тут уж

хочешь не хочешь, а предложение высказанное боярином должно быть озвучено.

Мало того, любой вечевик мог выкрикнуть свое предложение. Иван сейчас просто давал совету возможность сохранить лицо. Потому что кого именно выберет народ, несмотря ни на какие партии, группировки и противоречия, гадать не приходилось. Уж больно псковичам пришлось по сердцу великая княгиня. Даже помимо своего высокого происхождения.

И бояре приняли единственно верное решение. Звать на стол великую княгиню Трубецкую. И именно с тем единогласным решением идти к вечу.

— Иван Архипович, ты чего это на совете учудил? — Недовольно проворчал Пятницкий, когда они уж покинули палаты совета, и шли по двору крома, в сторону ворот.

Оно вроде и бояре. Но Псков особый град, где воля народа не на последнем месте. А потому и среди бояр очень даже принято было хаживать по его улицам пешком. Поначалу-то это служило повышению авторитета в народе. Потом, когда боярство стало практически наследуемым, просто вошло в привычку. И коли погожий денек, то боярин не гнушался пройти на своих двоих. Тем паче это стало актуальным с недавних пор, когда вече вдруг вспомнило о своем праве, и вкусило боярской крови.

— Ты это о Боярском?

— Ну не о Лизавете же. С ней-то как раз все понятно. Ты хотя бы понимаешь, что только что усилил московскую партию и теперь они будут блокировать все наши решения, и проталкивать свои. Даже если Горячинов примкнет к нам, у них теперь большинство. Отдав свой голос за него, ты окончательно порушил равновесие.

— Странно. Вот взрослый вроде человек, дед уж не единожды, а простых вещей не понимаешь.

— Это каких это?

— Да таких. Не будет скоро московской партии. Просто они о том пока не догадываются. Нешто позабыл о нашем разговоре? Они к Москве тяготеют не потому что хотят тут увидеть железную руку царя, а от сознания того, что в одиночку им не выстоять.

— А ты стало быть куешь меч, которым можно будет оборониться от любых врагов?

— Именно.

— Иль взять в руки всю власть.

— И как я это сделаю?

— Да так. Эвон, целую армию содержишь.

— Так армия-то из кого? Хорошо как на сотню один из чужих земель. Остальные-то псковичи. Нешто ты думаешь они согласятся поддержать того, кто решит взять Псков в железную длань.

— Так-то оно вроде так, — задумчиво почесал в бороде Пятницкий. — Но ить большую часть в твоей дружине составляют крестьяне, а им все едино что есть вече, что нет его.

— Верно. Так может это нужно поправить? Назначит строгие условия при которых кабальные могут выкупаться из неволи. Да голос дать вольным крестьянам, чтобы своих вечевиков выставлять.

— Эво-он ты куда кло-онишь. А коли так, то и помещик в совете тебе лишний. Тогда выходит ты все это затеял с самого начала, когда стал задорого руду скупать?

— Обмишулился. Не знал всех законов доподлинно, — пожав плечами легко признал Иван.

— И к чему тебе это?

— А к тому. Коли крестьянин станет обрабатывать свою землю, иль арендованную, то и толк от той работы будет куда лучше. А как ему еще и инструмент ладный дать, так и вовсе разница великая.

— И для чего тебе это?

— А чтобы Псков был такой землей, где люд будет жить куда как лучше, нежели в иных местах. Опять же, чем лучше живет простой люд, тем лучше и помещикам, и торговцам и всем иным.

— И ты вот так запросто мен о том говоришь? А ведаешь ли, что у меня в кабале три тысячи крестьянских душ?

— Ведаю. Как и то, что ты за Псковскую землю готов жизнь положить.

— И вот так открыто со мной?

— Ты еще помяни, что зная о твоей причастности к нападению на Елизавету, к коей я неровно дышу, и моих стрельцов, за коих тогда был в ответе перед Богом, даже и не подумал тебе мстить. Говорили уж о том. Ты о благе Пскова радеешь. Как видишь, так и радеешь. Подумаешь малость, и поймешь, что и я о том же заботу имею. А то что пути у нас разные... Знать не убедил я тебя еще. Буду над этим работать.

— И меня к стенке припрешь? Эвон какой ты способный.

— Зачем. Когда человек действует из страха или вынужденно, это совсем не одно и то же, что по своей воле.

— Значит, есть чем меня припереть-то? Уж не боярина ли Горячинова имеешь ввиду? Или просто пригрозишь расправой? Эвон как Жилина из его же дома выкрал.

— Глупости говоришь, Ефим Ильич. Посидим рядом, да поговорим

ладком, в чем можно узреть твою выгоду. Когда она появляется на горизонте, договариваться оно куда сподручнее становится.

— И в чем может быть моя выгода?

— Говорю же, думать будем. А потом у вместе, над выгодой для остальных. И первая выгода для всех уже имеется.

— Освобождение крестьян?

— Именно. Коли у них появится голос, то и опасность от моей дружины уйдет в сторону. Не пойдут солдаты против своих же. Опять же, выкуп не бесплатный. И крестьяне все так же останутся на барских землях. Разве только работать станут лучше.

— А как с других земель призовешь на службу?

— Ну, а тогда уж все вскинутся, и никакая армия мне не поможет. Не по воле ли народа и не его ли кровью, в Новгороде и Пскове с себя скинули московскую руку?

— Хм-м. Станный ты, Иван.

— Да чего странного, Ефим Ильич. Я открыт как книга. А коли хотел бы стать эдаким удельным князем, то подался бы за Большой камень^[27]. Новгород только обрадовался бы тому. Наладил бы торговлишку с китайцами, и жил бы в свое удовольствие. Да еще и при куда меньших трудностях. Никаких тебе интриг, никаких ляхов, шведов и москвичей. Новгородцы? Да какая у них там власть, — отмахнулся Иван.

— Ну и с чего ты к Пскову вспылал такой любовью?

— Не к Пскову.

— К Лизавете?

— К ней. А ее сюда, как агнца на заклание. Вот и полез. А теперь уж столько сделано, что трудов своих жалко.

— Но меж вас, ничего не было?

— Что было, я тебе поведал.

— И ты надеешься?

— Надеюсь.

— А понимаешь, как на это посмотрят иные бояре?

— Вот веришь, мне то без разницы. Поймут, что нужно меняться, значит выстоят и в своем Пскове жить будут.

— А как не поймут, так их и к ногтю. Так тебя понимать?

— Правильно. Только делать это буду уж не я. Вот призовем на стол Елизавету, и коли сладится у меня с ней, а с Псковом не срастется, увезу ее и мастеров с собой в Сибирь, и возитесь здесь как хотите. Я еще молод, и начать все с начала времени у меня предостаточно. Да только недолго вам останется. Кто-нибудь один ляд подомнет под себя.

— Злой ты Ваня, — хмыкнув, заключил Пятницкий. — Дом-то свой покажешь. А то сколько о нем пересудов ходит, прямо не дом, а настоящий дворец.

— Отчего же не показать. Пойдем. Правда, сам я проживаю в домишке рядышком, усадьба же пока не закончена. Но к Рождеству думаю поспею.

— Ничего, я и так гляну. Может чего полезного пригляжу. Слушок прошел, что ты без свечей собираешься обходиться, да еще и прибыль с того иметь. А кто же вот так запросто пройдет мимо прибытка. Ну а за одно и по душам поговорим. Прибыток он ведь всякий бывает, — хитро подмигнув, закончил боярин.

С боярином Пятницким они проговорили еще часа три. Причем добрую половину этого разговора отвели именно обустройству дома. Иван отчего-то пришел к выводу, что очень скоро боярин так же озаботится возведением каменных палат. С одной стороны, не так пожароопасно. С другой престиж.

Ну и наконец, очень уж ему пришлось по вкусу решение Ивана по освещению дома. Но тут уж каменные стены все же куда предпочтительнее. Причем это не был какой-то там проект. Территория вокруг усадьбы уже была выгорожена кованным забором, по которому были расставлены газовые фонари. И их работу мог наблюдать любой прохожий, после захода солнца.

Дорого, не без того. И даже очень. Но с другой стороны, нигде еще ничего такого нет. И есть возможность блеснуть. А кому не хочется прихвастнуть? Только святым. А Пятницкий к святым ну никак не относился. И таки да, на выходе действительно получались древесный уголь и деготь. То есть, постепенно, помаленьку, газовый генератор и разводка, даже если не окупятся, что сомнительно, то вполне смогут восполнять затраты на обслуживание. Потому как тут потребуется специально обученный человек. Но Иван брался обучить такового совершенно бесплатно.

Едва простился с боярином, как ему передали приглашение на ужин к шведскому послу. Интересно. Очень интересно. Что бы могло означать желание посла встретиться? Иван и не думал отказываться. Это будет не первая их встреча.

Однажды Посол сам навестил Карпова в Замятлино. Еще и просил показать растущие как грибы заводы, если таковое возможно. Но, столкнулся с глухой стеной непонимания. Иван и не думал делиться своими секретами. Попасть только в Замятлино было нереально, о заводах и говорить не приходилось. Овечкин перекрыл все наглухо. Птица не

пролетит, комар не просочится.

И вот теперь посол просит о встрече в его доме. Нет, опасности в этом никакой. Если только господин Хансон не тронулся умом. Потому как не любить Ивана не любили, но число желающих его недооценивать резко пошло на убыль. О желающих с ним связываться и говорить нечего.

Дом посла располагался в престижном Среднем городе. Кто бы сомневался. И являлся каменной постройкой, что для Пскова все же было не типично. А уж о черепичной крыше и говорить нечего. Нет, кирпичные строения и черепичные крыши сейчас вполне себе начинают появляться, пусть по большей степени сейчас и представляют собой только строительные объекты. Но и уже имеющихся, и строящихся было еще слишком мало, чтобы оказывать влияние на общий архитектурный стиль.

При входе Ивана встретил весьма чопорный дворецкий. Иван даже на миг подумал, что принимает участие в театрализованной постановке. Уж больно этот великовозрастный слуга походил на образ английских дворецких, из фильмов прошлой жизни Ивана.

Приняв шапку и кафтан, старик проводил гостей в гостиную. Н-да. Все же шведы и иже с ними те еще скупердяи. Обстановка прямо таки спартанская. С другой стороны, Ивану вот такая скромность была куда ближе. И дома у него все было сугубо функционально в угоду не роскоши, а удобства.

Да только о его новой усадьбе, такого сказать никак нельзя. Тут все будет просто роскошно. Потому как иначе нельзя. Это ведь и не дом вовсе, а его лицо. Вот и жилище посла могло бы быть побогаче, дабы производить впечатление. Или решили, что лапотникам псковичам и так сойдет? Очень может быть. Правда, в отличие от той же Европы не меньше половины жителей республики с молодых лет никогда не носили даже деревянных башмаков, а только кожаную обувь. Кабальные крестьяне, те да. У них вообще все было тяжело.

— Господин Карпов, рад, что вы приняли мое предложение, — едва Иван устроился на диванчике, как к нему тут же вышел посол.

— Здравствуйте, господин Хансон, — поднимаясь, и отвечивая учтивый поклон, приветствовал его Иван.

Вообще-то, этот мужчина, слегка за сорок, с грубыми, рубленными чертами лица, и до синевы выбритыми щеками ему откровенно не нравился. Более того, производил на него отталкивающее впечатление своим вечным высокомерием. Он всем своим видом показывал, что является представителем великой державы, а значит все остальные априори

ниже его по положению.

Н-да. Или шведы реально ни во что не ставят псковичей, несмотря на то, что в ходе последней войны не сумели отвоевать у них ни пяди земли. Или направили в мелкое государство полного идиота. Ну не пристало послу вести себя подобным образом с человеком входящим в высшие круги правительства республики. Если не самого влиятельного. А что такого? Деньги, положение, авторитет, сила, у Ивана имелось все из этого перечня. Причем в избытке.

— Не согласитесь ли отужинать в моей компании? — Предложил Хансон.

— Хм. Вообще-то, вы меня на ужин и приглашали. Признаться, я голоден, и лучше бы вам подойти к этому вопросу с русской обстоятельностью, — не удержавшись от шпильки, ответил Иван.

— О-о, уверяю вас, мой повар постарается сделать все возможное, для того чтобы вы остались довольны.

Ну вообще-то, посол ничуть не соврал. Да высокомерен, да чванлив, но повар у него и впрямь хорош. И стол был достаточно изобилен, чтобы из-за него не встал голодным даже завязанный обжора. Или эта сволочь, что едва ковыряется в переменах блюд, желает показать контраст между русским дикарем и цивилизованным европейцем. Очень возможно. Но, не на того напал. Ходи голодным, йолки! Как и слуги, которые наверняка рассчитывали на остатки с прямо-таки пиршественного стола.

— Итак, господин Хансон, зачем вы хотели меня видеть? — Поинтересовался Иван.

— Вижу, светская беседа не ваш конек, — с легкой ухмылкой неопределенно ответил посол.

Угу. Иван во всех этих играх в гляделки, выдержку и владения собой был откровенно не силен. А потому, его нетерпение в купе с недоумением для поднаторевшего в подобном общении, читались как открытая книга. Да и плевать. Иван не собирался лезть в игры в которых ни черта не разбирался.

Пусть играет кто-то другой. Все эти тонкие комбинации и многоходовые операции не для него. Ему что попроще, и прямо в лоб. Вон даже в интриге с Острожским полностью отдал все ему на откуп. Даже деньги на взятку, для занятия должности старосты ему отдал. Пускай сам решает кому и сколько. Выйдет экономия, Иван спрашивать отчет не станет. Главное результат. Положительный.

— Ну, господин Хансон, сколько мог я выдержал. По моему для соблюдения приличий вполне достаточно. Тем более, что тут кроме нас

никого и нет.

— Ну что же, к делу, так к делу. Итак, господин Карпов, речь пойдет о вашей металлургии.

— Вы хотите говорить о моем производстве? Я не ослышался? — Сделав ударение на слове «моим», поинтересовался Иван.

— Нет. Вы не ослышались.

— И-инт-тересно. Ну что же, излагайте, господин Хансон.

— Ваши железоделательные заводы вот уже три года работают на шведской руде.

— И к обоюдной выгоде, прошу заметить, — не удержавшись вставил свои пять копеек Иван.

— А вот тут я не был бы столь категоричен, — с явным сомнением возразил посол. — Каждый год объемы закупок руды увеличиваются. Число судов купца Ерохина возросло до восьми, что уже вдвое превышает их изначальное количество. Более того, благодаря вашему новому судну с судовой машиной, число рейсов возросло вдвое. Но оборот железа и стали остается на прежнем уровне. Что никак не может нравиться моему королю.

— Не хотел бы показаться грубым, господин Хансон, но я не являюсь подданным Карла Двенадцатого. И мне откровенно без разницы, доволен он мною или нет.

— Но...

— Нет уж позвольте, — отмахнулся от посла Иван. — Я закупая у вас руду, стоимость которой несколько возросла, от изначальной договоренности. Весь металл уходящий на продажу в Европу проходит через руки шведского короля, и его цена осталась на прежнем, заниженном уровне. Годовой доход шведской казны составляет порядка двух миллионов рублей. И не менее семидесяти тысяч из них обеспечивают поступления от нашего с Авдеем Гордеевичем предприятия.

— Но металл уходящий в Русское царство не проходит через нас.

— Та-ак. Что еще вас не устраивает?

— По нашим сведениям доходность ваших заводов серьезно возросла. В разы. Но наши доходы, как и объемы товарооборота остались на прежнем уровне. Более того, нам стало известно о вашей договоренности с вашим родственником неким Демидовым, о поставках вам руды с Урала, на тех же условиях, на которых ее поставляют сейчас из Швеции. И именно с этой целью вы вложились в строительство канала между Черехой и Узой. Пусть там номинальным владельцем выступает Ерохин, ваша доля ничуть не меньше, если не больше.

— Нехорошо считать деньги в чужом кармане. Но я вас понял.

Конкретно. Чего вы хотите?

— Вы примите на свои заводы наших мастеров и передадите технологию выделки чугуна, железа и стали. Вы примите учеников на все ваши другие предприятия. В том числе и на это самое судно с машиной.

— Иными словами, я должен передать вам все свои технологии? — Обалдев от такой наглости, поинтересовался Иван, и не дожидаясь ответа, задал еще один, не менее важный вопрос, — А не жирно ли будет, господин Хансон?

— Боюсь, что у вас нет выбора.

— Ин-нтерес-сно. Ну-у, продолжайте, продолжайте, я слушаю.

— Если вы откажетесь от условий моего короля, уже этой весной Швеция объявит Пскову войну. Причем озвученные здесь требования в ближайшее время будут повторены мною перед советом бояр. Вы росли в эту землю, имеете активы на огромную сумму, и у вас слишком много завистников. Покинуть Псков для вас слишком дорого. Противостоять в одиночку всем, не получится. Так что, по сути у вас и выхода нет. Я дам вам время подумать. Немного, но дам.

— Я должен быть вам благодарен? Х-ха, да вы и впрямь так думаете. Просто поражаюсь вашей наглости, — отпивая из высокого бокала немного вина, едва не рассмеялся Иван. — Господи, как же мне надоели вот такие наглые рожи. Ну чего ты на меня смотришь? Думаешь не понимаю, что приняв все эти условия, я даже не выторгую для Пскова отсрочку? Было уж, с Курляндским герцогством. Батюшка нынешнего герцога поднял металлургию на качественно новый уровень, и торговал оружием и металлом по всей Европе и не только. Вот только, на свою беду составил серьезную конкуренцию Швеции. Чем все это закончилось?

— Курляндия пострадала вовсе не потому что составила нам конкуренцию, — пожал плечами, возразил посол. — Причина была в том, что прежний герцог, Якоб Кетлер был союзником наших противников, и мы были просто вынуждены обезопасить себя. Что же касается конкуренции, так тут нет никаких проблем. Вы ведь собираетесь использовать речной путь не только для закупки уральской руды, но и для ведения торговли. Русское царство, Турция, Персия, Кавказские княжества. Рынок сбыта просто огромен. К чему вам Европа. К тому же, ваша политика сводится к тому, чтобы торговать не сырьем, но конечным продуктом. А изделия куда более ценны, чем сырье. Признаться, я не вижу оснований для проявления вами упорства. И смею думать, их не увидит и совет бояр. Шведская армия это не сборище шляхтичей, с никчемной наемной пехотой. Подумайте над

этим. Хорошенько думайте. А еще над тем, во что может обойтись ваше упорство. Убытки будут просто колоссальными. Подумать только, за столь короткий срок на ровном месте создать серьезную производственную базу, подготовить мастеров, практически завершить строительство канала. Наладить лекарское дело, создать начальную систему образования, получить столь высокий авторитет в обществе. И все это пустить прахом. Сколько вы вложили во все это? По нашим подсчетам порядка полумиллиона рублей. Вы готовы все это потерять?

— Мне плевать на деньги, — покачав головой, и делая очередной глоток вина, произнес Иван. — Но мне не плевать на людей. И я не сомневаюсь, что заполучив технологии, вы все одно придете сюда, чтобы уничтожить конкурентов. Да еще и мастеров с собой в полон уведете. Вы это уже неоднократно проделывали. Но вынужден вас разочаровать. В Псковской земле вы сможете получить лишь сталь в глотку. Швеция уже давилась Псковом. Подавится еще раз. И это я гарантирую. Ляхи не противник? Ладно. Вот только мы не ляхи. Но у вашего короля есть выбор. Я готов увеличить поставку металла до таких значений, которые принесут прибыль шведской казне в сотню тысяч рублей. Кроме того, лично готов ежегодно выделять тридцать тысяч. Иными словами, только за мой счет король Карл сможет оснастить и содержать еще два полнокровных полка пехоты. Альтернатива. Швеция потеряет далеко не одну сотню тысяч рублей, и куда больше двух полков. Псков же... Псков только приобретет. И европейский рынок сбыта в том числе.

— Смелое заявление.

— Заявление человека, который еще ни разу не нарушил своего слова и всегда добивался поставленной цели, какой бы невероятной она ни была. У вас имелся незначительный шанс, попытаться добиться своего внезапным нападением. Но вы решили извлечь двойную выгоду. Глупость с вашей стороны. Ибо предупрежден, значит вооружен. Впрочем, идея в любом случае провальная. Хотите воевать? Ладно. Приходите. И готовьте могилы для своих солдат. Много могил.

— Вы слишком самоуверены. Посмотрим, что вы скажете после того, как я объявлю волю моего короля на совете бояр.

— Год назад, вы еще имели бы шанс загнать меня в угол. Сегодня уже нет, — покачав головой, с некой ленцой возразил Иван. — Решения подобного уровня могут приниматься только на вече. И никакой авторитет бояр не сможет на него повлиять. Потому что после победы на Бобровне, народ свято верит в то, что псковская дружина сокрушит любого врага.

— Нельзя сравнивать регулярную шведскую армию со шляхетским

ополчением, — презрительно фыркнул посол.

— Это понимаете вы, поймут бояре, но не осознает простой народ. Вече не примет ваше предложение.

— А что же вы?

— Что я?

— Неужели вы, как и чернь, не видите разницы между этими двумя армиями?

— Вижу конечно. Со шляхтичами воевать куда труднее. Приходится прилагать слишком много усилий, чтобы компенсировать столь большое количество прекрасно подготовленной кавалерии. Если это все, то прошу прощения, мне нужно идти. Нужно еще встретиться с Авдеем Гордеевичем, и обсудить состояние дел со строительством канала. Он знаете ли завтра отбывает в Новгород. Чай не май месяц, эдак реки встанут, и придется ему дожидаться первопутка.

Вот так тебе, морда шведская. Вдолби себе в мозг, что для Карпова ничего не поменялось, и прежние планы он отменять не собирается. Хотя-а...

Признаться, он все же надеялся, что ему удастся и дальше откупаться от шведов. И даже предполагал, что сегодняшнее приглашение обойдется ему в очередные уступки и круглую сумму. Мало того, был к этому готов. Но то что озвучил посол... Вот его счастье, что в этом мире послов уже не режут как собак. Не то ему не жить.

Ну а что до короля... Э-эх, рано. Слишком рано. Но с другой стороны, иного выхода нет. Бояр Иван не опасается. Как и воли народа. Пока не полыхнет первая изба на Псковской земле, вече будет стоять на том, чтобы показать шведам кузькину мать. Вот когда горе придет в дома людей, тогда дело иное.

Но и тут не все столь уж страшно. Есть царь Николай, у которого теперь развязаны руки на юге. И большинство в совете бояр ратует за союз с Русским государством. Уже завтра соберется вече и призовет на княжеский стол Елизавету Дмитриевну. И что? Неужели брат не поможет сестре? Обижаете. Еще как поможет. Так что, идут шведы лесом, в любом случае. Но...

Не стоит вот так сидеть и ждать с моря погоды. Шведы всего лишь люди, а не стихийное бедствие, перед которым человек будет бессилен и в куда более поздние времена. А коли так, то есть возможность им противостоять. И не просто отбиваться, но еще и качественно так набить морду. Но для этого нужно шевелиться, так словно пониже спины угнездился моторчик.

Домик, примостившийся в уголку усадьбы был сравнительно невелик. Ивану, так вполне достаточно. Четыре комнаты, из которых лично его только одна, выступающая в двух ипостасях, кабинета и спальни. Еще одна отводилась под гостиную, третья под кухню, ну и в последней располагалась охрана, без которой Иван теперь никуда. Мало того, еще и увеличил число телохранителей до четырех человек.

На заднем дворе два флигелька. В одном проживает семья, присматривающая за усадьбой и вообще. Супруга, она же экономка и повариха. Муж и двое сыновей четырнадцати и тринадцати лет, на все руки от скуки. И за сторожевыми псами ходят, и за строителями приглядывают, и за общим порядком следят. И вообще, они проходят по службе Кузьмы. А то как же!

Во втором флигеле размещается на постой конвой. Телохранители оно конечно хорошо, но без особого конвойного десятка Иван в поездку не отправляется. И без разницы, конным или на пароходике. И экипированы бойцы по первому разряду, и обучены особо. Ну и подобраны с тщанием.

Тут опять-таки стараниями Кузьмы, который успел породниться со своим работодателем. Оженили таки его Семена на Анне, младшей сестре Ивана. Батя конечно для порядка носом покрутил, мол кровиночку, за которой и дворяне в очередь выстраиваются и вдруг за чуть ли не холопского сына. Но потом махнул рукой. И уж тем паче, когда Иван заверил родителя, что Семен еще проявит себя, да так, что всем на зависть. Ну золотая голова у парня, что тут еще скажешь.

Тесно? Ну, как сказать. Иван, он ведь непритязательный. Есть где посидеть поработать или кости уронить, и ладно. У него и в Замятино был бы простой домишка, но народ ведь не поймет, коли он будет проживать не в подобающем тереме.

В Пскове тоже косятся, но глядя на возводимые каменные хоромы, относятся с пониманием. А уж когда по периметру ограды появились фонари, освещающие еще и часть прилегающей территории, так и вовсе с гордостью. А вот знай наших. Эвон чего у нас в граде есть. Ни у кого нет, а тут, пажалте.

Оказавшись дома, Иван тут же засел за бумаги. Нет, на этот раз он не собирался выдавливать из своей памяти никакие новинки. Даже если что и взбредет на ум, не ко времени. Тут буквально земля под ногами горит, не до новинок.

Перо резво закрипело по бумаге. Письмо оказалось коротким и емким. Иван приказывал Кузьме, Григорию и Артему Жабину, под которым

сейчас было формирование полка, срочно выдвигаться в Псков. Оно бы и самому... Да только нет ему хоту отсюда, пока ситуация хоть малость не разрядится. А для этих троих у него задач столько, что только держись. На бумаге же всех нюансов не учесть. Нужно ломать голову всем вместе, да не один день.

* * *

Лиза сидела на постели подоткнув под спину большую подушку. Оно бы подняться пора, все же час не ранний. Но сегодня как-то особо не хотелось подниматься спозаранку. Вчера пришлось присутствовать на гулянье во дворце у тестя. Праздновали помолвку его младшего сына, и деверя Лизы, да царева ближника Юрия Трубецкого. И пробыть там пришлось допоздна. Умаялась. Вот теперь и ленится вставать.

Настенька народилась семимесячной аккурат на сороковой день после гибели отца. Скорее всего сказались переживания и тяжесть дороги. Лиза откровенно испугалась когда отошли воды. Да что там, у нее началась самая настоящая паника. Может от того и роды не задались. Но Господь смилостивился и пусть девочка была недоношенной, а от того совсем крохой, тем не менее была здоровой и прибавляла буквально каждый день. Ну или это матери только казалось.

Дверь легонько скрипнула, и в спальню вошла улыбающаяся тетка. Нет она вовсе не позабыла о племянке, присутствовала при родах. И теперь заезжала каждый день во дворец великой княгини Трубецкой, подаренный ей царем. Тот посчитал, что не стоит сестре проживать в доме тестя. Мало ли как то будет понято наследником и старшим братом ее покойного супруга.

— Здравия тебе, Лизонька, — приваливаясь плечиком к дверному косяку, произнесла Ирина.

— И ты будь здорова, тетушка, — зардевшись от того, что до сих пор в постели, ответила молодая мать.

— Как Настенька?

— Слава Богу. Ест да спит.

— Это хорошо. Во сне и материнском молоке вся сила. Дочку-то так и думаешь сама кормить, иль мамке отдашь.

— Нет, сама кормить стану. Мы с Ванечкой очень дочку хотели, — вдруг опечалившись, пояснила свою позицию она.

— Ну и правильно. Грудь у тебя справная, апосля не обвиснет, так что

корми, и никого не слушай. Опять же, эти портные затейники чего только не удумают. Распоследнюю корову лебедушкой вырядить могут, а уж о такой красоте и говорить нечего.

— О чем это ты Тетушка? — Высвобождая грудь из ротика насосавшейся и уснувшей дочери, поинтересовалась Лиза.

— Давай ее сюда, — тут же подступившись, требовательно протянула руки Ирина.

Получив кровиночку, она тут же приникла к спеленатому младенцу и жадно вдохнула. В нос тут же ударил неповторимый запах младенца, пахнувшего чистой душой и материнским молоком. Когда после третьего вдоха Ирина наконец оторвалась от пеленок, ее лицо светилось неподдельным счастьем.

— Вот так похожу к тебе, похожу, и решусь на еще одного ребеночка, — томно произнесла женщина.

— Брось, — склонив головку набок, недоверчиво произнесла Лиза.

— Думаешь уже не смогу? — С наигранным вызовом спросила княгиня.

— Ничуть не бывало. Да только... Те-отушка...

— Ну-у, — неопределенно покачав головой протянула та, — и на старуху бывает проруха.

Вот только не сказать, что при этом она была растеряна или огорчена. Ничуть не бывало. Лицо так и светилось неподдельным счастьем. Кто бы мог подумать. Пятый десяток. Да еще и с мужем своим сошлась не по любви, а из расчета и выгоды. А подиж ты.

— Гастон знает?

— Нет еще, — с хитринкой ответила она.

— А вытравить не хочешь? Ить как мучилась с сыном.

— Сума сошла, — грозно сдвинув брови, одернула племянницу тетка. — Раньше думать нужно было. А коли случилось, на то воля Божья.

— Прости тетушка. Я и не думала тебя обижать, — искренне повинулась Лиза.

— Знаю, — вздохнула княгиня. — Ладно, то позади, и нечего оглядываться. Оно того не стоит. А ведь я к тебе по делу, девочка моя.

— По какому?

— Гонец из Пскова прибыл. Тамошнее вече, кланяется Николаю, и просит тебя на княжеский стол посадить.

— Меня-а?! — Удивлению Ирины не было предела.

— Тебя красота моя. Тебя. И сразу скажу, Коленька уж и указ отписал.

— Как отписал?

— А вот так.

— Так ведь не муж я.

— Ну и что. Бабой на княжении ни раньше ни сегодня никого не удивишь. Нет, понятно, что редко такое случается, но невидалью какой назвать трудно. Тебя же в Пскове помнят и любят. К тому же, не абы кто, а царского рода. И вдова князя Ивана Бобровнинского. Так что, я бы сказала вполне закономерный выбор.

— А как я не пожелаю в Псков ехать, тогда что? — Поднимаясь с постели, и уходя за ширму, чтобы одеться, поинтересовалась Лиза.

— Угу. Николай так и сказал, что мол артачиться станет. Потому и написал указ, не беседуя с тобой. Иль считаешь, что жизнь только в Москве? Так ить в Пскове тебе нравилось, вся в делах, вся в заботах. Эвон сказывают, что среди младенцев девочек Лиз развелось небывало много.

— Но Псков и впрямь не Москва, — послышался голос из-за ширмы.

— Ничего. Карпов там такое устроит, что и Москве не снилось, — уверено заявила Ирина.

— Вообще-то я думала, Николай озлится на него, за его желание оставить Псков на особицу.

— Так он и озлился. Поначалу. А потом... Вишь какое дело. Помнишь, как иезуиты на Коленьку хотели влиять?

— Сказывал он мне о том, — выглядывая из-за ширмы, удивленно подтвердила Лиза.

А и то. Причем тут Псков, Карпов и иезуиты. Нет, она прекрасно помнит, что именно он тогда сыскал покушавшихся на тетку, а потом вскрылся целый заговор. Но никак не могла взять в толк как это все может быть связано.

— Так вот. Не уgomонили, аспиды эти. И чего удумали. Поначалу хотели меня и Голицына свести, потому как тот на Европу как на землю обетованную глядит, ну и я вроде как европейского не больно-то чураюсь. А чтобы того добиться, решили они Ивана извести, дабы сердечко мое освободить.

— И откуда ты все это ведаешь?

— Да все оттуда же. Из первых уст.

— То есть?

— А то и есть. Взяли мы тех тайных соглядатаев. Они вишь никак не успокоятся. С Голицыным меня свести не вышло, так они решили на Гастона давить через родню, что во Франции осталась, дабы он на меня влиял, а мы вместе значит на Николая. Да только супруг мой не тля какая. Как только к нему заявился соглядатай иезуитский, коим оказался воин не

из последних де Атталъ, так он его скрутил и пред очи государевы. Ну, погромели малость оружием, так чтобы шума-то особо не поднимать. И предложили этим слугам папским на Русь нос свой более не совать. А чтобы лучше дошло, казнили обоих змей. Вторым оказался личный лекаръ Голицына.

— Так Василий Васильевич вроде при должности.

— Глупо бы было, столь умудренного опытом мужа задвигать. Опять же, после такого, он еще более усерден в службе стал.

— Ну-у, в принципе, согласна. А Карпов-то тут при чем?

— А при том. Присмотрелись к нему эти иезуитские змеи и очень много странного заприметили. Хм. Оно вроде и на виду все, а никто и внимания не обратил. А ведь странностей вокруг Ванюши более чем предостаточно. А уж сколько всего он наворотить успел, это же просто диво дивное. Вот и решили те иезуиты его выкрасть, да тайные знания из него тянуть. Ну и что же, мы глупее иезуитов будем?

— То есть, хотите его выкрасть? А для того и я вам потребовалась в Пскове? — Вроде и не хотела ссориться с теткой, да как-то резко так произнесла, выходя из-за ширмы, и порывисто одергивая сарафан.

— Акстись. К чему нам та глупость, — покачивая младенца, возмутилась Ирина. — Был он уж подле нас. А что толку? Только и того, что золото сыскал, да вон батюшку своего научил сталь варить, из худой руды, да в больших объемах. Ну еще и булат кое-где по Москве куют. Все-о. Остальное осталось невостребованным. Он неделю корпел все думал да гадал как реформировать подати, а из всего мы рассмотреть сумели только где была серьезная лазейка для уклонения от податей, да гербовую бумагу ввели. Теперь Николай свой архив ковыряет, пытается разыскать те записи, что они с Ваней делали.

— И? — Продолжала гнуть свое ничего не понимающая Лиза, принявшись теперь уже за волосы.

— Что и? Николай решил пускай Иван и дальше сам по себе держится. А там, глядишь и перенять чего полезного. Ничего страшного, коли Псковская земля и дальше будет вольной, да верным союзником московским. Что там того Пскова, — княгиня и рукой махнула бы, да только не больно-то помашешь, коли младенец на руках. — А за ним, ты стало быть присмотришь.

— Я-а?

— Ты конечно. А то кто же еще-то?

— Тетушка, ты думаешь, что говоришь.

— Можешь не сомневаться. И я думаю, и Коленька с головой дружит.

Мало того, еще и о тебе думает. За Трубецкого отдал, потому как знал что сохнет он по тебе. Теперь вот к Ване отправляет, потому как ведает, что ты его любишь. И теперь оно вроде как не зазорно, чай вдова. Да не смотри ты на меня так-то. То счастье только воровским быть может, и никак иначе.

— Вот так значит вы решили.

— Коля решил меня не спросясь. А и спросил бы, я поддержала бы.

— А как Карпов причастен к гибели супруга моего? О том Вы подумали?

— Не мог он, — убежденно возразила княгиня.

— Звучит как-то не убедительно.

— А ты с художником Елизаровым поговори, да узнай как Карпов искал убийцу князя. Поди к братцу, да попроси почитать письма, что пришли из Пскова. Глядишь, и убедишься. И вообще, кроме обиды его тщеславию, та украденная победа иного вреда ему не несла. А вот гибель князя, сразу на него указывает. Ваня же не тщеславен. Уж это-то ты должна знать.

— Допустим ты права. Ну а как вы себе представляете чтобы я... Я ить со своим Ваней счастливо жила. И двух деток в любви прижила, а не по долгу. Отгорело уж по Карпову сердечко-то. Угольки там одни.

— Ты с похмельем-то сталкивалась когда? — Ни с того, ни с сего, вдруг поинтересовалась Ирина.

— Сама нет. С Ваней случалось порой.

— И как он с тем похмельем справлялся?

— Ну, когда совсем тяжко, так похмельную кружку вина выпивал, — все тем же непонимающим тоном продолжала отвечать Лиза.

— И на ту кружку он ни глядеть не мог, и вдохнуть запаха вина.

— Ну да, с души воротило, — подтвердила молодая мать.

— А как только выпьет, так и полегчает, и румянец на щеках, и в голове проясняется.

— И к чем это все?

— Да к тому. Ваня Карпов. Прими его, как похмельную кружку. А там, ляжет на старые дрожжи, глядишь еще и захмелеешь.

— Все-то вам с братцем моим, выдумывать, — выдергивая дочь из рук тетки, сердито буркнула Лиза.

— Ну нет, так нет. Да только мы ить счастья тебе желаем, дуреха. А там, волю государя тебе все одно исполнять. Ну чего глядишь? Царь указ подписал, а он менять свои решения страсть как не любит. Так что, с первопутком, собирайся в дорогу.

ГЛАВА 11

Лиза стояла у окна в княжеских палатах, и баюкая Настю смотрела на двор. Ничего особенного. Ставший привычным за прошедшие годы двор, с каменными и деревянными дорожками. Весна набирает обороты, а потому кругом молодая трава, сочного зеленого цвета. На деревьях уже набухли почки, и вот-вот пустят первый лист.

С улицы донесся приглушенный рев толпы, от чего даже слегка вздрогнули стекла. Эка народ разобрало. Не иначе как приняли какое-то решение, и ратовавшие за него, теперь радовались своей победе. Лиза не могла этого видеть. В Пскове все сделано по особому.

Вроде и князь, ну или княжна, проживает в крое, и вече проходит за его стенами на соборной площади. А тем не менее, ни вечивекам не увидеть князя, ни князю вече. Потому как меж ними расположился собор занимающий почитай все пространство от западной до восточной стен.

Наконец дочка насосалась материнского молока, и вытолкнула своим язычком сосок. Поплямкала губками, зевнула, уподобившись котенку, и не открывая глаз легонько так вздохнула. Все. Верный признак. Дочуркой овладел крепкий сон.

Ага. А вот и мамка подступилась. Впрочем, какая из нее мамка, коль скоро кормить не может. Ну не дал господь Анюте подгадать с дитем так, чтобы вскормить и дочурку госпожи. А уж как хотелось то. Но, не судьба. Правда, Лиза и не подумала искать кого иного. Дочку она и сама выкормит. А преданнее и лучше Анюты, воспитательницы для Настеньки не сыскать.

— Егор далеко?

— На заднем дворе, со стрельцами плац вытаптывает.

— Позови.

— Слушаюсь.

Лиза вновь бросила взгляд в окно. Интересно, что там сейчас происходит? Чему так обрадовались люди, что даже стеклам досталось? Оно конечно, для княгини ходу на вече не было, и вовсе не потому, что она баба. Муж так же ни разу не бывал на вече. Не должно князю там бывать, и все тут. Но сегодня один из вопросов выносящийся на обсуждение был достаточно важен для нее. Можно сказать, судьбоносный. Если все получится как задумывалось...

— Звала, княгиня? — Обозначив поклон, окликнул ее Егор.

В последнее время ему изрядно доставалось. Так уж случилось, что по

прибытии в Псков, княгиня в одночасье стала обладательницей серьезной суммы. И гадать, откуда могло взяться то серебро, не было никакой нужды. Тут в последние годы на подобные траты способен только один человек, карпов. И какие он при этом преследовал цели, оставалось загадкой.

Ну вот какая ему выгода от передачи серебра для создания ее, Елизаветы, личной стрелецкой сотни. Мало того, еще и оружием и снаряжением обеспечил по самую маковку. Стрельцов же набирал уже сам Егор, из псковичей. Хм. И опять же из крестьян. Ни одного из Пскова или пригородов. Отчего именно так, десятник, а ныне сотенный Попов, пояснять не стал. Да и она не вмешивалась.

— Егор, ты с друзьями своими встречался?

— Пображничали давеча, Елизавета Даитриевна.

— И?

— Молчит Гришка. Всю жизнь был тот еще баламут, и за языком не следил, а тут...

— Так-таки и молчит, аки на допросе?

— Отчего же, говорил-то он как раз много, да только все ни о чем. То бывшее вспоминал, то рассказывал как они ляхам навалили. Про девок травил. Он жених хоть куда, только вот жениться ни в какую не хочет. А чтобы чего лишнего... Даже если спросить, сам не замечаешь, как уж о другом речь идет.

— Выходит, не получилось у тебя ничего вызнать?

— Коли отпустишь, я полазаю вокруг Замятлино, и все визнаю.

— А как же дружба?

— В том предательства нет, княгиня. Иван как был мне другом, так им и остался. И я за него готов на многое, потому как иначе не могу. Да только и ты мне не чужая теперь. Сына твоего Анюта своим молоком вскормила. Ты мне его в воспитание отдала. Не чужие вы нам. И вот так глядеть как друг от дружки хоронитесь...

— Егор, — резко оборвала она его.

— Нет в том предательства, потому как ни он тебе, ни ты ему навредить не сможете.

— Иди уж. Соглядатай непутевый.

Вот странное дело. Вроде и говорят об Иване, одной думы о котором у нее голова шла кругом, да в животе разливалось тепло. А тут... Нет, что-то там под ложечкой екает, да по спине пробегает будоражащий холодок. Но, вот того, бывшего, нет и в помине. И от того сидит в груди эдакое сожаление о чем-то утраченном. Чем-то теплом, сладостным и желанном.

Она так и простояла у окна в задумчивости еще битый час. И вроде все

время о чем-то думала. Вот только спроси о чем, не найдется с ответом.

— Елизавета Дмитриевна.

Лиза стремительно обернулась на раздавшийся за спиной голос, и вперила внимательный взгляд в боярина Пятницкого. Вот ведь странное дело. Извечный противник московской партии, усилившейся сегодня и получившей большинство не только в совете бояр, но и малом вече. Но так уж выходило, что именно он ей был самым верным союзником. И началось это с самого ее возвращения.

Княгиня поначалу сильно удивилась подобному поведению, заподозрив что-то неладное. И то что он стал соратником Карпова, в пользу этого зрелого мужа никак не говорило. Хотя бы потому что, Лиза ничуть не исключала возможности, что тот причастен к гибели князя. И причин тому было несколько.

Только полная дурында, не заметит, какое впечатление производит на мужчину. И Лиза понимала, пусть с опозданием, но Иван наконец узрел в ней женщину, хотя и не позволял себе ни единого намека на оказание особых знаков внимания. Причем случилось это, когда ее супруг был еще жив. И он замечал эти взгляды, не дававшие ему спокойно жить.

Убийство Трубецкого, которое могло быть осуществлено Карповым. И тому было несколько причин, одной из которых могло быть желание обладать ею. В эту же версию укладывалось то, что это именно его стараниями вече призвало на стол, великую княгиню Трубецкую. Может даже и договоренность имелась, чтобы ее отдать ему как разменную монету. Уж теперь-то у нее не было никаких иллюзий, относительно политических игр.

Словом, не вызывал у нее Пятницкий доверия, чего уж там. И тут вдруг, в его лице она обрела настоящего помощника, и заступника. Всякий раз, он выступал на ее стороне, осаживая даже москвичей, которые всячески старались взнудать княгиню. Хотя и казалось бы, куда дальше, то. У нее и власти-то считай никакой не было. Муж, тот хотя бы во главе полков стоял. А тут приняли решение, что на должность походного воеводы нужно определить посадника.

— И что там, Ефим Ильич?

— Постановило вече, что ты княгиня, можешь к нему обращаться через своего посадника, и вносить на решение вопросы касаемые разных сторон жизни и бытия господина Пскова.

У Лизы даже глазки загорелись. Получилось! У нее получилось! Веками в Новгороде, и Пскове только и делали, что урезали права князей, обладая их обязанностями. Дошло до того, что и войском князь сам

командовать не мог. Решение обязательно должно было быть принято вместе с посадниками. Причем, если они могли заблокировать любой его приказ. И тут...

Предложение это исходило не от нее, пусть она и могла присутствовать на совете бояр. Как ни странно, но об том заговорил Пятницкий, рассыпавшись пространной и рассудительной речью. Суть был проста. Князь, а ныне княгиня, могла издавать указы. Лишь в некоторых областях, и в случае войны.

Случись военный поход, посадники при войске получали только совещательный голос. Решение отныне должно было быть только за князем, либо его посадником, коему вверялось войско. Выгоды единоначалия прекрасно проявились при битве при Бобровне.

Княгиня получала право обращаться непосредственно к вече, через своего посадника, и выносить на обсуждения любые вопросы. Предложения те могли быть приняты только тремя четвертями голосов вечевигов. Для отмены было достаточно простого большинства.

Просто небывалое для Пскова! Пятеро из бояр выступили категорически против. Пятницкого поддержал только Карпов. Такой же провальный результат оказался и при обсуждении на малом вече. И вот общее вече, основу которого составлял простой люд, поддержало это предложение, справедливо рассудив, что от княгини всяко разное пользы бывает побольше, чем от некоторых бояр, умышляющих против Пскова.

Незначительная уступка, от которой можно будет избавиться без следа, когда великая княгиня оступится, и покинет стол. Это она сейчас любимица. Но любовь толпы переменчива. Нужно только запастись терпением, и ждать удобного случая. Вот только на деле это был первый шаг, ведущий республику в ином направлении. К сильной и жесткой руке, без которой бояре и купцы уж больно распоясались, трясясь над своей мощной, и позабыв об интересах Пскова.

— Ну чего, глядишь на меня, и как дышать позабыла? — С хитринкой спросил Пятницкий.

— Честно говоря, я не верила.

— Да признаться, и я не верил. Да опять он оказался прав

— Кто?

— Так Иван, кто же еще-то. Тебе ить пояснять не надо, что вече оно не само по себе. И коль скоро бояре да купцы воспротивились, то-о... А тут, эдакое единодушие, что только диву даешься. Ох не зря он эту хитрость с госпиталем и лекарскими домами в посадах удумал. Да и школы эти, к коим тебя всячески приплетал.

При этих словах, она вдруг нахмурилась. Вот. Еще и это. Всегда и везде, он всячески выдвигал вперед ее. Не Князя, а его супругу. И вот теперь... Ну как после всего этого уверовать в его непричастность к убийству мужа? Ить все указывает на то, что он давно и крепко держит ее в своих планах.

— Что случилось княгиня?

— Да так. Вот подумалось, а к чему ему это все?

— А к тому, что хочет видеть Псков сильным, и в союзе с Москвой.

— Эка. Извечны сторонники Москвы стало быть не больно-то и горят желанием, а он восхотел. Да еще и ты у него в соратниках.

— Удивительно?

— Не то слово.

— Вот и мне удивительно, — с растерянной улыбкой вздохнул Пятницкий, но вот верю ему, и все тут.

— Ефим Ильич, а кто ведал дознанием, по убийству супруга моего.

Давно боярин ждал этого вопроса. С самого приезда княгини. Но та все молчала. Не хотела беречь еще не зарубцевавшуюся рану? Иль боялась чего-то. Хм. А ить пожалуй и боялась.

— Прямо сейчас могу провести в приказ, и предоставить все бумаги по тому делу. Да только поверь княгиня, ничего ты там нового для себя не сыщешь. Разве только подробности тех списков, что отправили твоему брату, государю московскому.

— И все же, я хотела бы сама прочесть их все. От первой и до последней бумажки. И переговорить с теми видоками, что были при деле. Лично, и один на один.

— Как скажешь, — легко согласился Пятницкий.

Потом боярин помялся малость, побряхтел, и наконец глянул прямо в глаза княгине.

— Только ничего ты там нового не сыщешь дочка. И коли желаешь уличить в чем Ивана, то вина его только в одном.

— И в чем же?

— В том, что меня выгородил, — решив не поминать Горячинова, произнес Пятницкий, словно в омут с головой.

— И в чем же он тебя выгородил?

— Нападение на тебя, в первый твой приезд в Псков. К тому делу имели касательство покойные бояре Аршанский и Медведков. Ну и я грешный.

— Ты-ы?

— Я, княгиня. Не знали как воспротивиться руке Рюриковичей, вот и

удумали. А под то дело обратились все втроем к Жилину. Тот и взялся все устроить. Так вот, единственная вина Карпова только в том, что он устроил все так, чтобы ни купец, ни Медведков, не упомянули моего имени в связи с тем делом, а взяли всю вину на себя.

— И тому никаких свидетельств?

— Никаких, княгиня, — глядя ей прямо в глаза, ответил боярин.

— И отчего ты все это говоришь мне?

— Из друзей, порой случаются предатели, из врагов, самые преданные друзья. Я хочу служить во славу Пскова, хочу чтобы земля эта оставалась вольной. Но для этого мы должны измениться. Мы много по этому поводу говорили с Иваном, и на многое я теперь гляжу иначе. Ить, мы и впрямь, в погоне за выгодой, забываем о нашей земле и долге перед людьми. А можно и о том помнить, и о себе не забывать. Вот на то, этот молодой и открыл мне глаза.

— Меня он с самого начала держал в своих планах? — Глядя на боярина с прищуром, поинтересовалась Лиза.

— Только в подспорье князю Трубецкому. А на стол княжий тебя призвать предложил уже я. Он только озвучил те слова на совете.

— Ох и наворотили вы тут. Москве обзавидоваться впору.

— Да оно как-то само, узелок к узелку, петелька, к петельке, и сплелись тенета^[28], что и сам диву даюсь.

— Прости, Ефим Ильич, но как относиться к тебе теперь, я и не знаю.

— А то жизнь сама все по местам расставит. Просто обождать надо, знать и помнить.

— Уж поверь, я о том никогда не забуду. Не смогу.

— А и никто не смог бы.

— Ефим Ильич, а что там по поводу шведского ультиматума порешили? — Меняя неприятную тему разговора, поинтересовалась Лиза.

— А ничего не порешили. Мол как заявятся, так и получают по сусалам. Чай не впервой, — пожав плечами, ответил боярин.

— И все?

— Ну отчего же. Сам ить ведаешь, укрепления приводим в порядок, арсеналы проверяем. Пополняем запасы пороха. Инспектируем состояние пушек по всем крепостям. Этой зимой в Ивангород да Гдов, новые пушки отлили и поставили. Ополчению учение провели, не чета иным годам. И народ к тому с пониманием. Чай прошлым летом ляхи встряхнули нас малость.

— А Карпов?

— А что Карпов?

— Ну так ультиматум-то только его и касается.

— Его, паразита такого, — с явным уважением, и с усмешкой, подтвердил Пятницкий. — Да только он молчит.

— Как молчит?

— А вот так. Молчит и все тут. Его все пограбить да извести хотели, а он только молча резался, и злил ляхов. Потом заявили большими силами он им всем так кровь пустил, что небо с овчинку показалось. Не серчай, княгинюшка, но я-то уж ведаю, как там оно на самом деле было при Бобровне. Нужды в твоём покойном муже там уж и не было.

— То и я ведаю, — продолжая внимательно глядеть на Пятницкого, кивнула Лиза.

— Вот и теперь, шведский посол распаляется, старается, в народ разные слухи запускают, мол через Карпова в Псков беда великая прийти может. А он аспид такой, и в ус не дует, и в бороде не чешется.

— И?

— Так всяких хватает. И тех, что подхватывают те слухи, мол Карпов не обеднеет, коли со шведами наукой поделится. А как и с ними горемычными, так и вовсе всем хорошо будет. А как швед придет, так тут уж не до радости будет. Но то так, не серьезные разговоры. Все больше завистники до чужого добра.

— А Карпов, стало быть, молчит?

— Молчит. Да только, сдается мне, что лучше бы он слово молвил. Все шведам спокойнее было бы. А то поди пойми, чего он там удумал в своём Замятлино.

— А что он там удумал?

— Так никто не ведаёт, княгиня. Ни швед, ни мы горемычные. Он ить к себе никого не пускает.

— Так-таки и не ведаешь, Ефим Ильич?

— Так. Кое-что, — сделав неопределённый жест, ответил боярин, и начал пояснять. — Знаю, что на берегу Великой поставил верфь, и сладил там корабли, невеликие, на манер иноземных бригаantin. Причем строил из сырого леса, а потому и прослужат недолго. Что на Карпова не похоже, потому как он ко всему подходит обстоятельно. И деньгу вот так, за здорово живешь он выбрасывать не станет. Ведаю, что в конце зимы, к нему прибыло около трех сотен казаков донцов, что до замирения с султаном, промышляли в Русском море разбоем.

— Готовится к войне на море? Ну или напустить на шведов каперов. И сколько кораблей? — Перебив боярина, заинтересовалась Лиза.

— Четыре.

— Четыре? Хм. Но с другой-то стороны, а сколько еще должно быть. Да только, где у них будет порт? Ивангород? Но коли швед придет, то сразу перекроет реку.

— То мне не ведомо. Скрытен, Иван Архипович страшно. Знаю еще, что в Окрестностях Замятлино и Острова уж больно часто звучит пушечный гром, да пищальная пальба, словно сражение великое случилось. Поговаривают, что новый староста Вияльского повята, летом был бит под Замятлино, а сегодня, дружбу с Карповым водит. И вроде как сержантов из Карповской дружины видели у ляхов. Да пушки новомодные, кои только на заводе в Замятлино льются, там так же приметили.

— Помогает ляхам? А это-то ему зачем? — Искренне удивилась Лиза.

— Да ктож его ведает. С другой стороны, худой мир, лучше доброй ссоры. Вот только на все это серебро течет рекой. Откуда только и берется. Нет у него столько, и быть не может. Вот, княгиня и все, что мне ведомо. И шведы знают не больше. А от того, шведский посол ярится с каждым днем все больше, и не ведает, как ему быть. Но на всякий случай гарнизон в Нарве шведы увеличили до двух тысяч солдат. И в Риге теперь стоит пять тысяч. А тут еще и слушок прошел, что молодой король, в Стокгольме собирает эскадру, и войска. Чуть не десять тысяч. Сила!

— И откуда те сведения? — Задумчиво поинтересовалась Лиза.

— Частью от проверенных людишек. Частью просто слухи.

— А Карпов стало быть молчит?

— Молчит, как рыба, — подтвердил боярин.

— Хм. Странно все это. Сам посуди, сейчас-то народ ярится, мол только пусть сунутся, ишь чего удумали, секреты чужие выведывать, да грозиться, только пусть сунутся. И все вроде бы выглядит ладно. Но ведь как только сунутся, и принесут в дома первое горе, народ в том станет винить Ивана Архиповича. Потому как шведы придут с именем Карпова на своих знаменах. Столько трудов положить на то, чтобы заработать доброе имя, и в одночасье пустить все прахом? Не верю, что он настолько глуп.

— Так и я не верю. По мне, так ему остается только одно...

— Самому идти войной на шведов и бить их на их же земле. Мало ли что на границе случается, — оборвав боярина, закончила мысль Лиза.

— Вот именно, — подтвердил Пятницкий. — Да только глупость то несусветная. Пусть он тайком собрал даже три полка. Ты поди разгрызи хотя бы ту же Нарву. А сунуться, чтобы уколоть, да назад уползти? Ну разозлит он шведа. Так тот еще и лишний повод для войны сыщет. И опять Карпов проиграет, потому как все его старания на Псковской земле прахом

пойдут.

— Хм. Карпов не так уж и прост, Ефим Ильич. Он умен, ловок, и способен преподносить сюрпризы. Вот только, что он удумал на этот раз? Как и с турками рассчитывает на помощь Николая.

— А она придет?

— Николай развязался с войной на юге. Армия полностью укомплектована и готова выступить в поход. Только приказ отдай. И я с ним уж списалась по этому поводу. Более того, он решил провести весенние маневры на смоленщине.

— Хм. Менее двухсот верст от границы Пскова.

— Вот именно. Так что, одни мы в любом случае не останемся.

— Но, там ить еще и больше сотни верст по Новгородской земле.

— Да нешто новгородцы посмеют козни строить, — отмахнулась Лиза. — Это из-за купца-то, кой в преступных деяниях был уличен, и кои были доказаны? Не станут они из-за этого ссориться с Николаем.

— Твоя правда. Глупо бы было, — вынужден был согласиться Пятницкий.

Лиза ненадолго задумалась. Вот так. Поговорили, поговорили, и ни к чему не пришли. Но ведь Карпов что-то задумал. Не мог не задумать. Не тот он человек. А может не гадать, и прямо спросить его о том? А что такого? Вот только до того, надо бы понять, как к нему относиться.

— Л-ладно о том. В приказ-то проводишь, Ефим Ильич? — Прекращая разговор, поинтересовалась Лиза.

— Так ведь... — Растерянно начал было и осекся Пятницкий.

А и то. Он тут в таком сознался. Такое рассказал. Нет, сделать-то она ему ничего не сможет. Все доказательства, и видоки кроме Горячинова, уж в сырой земле. Но факт остается фактом. Так чего она еще хочет там сыскать-то? Но встретившись с ней взглядом, пожал плечами.

— Сейчас желаешь, аль после?

— Сейчас, — решительно тряхнула головой Лиза.

— Ну, тогда пошли, чего стоять-то.

* * *

Странный все же этот напиток, кофе. Непривычный горький и одновременно терпкий вкус. Но что есть, то есть, бодрит он очень хорошо. Вот так выпьешь чашку, и глаз уже не сомкнуть. Тут главное поначалу притерпеться к вкусу, а там он даже нравится начинает. Правда, еще

придется привыкнуть и к его высокой цене. Что чай. Кофе куда дороже.

Впрочем, лешакам эти зерна были положены по нормам довольствия. Во время боевых выходов, горячая кружка кофе очень даже помогала взбодриться, после изнурительного броска. Или вот как сейчас, когда действовать приходилось ночью, и рассеянное внимание могло стоять жизнью товарищей.

Сашка отпил горячий взвар, и довольно выдохнул, разгоняя кружащийся над кружкой пар. Хорошо-о. Повел взором вокруг, осматривая всех девятерых. Он десятый. Двое на посту, вне подвала с каменными сводами. Все в звании не ниже десятника.

Сегодня в его группу вошли только ветераны. Чудно такое говорить про парней, из коих самому старшему едва минуло двадцать два года. Но все они прошли суровую школу. Охотились на разбойничьи ватаги, дабы набраться опыта. Били шляхтичей, отчего-то рассматривавших Замятино как достойный трофей.

На каменных ступенях послышались шаги. Саня, отставил кружку, и подхватил свою воздушку, с навинченным на нее глушителем. Ну мало ли что могло случиться. Все же они сейчас на территории противника. Парни так же не стали отсиживаться, и похватав оружие, рассредоточились по подвалу, беря вход на прицел.

— Господин Александр, это я, — обозначился хозяин дома.

Но Сашка и не думал расслабляться. Хозяин что, он немец. Житель Нарвы. И кто знает, что могло закрасться в его голову. Вдруг выиграло чувства верноподданного, и он решил предупредить шведов о грядущей опасности. И вот теперь лешаков будут брать тепленькими.

— Порядок командир, — послышался вдогонку голос Митрохи.

Вот теперь и впрямь порядок. Саня даже представить не мог, что могло случиться, чтобы Мирофан предал своих боевых товарищей. Чай уже два с половиной года, как в лешаках. В смысле, раньше-то они были в штурмовиках. Но вот как прозвали их летом лешаками, обозленные ляхи, так то имечко за ними и закрепилось. Да еще и боярин своей волей определил.

— Ну что там, Фридрих Францевич? — Когда хозяин наконец появился, поинтересовался Саня.

На этого добропорядочного немецкого лавочника вышел Кузьма Платонович, что ведает всеми тайными делами боярина. Поначалу подловил его на мелких грешках, да постепенно опутал, как паук мотылька, угодившего в его паутину. Перед этой операцией, лавочника разлучили с семьей. Оно и лучше так. Мало ли чем обернется штурм. А так, они точно

не пострадают.

Ну и лешакам лишняя страховка от предательства со стороны немца. Он же их помог им пробраться в город, и разместиться в подвале его дома. Город-то не на военном положении. Так что, повозки никто и не думает осматривать. Уплатил положенную пошлину, и проезжай, нечего перегораживать движение.

— В городе все спокойно. Патруль как раз прошел вниз по улице, и появится здесь не раньше чем через час. То есть когда полностью рассветет.

— Ясно. Ну что парни. Напоминаю. Ворота и караулку при них, берем всем десятком. Далее, делимся на три группы. Четверка Митрохи остается у ворот, и ждет сигнала. Моя уходит на бастион Фортуна. Муром, ты со своими на бастион Триумф. Убираем часовых, подаем сигнал, и блокируем караулки. Атака только в самом крайнем случае или при гарантированной уверенности, что все пройдет тихо. Учти Муром, Григорий Семенович, если что не так, обещался отхватить причинное место, не взирая на прежние заслуги. Так что, хорошо подумай, прежде чем лезть в драку.

— Саня, ты за кого меня держишь?

— Ну мало ли. Эвон сколько сокрушался, по поводу того, что на моем счету ляхов поболее твоего.

— Ты одно с другим-то не путай. Да и Григорий Семенович, никогда словами не бросается. Сказал, отхватит, значит отхватит. А мне, между прочим, через два года можно будет жениться. Батя уж плешь проел, внуков хочет. За старость свою опасается.

Под общие смешки с дурашливым видом, выдал Муром. Нет, понятно, что боевое задание. Ясно, что командир тут Сашка, извечный его напарник. Да только они тут вседесятники, как бы равны, а потому и урона авторитету никакого. А добрая шутка, она всегда на пользу.

— Митроха, открываешь калитку по условному сигналу снаружи, — отмахнувшись от балагура, закончил Сашка. — Вопросы? Вопросов нет. Вот и ладушки. Быстренько допили кофе, кто не допил, и на выход. Не забываем сразу же оправиться, чтобы не приперло не ко времени.

Александр подошел к столу, и взяв все еще горячую кружку, сделал большой глоток. Потом, еще пару торопливых. Время. Нужно поворачиваться.

— Фридрих Францевич, вы бы тут в подвале посидели, — предложил Саня.

— Вы мне все же не доверяете? — Удивился немец, у которого не было никаких резонов предавать русских.

— Фридрих Францевич, ну как я могу доверять вам, коли ваша семья в

заложниках у боярина Карпова? Вы просто лишены выбора, а так, предали бы нас с милой душой. Но я не о том. В городе будет не безопасно. Заприте двери, и спускайтесь в подвал. Мало ли как оно обернется, а здесь вам не страшна никакая бомбардировка.

— Но мне говорили...

— Все правильно говорили. Но кто моет поручиться, что все пройдет именно так, а не иначе. Не хватало еще, чтобы вы погибли от какой случайности. Иван Архипович к своим обещаниям относится серьезно, а потому ему будет неловко перед вашими домашними, коли с вами, что случится. Так что, отсидитесь-ка вы лучше в подвале. Очень прошу, — Саня подмигнул хозяину дома, и направился к лестнице.

На одной из ночных улиц старого города, близ южных ворот Нарвы, они оказались примерно в три часа по полуночи. До рассвета еще три часа, никак не меньше. Времени более чем достаточно. Если действовать как условлено. Ну и если все пройдет по намеченному плану.

Оно конечно редко когда все вот так-то гладко выходит. Но хотелось бы, чтобы хотя бы приближено. Пусть с большим тарарамом, и большими потерями, но только бы вышло. Если предрассветный штурм не удастся... Нарва крепкий орешек. Всегда была таковым. А уж за последние годы Шведы расстарались совершенствуя и обновляя укрепления. Шутка сказать, почти миллион талеров, считай рублей, в это дело вогнали.

Это все Кузьма Платонович и его соглядатаи расстарались. Они же раздобыли и подробнейшие планы всех бастонов. По тем чертежам из жердей и канав построили некую копию, две недели гоняли лешаков в тренировочных штурмах. Ведь если не удастся с наскоку, то вовсе не факт, что выйдет разгрызть этот город крепость, равного которому не было во всей Европе.

Во всяком случае, открытым штурмом боярину Карпову его не взять. У него ведь всего-то порядка двух тысяч человек. Оно вроде и солидно, но только выходит равное количество с гарнизоном Нарвы. А тут ведь еще и ополчение имеется, и действовать они будут из-за укреплений. Словом, весело будет, чего уж там. А им нужна только победа, и никак иначе.

Оба часовых у ворот и не думали спать. Службу несут бдительно, ничем не отвлекаясь. Ну прямо как в уставе караульной службы в Замятино. Угу. Был у них таковой. Самим Иваном Архиповичем писанный. И откуда только в нем столько знаний. Эвон сколько всего, и как продумано. Просто диву даешься. Вот почитай все в его уставах прописано, как оно должно быть.

Сашка переглянулся с напарником, потом глянул на еще одного бойца,

и вместе с напарником вкинул воздушку. Без труда нашел светящиеся фосфорные точки на мушке и целике. Совместил их, и подвел между лопаток караульного. Расстояние так себе, всего-то шагов двадцать, а потому промазать, это нужно постараться.

— Бей, — скорее выдохнул, чем сказал, третий боец.

Саня тут же потянул спусковой крючок. Воздушка легонько толкнула в плечо, издав едва различимое. Хлоп-п. Солдат тут же изогнулся дугой, и повалился на мостовую, суча ногами, и хрипя от боли. Второй повалился как сноп. Труп. Так падают только мертвецы.

Лешаки тут же сорвались с места, и словно тени бросились к караулке, примостившейся чуть в стороне от ворот. Саня заглянул в окно. Н-да. Ну, с таким же успехом можно было всматриваться и в глухую стену. Бычий пузырь не отличается прозрачностью. Хотя и безошибочно указывает на то, что в помещении горит светильник.

С напарником встали напротив окна, страхуя четверку Митрохи. Их объект им и работать. Два поста, по два человека, три смены, плюс начальник караула. Сейчас внутри никак не меньше девяти человек. Так что, помощь лишней очно не будет. Третий из четверки Сани приготовился взрезать пузырь одним круговым движением. Последний, разжег карманную карбидку, прикрыв свет полой куртки.

Дверь распахнулась, и во внутрь, тут же ввалилась вся четверка. Послышались хлопки выстрелов. Клинок с легким треском взрезал натянутый пузырь, открывая обзор. Напротив ожиданий, два светильник подвешенных к потолку не погасли, а потому видимость была вполне приемлемой. Четверо караульных коротали время за игрой в кости, и пали первыми. Остальные отдыхали, расположившись на деревянных лежаках, покрытых соломой.

Саня сразу же поймал в прицел одного из проснувшихся, который весьма сноровисто вскочил на ноги. Но больше предпринять ничего не успел. Хлоп-п. Солдат нелепо взмахнул руками и откинулся на стену. Пока перезаряжался раздалось еще несколько хлопков. Хрипы умирающих и тихие стоны вскоре прекратились, погрузив ночь в привычную тишину. Контроль прошел без сучка, без задоринки.

Двое лешаков уже напяливают на себя снятые с убитых форменные синие кафтаны. Муром со своими подался вправо, к бастиону Триумф. Ворота представляют собой эдакий коридор между стенами, причем не прямой, а с поворотами, что значительно осложняет жизнь штурмующим, и упрощает обороняющимся. Так вот, вторая пара караульных сейчас

находится у дальних ворот, в том самом коридоре.

Но это уже проблема Митрохи. Саня подал своим знак, и скользнул влево, к входу в подземный коридор, ведущий на бастион Фортуна. Дверь из толстых плах, обитых полосами металла не заперта. Ничего в общем-то удивительного. Мирный город. Впрочем, на тот случай, если бы она оказалась запертой имеется веревка с кошкой обернутой заячьими шкурками, на конце. Не попадут, через нижние галереи, пройдут по верху. Чуть мешкотнее, но... Ага. А Мурому похоже пришлось-таки идти верхом.

Едва оказавшись в галерее, тут же прикрыли за собой дверь задвинув засов. Вот интересно, кому сегодня повезет, шведам или русским. У них ить бога удачи Авосем кличут. Хм. С другой стороны, Фортуна богиня удачи древних римлян, как говаривал на занятиях брат Карпова, Дмитрий Архипович. То есть, к шведам она не имеет никакого отношения. При это мысли, Сашка оскалился в злой усмешке. Не повезет шведу, что тут еще скажешь. Коли уж поминаете языческих богов, так хотя бы к своим взор оборотили бы, а не на чужих глядели.

Приметно с сотню шагов по извилистому коридору. Трудностей никаких. На каждом повороте в держателях торчит чадающий факел. Света вполне достаточно для того, чтобы не блуждать в потемках. Ноги обутые в мягкие поршни скрадывают шаги, хорошо подогнанная амуниция не звенит не гроыхает. А вот и дверь караулки. Чуть приоткрыта. Изнутри доносятся приглушенные голоса. Подал знак одной паре оставаться здесь и блокировать караул. Они там сейчас как в каменном мешке.

Прошли еще десяток шагов и оказались на перекрестке в виде стрелы. Вправо и влево уходят галереи каждая шагов на сто. Вдоль наружных стен видно множество ячеек с бойницами. Установлено несколько пушек. Здесь проходит подземная линия обороны. Наверху расположен парапет, из-за которого ведут стрельбу пушки и солдаты.

Александр, кивком указал направление, и они поли влево. Вскоре нашлась каменная лестница наверх. Соблюдая осторожность поднялись наверх, разделив между собой сектора, и выискивая караульного. Хлоп-п. Расслышав выстрел, Александр и не подумал расслабляться. Еще чего не хватало. Мало ли что удумают со скуки эти караульные. Опять же ночь такая, что хоть глаз коли. Вроде чисто.

Итак, они вышли на караульного на юго-восточном углу бастиона. Теперь вдоль парапета, к его вершине на юго-западе. И не спешить. Вот так, аккуратно, тщательно выбирая место куда ставишь ногу. И все время держать свой сектор. Черное одеяние способствует маскировке. И все же, лучше как можно раньше заметить караульного, дабы он не успел подать

сигнал тревоги.

Хлоп-п. Хлоп-п. Они выстрелили практически одновременно. Караульный сраженный сразу двумя пулями, упал не безмолвно, а издав болезненный стон. Мало того, он и сейчас продолжает оглашать окрестности своими стенаниями. Пусть и не такими громкими, а ночь полна различных звуков, от собачьего бреха, до шума ветра с реки. Но все же, лишний шум нежелателен.

Напарник стрелой сорвался с места и подскочив к раненому, до которого было порядка пары десятков шагов, полоснул его ножом по горлу.

— Олаф, с тобой все в порядке?

Не сказать, что лешаки так уж хорошо владеют шведским, но кое-как объясниться смогут. Их несколько месяцев учили вдумчиво, а спрашивали строго. Причем не только шведскому, но и немецкому и эстонскому. А то как же! Им ведь не только диверсиями заниматься, но еще и разведкой. А какая разведка, коли объясниться с пленным не можешь.

Правда, на чудеса рассчитывать не приходилось. Каждый из лешаков учил только один язык. Хм. Впрочем, не каждый. Были знатные бойцы, которым инородная речь не давалась. Но в этой дюжине, все владели либо шведским либо немецким.

Хлоп-п.

— А-а, дьявол, — болезненно простонал появившийся третий караульный.

Хлоп-п. Это уже добавил напарник. И после этого солдат тихо повалился кулем. Все. С караульными на бастионе порядок. Александр подошел к парапету со стороны ворот, и высунувшись над ним, чиркнул огнем, высекая искру. Вскоре сверкнуло и на бастионе Триумф. А вот и внизу полетели искры. Даже если кто и заметит с других постов, ничего особенного. Курением караульных на посту никого не удивить.

Порядок. Оба бастиона и ворота под контролем. Александр подошел к вершине, многоугольника бастиона, обращенной наружу, и прикрывшись зажег ручную кабрибку. Несколько раз прикрыл и открыл огонек за стеклом, так чтобы рассмотреть можно было только снаружи. После чего погасил фонарь.

Все. Сигнал однозначно замечен и опознан. Иначе и быть не может. Бастион под пристальным наблюдением уже не один час. Причем, наблюдатели меняются достаточно часто, чтоб не проспали, или не увидели то, чего не было и в помине.

Теперь блокировать караулку и ждать. Минимум час до смены караульных у них есть. А за это время полная рота лешаков в сто двадцать

бойцов успеет наворотить столько всего занятного, что только держись.

Когда спустились к караулке, один из бойцов поманил Александра в сторону, и отделившись от приоткрытой двери, прошептал в самое ухо.

— Командир, мы тут в щелочку заглянули. Там только трое сидят за столом и в кости играют. Шестеро спят, ружья в пирамидах, пистолей нет. Этим троим снесем одним махом. Потом спящих. Даже если крикнут, их никто не услышит. Пальнуть никак не успеют. Да они со сна вообще ничего не поймут. Ну может за ножи по хватаются.

Вообще-то, это та самая самостоятельность о которой он и говорил Мурому. Но с другой стороны. Мало того, что у Григория Семеновича сейчас на счету будет каждый боец. Так еще и в их дюжине были однидесятники, то есть, наиболее подготовленные бойцы. Уж больно ставка была велика, а потому отбирали лучших из лучших. Наличие же у десятка командира...

— Хм. А что, осуществимо, — задумчиво помяв подбородок, прошептал Александр, а потом решительно рубанул. — Делаем.

Трое стрелков заняли позицию напротив двери, распределив между собой цели. Четвертый приготовился распахнуть дверь, предоставляя возможность для стрельбы всем стрелкам разом.

Когда створка отлетела в сторону, разом раздались три хлопка. Распахнувший дверь первым ворвался в помещение, уходя за простенок вправо и держа оружие на изготовку. Бить бездумно... Их не этому учили, спуская семь шкур. Да и они сами успели уж побывать в шкуре десятников, вдалбливая науку в подчиненных. А потому с глупостями это не к ним.

Тройка сидевшая за столом со столами и хрипами повалилась кто куда. Ствол с раструбом движется в поисках приоритетной цели. Но цель он ищет недолго. Очень скоро, один из ветеранов открыл глаза, недовольно бурча ругательства. Но в следующее мгновение в его взгляде появляется осмысленное выражение. А вот предпринять, он ничего не успел.

Хлоп-п. Мужчина так и не успевший подняться с лежака, выгибается под непередаваемым углом, поймав пулю в грудь сбоку. Помещение оглашается еще одним болезненным вскриком. Перезарядка. Вскрикивает еще один. Лешаки не просто успели изготовить оружие к бою, но еще и проникнуть в помещение.

Хлоп-п. Хлоп-п. Хлоп-п...

Контроль проводили уже ножами. Порядок шума вышло немного даже для них, находящихся в непосредственной близости. Нечего и думать, чтобы эти звуки могли проникнуть сквозь толщу камня и земли.

Когда они появились на предвратной площади, здесь уже был и Муром со своей группой. Ясно. Похоже он так же решил, что десятникам должно находиться вместе со своими десятками. Да и правильно, чего уж там. Бог весть, что должно было случиться, чтобы солдаты были во всеоружии даже среди бела дня, что уж говорить о предрассветном часе.

Вскоре в воротах появился первый десяток, а вместе с ним и командир роты лешаков. Доклад о полной зачистке обоих бастионов он выслушал совершенно спокойно. Разве только глянул на докладчиков так, словно хотел сказать, мол сами знаете чем рисковали. Потом приказал возглавить свои десятки, и далее действовать по команде взводных. Работы предстояло еще очень много. По сути, все только начиналось.

Цитадель Нарвы, она же, много раз перестраивавшийся старинный рыцарский замок, была основной целью лешаков. Это единственное укрепление способное по настоящему серьезно противостоять противнику ворвавшемуся в город. Стоит только захватить замок, как сопротивление защитников практически теряло смысл.

Бастионы же способны отлично противостоять штурму извне, и плохо годятся для отражения нападения со стороны города. А уж учитывая то обстоятельство, что дружина, или если быть более точным, полк Карпова специально натаскивался на ведение уличных боев, у шведов попросту не было шансов.

Жаль только, что не было подземных переходов между бастионами. Пусть и перегороженных множеством решеток или дверей. Они предусматривались. Но строить их должны были начать после того, как будет завершено возведение бастионов по периметру города. Это позволило бы обходить все укрепления не выходя наружу. Что весьма удобно при бомбардировке города, как для передвижения командования, так и для переброски резервов в ту или иную точку обороны.

Вот только ничего подобного нет. А потому и попасть в бастионы Спес и Юстиция, охраняющие южные и восточные подступы к замку, было возможно только с его территории. Плохо конечно. Но не смертельно. Крепостные стены им уже давно не преграда.

Не успели еще десятники разойтись по своим десяткам, как с одной з улиц выходящих на цитадель, раздались сначала крики, а потом ружейная пальба. Какому-то из патрулей в этот предрассветный час явно не спалось. А ведь в это время все стараются найти сухое и теплое местечко, потому как и сырости, от реки и прохлады, в виду весенней поры, сейчас в избытке.

— Началось, — уже ничуть не сдерживаясь в полный голос произнес

Григорий. — Первый, второй, третий взводы, перекрыть подходы к цитадели! Четвертый взвод, на штурм! Не теряться, действовать как на учениях! Поворачивайтесь братцы, не то нам сейчас небо с овчинку покажется!

Александр как раз и относился к четвертому взводу, как и Муром. Они вообще были не разлей вода. Ну и соперники, куда же без этого. И десятки их все время соревнуются, кто больше, кто дальше, у кого больше. Нормальная в общем-то практика для лешаков. Подобное командирами только поощряется.

С началом стрельбы, о маскировке больше особо не думали. Разве только действовать начали быстро и открыто. Четвертый взвод, три десятка бойцов, поспешил к стене цитадели. Высокая, нечего сказать. Но... О стенах и их противодействии лешакам уже говорилось.

Вверх полетели кошки. Часть бойцов заняла позиции с карабинами и воздушками на изготовку, дабы ссадить любого, кто бы не появился в просветах бойниц. Хм. Вообще-то, сейчас не больно-то и ссадишь. Тут и сами-то бойницы едва различимы на светлом фоне стены. А уж о тех, кто может находиться за ними и речи нет. Но, мало ли. Тем более, что ничего более лучшего сейчас придумать попросту не получается.

За первой парой, вверх устремилась вторая, третья. На крытой галерее послышались приглушенные вскрики. Наверняка и стрельба имеет место. Да только глушители качественно гасят звук. Да и шум в городе нарастает с каждой секундой. Крики и перебранка очень скоро начал сменяться звоном и лязгом стали, выстрелами и проклятиями. Какофония городского боя нарастала с поразительной быстротой.

Хорошо хоть здесь нет практики используемой в Карповском полку, где роты располагались в казармах. Подобного подхода пока еще не было нигде. Содержание военных городков подразумевало под собой дополнительные траты из казны. И в то время, когда средств не было в достатке даже на экипировку и жалование солдатам, подобные траты были просто излишеством. Куда проще издать указ, о расквартировании войск в домах горожан.

Вот только, тут не одна лишь выгода, но имеется и существенный недостаток. Так к примеру, весь гарнизон цитадели сейчас состоял примерно из четырех десятков человек. По десятку на каждый из бастионов, и пара десятков непосредственно на сам замок. А этого мало. Против лешаков же, катастрофически мало.

Шум и стрельба за стеной сместились к воротам, потом вниз. И наконец в массивных окованных железными полосами воротах открылась

калитка. Десяток взлетевший на стены, добрался-таки до ворот, и обеспечил беспрепятственный проход. Подумаешь калитка. Они люди не гордые, просочатся и по одному.

Оно ведь как. Пусть на них и нет ничего, кроме боевого снаряжения. Но оно то ведь у всех разное. Кто-то вооружен легкими воздушками. И его удел стремительные и по возможности скрытные броски. Кто-то вооружен карабином, и ему надлежит достать противника находящегося в отдалении. Ну и наконец, в каждом отделении было по три штурмовика. Парней облаченных в тяжелую броню, которым надлежало выступать в качестве таранов. Ну а как еще штурмовать укрепления, не редко изобилующие узкими потернами, переходами и множеством помещений.

— Саня, давай со своими зачищай Спес. Да поспешайте.

— Принял, Захар Ильич, — тут же отозвался Александр и поспешил к участку стены, где согласно плана находилась потеря ведущая в сердце бастиона.

Ему опять повезло. Дверь в потерну оказалась открытой. Оно конечно везение так себе. Потому что из нее выскочило полдюжины солдат с ружьями на перевес, с уже пристегнутыми штыками. До них шагов сорок. Близко. Слишком близко, даже для косорукого солдата с разболтанным мушкетом.

— Штурмовики вперед, прикрыть остальных!

По этой команде трое парней в тяжелых доспехах, да еще и с прямоугольными стальными щитами, поспешили их сдвинуть, резко переходя с размашистого бега на семенящий. Остальные не дожидаясь дополнительного приказа, поспешили укрыться за их спинами.

Н-да. То ли лешаки оказались недостаточно расторопными. То ли солдаты, куда проворнее. Но только от двери раздался разрозненный залп, тут же отозвавшийся глухим стальным звоном, и болезненным вскриком одного из бойцов Александра. В ответ послышалось несколько едва различимых хлопков, и хлесткие винтовочные выстрелы. Шведов буквально снесло.

— Елизар, помоги раненому. Киря, Добрыня, контроль, — не останавливаясь ни на мгновение приказал десятник.

Оно конечно понятно, что если они провалят захват цитадели, то это обернется очень большой кровью. Уж слишком рано они себя обнаружили, и дело приобретает нежелательный оборот. И чем дальше отступление от плана, тем хуже и больнее. Но и бросать своих последнее дело.

Чай не иноземцы какие. А уж у лешаков, так и вовсе друг за дружку горой. А рана, она ведь разной бывает. Вот так, вовремя оказал помощь, а

там и лекари с того света вынули. Ох и знатные у них лекари, особенно в псковском госпитале. Ну да и в полку не лыком шиты.

А то что десяток ослабил. Да не больно-то и ослабил. Если в бастионе лишних нет, то там остались только трое караульных. Да даже если и нет. Восемь лешаков с легкостью и против взвода солдат выйдут. Даже в теснине потерны.

Трое штурмовиков с револьверами в руках, и составив из щитов стену, заполнили проход, и пошли вперед плечом к плечу. В двух щитах красуется по солидной такой вмятине, от прилетевших шведских пуль. Но, ни одна из них не пробилась сквозь преграду. И это радовало. Мало ли, что на штурмовиках еще и бронежилеты. Лишнее это, и весь сказ.

Александр оказался прав. На бастионе и впрямь оставалось только трое караульных. Причем они поспешили побросать оружие, и задрать повыше руки, чтобы атакующие ненароком ничего не попутали.

Когда Александр подошел к взводному с докладом о том, что бастион под контролем, тот уже принимал доклад от Муромы о захвате второго бастиона. И тут же послышалось два разрыва гранат. Коли речь идет об экономии времени, о том, чтобы беречь боеприпасы никто и не подумает.

А и правильно. Главное быстрота, решительность, натиск. Ну и людишек беречь. Уж больно дорого и долго их учить. А еще, после пуда соли, и бочки пота, они уж и не чужие тебе, а боевые товарищи. И уж тем более, когда рядом бродит костлявая, жадно заглядывая тебе в глаза. Так что, лучше лишним рублем поступиться, чем попусту рисковать людьми. И Карпов то командирам накрепко вдабливает в головы. Вскоре затихла и ружейная трескотня.

Нет, стрельба очень даже нарастала. Но то там, за стенами. А здесь, в цитадели все было тихо и чинно. Пленных сводили в один из казематов. Потом с ними разберутся. Причем после боя, ни о каком контроле не было и речи, даже в отношении тяжелораненого в живот, которого несли на одеяле, четверо шведских солдат.

То уже известная практика. Полковые лекари старались помочь любому раненому врагу, сколь бы тот ни был безнадежен. Нарботка опыта и практики, великое дело, неизменно оборачивающееся благом для своих.

Вскоре Водяные ворота, ведущие мимо бастиона Спас непосредственно в цитадель были открыты. А там появился и первый пехотный батальон. Взвод, за взводом, рота, за ротой, он втянулся в цитадель, проследовал по двору, и в двое крепостных ворот на противоположной стене выплеснулся в город.

Тут же усилилась интенсивность стрельбы. Послышалось частое

рявканье картечных. А затем звуки боя начали отдаляться. А через захваченное укрепление проходили все новые и новые части, которые сходу вступали в бой, увеличивая и уплотняя фронт, с неумолимостью катка, движущегося с юга на север.

— Захар Ильич!

— Чего орешь? — Одернул сержант спокойным голосом прибежавшего вестового.

Нет, среди лешаков не сыскать того, кто не был бы бойцом. И те, что были в личном десятке командира роты Рыбина, были одними из лучших. Но... Они же выступали и в качестве посыльных, осуществляя связь с разбросанными подразделениями. Как впрочем и выступали личным резервом начальника лешаков.

— Григорий Семенович приказал тебе выдвигаться для захвата бастиона Пакс. Пехота оттеснила шведов, но бастион только блокировали.

— Много шведа-то на бастионе?

— Изрядно Захар Ильич. Как бы не весь гарнизон бастиона собрался.

— Кхм. Понял. Доложи, Григорию Семеновичу, что мы выдвигаемся.

А чего не понятного. На то и штурмовики, чтобы разгрызть такие орешки. Незачем туда соваться неподготовленными солдатам. Им в открытом поле куда сподручнее. Ну вот еще и на городских улицах как-никак, а учились драться. Но схватка в помещениях и укреплениях, требует не только особых навыков, но и снаряжения.

Н-да. Они можно сказать серебром разбрасываются направо и налево. Чего только стоят гранаты, начиненные бездымным белым порохом. Их и лешаки-то не часто пользуют, только в помещениях, и не иначе. Чтобы дымом все не заволокло. А то, мало что станешь кашлять и чихать, так еще и не увидишь ничегошеньки.

— Десятники, ко мне! — Выкрикнул сержант, едва отпустив вестового. — Саня, раненого определил? — Сразу же поинтересовался Захар, как только собрались командиры.

— Так точно, господин сержант.

— Добре. Тогда остальным сбор у новых ворот. Нужно подсобить пехтуре бастион почистить. И шведа там засело на этот раз изрядно. Ну никуда они без леших, — наигранно сокрушаясь развел он руками.

— Х-ха! Да кто бы сомневался! — Лихо подкрутив ус, бодро выдал Муром. — Надо крови побольше пустить, это к лешим. Надо крови поменьше пролить, позовите леших.

— Иди уже, балагур, — легонько толкнув десятника в плечо, с улыбкой, приказал сержант.

Доброе настроение перед дракой, это хорошо. И то что потерь практически не понесли, тоже добре. Столько наворотили, а лишь один раненый в плечо. Бог даст, еще оклемается, и вернется в строй. Вот только вряд ли и дальше так же будет везти. Ну да, что тут поделаешь. Стезя у них такая. Сами они ее выбрали. Боярин положил много трудов и серебра, дабы облегчить их участь, остальное в их руках. А он кое-что умеют. Еще как умеют. Шведы ой как понравится.

ГЛАВА 12

Вообще-то совет бояр собирался не так чтобы и часто. Определенных дней для заседаний не было. Так что, сходились в боярских палатах только по мере надобности. Иными словами, работал совет больше от случая к случаю. А тут прямо спасу нет. Степенная и размеренная жизнь пошла прахом. Уж третий день собираются гомонят и ни к какому решению прийти не могут. А все Карпов, этот новоиспеченный боярин.

Нет, есть в их рядах еще один новичок, боярин Борятский. Но тот из старинного и уважаемого купеческого псковского рода. И в малом вече заседал далеко не один год. Словом со всех сторон известный и понятный. Род его крепок, ветвист, и известен далеко не только на Псковской земле. Этот же, выскочил из ниоткуда, и сразу взял много силы. А такое может только насторожить и вызвать враждебность.

Беда в общем-то была ожидаемой. Еще по осени, ни с того, ни с сего, посол шведский высказал целый ряд претензий к псковским купцам. Де они пробавляются контрабандой, и еще бог весть чем. Вот так послушаешь, так и во всех бедах на шведских землях тоже виноваты псковичи. Во время своих обвинений, посол высказывал нарекания не только в общем, но и указывал конкретные фамилии. Немало купцов обличалось в нечистоплотности. Причем далеко не мелкие купцы-то. Даже бояре поминались. А вот Карпова посол вообще никак не поминал.

Вообще-то оно и понятно. Карпов тот имел со шведами самые тесные отношения. Закупал у них руду, пусть и посредством новгородского купца. И весь металл, что в слитках уходил в Европу, шел через шведов. Его доставляли как в Дерпт, так и в Нарву. На чем шведский король имел неплохой прибыль. Сладил Иван Архипович канал вокруг водопада на Нарве, и со шведских купцов за проход их судов пошлину не берет. В смысле он не берет. А вот городские власти Нарвы, очень даже.

Словом, казалось бы причин для того чтобы его в чем-либо обвинять никаких. Им наоборот выгодно сотрудничество с ним. И тут впору подумать о том, а не сторонником ли шведов, является Карпов. Но в частных беседах с боярами посол прямо заявлял, что причина подобного отношения со стороны Швеции кроется именно в упрямстве Карпова. А там и слухи по городу поползли.

При том, что на официальном уровне вроде как никто и ничего не озвучивал, вопрос этот даже на вече вынесли. А там и решение созрело,

мол хрен этим шведам на всю морду, а не секреты псковского боярина. А как сунутся, так они им хотелку-то и поотбивают. Во многом это являлось результатом работы Кузьмы и его подручных. В немалой степени тому способствовал и героический ореол Карпова. Нет, коли был бы жив князь Трубецкой, то оно понятно. Но людям все же ближе живой герой.

Но то все разговоры. А вот три дня назад дошли сведения о том, что шведы задерживают всех купцов по самым надуманным обвинениям и причинам. И происходит это повсеместно. Задержанных препровождают либо в Дерпт, либо в Нарву. Суда арестовывают, и ставят у причалов. И вновь поползли слухи о несговорчивости боярина Карпова.

Стоит ли говорить о том, что совет бояр совещался чуть не круглые сутки, стараясь выработать хоть какое-то приемлемое решение. Оно бы проще пареной репы, взять Ивана за горло и заставить решить вопрос со шведами. Но...

Во-первых, одних только налогов от мануфактур и заводов Карпова шло не меньше пятидесяти тысяч, что для казны Пскова было значительно суммой. Во-вторых, да все претензии крутятся вокруг Карпова, но ведь по сути-то он прав, и думать им как бы нужно не о шведском благе, а о пользе Пскова. Вот так, за здорово живешь прогибаться, даже перед одной из сильнейших держав Европы? Да долго ли тогда вообще стоять Пскову. Ну и в-третьих, ворчат купцы, и убытки несут так же они. До простого люда те беды не вдруг докатятся, а потому нечего и гадать, пожелай бояре и купцы сдать Карпова, его поддержит большое вече.

— Совет объявляю открытым, — произнес глава собрания боярин Офросимов.

Обвел всех взглядом, тяжело вздохнул, после чего устало опустил на лавку. Хотя казалось бы заседание только начинается. Н-да. А как еще выглядеть, коли ситуация очень даже серьезная, а единства среди бояр нет. Да что единства, даже москвичи меж собой никак уговориться не могут. А они ить собой представляют большинство. Горячинов теперь как-то на особицу, никак не решит к кому примкнуть. Пятницкий, тот с Карповым, но...

Странные они какие-то единомышленники. Если Ефим Ильич отстаивает свое мнение, что мол ответ должен быть адекватным, и надо выводить в Чудское озеро ладьи с воинами на борту, да перехватывать шведские суда. То Карпов просто молчит.

— Итак, бояре, кто что удумал за прошедшую ночь? Кто хочет высказаться первым.

— Позволь, Сергей Гаврилович? — Вдруг отозвался Карпов.

— Изволь, Иван Архипович.

— Господа совет, рад сообщить вам о том простом обстоятельстве, что вопрос с захваченными псковскими купцами в Нарве, благополучно разрешился. Все они целы, невредимы и сейчас уж направляются в Псков. Боюсь, что с торговлей в этом году будет тяжко. Но тут уж ничего не поделать.

— О чем это ты, Иван Архипович.

— Да так. Я тут подумал, коли кто-то навязывает тебе свою волю, и никакие разумные доводы на него не действуют, то не помешает разок засветить ему в зубы. Вчера, мой полк взял штурмом Нарву, и город теперь находится под моей властью. Купцы освобождены.

— Но как?

— О чем он говорит?

— Это же война, — тут же загомонили бояре.

Лиза имела полное право присутствовать на совете бояр, хотя даже на малое вече, ей уже ходу не было. А потому внимательно смотрела на Карпова, неосознанно восхищаясь этим молодым мужчиной. Как там про него сказал Пятницкий — шведам было бы куда лучше, если бы Карпов хоть что-то говорил? И правда лучше.

Нет, она конечно же ожидала от него какого-то болезненного для противника выпада. Уж такой он человек. Но чтобы учудить такое! Нарва конечно не успела стать самой непреступной твердыней Европы, которую из нее старались создать шведы. Тем не менее, чтобы разгрызть этот орешек потребна целая армия, и длительная осада.

А тут. Один полк, и... А сколько Карпову вообще потребовалось времени на захват Нарвы? Если припомнить как он действовал против турок, то наверняка не так чтобы и много. Хм. И не ему вовсе, а его людям. Потому как сам боярин Псков не покидал ни на один день.

— Спокойно, господа совет. Спокойно, — подняв вверх руку, потребовал Иван. Ничего страшного не стряслось. Ну мало ли какие случаются пограничные конфликты. Порой бывает и так, что города переходят из рук в руки.

— Ты это о чем сейчас вещаешь, Иван Архипович? — С нескрываемым удивлением поинтересовался боярин Барановский.

— О том, что не в моих правилах возвращать то, что было взято с боя. Придя в Нарву однажды, я не собираюсь оттуда уходить. И потом, в том прямая выгода для Пскова.

— В чем выгода? О каком конфликте ты тут вещаешь? Твое нападение, может обернуться нам большой войной, — возмутился Севрюгин.

— Да какая большая война, — перебил его Горячинов. — Нешто мы против шведа устоим. Уж к осени вся Псковская земля под шведом будет. И Новгород руку помощи нам не протянет. Потому как обозлены они на нас безмерно, за выходку с их уважаемым купцом.

— А еще тем, что Псков нынче от Новгорода в еще меньшей степени зависим, и клал на них вприсядку, — не сдержавшись, зло выплюнул боярин Севрюгин

Угу. Один ярый сторонник Новгорода, каковым оставался и по сей день. Другой давний его противник и смотрит в сторону Москвы. Глядишь еще и колотить друг дружку начнут. И на кого тут ставить, решительно непонятно. Обоим едва за три десятка минуло, крепки, еще не успевшие огрузнеть, и не робкого десятка. Так что, драка может выйти знатной.

— Господа бояре, — повысив голос воззвала Лиза.

Она не только имела право тут присутствовать, но и свободно высказывать свое мнение. Правда, в принятии решения все же не участвовала. Обладала, так сказать, совещательным голосом. Но тут уж равным со всеми.

— Швед не дурак идти войной на Псков. Русский царь, мой брат, не оставит нас без помощи. Самое большее две седмицы, и он с армией будет здесь. Не абы какой, прошедшей многолетнее горнило войны с турками. И потому нужно думать о том, как обернуть случившееся нам на пользу, а не гадать, сколь соталось быть Псковской земле.

— Не все так гладко, великая княгиня, — воспользовавшись повисшей тишиной, с самой открытой улыбкой возразил Иван. — Мы даже представить себе не могли, насколько новгородцы на нас обижены. Дело в том, что их бояре решили учинить своим дружинам большие учения. А для того выбрали Великие Луки. Да еще под то дело исполчили тамошнее ополчение.

— Что?

— Откуда ведомо?

— Да о чем он там опять вещает?

Вновь возмущенно загомонили бояре. А уж как они орали бы, коли узнали, что там сыграло свою роль далеко не только шведское серебро, но и его, Карпова рубли. Ну не желал он, чтобы в это дело ввязывался Николай со своими полками. Потому как договариваются только с сильным или равным, всем иным диктуют свою волю. Шведы желали изолировать Псков. Иван стремился к тому же, а потому и серебра на то не жалел.

Батюшка Ивана, весь сердцем изошелся, снабжая сына звонкой монетой. Шутка сказать, но только за последний год он передал ему двести

тысяч рублей, зарубив на корню намеченные начинания. Но надо отдать ему должное, в сына он верил, а потому и не думал о том жалеть.

— Спокойно, бояре. Спокойно, — подняв руки, вновь призвал Иван. — Да нешто вы и впрямь верите в то, что швед не пришел бы к нам с войной? А пошто он тогда так серебром-то разбрасывается, на подкуп новгородцев. А им и впрямь, куда проще отдать нас на растерзание, нежели помогать. Они бы и сами нас к ногтю прижали, да не с руки. Одно дело не помочь, зарвавшимся соседям. Иное пойти войной. Народ такое не поймет. Вот царской власти противиться, да полки его не пускать на свои земли, то дело иное. Тут весь народ встанет.

— Эка ты винить соседей. А чего же ляхов сюда же не приплел. Эти поди тоже придут поживиться на наших костях, — противореча себе же, выдал Горячинов.

— Эти не придут, — возразил Иван. — Потому как там где резвится лев, волкам делать нечего. Сунутся, еще и на себя беду накликают. Что же до новгородцев, то я могу по полочкам разложить, чего и сколько там обещано, — с этими словами Иван выложил на стол свиток, словно предлагая любому желающему ознакомиться с его содержимым. — Тут все, и размеры посулов. И где какие послабления в торговле. И расширенный список товаров коими можно торговать на шведских землях свободно. И гарантии неприкосновенности со стороны шведского флота. Причем последний будет оказывать помощь новгородским ладьям и в случае если кто иной решит их обидеть.

— И все это лишь ради того, чтобы они не вмешивались? — Удивился Офросимов.

А и было чему. Шведы вообще-то всячески старались задавить русскую торговлю. А тут вдруг возьмется опекать. Прямо небывальщина какая-то.

— Не только, Сергей Гаврилович. Еще и за то, чтобы дружина новгородская встала на пути русской армии. Воевать Николай с новгородцами не станет. Кровь ему не нужна. Значит, будет договариваться. Увещевать, грозить торговыми карами. Вот пока он будет убеждать их, да вразумлять, шведы и должны будут с нами покончить.

— А не слишком ли скоро? — Усомнился Офросимов.

— А ты вспомни, сколько им времени потребовалось чтобы не просто дойти до Варшавы, но и взять ее.

— То ляхи.

— И что? В драке они достаточно злы. А в воинской науке так же отстали как и вы.

Вот уж чего Иван не собирался делать, так причислять себя в этом плане к остальным. Он-то как раз, впереди планеты всей. Раскатает врага многократно превышающего его по численности.

Иное дело, что самое большое ему по силам взять и удержать только Нарву с ее морскими воротами Нарва-Йыэсуу. Ну, еще и наkosten всем шведским силам, находящимся в Прибалтике. Даже если они соберутся скопом. А вот о том, чтобы удержать большую территорию не могло быть и речи.

— Допустим, — медленно кивая, произнес Офросимов. — Но нешто Псковская земля стоит таких вложений?

Ага. Глава совета успел пробежаться по списку. А тот весьма внушителен. И его уж там, дает новгородцам серьезные преференции. И это не считая звонкого серебра.

— Не только Псковская земля, господа совет, но и Замятлино. Знаете же, что во многом шведов интересует именно моя вотчина, да мои секреты. А они дорогого стоят. За один только секрет выделки железа шведский король готов прибить родную матушку. А уж при мысли том, что мне удастся получать большое количество доброй стали, его и вовсе начинает колотить крупной дрожью. Да вы и сами ведаете, чего стоят эти секреты. Поди и сами не отказались бы завладеть тайной. Спокойно. Спокойно. Я никого не желаю обидеть или задеть. Просто подумайте малость, а есть ли иная возможность избежать войны, кроме как врезать шведскому льву по сусалам от всей широкой души. Да так, чтобы зубы в крошку. Убить его нам не под силу. Пока не под силу. Но если отвадим шведов хотя бы на год. Тогда им лучше дружить с нами.

— И как мы его отвадим?

— Не мы, господа совет. Я. Я сам все сделаю. От вас требуется сущая безделица. Не мешать мне. Ну и на всякий случай готовиться к приходу врага. Военное счастье оно переменчиво.

— Ишь каков! А как не станем мы тебя слушать! — Взъярился новоявленный боярин.

— Ты Александр Емельянович охолонь, — впери в Борятского строгий взгляд осадил его Иван. — Помешать мне вы сил не имеете. Даже если я весь свой полк на чужбине положу, вам это не больно-то поможет. Потому как в Замятлино одного ополчения в тысячу штыков. И пользоваться теми штыками они умеют, как и стрелять с такой точность, что вам и не снилась. И пушек, и картечниц, и огненного припаса там в избытке. А потому еще раз скажу, охолоньте. Я все сказал.

С этими словами, Иван вновь опустил на лавку, и сложил руки на

столешницу перед собой. Никаких сомнений, ни слова он больше не произнесет. Сидит же здесь только из уважения к совету бояр, и не более.

— Чтож ты ирод, мне-то ничего не сказал? Нешто настолько не доверяешь, что и перед советом молвить не мог? — Недовольно пробурчал Пятницкий, когда они уединились вдвоем покидая палаты совета.

— Не обижайся, Ефим Ильич. То я не от недоверия. Помочь мне ты не мог. А вот случись счастьем перемениться и то хотел чтобы ты был в стороне от меня. Не имел касательства к моим выходкам. И то, что видели остальные совершенно точно говорит о том, что ты был в полном неведении.

— Озаботился, стало быть о старике.

— Побойся бога, Ефим Ильич. Ну какой ты старик, — отмахнулся Иван. — И не тебя я пожалел, а Псков. Потому как ты пока единственный, кто по новому на судьбу земли этой смотришь. Остальные все больше по старинке. Все хотят по кругу, ничего не замечают и в сторону шаг ступить боятся. А ты... Ты по иному-то уж и не сможешь. А значит, и мои начинания не пропадут даром.

— Эвон, значит как. В наследники меня прочишь.

— А ты не смейся. Я о том и батюшке отписал.

— И что батюшка. Ну перво-наперво пообещал, что коли пропаду, то лично выкопает меня из земли и отстегают плетью. И знаешь, я ему верю. Уж сколько ему от меня досталось. Где-то же предел должен быть.

— А во-вторых?

— Ну, а уже во-вторых, обещал что просьбу мою исполнит.

— Серебро-то, я чай от него притекло?

— От него, Ефим Ильич. Не все, но в немалой степени.

— Здравия тебе, боярин Карпов.

— Здравствуй Егор, — оборачиваясь на знакомый голос, поздоровался Иван.

— Великая княгиня Трубецкая, просила тебя зайти к ней в рабочий кабинет.

— Прости, Ефим Ильич.

— Иди, чего уж там, — отмахнулся мужчина, и с блуждающей на губах ироничной улыбкой, зашагал на выход.

Хм. Ну и Иван, потопал, ловя себя на том, что под ложечкой поселился холодок, прокатился вниз живота, подскочил к горлу, и вновь медленно так, начал опускаться вниз. Вот он вновь замер под ложечкой, и все повторилось. И так, раз от разу. А, ну еще и по спине эдакий озноб. Вот так и не поймешь, толи приятный, толи нет. Ну чисто малолетка

отправляющийся на свое первое свидание.

А ведь тут ни о чем подобном и речи быть не может. Ну, во всяком случае пока. Н-да. Или все же, уже. Ведь Лиза была счастлива с Трубецким, и не заметить это мог только полный тупица. Вот уж кем себя Иван не считал. А значит...

Вообще-то, ничего это не значит. Нужно просто задаться вопросом, хочется ему быть рядом с ней или нет. И в зависимости от ответа, действовать. Хм. Вопрос глупый. Он конечно же хочет быть рядом с ней. Ну а раз так, опыт двух жизней в помощь, и как там говорилось в годы его юности — нет таких крепостей, которые бы не могли взять большевики. Конечно коммунистом он так и не стал, но это сути не меняет.

— Здравия тебе, Елизавета Дмитриевна.

— И ты будь здоров, Иван Архипович.

— Ты хотела со мной говорить?

— Хотела. Причем, без утайки. Открыто и честно.

— Ну, до конца честными друг с другом не бывают даже супруги, — ухмыльнувшись возразил Иван. — Но я постараюсь.

— Иван Архипович, ты никак позабыл, за какой-такой надобностью тебя сюда отправили. — Не вопрос, просто констатация факта.

— Прости, Елизавета Дмитриевна, но меня никто сюда не отправлял. Вот без вены в темницу, это да, бросили. Когда вынулся оттуда решил убраться подальше в Сибирь. И было мне откровенно без разницы, с чьей помощью. Да только, убедила меня Ирина Васильевна, что одна ты тут пропадешь. И супруг твой тебя не убережет, коли бояре не увидят в тебе не противника, а союзницу.

— То мне ведомо.

— Ну так, то была единственная причина, отчего я направился в Псков, а не в Сибирь. Служить Николаю я уже не желал, и сейчас не желаю. Потому как плату дальними гарнизонами да темницей, за службу верную, считаю неправильной. Уж прости, не бахвальства ради говорю, но забивать кованые гвозди, микроскопом тончайшей работы, то глупость несусветная.

— А ты стало быть, микроскоп? — Устраиваясь на стуле и откидываясь а высокую спинку, с ухмылкой поинтересовалась она.

— Говорю же, выглядит как бахвальство, — пожав плечами, совершенно спокойно ответил Иван.

— Ну, твои интриги никак не назвать тонкими и изящными. Скорее прямолинейные и грубые. Ход с госпиталем, лекарскими домами и школами, можно было бы назвать тонким. Но ить, от тебя тут почитай

ничего и нет. Подглядел у иезуитов, и повторил с небольшими отличиями.

— Хм. Тут твоя правда. Тут я все повторил. Но вишь ли какое дело, иные умники не рассмотрели доброго зерна в их трудах, как и заложенной под древние устои мины. Ни тогда, не увидели, ни сейчас не зрят. И брат твой, не исключение. Но ведь я вовсе не об этом говорил, Елизавета Дмитриевна. Посмотри сколько новинок выходит из под моих рук. И ведь все это можно обернуть на пользу не только мне лично, но и государству. Не зависеть от товаров поставляемых иноземцами. Ить было дело, что то же железо шло на Русь из Швеции. А теперь своим обходится. Ружья, кои закупаются по грабительской цене, и кои моя мастерская выделывала куда дешевле. И так во многом. А кареты и экипажи, что ладятся на моем каретном заводе? Где еще что-либо подобное ты видела? Так что, то не бахвальство, а правда.

— И потому ты решил более ни от кого не зависеть?

— Полностью быть на особицу невозможно. Но сделать так, чтобы я сам определял свою судьбу, это мне вполне по силам. И для этого мне потребен сильный и независимый Псков, дружественный Москве.

— Отчего же не сам по себе? Эвон как ты знатно раздаешь зуботычины.

— Раздаю, то так. Но это только поначалу. Наподдам я сегодня Шведам так, что они только юшкой кровавой утрутся. Но завтра, на мои новинки, они придумают свои, на мою тактику, ответят своей. А потом сомнут маленькое, но гордое государство. В одиночку тут не выстоять. Но ведь можно быть союзником большого и сильного соседа. Пусть старшего брата. Чего уж тут кабениться, коли так оно и есть. Но только жить своим укладом, не во вред, а на пользу как себе, так и союзнику.

— Русскому царству?

— Ему, конечно.

— А с ляхами чего заигрываешь?

— Ну так, два друга, всяко лучше одного, — слегка разведя руками, ответил Иван.

— Думаешь они нам могут стать друзьями?

— Дружить с сильным не зазорно. А уж коли можно получить от него выгоду, так и подавно, — не стал открывать всех карт Иван. — А вообще, Елизавета Васильевна, я ить твой завет выполняю, а ты меня попрекнуть в чем-то хочешь.

— Мой завет? — Растерялась молодая женщина.

— Забыла? Сама ить сказывала, чтобы я не затягивал, добивался больших высот, дабы быть достойным тебя.

— Н-но-о й-а... — Зарделась от этого упоминания девушка.

— Понимаю. Сказано это было по молодости, да по горячности. Но я старался. Эвон, всего-то за пять лет с того разговора в бояре выбился, — с задорной улыбкой произнес он, окончательно вгоняя ее в краску. А потом вдруг стал серьезным. — Прости, великая княгиня. Более о том, я не напомним. А брату можешь так и отписать, пусть я и не считаю себя обязанным исправлять данную ранее присягу, Русскому царству я не враг.

— Погоди, — вдруг спохватилась она. Значит говоришь, договариваются с сильным. А уж не приложил ли и ты руку к тому, чтобы новгородская дружина оказалась под Великими Луками?

— Николай Дмитриевич не станет воевать новгородцев, — не стал отрицать Иван. — Иначе пустит прахом долгие годы трудов по бескровному присоединению Новгородской земли к Русскому царству. Значит станет их уговаривать и увещевать. Они на уговоры не поддадутся. И тогда ему останется договариваться о проходе войск через земли Великого княжества Литовского, и Инфлянтское воеводство. А для начала дожидаться, чтобы еще псковское вече попросило о помощи. Словом, пока мои противники и Николай договорятся хоть до чего-нибудь, все будет кончено.

— И ты говоришь, что не силен в интригах?

— Да какая тут интрига. Это всего лишь тактика.

— Или стратегия?

— Сомнительно. Хотя, пожалуй ты все же права. Но все одно, не интрига.

— Иван Архипович, а как ты вообще умудрился так быстро перебросить к Нарве весь свой полк. Да еще и как я поняла с припасами?

— По реке, — буднично, как о само-собой разумеющемся, ответил Карпов.

— Но-о это невозможно. Были бы какие-то слухи, разговоры. А тут ничего. Вообще ничего.

— А к чему лишний шум. За пару часов погрузились на большие рудные баржи. Шесть барж, два парохода. В пять часов по полудни отчалили от Замятлино, в десять часов вечера миновали. Ни у кого никаких подозрений. Начало навигации, пошел караван за рудой. Мало ли что болтают. Опять же, о том, чтобы хватали мои суда, никаких разговоров не было. На рассвете подошли к Нарве, десантировались и вошли в город.

— Вот так просто?

— Не просто, но вошли. Тут главное четкое планирование и точный расчет. Ну и чтобы никакая случайность не приключилась.

— А как на озерах волнение случилось бы?

— В том и прелесть паровой машины, что ей без разницы с какой стороны дует ветер. Хотя да, из-за волнения несколько часов потеряли бы.

— А как буря?

— Тогда все еще хуже. Лешакам в одиночку пришлось бы сдерживать шведа, а потом еще и нам с боем прорываться к ним. Крови пролилось бы много.

— Но в результате ты не сомневался?

— С чего бы? Мы безустанно готовились к этой операции. Учились вести уличные бои. Отрабатывали специальные навыки. Так что, с того момента как мы взяли замок, город в любом случае был бы обречен. Оставался бы только вопрос в цене.

— И что ты намерен делать теперь?

— Ну уж роздых шведу давать точно не собираюсь. В Пскове с делами уж покончил. Теперь пора выдвигаться дальше трепать холку шведу. Пока Николай Дмитриевич не припожаловал и не испортил всю обедню.

— А как поживает? — С толикой вызова поинтересовалась Лиза.

— Во-первых, Я еще переговорю с Пятницким, и среди малого веча у меня имеются соратники, кои готовы меня поддержать даже в случае кое-каких издержек, потому как в будущем это сулит большие выгоды. Во-вторых, Елизавета Дмитриевна, тут ты не представитель царской семьи, а княгиня, и в моих планах прирезать тебе немалую толику власти. Что мы с Пятницким уже начали делать. И наконец, тут тебе никто не указ.

— Ты это о чем? — Холодно поинтересовалась Лиза.

— Ты все поняла, Елизавета Дмитриевна.

В ответ на это, княгиня отвернулась, пытаясь скрыть предательский румянец. Вот только для этого не помешало бы к кокошнику еще и платок приодеть, чтобы скрыть пунцовые ушки.

Едва дверь за Иваном закрылась, как она буквально рухнула на стул, уперлась локтями в столешницу, и уронила голову на подставленные ладони. Господи, да что же с ней такое творится. Его лик, его голос, его манера держаться. Его слова. Эка осмелел. Почувствовал, что дорога открыта! А куда открыта-то!? В спальню иль к сердцу!? Чего он добивается? Использует ее? Или он тогда говорил правду и не смел поднять на нее взгляд из-за разницы в их положении?

А она? Чего хочет она? Не предает ли память мужа? Спокойно. Не стоит взваливать на себя чрезмерно много. Никого она не предает. Она была верна супругу не только телом, но и душой. Потому как любила его. И детей прижила не по обязанности, а по любви.

Правда, где-то в дальнем потаенном уголке ее сердца нашлось местечко и для молодого стрельца. Вот только задвинула она его так далеко, что о том и помянуть не стоит. Эвон, даже сейчас никак он из той темницы выбраться не может. И суждено ли тому чувству вообще белый свет увидеть, неизвестно. Тетке-то легко помянуть про похмельную кружку. А как она поперек горла становится, тогда что?

* * *

Крыштав осадил коня, на берегу реки. Дорога словно ныряла в вялотекущий поток, и выныривала на его противоположной стороне. Граница. Всмотрелся в берег напротив. До него не так чтобы и далеко, всего-то шагов шестьдесят. Да и речка так себе. Верхнее течение, от истока не далеко, а потому и глубина до смешного мала, пусть и весна.

Из зарослей подлеска появился пеший, одетый в мундир личной сотни боярина Карпова. Помахал рукой, мол все нормально, можно переправляться. Крыштав подал знак сопровождавшему его взводу и они разом двинули коней через поток, взметнув тысячи брызг, породивших радугу, заигравшую на ярком весеннем солнышке всеми цветами.

— Здрав будь, Крыштав Казимирович.

— Ты здравствуй, прости не упомяну твоего имени.

— То и не удивительно, — степенно огладив усы и бороду, ответил парень с нашивками десятника. В дружине боярина вообще все сплошь молодые. — Я тебя по плену помню. А ты меня хорошо как мельком видел. Арсением Ивановичем кличут.

И плевать ему, что перед ним шляхтич. У него в подчинении десяток бойцов, и сам боярин на людях, обращается к нему по званию, фамилии или имени отчеству. И как бы не был знатен Шляхтич, ему то так же зазорным не будет.

— А скажи-ка десятник, не служил ли ты в лешаках? — Все же не желая обращаться к выходцу из черни по имени отчеству, поинтересовался Арсений.

— Никак посчитаться хочется? — Бросив на шляхтича лукавый взгляд, поинтересовался парень.

— То не твоего ума дело.

— А вот тут ты не прав, — совершенно серьезно возразил парень. — Вы тогда к нам не в гости приходили, а дома наши жечь. И до деревенок, что оказались на вашем пути очень даже добрались. Вот и мы вас не

пирогам потчевали. Но то дело прошлое. И коли сегодня вместе, то вместе быть и должны. А коли за мостью сюда подался, шел бы ты обратно. Потому как, уж не обессудь Крыштав Казимирович, зряшнее это дело, и стоять может тебе головы. То слова не мои, а боярина нашего, — примирительно улыбаясь, и выставляя перед собой руки, закончил десятник.

— Прав, твой боярин, — скрипнув зубами, вынужден был согласиться Крыштав.

— Да ты не ярись, Крыштав Казимирович. Нешто Иван Архипович без понимания, чтобы дразнить союзников. Мы из его личной охранной сотни. Но с лешаками ты еще встретишься. Там, — парень неопределенно махнул рукой. — Но тогда уж помни о словах боярина.

— Ладно о том. Путь свободен?

— Свободен. Я и еще парочка парней, для вас как пропуск будем.

— Добро. Юрий.

— Я, господин поручик.

— Доложи господину ротмистру, что путь свободен и нас встречают.

— Слушаюсь.

— Ну, поехали вперед, десятник.

— Хм. Так смысла в передовом дозоре тут нет. Чай по Псковской земле пойдем. Иль подвоха ожидаешь?

— Мы как видишь и по Посполитой земле с дозором идем, отчего же здесь делать исключение.

— Хм. Прости Крыштав Казимирович, как-то не подумал. Прав ты. Военный поход, то не прогулка по бабам. Елизар, подавай лошадей, — обернувшись к зарослям подлеска, выкрикнул десятник.

И тут же из ветвей появились двое всадников, ведущие в поводу еще четыре лошади. Все так. И сопровождающие, и встречаемые были одвуконь. Одним из залогов успешной операции должна была стать мобильность. И тут уж сменные лошади как нельзя кстати.

Согласно уговора союзникам разрешалось взять с собой не больше одного слуги на десяток шляхтичей. Это вполне позволит впоследствии собрать достойный обоз с добычей, и в то же время, не будет столь уж обременительным. Обоз вообще был ахиллесовой пятой шляхетского войска. Насколько оно было стремительно на поле боя, настолько же неповоротливо и медленно на марше.

Вообще-то, Острожский сам рвался возглавить хоругви и даже предлагал Ивану набрать куда большие силы. Ну что такое две хоругви? Но

Карпов только неодобрительно покачал головой. Ну какой поход, коль скоро Константин Иванович является официальным лицом. Отверг и переход хуфой границы инфлянтско-шведской границы.

Так уж сложилось, что шведы зашевелились гораздо раньше намеченного срока. И активность со стороны Острожского будет только во вред. И в первую очередь для самого шляхтича и их планов, а не для Речи Посполито. Вот тут как раз все может сложиться очень даже удачно. И не то что в начале, но и в целом. Как впрочем и для Русского царства, которое непременно ввяжется в войну, коль скоро та разгорится.

Иван же хотел ограничиться только пограничным конфликтом ну или инцидентом. Пусть называют потом как пожелают. Но если в это дело ввяжутся большие игроки, все закончится так и не начавшись. Можно будет ставить крест как на Задвинском герцогстве, так и на Псковской земле. Слишком высока вероятность того, что приведя сюда войска однажды, Николай больше на захочет их уводить обратно.

Поэтому Иван решил ограничиться одной хуфой из двух хоругвей. Причем непременно из бедных русинских шляхтичей. Наемниками в этом мире никого не удивить. В качестве оплаты они все получали денежное вознаграждение, и однотипное вооружение. Гладкоствольные карабины, пара пистолей, сабля и легкая пика. Все выделки Замятлинского оружейного завода.

Кроме того, каждая хоругвь получала по две картечницы на конной тяге. Обучение расчетов Карпов брал на себя. И маневры показали сколь эффективным может быть использование картечниц даже в случае встречного кавалерийского боя. Что уж говорить об атаке пехоты, оцетинившейся штыками в построении каре.

Наемникам предстояло перейти границу с Псковом, и миновав по ним расстояние в дневной переход, оказаться на шведской территории. Для встречи и предотвращения недоразумений, и боевых столкновений, Иван и направил навстречу ротмистру Войниловичу сопровождающих. И надо сказать, поступил совершенно правильно.

Карпов часто и подолгу беседовал с Войниловичем, пока тот находился у него в плену. Весьма образованный, умный и храбрый шляхтич. С гонором у него все было в порядке. Но видя перед собой достойную цель, ради нее он был готов поступиться многим.

Кстати, это была именно его идея, сделать ставку не на него самого, а на Острожского. Сам он брался поддержать нового герцога во всех начинаниях, быть его правой рукой и опорой. Но себя в роли лидера попросту не видел. Странно для шляхтича? Есть такое дело. Но не всех же

их отличает храбрость, ловкость и тупость.

* * *

Александр прильнул к стене здания ратуши, и вслушался в темную ночь. Никого. И тишина. Охрана где-то там, у входа. Оно конечно могут и в обход наладиться. Но это не смертельно. Им много времени не надо. Подал знак Елизар скользнул к углу, наблюдая за подступами. Киря и Добрыня тут же скрестили руки, на которые и взгромоздился их командир. Мгновение и его подняли на высоту окна. Прикрыть фрамугу сложенным в несколько раз плащом, чтобы заглушить звон битого стекла.

Порядок. Колесико на зажигалке высекло яркую искру, и в руке лешака тут же заплясал небольшой огонек. Хорошая штука. Их пока совсем мало, но для лешаков выделили. Их вообще обеспечивают лучше всех. Опять же, боярин собирается наладить их производство. Правда, в Нарве. Угу. Он оттуда не собирается уходить, так и заявил. Потому и город брали малой кровью, и без пожаров. А вот Дерпт, это уже совсем иное.

Огонек перекочевал на тряпицу, на горлышке бутылки, порождая вполне себе нормальное пламя, сродни факелу. Саня вбросил бутылку в комнату. Звон битого стекла. И внутри тут же все осветилось заревом разгорающегося пожара.

— Ходу парни, — спрыгивая на отмокту, приказал Александр.

Вся четверка тут же поспешила прочь. Их путь лежал к городскому арсеналу. Что последует когда пламя разгорится, и ратуша запылает жарким пожаром. Ясное дело что, чуть не половина города бросится тушить возгорание. Как и немалая часть остатков гарнизона города. Так уж заведено, что военные всегда в первых рядах, при различных стихийных бедствиях.

Нет, Александр вовсе не опасался того, что взбудоражит караул. После падения Нарвы и получения некоторых подробностей произошедшего, к караульной службе нынче отношение самое строгое. А потому тайные дела лучше проворачивать под шумок.

А шум будет знатный. Если не локализовать огонь, и не задавить его, может выгореть и весь город. Что с того, что тут сплошь и рядом каменные постройки? Деревя в них более чем достаточно, крыши, потолки, окна, отделка, мебель. Стихии есть где разгуляться, чего уж там.

Не прошло и получаса, как город загудел как потревоженный улей. Всполошился и караул у арсенала. Мало того, вскоре появился посыльный,

который передавший приказ выдвигаться на тушение пожара. А что тут скажешь. Это самая настоящая беда, и при тушении дорог каждый человек. Так что, начальник усилил двоих караульных третьим, а с остальными поспешил на сражение со стихией.

Три хлопка, и все трое караульных повалились на мостовую недвижимыми. Четыре тени разом скользнули к убитым, ударживая их под прицелом. Убедившись, что с ними все кончено, один остался прикрывать тыл, трое заглянули в караулку, чтобы убедиться в том, что там чисто.

— Елизар, — кивая в сторону двери, коротко бросил Александр.

Тот только утвердительно кивнул, и убрал оружие за спину. Потом по обыкновению вооружился отмычками, и начал колдовать над большим амбарным замком. Товарищи же, прикрывали его, внимательно всматриваясь в тревожную ночь. Оно конечно проворачивать дела по шумок очень даже удобно. Но везде есть как положительные, так и отрицательные стороны. Так, в значительной мере увеличивается шанс случайного обнаружения. Легкий щелчок, и довольное ворчание лешака.

— Порядок, командир.

— Ждите, здесь.

Александр ступил в темноту хода ведущего в чернеющую глубину подземелья. Извлек фонарь, подкрутил винт подачи воды. Выждал пару секунд, и крутанул колесико. За стеклом тут же заплясало небольшое пламя. Подрегулировала подачу воды, в результате чего огонек разгорелся ярче, а света стало больше. Теперь вниз, по каменным ступеням. Причем, по обыкновению совершенно бесшумно.

Наконец он оказался на достаточно большой глубине, в весьма просторном подземном зале со сложенными из кирпича колоннами. Но примечательны были не они, и не размеры зала, а то, что он сплошь был заставлен боками с порохом. Сколько его здесь? Много. Очень много. Так много, что Александр даже нервно облизнул губы. Пусть его фонарик и считается пожаробезопасным, но от этого знания, особо благостно на душе не становится.

Пройдя вдоль многоярусных рядов с бочонками, он обнаружил небольшой проход и юркнул в него. Дошел до его середины. Потом извлек из рюкзака сверток, и дернул кольцо, высвобождая механизм взрывателя. Ничего особенного. Просто трубка, подпружиненная металлическая пластинка, боек, и капсюль. После удаления стопора, пружина начинает растягивать пластину, и когда та наконец рвется, пружина толкает вперед боек. Времени это занимает от часа до двух.

Вот, вроде и не раз лично наблюдал, как это происходит. У вроде бы убедился в безопасности. Но едва только выдернул стопор, как сердце словно позабыло как биться. Приноровился, и забросил адскую машинку на самый верх. Глухой стук падения тугого и тяжелого свертка услышал уже крепко зажмурив глаза.

Ага. Порядок. Не рвануло. Оно конечно братец боярина утверждал, что опасности никакой. Да только, поди сохрани спокойствие духа, наблюдая штабеля бочонков с порохом. Да тут не меньше тысячи бочонков! Нет, оно может и меньше... Да какое это имеет значение. Все одно изрядно.

Переведя дух, Александр поспешил на выход. А уже покидая подвал, успел совладать с собой настолько, чтобы казаться полностью спокойным. Ага. Пусть парни и не видели картину с бочонками возвышающимися перед взором сплошной стеной. Но все же представление имеют. От того и всем своим видом выражают только одно желание, оказаться отсюда как можно дальше.

— Уходим, братцы.

Ага. Обрадовались. Вот только радость та будет не столь уж долгой. Бежать-то им не так чтобы и далеко. Всего-то до пороховой башни, под которой находится еще один склад пороха. Есть еще и третий. Но тот в цитадели, и уж туда-то им ни за что не пробраться. Если только штурмовать всем взводом. Но и то, сомнительно. Швед нынче настороже, а потому, тут работенка пожалуй для всей роты лешаков. Это ведь не бастион штурмовать, с его длинными подземными потернами и галереями. Тут пространства куда больше, а потому численное превосходство играет куда более значимую роль.

* * *

— Так. Еще малость подкопайте, и можно вкатывать пушку, — Митя, выпрыгнул из окопчика, и деловито потер руки, отряхивая с них землю.

Казаки только тяжело вздохнули. Ну не по нутру им вот так-то ковыряться в земле. А ведь еще и эти клятые пушки пришлось таскать на себе. Хорошо хоть не чугунные, а стальные. Не такими тяжелыми получились. Правда, это легко компенсировалось тем, что пришлось их катить целые две версты, причем без дорог, и конной тяги. Ну да делать нечего. Пришлось опять браться за лопаты.

Митя осмотрелся окрест. Артиллерийская позиция за противоположным от Дерпта скатом холма, была достаточно хорошо

освещена множеством факелов. Оно конечно полная луна куда предпочтительнее звезд, но ночь была безлунной. Впрочем, чего пенять на погоду. Хорошо уже то, что нет дождя. Вот когда намучились бы, осуществляя задуманное.

Чтобы оказаться здесь, парню пришлось выдержать с Иваном целую баталию. Ну не понимал тот, отчего золотая голова, с коей надлежит сдувать пылинку, должна непременно рисковать, участвуя в горниле сражений. Некуда больше приложить свои знания и усилия. Слава Богу, братец успел уж подготовить вполне достойных артиллеристов. А сколько всего понапридумал, пусть и с подачи старшего брата, так это и вовсе просто диво.

Но нет, уперся, как баран. Не отпустишь такого, того и гляди, сам убежит. И тогда уж все может оказаться куда как хуже и горше. Как говорится, если командир не может предотвратить пьянку, он должен ее возглавить, и придать более упорядоченный вид.

Потому Иван взвалил на брата ответственность за всю артиллерию. Благо теперь в его распоряжении имелось уже две четырехорудийных батареи полевых пушек. И забот от обеспечения фуражом лошадей, до общего руководства в бою, у Мити будет более чем предостаточно. А значит, младший брат оказывался и при полезном деле, и подальше от передовой.

Взяв Нарву, Иван собирался показать, насколько он серьезный противник, и на что способен. Так сказать продемонстрировать наглядно каково оно будет воевать с ним, а не договариваться полюбовно. Урон престижу королевства конечно же случится. Но не так чтобы и серьезный. Ну подумаешь, пограничный инцидент, даже окончившийся не в пользу Швеции. Ведь потом можно будет и реванш взять. Вот только подготовиться, дабы эффективно противостоять новым тактическим приемам и оружию псковичей.

Для демонстрации Иван выбрал два направления. Он собирался разрушить, а точнее сжечь Дерпт, и наголову разбить шведские войска в Прибалтике. Едва получив сведения о падении Нарвы, губернатор приказал направить к городу гарнизоны Дерпта и Ревеля. В общей сложности получилось пять тысяч пехоты и тысяча кавалерии.

Ослабление гарнизона Дерпта, и решил воспользоваться Иван, перебросив сюда по озеру три батальона, при всей артиллерии и минометах. Кроме того, в деле принимали участие и весь его флот. Четыре бригантины. Три были вполне обычными. Если не считать, наличие на их борту дюжины новых четырехфунтовых стальных пушек. Причем стреляли

они вовсе не ядрами, а оперенными цилиндрическими снарядами.

В результате определенного угла оперения, снаряд вращался вокруг своей оси, что в купе с тщательной калибровкой стволов и снарядов, повышало точность огня втрое, против известных образцов. Так же, фугасные снаряды имели внушительный разрывной заряд в два фунта пороха. Учитывая, что порох был выделки Замятлинской пороховой фабрики, то за счет более лучшей выделки и точного выдерживания пропорций он был в два-три раза мощнее обычного.

К тому же, появился и новый вид снаряда. Зажигательный. Этот имел только один фунт разрывного заряда но зато порядка полулитра напалма. Аргумент более чем серьезный. Тем более, что даже в случае не пробития толстых бортов линейных кораблей, заряда было вполне достаточно для разрыва корпуса, и выпуска наружу жидкого пламени. По сути, это было даже страшнее, потому что исключало доступ к огню пожарной команды. Ну, это в случае, если они все же додумаются гасить пламя песком, а не водой.

Ядра из боекомплекта были исключены полностью. Хотя и нельзя сказать, что при желании их нельзя было бы использовать. По сути, это были все те же, старые добрые дульнозарядные пушки. Разве только под ними были устроены особые поворотные платформы, увеличивающие сектор горизонтальной наводки до девяноста градусов. Благодаря расположению на верхней палубе, наклону платформ, и стопорным клиньям под колесами лафетов, перезарядка этих пушек максимально облегчалась. Как результат они производили по четыре выстрела в минуту. То есть, не уступали в этом полевым пушкам.

Четвертое судно отличало наличие паровой машины и гребных колес. «Ласточка» как назвал паровую бригадину Иван, была вполне способен тащить за собой на буксире трех своих парусных сестер. Это позволяло значительно повысить скорость небольшой эскадры, и снизить зависимость от капризов ветра. В том числе и при подъеме вверх по течению реки Эмба, на берегу которой и расположился Дерпт.

Вооружение «Ласточки» состояло из семи уже известных восьмидесятимиллиметровых орудий. Разве только морской лафет в значительной мере отличался от такового у полевой пушки. Ну и разумеется, нечего было и мечтать о том, чтобы использовать эти орудия на суше. Конструкция напрочь лишала такой возможности. Если конечно не использовать их для поддержки сухопутных сил прямо с борта.

Сектор обстрела этих орудий составлял порядка ста градусов,

кормового двести семьдесят. Это позволяло использовать его не только как ретирадное, но и практически без ограничений в бортовом залпе. Ну и угол возвышения, в сорок пять градусов, что в купе с уменьшенным зарядом позволяло вести навесную стрельбу по весьма крутой траектории...

Благодаря собранным сведениям, и пароходам, Иван сумел с вечера войти в Эмба, и подняться в верх по течению буквально за пару часов. В то время, как самый скорый гонец успел бы сообщить об этом в крепость, он уже начал высадку на берег, и переброску орудий на заранее намеченные позиции.

Впрочем, если кто и мог бы подать весть, то только крестьяне. А они старались в такие дела не лезть. Так что, даже если кто и наблюдал подъем своеобразной эскадры, то предпочел бы как-нибудь получше укрыться. Разумеется имелись и военные посты. Но и они не могли подать весть коменданту крепости, ввиду безвременной кончины, вызванной близким знакомством с лешаками...

Митя обернулся на скрип колес. Ага. Это подошли полковые пушки. А-а не-эт, вон и первая корабельная, которую тянут казаки, что твои бурлаки. Лошадей на все пушки не хватает. По сути, только у полковых пушек и есть конная тяга. Остальную артиллерию переносят буквально на руках.

Вот казачки закатили пушку выше выкопанного окопчика, а затем аккуратно опустили ее в него казенной частью. В результате ствол задрался под невообразимым углом, что твоя мортира. Митя проверил угол возвышения. Вооружился блокнотом и свинцовым карандашом, быстро набросал таблицу угла возвышения и веса заряда. Вручил исписанный листок бомбардиру.

— Вопросы есть?

— Да нет, Дмитрий Архипович. Все как на учениях.

Вполне уважительно ответил казак. И что с того, что он годится этому пареньку в отцы. Образованный и умный человек априори вызывает два чувства, уважение и зависть. Завидовать казак считал для себя зазорным, а вот уважать, это совсем иное. От того и обращение по имени отчеству.

— Верно. Ладно братец, пойду к другим пушкам.

Орудия постепенно занимали свои позиции, и каждое получало свою таблицу для стрельбы. А иначе никак. Как ни старайся, а углы под которыми отрыты окопы, все одно имеют разницу. И даже эти таблицы были не более, как примерными. Просто тут особая точность-то и не нужна. Главное, чтобы снаряд забросило за городские стены. А там, застройка довольно тесная, так что мало не покажется в любом случае.

Примерно в ста саженьях от берега реки, сейчас разворачиваются минометные батареи. Двенадцать стволов способны уместиться на небольшом пятачке. Для этой довольно грозной силы оказалось вполне достаточно неглубокой складки, способной только и того, что укрыть от взглядов со стен крепости. Зато, незначительное удаление, способствует накрыть большую часть города. Впрочем, именно она-то и имеет плотную застройку.

Несмотря на близость к городу, находящемуся на противоположном берегу, шведы так ничего и не обнаружили. Да и не удивительно, в общем-то. С одной стороны, минометчики и их прикрытие вели себя тише воды, ниже травы. С другой, в городе сейчас творилось форменное безобразие. Зарево полыхающего пожара, шум и гам, доносящиеся даже до обустраивающихся на позициях.

Установка орудий завершена. Шведы так и не догадались о том, что у них под носом расположился противник. Кстати, предположение относительно того, что крестьяне не станут предупреждать коменданта крепости о грозящей опасности, не оправдались. Благо Иван и не думал расслабляться, а потому лешаки успели перехватить нескольких смельчаков, отправившихся в город.

— И чего ждем, Ваня? — Взволнованно поинтересовался Митя, уже обошедший все позиции пушкарей.

Разве только у минометчиков не был. Ну да, те во-первых, ему не подчиняются, потому как проходят по батальонному командованию. С него идет только обеспечение. А во-вторых, с их практикой, минометчики еще и его кое-чему научат, а где-то даже пренебрежительно отмахнутся. Потому как практика, она и есть практика, подчас неподвластная никаким математическим выкладкам.

— Не Ваня, господин капитан, а боярин, или Иван Архипович. Напросился в поход, так будь добр соответствовать.

— Прости боярин, — стушевался Митя.

Хм. А где-то ведь и обидно. Они-то чай не одни, и тот конфуз видели представители штаба. Хорошо хоть вестовые и охранная сотня находятся в стороне. Впрочем, сам виноват, чего уж там.

— Светает, Иван Архипович, — озвучил общее настроение командир первого батальона майор Жабин.

Угу. Дружок детства. Попробуй такого оставить в стороне. Смертельная обида. И потом, значит командовать захватом Нарвы, это пожалуйста. А как дальше, так охранять уже захваченное? А ведь по хорошему Карпов не собирается допускать шведа до города. Тогда выходит,

придется сидеть в тылу? Так что, Артем здесь, под Дерптом. И пусть для пехоты дела вроде как не предвидится. Тем не менее, нетерпеливо бьет копытом землю.

И тут земля под ногами вдруг толкнула в ступни, а над землей разнесся оглушительный грохот. Ну не считал Иван нужным информировать весь штаб о своих планах. Только в части касающейся, и не более.

Ждать второго взрыва никакого смысла. Уж больно не надежны взрыватели, а потому и синхронизировать их срабатывание практически не реально. Но Иван все же выжидал. Прошло не менее десяти минут, прежде чем он наконец отдал команду.

— Трубач, сигнал к открытию огня.

Вот так. Без переговоров и ультиматумов. Просто от всей широты русской души. И плевать, что они сюда прибыли вроде как спасти купцов угодивших в неволю. Если Господь не попустит, выберутся через один из древних подземных ходов. А в остальном...

Испытывал ли Иван угрызения совести по поводу того, что уже происходит в городе? И в еще большей степени произойдет в ближайшее время? В общем-то, где-то внутри сидел червячок, размером эдак с хорошего солитера^[29], и совесть свою чистой он назвать никак не мог. Если в Нарве это был четкий и выверенный укол, то здесь это будет ударом булавы, демонстрацией его возможностей.

Да, ему откровенно не нравилось то, что он собирался предпринять. Но если он не возьмет плату кровью со шведов, то они возьмут ее с псковичан. И по этому поводу он не испытывал никаких иллюзий. Это был жесткий, но необходимый превентивный удар. Единственным слабеньким и бледным оправданием он мог посчитать то, что выждал какое-то время после взрыва, который должен был выгнать на улицу ил заставить выглянуть в окно всех и каждого.

А потом лешаки должны были кинуть в толпу клич спастись в заброшенном католическом соборе на холме. Иван строго настрого приказал не обстреливать тот участок города, по сути свободный от построек. Вот и все, чем он мог помочь горожанам.

Земля вновь отзывалась дрожью. Но на этот раз это было результатом практически единовременного залпа сорока четырех орудий. После такого вступления нечего было и думать расслышать хлопки минометов у подножия холма, на вершине которого расположился штаб. В городе так же все выглядело не так чтобы и серьезно. Нет, звуки разрывов конечно же доносились оттуда. Но выглядели они так же, не серьезно.

За первым залпом последовала разрозненная пальба. Скорострельность орудий варьировалась от мастерства пушкарей, элементарных вопросов обыденного характера, как то опрокинувшееся ведро с водой, или споткнувшийся подносчик. Вносило свою лепту и различие в конструкции орудий. Уже через минуту эта разрозненная пальба, превратилась в одну нескончаемую канонаду.

Над городом, очертания которого уже начали проступать в предрассветных сумерках, начало подниматься алое зарево пожарищ. Зажигательные снаряды сделали свое дело. Не могли не сделать. Тем более, когда на него в минуту обрушивалось свыше пятисот зажигательных снарядов и мин. Двести пятьдесят литров напалма, рассредоточено заброшенного по всему городу. Который в плане представлял собой неправильную окружность диаметром примерно в одну версту.

Обстрел длился всего лишь десять минут. Четыре волны, с двухминутным перерывом. Но этого с избытком хватило для того, чтобы практически весь город оказался объят пламенем. Бороться с огнем было просто бесполезно. Невозможно противостоять огненному зверю, вцепившемуся в город сразу со всех сторон, да еще когда каждую секунду появляются все новые и новые очаги возгорания, которые невозможно тушить. Вода вместо того чтобы гасить пламя, словно сама служила для него топливом.

Сразу по завершении обстрела, пушкири и минометчики израсходовавшие весь принесенный боезапас, начали покидать свои позиции. Задача выполнена, а значит пора уходить. Тем более, что времени совсем не осталось. Со времени ухода дерптского гарнизона миновало двое суток. И все это время, шведы ускоренным маршем двигались к Нарве. Вскоре они соединятся с войсками из Ревеля, и именно в этот момент не мешало бы с ними повстречаться. А в драке они будут злы. И это еще мягко сказано. Многие солдаты из Дерпта оставили здесь свои семьи.

— Боярин, дозволю доложить? — Словно чертик выскочил перед Иваном Редькин, командовавший десятком, отправленным в город.

— Докладывай Сашка, — вперив в него внимательный взгляд, велел Карпов.

— Все сделали как ты велел. Наших купцов вызволили. Всего их набралось два десятка. Но ушли легко. Там такой переполох с пожаром начался, что вокруг не больно-то и смотрели. Когда завели наших в ход, отправил с ними пару парней. А сам с остальными обратно в город. Выловили несколько человек, в разных концах города, и пустили с кличем

по городу, когда обстрел начался.

— И к чему было так рисковать? Я же приказал, после взрыва арсенала раструбить, чтобы спасались на холме, а самим уходить еще до начала обстрела.

— Так, боярин, начини мы кричать, то нас скорее все бросились бы хватать. Потому как на шведов наш говор ну никак не похож. А уж когда начали рваться снаряды, то и веры нашим словам у пленных было поболее. Да и кричали они с куда большим задором. Ну и спешили спасать своих. Хорошо получилось, Иван Архипович. Мои все возвратились. Ни одного раненого, — убежденно закончил Александр.

— Горожан много побило? — С затаенной надеждой поинтересовался Иван.

— Побило. Не скажу, что изрядно, но побило. Но на холм не прилетело ни одного шального снаряда.

— Понял. Купцы-то где?

— Их уж на баржи увели.

— А что с Пороховой башней? Заминировать получилось?

— И заминировать получилось, и ту адскую машинку не сыщут. Но только когда она рванет, не ведаю. Я все сделал как надо.

— Добро.

Пороховая башня взорвалась примерно через четыре часа. К тому времени полк уже полностью погрузился на баржи, и начал отходить от берега. Их ждала новая схватка. И на этот раз, противник не станет отсиживаться за стенами, в ожидании штурма. Вовсе наоборот, он будет всячески стараться вцепиться русским в глотку, и порвать их на части.

ГЛАВА 13

— Что скажете, господа? — Поинтересовался полковник Магнуссон, рассматривая в подзорную трубу раскинувшуюся перед ним местность.

Нет, командир сводного корпуса, состоящего из гарнизонов Ревеля и Дерпта, вовсе не испытывал в себе неуверенность. Но, никогда не помешает узнать мнение окружающих. Мало ли, какая дельная мысль может проскользнуть у подчиненных. Быть может они укажут на нечто, не замеченное начальником. По сути, это ведь не имеет значения, потому что никто и нигде не скажет, что бой был выигран целым рядом офицеров. Нет. Вспомнят только о командующем, ну еще и о соотношении сил противоборствующих сторон.

Хм. Эта победа славы Магнуссону не принесет. Не больше двух тысяч русских и шляхтичей, против шести тысяч шведов. У полковника даже мелькнула крамольная мысль, атаковать русских не всеми силами, а только частью. Ну хоть как-то можно будет соотнести с достойной победой.

Сводный корпус в полном составе был необходим не для полевого сражения, а для штурма Нарвы. То что этот боярин Карпов решится встретить их в поле, шведы откровенно не верили. Ну кто осмелится выйти в открытом бою против лучшей в мире армии? Да еще и при таком соотношении. Но, как видно нашелся такой. И это настораживало.

— Русские оседлали дорогу, и мост, перекрыв пространство между лесными массивами. Это говорит о некоем стандартном подходе к ведению боя, — Так же не отрываясь от трубы, заговорил полковник Вайлин, командовавший одним из пехотных полков. — Он предпочитает узости с невозможностью обойти по флангу. В бою с ляхами, это были река Великая и болото с лесом. Здесь, лесные массивы. Нечего и думать, атаковать его сквозь буреломы. Он словно приглашает нас атаковать в лоб.

Вообще-то, это и был основной тактический прием шведской армии. Решительная атака в лоб, прорыв боевых порядков, хаос в рядах противника и его уничтожение. Но шведы вовсе не были храбрыми и безмозглыми берсеркерами, презиравшими смерть и опасность вообще. Нет, с решительностью у них все было в порядке. И атака превосходящего противника их ничуть не смущала. Кровь викингов в них все еще была крепка, как и вера в свою избранность и превосходство над другими. Но кому нужны большие потери?

— А сам при этом наверняка подготовил множество ловушек, —

поддержал Вайлина, командир кирасир, полковник Ландберг. — Именно так он и поступил в прошлый раз. Бросать кавалерию в лоб, не лучшая идея. К тому же русские укрепились на противоположном берегу речушки. Так себе преграда, но противоположный берег достаточно крут, и представляет для нас определенные трудности. А там еще и рогатки.

— То есть, кирасиры готовы бить в лоб, но вы считаете это нецелесообразным?

Поинтересовался Магнуссон, отрывая свой взор от трубы, и поворачивая голову влево. На соседнем холме, артиллеристы как раз заканчивали разворачивать батарею тяжелых полевых пушек. Пары предрассветных часов оказалось вполне достаточно для обустройства надежной позиции.

Русские так же устроили свои пушки в земляных укреплениях. Правда, времени для этого у них было куда как больше. Ну и выковырять их теперь будет не так чтобы и просто. Впрочем, четыре гаубицы вполне смогут доставить им изрядные неприятности. Тридцати фунтовая бомба куда мощнее снарядов используемых русскими. И падает она по крутой траектории, а не по настильной. А потому и толк от земляного бруствера не так чтобы и велик.

— Так точно, господин полковник, — подтвердил кавалерист. — Русских отличает скорая и весьма точная стрельба. Мы же лишимся основного своего преимущества, скорости и натиска.

— Господин полковник, я предлагаю атаковать противника массой пехоты. Пустив впереди батальонов по взводу солдат в рассыпном строю. Это позволит выявлять ловушки русских, которыми они наверняка напичкали все пространство перед своими позициями. Время у них для этого было, — вновь подал свой голос полковник Вайлин.

— Согласен, — кивнув в такт своим словам, произнес Магнуссон.

— А я предлагаю произвести обходной маневр кавалерией.

— Это возможно? Насколько хватает взора, вправо и влево простираются леса, — усомнился Магнуссон.

Ничего не поделать, плата за поспешность. Местность плохо знакома, а потому, приходится действовать буквально на вскидку.

— Гарнизон в Туду, постоянно патрулировал эту местность, и знают ее очень хорошо. Лейтенант Блум, утверждает, что вправо имеется целый ряд полей, сменяемых редколесьем, способствующих практически беспрепятственному проходу в тыл обороняющимся. Я возьму проводника, и выдвинусь одновременно с наступлением пехоты. Обход составит порядка полумили^[30]. Мы сумеем ударить даже раньше чем пехота

достигнет позиций русских.

— У русских есть кавалерия. Не стоит недооценивать шляхтичей. Они отличные кавалеристы, и то что их вдвое меньше, чем солдат в вашем полку, ничуть не умоляет их достоинств.

Нет, Магнуссон вовсе не сомневался в том, что шведы разобьют шляхетскую конницу. В конце-концов, здесь нет знаменитой гусарии, а легкая конница против кирасир, да еще и численно превосходящих и великолепно выученных... нет, у поляков не было шансов. Но главное ведь не опрокинуть польскую конницу, а обойти противника и ударить ему в тыл. Вот не хотелось отчего-то недооценивать этого русского.

— В таком случае, предлагаю полку Ландберга предпринять демонстративный фланговый обход, — заговорил, молчавший до этого командир кирасирского батальона, прибывшего из Дерпта, майор Берг. — У русских будет время, для осмысления происходящего, и выдвижения навстречу своей конницы. Господин полковник вполне сумеет разобраться с этим досадным препятствием. Я же со своим батальоном предприму обход слева. Воспользуюсь руслом небольшой речушки. По словам все того же лейтенанта Блума, дно у него твердое, и подобный маневр особых трудностей не представляет. Расстояние же даже меньше.

— Хм. Ну что же, господа. За дело. Только не забудьте прихватить с собой проводников. И не перепутайте, кому надлежит действовать демонстративно, а кому скрытно, — шутливо погрозив офицерам, закончил полковник Магнуссон.

Ну что же, пора надрать задницу этим наглым русским, и вернуть Нарву. Ну а там... Король Карл и без того намеревался захватить Псковскую землю, и экспедиционный корпус если уже не на пути в Прибалтийские владения, то очень скоро тут появится. А уж после того как боярин Карпов умудрился взять Нарву, в действиях короля не стоило сомневаться и подавно.

Хм. Еще одна причина поспешить и управиться до появления его королевского величества. Молодой король слишком импульсивен, пусть и далеко не глуп и весьма деятелен. Полковник имел удовольствие беседовать с ним лично, а потому сумел составить для себя представление о его личности. Карл очень скоро прибудет в Лифляндию. В этом никаких сомнений.

— Ну что скажешь, Михайло Андреевич? — Кивая в сторону противника, поинтересовался Карпов у ротмистра.

Согласно полученных сведений шведский корпус должен был соединиться у селения Туду. После чего уже объединенными силами двинуться для освобождения Нарвы. Иван Решил встречать шведов на дальних подступах. А потому от Дерпта двинулся к северному побережью Чудского озера. Скорый марш в один дневной переход до селения Куквере. Затем занятие обороны в промежутке между двумя селениями между которыми было порядка пяти верст.

Конница шляхтичей подошла сюда же, передвигаясь по территории противника с максимальной быстротой и незаметностью. Это было вполне возможно, благодаря предварительной работе по разведке местности. Не сказать конечно, что шляхтичам этот переход дался легко, но и не настолько уж тяжело, чтобы они не были готовыми к бою. К тому же, позади были почти сутки отдыха. Им ведь не нужно было копать окопы и устраивать ловушки. Не для этого их призывал Иван. Совсем не для этого. От шляхтичей требовалось только то, в чем равных им не было не только в Европе.

— А что тут сказать, Иван Архипович. Похоже о возможности флангового обхода знают не только ваши разведчики, но и шведы. Да и глупо бы было полагать, что они не знают свою же местность.

Разведчики Ивана не только изучили театр предстоящих военных действий. Но еще и картографировали местность. При этом использовались как шведские карты, так и дополнения русских разведчиков. Правда, тут все больше на глазок. Они попросту излазали тут все вдоль и поперек. Знаний для грамотной работы попросту не было. А потому, по большей части приходилось использовать их в качестве проводников.

Но над примерной картой, командование все же посидело вдумчиво. И местность, пусть и приблизительно, схематически, но нанесена была. А потому и судить о перемещениях противника они более или менее могли.

— Разве это земля не речи Посполитой? — Не удержался от подначки Иван.

— Бросьте. Я реалист. Уже более трех десятков лет, как мы уступили эту территорию шведам. Исконной территорией Великого княжества или Польского королевства Ливония так же никогда не была. Так что... Когда-то сюда пришли мы, потом нас потеснили шведы.

— Трезвый взгляд. И именно это мне в вас и в Острожском нравится больше всего. С остальными шляхтичами все куда как сложнее. Ладно,

разговоры на отвлеченные темы закончили.

— Если закончили, тогда имейте ввиду, я сильно сомневаюсь, что там вся шведская кавалерия, — Войнилович ткнул подзорной трубой в сторону противника. — Вы ведь говорили о полке и еще одном батальоне кирасир. Так вот, там нет трех батальонов. Да и действуют они как-то совсем уж нарочито.

— Спасибо. Наметанный взгляд кавалериста, дорогого стоит. То есть, они демонстративно совершают обход нашего левого фланга, чтобы вызвать на себя нашу кавалерию, и уничтожить ее. Оставшийся же батальон, скорее всего дерптский, обойдет нас с другого фланга.

— Ну, кто, кого уничтожит, это мы еще поглядим, — приосанившись, возразил Войнилович. — А насчет демонстрации, я полностью согласен. Но как бы они все же не решили ударить именно в центре. Отвлекут нашу кавалерию, и...

— Вот уж за что я не переживаю, — ухмыльнулся Иван. — Восемь орудий, двенадцать минометов, шестнадцать картечных, полторы тысячи винтовок. Естественная преграда в виде реки, заграждения, ловушки. Кто как ни вы должны понимать, что у шведов попросту нет шансов.

— Я это понимаю. Просто говорю это, чтобы вы имели ввиду. Если не возражаете, я со своими парнями выдвинусь навстречу шведам.

— И можете сделать это не менее демонстративно. Только не показывайте ваши картечники.

— Не сомневайтесь, светить свой дополнительный козырь я вовсе не собираюсь. Все же их в два с половиной раза больше чем нас. И пусть любой из шляхтичей заявит, что соотношение просто смешное, правда заключается в том, что шведы смогли вымуштровать довольно неплохую кавалерию.

Хм. Из уст шляхтича эта скромная похвала дорогого стоила, и могла означать только одно. У шведов по настоящему хорошая конница. Н-да. И это настораживало. Оно может и лишнее, но лучше бы иметь ввиду дурной сценарий.

— Дмитрий Архипович, движение пошло, а значит и нам пора. Начинай с их артиллерии.

— Слушаюсь, — лихо козырнул Митя, и тут же сбежал с вершины холма к позициям пушечных батарей.

— Григорий Семенович.

— Я, Иван Архипович.

— А перекрой со своими лешаками русло речки. Там кругом леса, вам и карты в руки.

— Сделаем.

— Да. И прихвати у Артема Борисовича пару картечниц с обслугой.

— Лишнее это, боярин.

— Уверен?

— Узкое русло, стесненное лесом. Деваться им некуда. Повалим пару деревьев поперек, выйдет чистая засека. Не сомневайся.

— Ладно. Действуй.

Слушая этот короткий диалог, командир первого батальона буквально иззуделся. Ну как так!? Все при деле. И только он как ни пришей кобыле хвост. Резерв. Да кому он нужен. Войнилович ничуть не сомневается в том, что разнесет шведских кирасир в пух и перья. Что до Григория, то вообще сомнительно, чтобы он выпустил хоть кого-нибудь. У него еще те головорезы. Лобовой удар? Вот уж где никаких сомнений, что шведам ничего не светит. И плевать, что там только тысяча бойцов. Перемелют и куда большее число врагов. И кому при таких раскладах нужен резерв?

— Артем Борисович, выдели одну роту на прикрытие нашего левого фланга. Окопы для стрельбы с колена, рогатины. Помимо штатных, выдели еще две картечницы. На правый фланг, в прогалину на берегу речки, направь взвод при двух картечницах. Случись кому прорваться через лешаков, этого будет более чем достаточно. Остальные без изменений, в резерве при ставке.

— Ваня, — с явной обидой в голосе подступился Артем.

Впрочем, тут же стушевался, бросив вороватый и в то же время злой взгляд на офицеров штаба и вестовых, находящихся чуть в стороне. Те же в свою очередь не выказали никаких эмоций, словно ничего особенного не произошло.

— Артем, я и не думал тебя обижать. Ты там, где нужен, — ободряюще улыбнувшись, ответил Карпов. — Все будет дружище. И слава, и победы, и заслуги, и достойная награда. Но всему свое время. Помнишь историю войн? Всегда и во все времена заслуженные и многоопытные ветераны стояли в последних рядах, и шли в бой только в решительный момент сражения. Твои парни лучшие. Так на кого мне положиться в случае беды.

В этот момент грохнул орудийный залп. И Иван тут же вскинул подзорную трубу. Несколько секунд, и вот над позициями шведских пушкарей начали вспухать белые облачка. С виду красиво, и даже безвинно. Эдакие легковесные барашки. Вот только это было обманчивое впечатление. Потому что Иван видел, залп оказался выверенным и точным. И значит на батарее сейчас творится форменный ад. Об этом же говорили

валящиеся, и мечущиеся человеческие фигурки.

Шрапнель. Или как ее еще называли в истории мира Ивана, коса смерти.

Ему с Митей и парой друзей младшего брата, решивших отправиться в Замятливо, удалось-таки получить качественный порох с достаточно хорошей стабильностью горения. И как результат, создать полноценный шрапнельный снаряд, а не тот гибрид которым приходилось обходиться меньше года назад.

Как результат, теперь артиллерия, к слову сказать единого калибра и на суше и на море, имела четыре типа снарядов. Фугасный, лишившийся шрапнельных пуль, и увеличивший заряд пороха. Этих гранат было не так чтобы и много. Зажигательный, в настоящий момент практически полностью израсходованный. Оставался только боекомплект на кораблях, и около тысячи в запасе, в нарвском арсенале. Картечь, ну и собственно шрапнель.

Мины имелись только трех видов, фугасные, зажигательные и шрапнельные. Сейчас же в наличии только небольшое количество фугасных, и вполне приемлемое шрапнельных. Дымный порох в качестве взрывчатого вещества, мягко говоря, слабо эффективен. Даже качества замятлинской пороховой фабрики.

А вообще, со снарядами было туго. Не то чтобы полный швах, но наличествовали серьезные такие проблемы. Шутка сказать, но по кругу, средняя стоимость одного пушечного или минометного выстрела составляла порядка одного рубля. Так что, те кто утверждал, что Карпов стреляет серебром, в буквальном смысле были совершенно правы. Но зато каков эффект!

Уже после первого и весьма удачного залпа у орудий противника практически не осталось прислуги. Второй довершил начатое, окончательно выключив из боя шведскую артиллерию, которая так и не произвела ни единого выстрела. В принципе, защититься от шрапнельного огня не так чтобы и сложно, достаточно изготовить козырьки, и вскоре шведы до этого додумаются. Но именно на этот случай в арсенале Карпова имелись еще и фугасные гранаты. Плевать, что с бризантностью у них так себе. Для местных условия вполне хватит.

Третий залп Митя произвел по холму, на котором разместилась ставка шведского командования. Ну, кто же им виноват, что они не сделали своевременные выводы, после того как увидели произошедшее с артиллеристами? Нет, оно конечно может кто-то и выжил из штаба

полковника Магнуссона. Но на вершине холма так больше и не появился. Как впрочем, среди лежащих в пределах видимости тел, не наблюдались и раненые.

А потом настал черед наступающей пехоты. Причем ударили не только пушки, но и минометы. «Коса смерти»? А что, не в бровь, а в глаз. Это что же там сейчас творится! Ивану казалось, что он наблюдает какую-то компьютерную игрушку, настолько нереальным выглядело происходящее.

Один из самых результативных выстрелов пушечной шрапнели подорвался настолько удачно, что в буквальном смысле снес не меньше взвода солдат. У Ивана отчего-о непроизвольно всплыла мысль — «страйк». Ну очень похоже на свалившиеся кегли. А и то, шутка сказать, двести пятьдесят чугунных пуль по десять грамм каждая, способные с высоты в пару верст разлететься по площади эллипса тридцать на двести пятьдесят сажень. А тут снаряд рванул куда как ниже, и рой легкой картечи оказался весьма плотным. Выживших там скорее всего нет, потому как каждому досталось не по одному гостинцу.

Добавить сюда огонь минометов, а чуть позже добавившийся и ружейный. Конечно выделка стволов пехотных винтовок уступала штуцерам. Солдаты были не такими искусными стрелками, как штуцерники. Но у них в руках было нарезное оружие, с которым не мог конкурировать ни один самый совершенный мушкет. И цель в виде плотного построения наступающей пехоты, это просто праздник какой-то.

Но что поразило Ивана до глубины души, это решимость и стойкость с которой наступали шведы. Они шли сквозь дым и визжащий вокруг свинец. Шли когда вокруг них пировала сама смерть. Без колебаний делали шаг вперед, заполняя строй вместо павшего товарища. Не раздумывая занимали место в первой шеренге, прекрасно осознавая, что в следующее мгновение вестник смерти может прилететь и к нему.

Тупая муштра? Берсеркеры? Ничего подобного! Иван воочию наблюдал настоящий воинский дух. Никак иначе это назвать было нельзя. Помнится, в фильмах показывали как фашисты шли в атаку пьяными. Даже в коммунистические времена ничуть не скрывалось существование «ста грамм наркомовских». То есть, люди должны были как-то взбодриться, чтобы подняться в атаку.

Эти наступали трезвыми! По открытому полю! Под нескончаемым убийственным артиллерийским, минометным и ружейным огнем! Усыпая поле трупами своих товарищей! Открыто! С гордо поднятой головой!

Иван ни раз и ни два слышал о том, насколько были жестоки шведы. Да чего уж там, у него в голове даже проскальзывали ассоциации с

фашистами из его мира. И творимые ими зверства трудно было списать даже на жестокость этого века. И тем не менее, он не мог не восхищаться их выучкой и стойкостью.

* * *

Едва переправившись через речушку, кирасиры начали перестраиваться в плотный строй, для атаки. Передние пустили лошадей рысью, предоставляя возможность отставшим их догнать, и занять место в строю. Выучка была на высоте. Бог весть, какие они рубаки, фон Ланге еще не доводилось видеть как бьются шведские кавалеристы, но перестраиваются слаженно со знанием дела.

А вот встречающие их поляки не проявляют никакой активности. Выстроились в две шеренги, каждую из которой составляет одна хоругвь. Оно конечно, жиденько выходит. Но все так и задумано. За последний год, ротмистр Войнилович и майор фон Ланге успели серьезно так пересмотреть прежние постулаты. Причем это касалось как самой кавалерийской атаки, так и использования в ней огнестрельного оружия. И вот, картечниц в частности.

Ганс не смог устоять перед уговорами своего зятя, и согласился-таки возглавить артиллерию в его дружине Острожского. Впрочем, справедливости ради нужно заметить, что он об этом не пожалел. Казалось бы картечницы, а не полноценные пушки. Но какой в них был заложен потенциал. Все его прежние представление о полевой артиллерии сошли на нет. А уж когда дело коснулось конной артиллерии, так и подавно.

Пара лошадей, передки с боекомплектom. Возможность быстрого маневра на поле боя, и нанесения удара с самых неожиданных направлений. Скорострельность, и убийственный огонь. Он был буквально заморожен открывавшимися перспективами.

Стоит ли говорить о том, что когда встал вопрос о формировании хуфы ротмистра Войниловича, фон Ланге тут же изъявил желание присоединиться. Вроде и не мальчик уже, чтобы подаваться авантюрам. Но... Каково оно быть родоначальником новой тактики? Плевать, что изначальная идея принадлежала не ему. Ведь главное не то, кто первым сказал, а то, кто сумел воплотить это в жизнь на практике. И главное, добился положительного результата.

Сейчас он как раз отработывал один из элементов. Огневая засада. Смысл сводился к обстрелу фронта атакующего противника с одного из

флангов и под углом. При таком ведении огня, свои силы оставались вне сектора огня картечных. Ну и противник поражен в большей степени, чем при фронтальном обстреле.

Конечно существовала опасность атаки со стороны противника, что было чревато, в условиях отсутствия прикрытия. Но с другой стороны, расчет делался на два фактора. Первый, скорострельность. Второй, маневренность батареи, в которую свели все четыре картечные.

Хм. Правда, в данном конкретном случае, с маневренностью было так себе. Батарея укрылась в подлеске, на опушке, намереваясь по полной использовать эффект неожиданности. А в такой ситуации никакие передки и быстрые кони не спасут. Остается только одно, надеяться на то, что всадник в лесу становится неповоротливым, и если шведы все же вломятся, то у фон Ланге имеются четыре десятка солдат с винтовками и штыками.

Наконец шведы закончили переправу, а вскоре и перестроение. Атакующая конница, идущая в строе стремя к стремени, зрелище поистине завораживающее. Майор почувствовал как под тысячами копыт задрожала земля. Расстояние сокращается.

— Батаре-эя-а! Залпо-ом! Ого-онь!

Четыре картечные разом рывкнули, посылая вперед ровно тысячу чугунных картечин. Пушчонки подпрыгнули, словно взбесившиеся лошади, но остались на месте. К сожалению Карпов не поставлял в дружину Острожского орудия на новых лафетах, оборудованных противооткатной системой. А значит, после каждого выстрела приходилось терять время накатывая орудия на прежнюю позицию.

Вот и решил майор упереть станины в деревья. После выстрела орудие оставалось на месте. Требовалась новая наводка, но она необходима в любом случае. Зато экономится время. Вон как споро действуют его канониры. Правда, есть у этого и обратная сторона. Слишком велика нагрузка на дубовые лафет и станину, что никак не способствует их исправности. Но несколько быстрых выстрелов у них есть в любом случае.

Ганс находился с наветренной стороны, а потому дым не застил ему взор, и он прекрасно видел результат залпа. Часть пуль ушло выше цели, и осталась незаметной. Другая взбила сотни фонтанчиков из смеси земли и травы. Зато третья врезалась в плотный строй шведов, до которых было не более четырех сот шагов.

Сразу после залпа картечных, первая шеренга шляхтичей вскинула свои карабины, и дала залп, по накатывающему противнику. С результатом так себе. На фоне картечных не впечатляет. Да и до шведов слишком далеко

для гладкоствольного карабина. Но результат все же есть. Пока первая шеренга убирает карабины, и изготавливает пики, вперед выдвигается вторая шеренга. Залп. И тут на смену ей выходит вновь первая, с уже изготовленными к атаке пиками.

Орудия перезаряжены. Но... Все же хороша выучка у шведских кирасир! Одна рота отделяется и берет направление на батарею, позицию которой отлично выдает облако порохового дыма.

— Наводчики! Цель атакующая нас рота. Поворачивайтесь парни! Ого-онь!

Залп. Дым застит взор. Но его сносит в сторону. Какая-то часть шведов падает, но насколько их стало меньше не понять. На этот раз Ганс не смог наблюдать за результатами стрельбы. Когда же открылась картина, вновь увидел сомкнутый строй. Ну может слегка усохший. Похоже что в этот раз наводчики неудачно прицелились.

— Живее парни! Огонь по готовности!

Фон Ланге нервно облизнул губы и бросил взгляд в сторону хоругвей. Войнилович уже повел свою хуфу в атаку. Казалось бы, расстояние так себе. Однако шляхтичи не только успели набрать скорость для сшибки, но и перестроиться клином, ошестинившись пиками.

Вновь рывкнуло орудие, за ним второе, и два оставшихся практически одновременно. И на этот раз, дым, вовремя подхваченный порывом ветра, не был помехой майору. Этот нестройный залп был по настоящему страшен. Под грохот путь ударяющих в кирасы, на землю летели кубарем кони, люди. Ржание лошадей, хрипы, стоны, крики. Все это смешалось одну непередаваемую какофонию.

От атакующей роты практически ничего не осталось. Пара десятков всадников, не больше. Но они с маниакальным упорством рвались вперед, выставив перед собой палаши, и оглашая округу воинственными криками.

— Отставить орудия! Мушкеты! Берите мушкеты!

Выкрикивая эту команду, сам фон Ланге выхватил один из револьверов подаренных зятем. Отличное оружие. А главное, дюжина выстрелов, с минимальной вероятностью осечки, и весьма точный бой. Только бы не дрогнула рука.

Майор вскинул оружие, и поймав в прицел одного из кирасир нажал на спуск. Выстрел. Глухой металлический удар. Кирасир нелепо взмахнул руками, роняя палаш. Лошадь запнулась и полетела через голову, подмяная под себя всадника, все еще остающегося в седле.

Вокруг слышатся разрозненные мушкетные выстрелы. Порой им вторит глухой звук удара свинца о сталь кирасы. Иногда, полное боли и

страдания ржание лошадей. Но не редко за выстрелами вообще ничего не следовало, что говорило о промахе.

Почему именно промахе? А как же иначе-то, если после этой разрозненной стрельбы, из двух десятков удалось ссадить не более полудюжины всадников, причем двое из них подхватились, и побежали к деревьям. При этом бешено вращая глазами и крепко сжимая палаши.

И все это Ганс успел рассмотреть буквально за несколько секунд, пока взводил курок, ставил на место кресало и вскидывал револьвер, беря на прицел следующего всадника. Край сознания уловил отдаленные звуки сшибки кавалерийского боя. Вот только разобраться в этом у Ганса не было времени.

Выстрел! Есть! Еще один готов!

Пятясь назад, майор вновь изготовил оружие к бою. Злобный гортанный рык шведского кирасира. Жалобная мольба артиллериста, оборвавшаяся на полуслове. Истеричный, полный ужаса крик, срезанный на высокой ноте. Злая площадная брань на немецком, и на этот раз явно победная.

Сквозь треск подлеска из густой листвы появился спешенный кирасир. Едва заметил Ганса как в его глазах тут же появился злой, радостный, алчущий и одновременно кровожадный взгляд. Хищник увидел свою добычу, озлившую его и теперь обреченную. Никак не иначе. Фон Ланге выстрелил не поднимая револьвера. Вот как изготавливал его к бою, так и выстрелил прямо от пояса.

Стука пули о кирасу он не услышал, что не удивительно, они ведь были едва ли ни лицом к лицу. Но зато во взгляде шведа появилось эдакое недоумение и даже удивление. Ноги подломились, и он рухнул на колени, опираясь на палаш, лезвие которого ушло глубоко в землю.

Ганс и сам не знал откуда пришло это осознание. Но он отчего-то не стал больше изготавливать револьвер к бою. Вместо этого, действуя по наитию, он перекинул его в левую руку, и выхватил шпагу.

А в следующее мгновение из кустов выбежал еще один кирасир. Вид у того был не менее свирепый, чем у предыдущего, разве только он был совершенно молчалив. Мгновение, и швед перешел в атаку, со свистом взрезав клинком воздух.

Ганс, едва успел сместиться с направления атаки, скользнув в сторону плавным и выверенным движением. Вот так взглянешь со стороны и покажется, что майор выводит какую-то фигуру танца. Правда, результатом этого изящного па, оказался предсмертный хрип нападавшего, получившего отточенный клинок точно в горло.

Разделавшись с противником, фон Ланге наконец изготовил револьвер к выстрелу. Держа его в левой руке, и сжимая в правой окровавленную шпагу, он проломился сквозь листву подлеска, готовый продолжить схватку. В голове никаких иных мыслей, кроме жажды крови.

Но тут все уже было кончено. Его артиллеристы добивали последних раненых шведов, остервенело орудуя штыками. Еще бы. Натерпелись страха, теперь вот вымещают свою злость. Пронзают даже явно мертвые тела, ничуть не думая о том, что кирасы по сути представляют собой весьма дорогую добычу.

— Оставить! К орудиям! Заряжай!

Приказ командира, как всегда уверенного в себе, действует отрезвляюще, и солдаты тянутся к своим картечницам. Н-да. А ведь успели шведы покуражиться. Ганс наблюдает около десятка тяжелораненых и убитых. И не менее десятка не досчитывается. Толи подались со страху в лес. То ли лежат где-то за кустами. Ага. Вот то кто нужен.

— Трубач. Труби сбор.

— Слушаюсь, господин майор.

Над лесом раздается сигнал сбора. Солдаты прошли достаточно длительную и вдумчивую муштру. Так что, отличат его даже в крайней степени возбуждения. А еще, поспешат на зов командира. Не смогут не поспешить. Хотя бы потому что этот сигнал говорил о том, что опасность уже миновала, и можно возвращаться. Дезертиров же вешают.

Несмотря на явный половинный комплект obsługi, вскоре картечницы вновь были готовы к бою. Вот только куда стрелять, решительно непонятно. Шагах в трехстах от них развернулась натуральная свалка, из человеческих и лошадиных тел. Крики, брань, ржание, звон стали, редкие выстрелы. И главное, кто-кого одолевает в этом клубке, совершенно непонятно. Остается только ждать...

* * *

Иван рассматривал представшую перед ним картину, удобно устроившись в походном кресле. Ну чисто Наполеон, с известной картины, хотя он и не помнил чьей именно. Только барабана не хватает, чтобы эдак положить на него ногу. Но зато имеется походный же стол, с разложенной картой. Хм. И кувшином кваса. Денек выдался жарким. И связано это далеко не только со сражением.

То что он видел, иначе как разгромом назвать было нельзя. Все открытое пространство перед ним было буквально усеяно ранеными и убитыми. Не менее трех четвертей от всей шведской пехоты. Шесть брошенных легких полевых пушек, а вернее картечниц.

Они по обыкновению наступали в рядах пехоты. Но штуцерники выбили их обслугу, позволив сделать лишь по одному выстрелу с дальней дистанции. Впрочем, вовсе не безрезультатному. Двое убитых, и шестеро раненых. Не так чтобы и мало, для стрельбы с дистанции в четыре сотни шагов, да еще и по противнику находящемуся в укрытии.

Еще трое убитых и десяток раненых были на счету наступающей пехоты. Все же нашлась какая-то часть, что приблизилась на расстояние прицельного выстрела. А вот до столь уважаемой шведами рукопашной дело так и не дошло. Примерно на дистанции в три сотни шагов в дело вступили русские картечницы, прошедшиеся по наступающим ничуть не менее отточенной косой.

Далее был безжалостный расстрел отступающих. Хм. В реалиях настоящего боя бегущих. Признаться, Иван уж и не верил в то, что эти стойкие оловянные солдатики способны побежать. Казалось они так и будут рваться вперед, пока не лягут тут все, до единого. Но нет. Как выяснилось, предел есть даже у железной пехоты Карла Двенадцатого.

Оно конечно, справедливости ради нужно заметить, что пока, армия не выпестована им лично, а досталась в наследство от отца. Но, и эти были далеко не робкого десятка, дисциплинированные и обладающие отличной выучкой. Для этого времени, разумеется.

Тут предпочтение все еще отдается холодному оружию. Отчасти по этой причине, а отчасти из-за дороговизны мушкетов, треть пехоты является пикинерами. Приблизиться на расстояние прицельного выстрела, зачастую при поддержке легких полевых пушек. Произвести залп, и броситься в рукопашную. Вот основной принцип тактики шведов.

Иван же делал ставку на огнестрельное оружие. Что было куда проще при наличии скорострельных и точных винтовок. Иными словами, сошлись два несопоставимых тактических принципа. Да еще и при серьезном превосходстве в оснащении и вооружении одной из сторон. Как следствие, реки крови с одной стороны, и незначительные потери с другой.

Карпов вскинул подозрную трубу. Ага. Так и есть, не ошибся. Среди раненых и убитых шведов снуют солдаты из его полка. Собирают трофеи. А то как же. Оружие у шведов вполне приличное, по местным меркам. Уступят только замятлинской выделке. А значит его можно будет выгодно пристроить. Солады собирают трофеи не просто так, а с оглядкой. Двое

собирают, третий присматривает. И если что не так... Ну вот как сейчас. Р-раз. И штыком к земле.

Но кроме солдат там бродят и санитары из медицинского взвода, и обозники из рот. Собирают раненых. Но как видно не всех, а выборочно. Похоже приказ их полкового врача. Должность штатная, а потому госпитальных докторов здесь нет. Они в списках полка не значатся. Хотя, и от повышения квалификации ни разу не откажутся. Сейчас весь докторский состав трудится в Нарве. Там случаев разных и на любой вкус хватает.

— О. Лукьян Сергеевич, на ловца и зверь бежит. Чего это там наши санитары перебирают? — Поинтересовался Иван, у лекаря, поднимающегося на взгорок.

— А чему ты удивляешься боярин. Мы чай не подряжались всех раненых выхаживать. Эдак ни твоей казны не хватит, ни сил моих санитаров. Приказал собрать с полсотни с ранениями в грудь и живот. Остальные пусть уж сами, как Господь положит.

— Ясно.

— А ты, Иван Архипович я смотрю, тоже не особо добывать торопишься.

— Мертвый солдат, он мертвый и есть, Лукьян Сергеевич. А раненый, он как напоминание, мол не ссорьтесь с русскими. Как выживет и калекой станет, так либо нахлебник, либо будет живым примером, каково оно воевать русских. А как помрут в мучениях, то тут уж укор королю, и его заботе о своих солдатах. У них-то санитарных взводов нет, как и централизованной бесплатной медицинской помощи. Хочешь, чтобы доктор тебя обиходил? Плати монету.

— То мне ведомо.

— Ну теперь и иное знаешь. Все пытаетесь лечить ранения в грудь и живот? — перевел Иван разговор в другое русло.

— Пытаемся. За что нас анафеме предают раз от разу. Московский университет уж не желает к нам отправлять лекарей. Мол, раз вы и сами с усами, то и наши выпускники вам без надобности.

— Слышал я о том.

— Мы тут подумали, а не замахнуться ли нам на университет.

— Уж не Павел ли Валентинович надоумил закинуть мне удочку? — Намекая на друга и начальника госпиталя, поинтересовался Иван.

— И он тоже, — не стал лукавить лекарь.

— Вот уж кукиш вам. Мне проще с Москвой договориться, чем здесь университет закладывать.

— Так ить не тебе закладывать, а казне Псковской. Тыбы только поспособствовал.

— Ага. Как бы не так. Найдутся в казне на это деньги. Не ко времени. Но потом, лет эдак через десять, очень даже можно будет и подумать. А пока, эвон и училище едва тянем. Денег вечно не хватает.

— Господин боярин, позвольте доложить? — Осадив коня, поинтересовался Войнилович.

Рука у Шляхтича была на перевязи. Шлема нет. На лбу повязка с явно не бутафорской кровью. Но взгляд бодр и даже весел.

— Докладывайте, господин ротмистр, — ничуть не смущаясь по поводу того, что офицер продолжает оставаться в седле, разрешил Иван.

А что такого? Обстановка вполне себе боевая. Люди еще не отошли горячки сражения. Да и от вида крови и стольких смертей ошалеть плевое дело. Ну и наконец, сидя на стуле, взирать на всадника, шагах в семи от него, никого дискомфорта не доставляет. Ну и к чему тогда настаивать на то, чтобы ротмистр спешился. Тем более, что тот еще и ранен.

— Полк кирасир опрокинут и по большей части уничтожен. Взяли пятьдесят шесть пленных. Ушло не больше четверти.

— Славная работа. Потери?

— Полторы сотни убитых и тяжелораненых.

— Ты тяжелых-то не спеши списывать, — с явным недовольством вмешался лекарь. Несите их в лазарет. Там и поглядим, кого отпевать, а за кого бороться.

— Так и делаем. Да только они ведь все одно не бойцы.

— Пусть так. А с мертвыми по одним спискам ты их не спеши проводить, — упрямо бурчал лекарь, как видно задетый за живое, подобной арифметикой ротмистра.

— Трофеев много? — Перебил перепалку Иван, кивком отправляя медика по своим делам. — Да вы не смотрите на меня так, Михайло Андреевич. Я своему слову хозяин, и все что с бою взято, вашим и останется. Просто, мне бы не хотелось чтобы вы обременяли себя.

— Есть еще какие задачи?

— Есть. Нужно в течении нескольких дней прошерстить всю округу отсюда и до Нарвы. Вытрясти все шведские усадьбы, будь то беднота или помещики.

— Ну, на этот счет не волнуйтесь, Иван Архипович. Своя ноша не тянет. И то утащим и новое пристроим. Тем более, что нам не только о себе думать нужно, но и о погибших. Их долю доставим родным.

— Вот и ладно. Только учти, никого кроме шведов не трогать. Прознаю, повешу как вора. И я не шучу.

— Что с вами лучше не шутить ведомо всем. Сделаем как надо.

— Вот и ладушки. А там, глядишь еще и переправлю вас на баржах где в ином месте пошалить. Не обещаю, но и не исключаю.

— Я вас понял, Иван Архипович, — с хитринкой ответил шляхтич.

Потом отвернул коня, и поехал по своим делам. А их у него хватало. Шутка сказать, он получил добро на разграбление целой области. И пусть это распространялось только на шведов, получить должно было просто изрядно. И это на всего лишь две хоругви!

Признаться, после конфуза под Замятино, авторитет ротмистра серьезно так пошатнулся. И даже если бы он специально не набирал бедных шляхтичей, никто кроме голытьбы к нему не пристал бы. Авторитет и популярность зарабатываются очень долго, по малой капле, и крохотным шажочкам. Зато теряются в одночасье. Достаточно только одному, самому никчемному голосу вякнуть о потерянном воинском счастье, и все, на многоопытном ротмистре можно ставить крест.

Итак, кирасирский полк на левом фланге причесали и весьма серьезно. Из тех, что пошли руслом реки, а они таки пошли, тут шведы так же оказались предсказуемы, практически никого не осталось. Вырваться сумели в прямом смысле этого слова единицы.

Григорий не даром отнекивался от картечи. Устроил он шведам кровавую баню, нечего сказать. Запер всадников повалив несколько деревьев с двух сторон. Так что, выжил только тот, кто бросил коня, и решил уходить пешком через лес. Да и то, ушли далеко не все. Лешаки еще и погоню устроили. Рыбин справедливо рассудил, что иных занятий в том бою у его парней попросту больше не будет. Вот и порезвились лешаки.

— Господин боярин, как тебе наша артиллерия?

А вот наконец и братец появился. Светится что твой начищенный медяк. А и есть чему радоваться. Результат новые шрапнельные снаряды и мины показали поистине великолепный. Признаться, Иван конечно рассчитывал на нечто подобное, и его знания из родного мира, и испытания говорили об этом однозначно. Но одно дело то что ты читал, или пересчитывать отверстия на мишенях. И совсем другое наблюдать все это в реальном сражении.

Едва только Иван открыл рот, чтобы ответить брату, как до его слуха долетел отдаленный грохот пушечного выстрела. Иван еще успел рассмотреть белое облачко дыма, уже сносимое с позиций шведской тяжелой артиллерии на противоположном холме. А вот сообразить толком

ничего не смог. Как видно скорость снаряда была примерно равна скорости звука, а потому и горячий гостинец не заставил себя долго ждать.

Недалеко от него на землю ухнулась бомба, взметнув фонтанчик земли и травы. Чугунный шар диаметром сантиметров пятнадцать, прокатился несколько метров, и завертелся волчком на одном месте, при этом шипя, дымя и разбрызгивая искры. Иван завороженно смотрел на эту картину, а потом мир для него вдруг померк.

* * *

Хм. У берега расположились оба парохода, все шесть барж. Неподалеку видны палатки военного городка. Но там вряд ли больше одной охранной роты. Остальные солдаты квартируют в городе. Да и глупо было бы держать их в поле. Баржи охраняют скорее всего из-за имущества, все еще находящегося на них. Время же пока раннее, а потому и никто не занимается разгрузкой.

Личный пароход Ивана, а скорее даже катер, причаливал к пристани, в полуверсте от городских стен Нарвы. Устраивать пристань ближе было уже не безопасно. Дальше течение становилось более бурным и вполне могло подхватить судно. А там, какие-то полторы версты и водопад. Высота так себе, не более трех с половиной саженьей. Но этого вполне достаточно, чтобы стать не просто непреодолимым препятствием для судов, но и смертельно опасным.

Еще несколько лет назад в Нарве и Ивангороде был перевалочный пункт товаров, на чем наживались как оптовые торговцы, так и городские власти. Ну и село на псковской стороне, жители коего пробавлялись волоком не бедствовало. Это иноземцы по морю ходят на больших кораблях, коим в мелководную Нарву лучше не соваться. Русские же купцы пробавляются судами поменьше, способными ходить как по морю, так и по неглубоким рекам.

Потом, за дело взялся Карпов. Основательно так взялся. И буквально за год, несмотря на каменистое основание, сумел прорыть канал длиной в две версты, с единственным шлюзом ниже по течению. Пороху извел просто прорву. Все только диву давались, тому как он рвет землю. Но зато управился быстро. И открыл прямое судоходство.

А еще, хитрец эдакий, приставил к обслуживанию того канала и шлюза селян, коих работы лишил. Всем угодил, никого не обидел. Он вообще старался не плодить недоброжелателей на ровном месте.

Отчего не стали обходить по каналу и не пристали к городской Нарвской пристани? Так ведь времени это займет изрядно. И пристань находится у речных ворот, ведущих к северной части старого города. Ей же нужно в замок, располагающийся в южной оконечности.

Опять же, вон и коней уже подали, как и эскорт из личной охранной роты боярина. Всадники ожидают ее в полной готовности. Оно конечно она и сама прихватила с собой десяток стрельцов, но подчиненные Егора все же без коней.

— Пришибу, Елизара, — зло скрипнул зубами Попов.

— На кого это ты так яришься? — Обернулась к командиру личной сотни княгиня.

— Да вон, десятник из охранной роты Ивана... Архиповича, — запнувшись, все же поправился сотенный. — Только одну лошадь для тебя и прихватил.

— Понимаю. Ну да мы им обедню испортим, — подмигнула Лиза Егору.

Вообще-то ей было решительно непонятно, к чему Карпов отправил ей послание, пригласив в Нарву. Решил начать-таки обхаживать? От этой мысли, ею овладело раздражение. Экий он! Что же, думает вот так поманит пальцем и все, она и растает воском?

Мало ли что раньше было. Молодая была. Глупая. Напридумала себе не бог весть чего, и сама в то уверилась. И тетка туда же! Нет чтобы вовремя указать, мол ошиблась девонька, вот так-то следует, а не эдак. Так не-эт, сама же теперь толкает ее в спину, мол бери красоту бесхозную. А кому он нужен-то?

— Кормчий, отворачивай в сторону, — решительно приказала она.

— Да как же так-то? — Растерялся капитан парохода.

— Тебе приказ княгини не ясен?

— Так ведь мне велено...

— Ты нынче в моей воле. Правь к каналу. Пойдем в Ивангород. Кому сказываю?

— Слушаюсь, княгиня.

Суденьшко так и не причалив к пристани, начало поспешно отворачивать в сторону, запустив гребные колеса в разные стороны. Десяток охранной роты, только растерянно взирал на происходящее, силясь понять, что именно произошло. Егор, пряча ухмылку, старательно оглаживал бороду. Вот только адресована она была вовсе не оставшемуся с носом Елизару, а княгине. Уж Егор-то понимал, что именно послужило

причиной подобного поведения. Ну или думал, что понимает.

Лиза считала себя победительницей. Ровно до того мгновения пока не ступила на причал в Ивангороде, и не услышала обрывок разговора грузчиков. Ну, а о чем им еще разговаривать, как ни о недавних событиях. Нет, не о взятии Нарвы. Та новость уж давно протухнуть успела. А вот то, что боярин шведам холку намылил в чистом поле, перебив вдесятеро превосходящие силы, это да. Эта тема достойна обсуждения.

— Экий у нас боярин, — поддержал собеседника, дюжий молодец. — Что перед ним Иван Бобровнинский. Тот только ляхов раскидал, а этот самому шведу хребет сломал.

— Сломал, да надорвался, — авторитетно возразил другой. — Нешто не ведаешь, что швед бомбу метнул прямо под ноги боярину, и того чуть не в клочки порвало. Эвон, как спешно прибежали на гребной ладье, словно черти за ними гнались. А сейчас все лекари вокруг него хороводы водят, с того света пытаются вынуть. Да только, сказывают не выдюжит он.

Лиза и сама не поняла в какой момент она замерла на месте позабыв как дышать, и вслушиваясь в разговор двух грузчиков. Только и слышала их слова, да все нарастающий в ушах стук сердца. Наконец она сделала глубокий вдох, высоко вздымая статную грудь, и с ошарашенным видом обернулась к растерянному Егору.

До госпиталя в Нарве они добрались очень быстро. Да что там, можно сказать стремительно. И что примечательно, позабыв стрелцов охраны в Ивангороде. Просто лодочка нашлась только одна и места в ней было только на двоих. Ну, случается такое порой. И по Нарве передвигались сугубо на своих двоих. Вот некогда им было искать лошадей...

Хрясь!

Иван недоумевая по поводу происходящего, растерянно и молча потирал левую щеку. Вот интересно, а за что ему только что прилетело. Хорошо еще хоть в кабинете, оккупированном их главным лекарем Рудаковым, никого не было. Не то позору не оберешься.

В кабинете он ожидал возвращения друга. Операцию Мите провели еще вчера днем, сразу по прибытии. Но Ивана к нему не допустили. Как впрочем и на утро. Когда Иван прибыл в госпиталь, под который отвели двухэтажное просторное здание, ему заявили, что брат жив. Но Павел категорически отказался пускать к нему кого бы то ни было. Усадил Карпова на стул, а сам отправился проверить самочувствие раненого.

Конечно то, что пациент еще жив, внушало какой-то оптимизм. Но с другой стороны, статистика была против парня. Из трех десятков с подобным ранением выживал только один. И это еще отличный результат,

доступный только врачам из Псковского госпиталя.

Ну не лечили здесь проникающие ранения, эти врачи недоучки. А Мите осколок бомбы прилетел как раз в грудь. Ивана спасла его параноя, и привычка надевать на себя бронежилет. Митю он тоже заставлял, да только, тот как только сбежал на позицию предпочел избавиться от тяжелой амуниции.

Хлесь!

Ага. Это прилетело по правой. Для симметрии значит. А взгляд такой, что не останови ее, так и пришибет к чертям собачьим. Иван обхватил девушку, прижимая ее руки, и заглядывая ей в глаза.

Как там говорится в той поговорке — вдов утешают в постели? Хм. Не только вдов, и не только в постели. И вообще, идет оно все лесом.

Иван и сам от себя не ожидал подобного. Он вдруг с жадностью впился в мягкие и податливые губы, вкус которых за эти годы вспоминал ни раз и ни два. И пусть Карпов тогда стоял истуканом, ему казалось, что тот ни ничуть не изменился. Вот только обладательница тех уст за прошедшие годы сильно поднаторела в этом деле...

ГЛАВА 14

— Отвернись, — зардевшись, попросила Лиза, поспешно натягивая ночную рубашку.

Н-да. Просьба по меньшей мере припоздавшая эдак на сутки. Причем, после кабинета Рудакова, последовала спальня Ивана. Тот без комплексов попросту занял дом коменданта крепости. Тот оказался и не особо вычурным, и вполне просторным. Ну и полностью меблированным. Вот так и не скажешь, что по сути казенное жилье.

Сам комендант, с семьей и вместе с другими пленными офицерами и их семьями, проживал двухэтажном доме, реквизированном специально для этих целей. Места более чем достаточно. Правда и караул наличествует. Но с другой стороны, куда как лучше, чем казематы, где содержались пленные солдаты.

— Почему я должен отворачиваться? — Возмущенно вздернув бровь, поинтересовался Иван, поудобнее устраиваясь на постели, и подпирая ладонью голову. — Ты и мужа своего заставляла всякий раз отворачиваться?

— Он был муж... — Сказала, и тут же смущенно сжала губы.

— А вот тут позволь тебя разочаровать. Я стать мужем никак не смогу, — ничуть не смущаясь, и слегка пожав плечами, произнес Иван. — И заметь, моей вины в том никакой нет. Твои тетушка и братец первыми встанут горой на защиту устоев рода Рюриковичей. Ну, а там и другие подтянутся.

— А ты бы хотел? — Заскочив с коленями на постель, и глядя ему прямо в глаза, поинтересовалась она.

— Очень. И если ты скажешь, что тоже хочешь пройти со мной к алтарю... Да пошли они все. Слава богу, мир велик, найдем себе уголок, где до нас никто не доберется, и где мы будем счастливы. Уж на хлеб с маслом, я всегда заработаю.

— И далеко не только на хлеб с маслом, — стрельнув в него лукавым взглядом, поддержала его Лиза.

— Это точно, — уверено заверил Иван.

— Спасибо Ваня. Я тебе верю. Но... не могу я так-то, про долг свой позабыв.

— Уж не желаешь ли опять попробовать привести Псков под руку Николая.

— А зачем ему Псков? — Вздернула бровь, Лиза, и ввернулась под руку Ивана. — Ну будет у него верный и надежный союзник, Великое княжество Псковское. Что он от того теряет?

— Великое княжество Псковское?

— А ты сам разве не о том говорил?

— Я? Хм. Ну, название в конце концов не главное. Вот только...

— Говори.

— В общем, я не стану тебе помогать взять всю полноту власти в свои руки. Сейчас у тебя прав конечно же до смешного мало, и это только во вред. Но грань будет. И не так чтобы далеко.

— Объяснишь?

— Конечно. По моему глубокому убеждению самодержавие, это отличная модель. Просто превосходная. Но только в том случае, если на троне восседает мудрый, прозорливый, жесткий и волевой правитель. В этом случае государство просто обречено на процветание или взлет. Но стоит только на престоле оказаться личности слабой, как все сразу же пойдет прахом. А значит, государство попросту обречено на беспрестанные взлеты и падения.

— Значит вече или сейм, лучше? Потому что не дают этой самой власти?

— А ты не закипай.

— А я не закипаю. Я спрашиваю. Эвон, тетушка сказывала, что к тебе не грех порой и прислушаться, а не отвергать сходу, и не хватать твои идеи по вершкам.

— Она действительно так сказала?

— Ива-ан... — Лиза даже выскользнула из под его руки, и бросила на него возмущенный взгляд.

— Что? Да брось ты. Я просто спросил. Потому что мне она всегда говорила, чтобы я не лез в те дела, в коих ни ухом, ни рылом, и вообще мое место только в постели. Правда. Вот честное слово, — искренне заверил он, разве только без характерных жестов.

— Ладно, — легко согласилась молодая женщина, и вновь пристроилась у него на груди, оплетя себя его руками.

Лицо Карпова, скривившееся в этот момент от боли она не видела. Ну и он не стал напоминать ей об огромном синяке на его груди, что говорится, ни криком, ни вздохом. Над этой его раной она уже достаточно поквохтала, и пожалела, и расцеловала, словно могла и впрямь этим снять боль. Хм. Ну, снять, не снять, за заставить забыть о ней, у нее получалось. Хорошо так, качественно.

— Так что там с вече? — Потершись щекой о его руку, поинтересовалась она.

— Вече должно иметь возможность влиять на решения князя. Князь же в свою очередь, возможность эти самые решения принимать.

— То есть, то что ты с Пятницким уже начал? Ну когда провел через вече решение о возможности моего обращения к нему через своего посадника?

— Да. Это начало. Причем, я не ожидал вот такой легкой победы. Сказалось то, что ты из рода Рюриковичей.

— А еще то, что ты сделал очень много, дабы поднять мой авторитет в глазах псковичей.

— Надеюсь ты не думаешь?.. — Нервно сглотнув, начал было и осекся Иван.

— О твоей причастности к смерти мужа? Нет конечно. Нет, поначалу такая крамольная мысль все же была. Уж больно все, одно к одному. Но теперь... Прости меня Ваня, — задрал голову, и глядя ему прям в глаза, попросила она.

— Ага. То есть, не за что мне тебя прощать. Разве только благодарить, что не бросилась сразу мстить, а сначала разобралась.

— Ваня, а зачем ты меня позвал в Нарву? Ты же вроде говорил о том, что это только твой конфликт, и ты в помощи не нуждаешься.

— То есть, не позвал ли я тебя, чтобы затащить к себе в постель?

— А что?

— Ага. Ловко получается. А для вящего эффекта еще и бомбу перед собой взорвал.

— А что? Это ход.

— Издеваешься?

— Нет. Просто действительно пытаюсь понять, и ничего путного на ум не идет.

— Я заметил. Только о беспутном и думаешь, — не удержавшись, фыркнул он.

— Не станешь отвечать серьезно, отучу от тела, — противореча себе и еще крепче прижимая к своей груди руки Ивана, мстительно произнесла она.

— Навсегда?

— Там видно будет, — уклончиво ответила она.

— Не. Я и на день не согласен, — возмущенно заявил он.

— Тогда, говори.

— Да говорить-то не о чем. И уж прости, но вот ей богу, если бы ты

пребывала в душевном спокойствии, то таких глупых вопросов не задавала.

— То есть... — Догадалась она.

— Именно, Лиза. Именно. Ну кто я такой, чтобы со мной вел переговоры король Швеции. Дворянин в первом поколении? Нет, сам-то я к себе со всем уважением, и никому не позволю о себя вытирать ноги. Но... Силу Пскова я показал. Теперь пришла пора договариваться. И представительница рода Рюриковичей, княгиня занимающая Псковский стол, для этого подходит лучше всего. Мне не нужны псковские дружины и полки ополчения. Но мне нужен вес твоего имени. А для этого ты должна быть в Нарве.

— А как же остальное? Оно тебе уже не нужно?

— А одно другое не исключает, — целуя ее в темечко, возразил он.

— А с чего ты взял, что Карл станет с нами договариваться? — Вновь потершись о его руку, поинтересовалась она.

— Ну, я отправил в море свою эскадру.

— Четыре бригадины, построенные из сырого леса? — Весело фыркнула она.

— Воевать можно и на таких.

— Воевать? С кем? У Карла сорок два линейных корабля, дюжина фрегатов, да множество галер. С кем ты собрался воевать?

— Ты забыла упомянуть о почти восьмистах торговых судов.

— А они-то тут при чем?

— При том, что это добыча. Думаешь казачки к нам припожаловали вот так, по долгу чести драться? Они каперы. Несколько лет тем делом пробавлялись в Русском море. И коль скоро там замирение вышло, теперь решили поохотиться на Балтике.

— Ну и кто им позволит охотиться? Я ведь тебе толкую о военном флоте.

— Подумаешь, флот. А мы его пожжем.

— Вот так просто?

— А чего усложнять? Дерпт же пожгли. Вот и флот пожжем. Для начала, частично. А не договоримся, так и полностью. Оно конечно нам в копеечку станет. Уж больно дорогой припас у меня выходит. Но не беда. Шведам это точно в рубли выльется.

— Хм. Знаешь, а я отчего-то в этом не сомневаюсь.

— И правильно делаешь. Ладно, пора вставать.

— Так-таки и пора? — Повела она пальчиком по его руке.

— Кхм. Только если быстро, — вроде как и сдаваясь, но все же выдвигая условие, ответил Ивана, и сразу же пояснил. — В госпиталь

побегу.

Нет, понятно, что достаточно вызвать верного денщика Данилу, как тот даже не бегая в госпиталь сразу же выдаст практически исчерпывающую картину. Вот только она будет далеко не полной. Иван же искренне переживал за брата, который за эти годы успел стать ему по настоящему родным.

— Быстро не хочу. Обожду уж до вечера. Не все же нам в постели кувыраться. Иди к брату. Ну и я пойду. С городскими делами кто разбирался? Или взяли на штык, и рады радешеньки?

— Зачем же. Лично я еще не влезал в этот вопрос, но приказчик мой в ратуше крепко обосновался, с парой помощников и под приглядом Кузьмы Платоновича.

— Это того, что всеми тайными делами ведает?

— Его.

— Ну что же тогда пойду гляну, чего они там наворотили, а там глядишь и умного чего подскажу.

— А ты не подсказывай. Бери бразды в свои руки. Я Кузьме Платоновича извещу.

— Доверяешь?

— Смеешься? Да ты в том деле и меня и моих людей поучишь. Нешто слепой, не видел тебя в деле.

— А не по судной грамоте, ить. Не имею я права в дела управления лезть.

— То на Псковской земле. А Нарва пока только в моем ведении, и к Пскову касательства не имеет.

— Ладно. Тогда, ты в госпиталь, а я в ратушу.

— Только не на всю ночь, — спохватился Иван.

— Ну, это как пойдет, — лукаво усмехнулась она.

— Никак не пойдет. Сам за тобой приду, — решительно рубанул он, поднимаясь с постели.

* * *

Господи, ну сколько можно стоять на якорях? И ладно бы в порту. Это даже приветствуется, потому как там можно и выпить и девок пощупать. А что прикажете делать здесь? Подыхать со скуки? Демин тяжело вздохнул, и бросил взгляд окрест. Вокруг одна только вода, ясное небо и легкая волна. Только одно и хорошо. При солнечном дне, и относительно безветрии, не

жарко, а скорее тепло и от воды веет свежестью. В Русском бы море, уже изрядно так припекало.

— Атаман, вижу паруса на западе!

С одной стороны, голос наблюдателя с марсовой площадки, пролился бальзамом. С другой, к сожалению это далеко не первые паруса, обнаруженные ими за последние дни. Вот только, все это было не то. В смысле, он бы с удовольствием поохотился на жирных каплунов, и доставил бы их в Нижнюю Нарву. Так не мудрствуя лукаво, Карпов назвал гавань в устье реки. Ломать язык повторяя шведское название ему никак не хотелось. Да и правильно. А то ведь и им бедолагам пришлось бы повторять его.

Вот только стоит появиться там с добычей, как сразу же заполучишь себе проблемы. С норовом Карпова Демин был хорошо знаком еще по Керчи. У него не забалуешь. И задачу он поставил совершенно определенную, встретить шведскую военную эскадру и разбить ее.

От подобного нахальства, у Игната даже дух захватывало. Нет, было дело, он на своем струге брал на абордаж турецкую галеру. Случилось и позже, на такой же вот бригантине, выходить против фрегата. Не свезло тогда османам. Как впрочем и казачкам. Сшибка вышла знатной.

Как результат, избитая бригантина едва доковыляла до Керчи, и встала на долгий ремонт. А привязавшийся к ним как банный лист турок, запылал ярким костром, посреди водной глади. У бедолаг каким-то образом случился пожар. Возможно, одно из ядер развалило затопленную корабельную печь. Во всяком случае, пожар начался с носа корабля. Ну, а дальше... Дурная команда была на том фрегате, что тут еще скажешь. И корабль не спасли, и сами посреди моря остались.

Но тут-то нужно было в одиночку напасть на десяток судов. Даже с учетом того, что военных среди них было только два, нужно было иметь изрядное нахальство, чтобы атаковать их четырьмя бригантинами. Как ни как линейный корабль и фрегат. Да и транспорты очень даже могли огрызнуться.

Если смотреть на этот вопрос исходя из сегодняшних реалий, то это вроде как было сумасшествием. Но стоило припомнить, что именно за снаряды были на вооружении отряда Демина. Да какими пушками вооружена «Ласточка», как картина уже не выглядела столь уж безнадежной. Да и на остальных кораблях дела обстояли куда как хорошо и с наведением орудий, и со скоростью перезарядки.

Против одного шведского залпа они смело могли ответить чуть не десятком своих. Что при более высокой точности стрельбы, уже давало

преимущество. Добавить сюда высокие борта противника, зажигательные снаряды. Видел он как оно бывает, когда такие снаряды бьют в цель. На озере расстреляли парочку стареньких, полусгнивших морских ладей. А вернее, сожгли. Потому как в воды озера опускались пылающие факелы.

Причем, в некоторых местах продолжало гореть и под водой. Это он лично наблюдал, подойдя вместе с Карповым на лодке к месту гибели ладьи. Греческий огонь. Хм. А ведь помнится, поговаривали, что царь отказался от этой задумки. Или боярин как всегда слукавил, и кое-что утаил от царя? Очень может быть. Понаслушался Демин в последнее время о нем.

Ну и паровую машину не стоит сбрасывать со счетов. Игнат успел убедиться в том, насколько эта новинка может быть полезной. Это же просто уму непостижимо, какой открывался перед ним простор, при отсутствии зависимости от ветра. К тому же, машина была в силах тянуть за собой и остальные три бригантины.

— Поднять якоря. Движемся навстречу парусам, — решительно отдал приказ атаман.

А чего тут стоять. Даже если это не те, кого они ожидают, пусть команда хоть малость потрясет задами. Все полезно. Самый страшный враг на корабле, это скука. И толковый командир никогда не позволит своим подчиненным скучать. Чтобы не завилась никакая хандра, тут же затеет какую приборку, или починку.

К примеру все четыре бригантины в отряде Демина, блестели на солнце всеми медяшками. На железе не было ни пятнышка ржавчины. Палубы отскоблены до белизны, и отполированы, куда там самым лучшим краснодеревщикам. Все щеголяют в чистой одежде, стираной и перестиранной не единожды. Ничего не сносится. Главное, чтобы в голове какие тараканы не завелись.

Шли без машин, лавируя против ветра. Все же запас рабочего ресурса оставлял желать лучшего, и машина требовала частого обслуживания. Топлива опять же, не бездонные запасы. Так что, она только для боя, ну или чтобы подняться против течения реки, коли возникнет такая потребность.

В крайнем случае, ее запустят, чтобы не застаивалась. Вот сейчас к примеру кочегары разводят пары, потому как мало ли как оно все обернется. А как не случится бой, так чего попусту стравливать пар, лучше уж запустить машину, да пройти с ветерком.

Признаться, Демину настолько понравилась новинка, что он всерьез подумывал, как бы не возвращать «Ласточку» Карпову, а выторговать себе. Хм. И вместе с пушками. Уж больно они хороши. Настолько, что ничего

подобного он никогда не видел. А вот насчет того, чтобы угнать кораблик, мысли в его голове не было и в помине. За боярином уж закрепилась дурная слава, и шутить с ним особого желания не было.

— Атаман, это шведы! — Через час вновь послышался голос наблюдателя.

Эка, удивил. Да тут почитай каждый корабль шведский. Считай все побережье Финского залива принадлежит шведам. Только небольшой участок между устьями Невы и Нарвы, контролируется новгородцами и псковичами. Да и то, Пскову покоя не давал город Нарва, с его пушками и наглостью шведов. Новгороду жилось не слаще, из-за крепости на острове Котлин, благодаря чему, шведы могли перехватывать любые их суда. Что порой и практиковали, ввиду отсутствия у новгородцев военно-морского флота, и желания драться со Швецией.

— Что за шведы? — Задрал голову, поинтересовался Демин.

— Да похоже те самые, которых мы ждем. Большие корабли. А один так и вовсе, пушки в три палубы.

Ага. Это явно линейный корабль. Даже если не десант, согласно приказа боярина, их цель военные корабли. Хм. Кто бы ему раньше сказал, что он будет специально охотиться за военными кораблями, так он не то что не поверил бы, а рассмеялся. Ну какой прок от этого, кроме неприятностей? Но сегодня все иначе.

Карпов не только предоставлял им бесплатно корабли, но и брал на себя их оснащение, снаряжение, вооружение и ремонт. Кроме того укомплектовывал команды специалистами которых не было, да и не могло быть у казаков. За каждый уничтоженный линейный корабль была назначена премия в три тысячи рублей. Фрегат стоил две тысячи, галера тысячу. Это не считая призовых судов.

Если вот эти окажутся отрядом с экспедиционным корпусом, то каждый транспорт Карпов оценивает как фрегат. Словом, есть резон нападать и уничтожать шведские военные корабли. Несмотря на зажигательные снаряды, конечно рискованно. Но риск, вот уже два с лишним десятка лет является вечной составляющей жизни Демина, как и всех остальных казаков. Так что, отличные условия. Да чего уж там, положи руку на сердце, и за куда меньшее приходилось рисковать своей шкурой.

— Сигнальщик, передай на корабли. Приготовиться к буксировке. Ерема.

— Тут я, атаман, — отозвался помощник.

— Заводи трос.

— Понял.

Сигнальщик подхватил треногу, с установленным на нем большим фонарем. Пристроил на корме, поджег карбидку, и резво защелкал шторками, передавая световой сигнал. Ничего подобного ни на одном из флотов не было и в помине. Демин знал это точно, потому как общался с бывалыми моряками накоротке. А вот у Карпова было.

Игнат даже слышал, что тот собирается ставить целый ряд деревянных башен с вот такими сигнальными фонарями. Чтобы значит послания разные передавать. И эти сигнальщики, кстати, именно для этого и готовились. Только мало их пока. Не больше десятка. Вот восемь из них как раз на кораблях отряда сейчас и обретаются. Где еще двое, атаман понятия не имел.

Да и не интересно это ему. Главное, что вот сейчас, наличие этих самых сигнальщиков ему очень даже на руку. Потому как значительно упрощает управление несколькими кораблями. И сигнал этот, благодаря зеркалам видно хорошо даже в солнечную погоду.

Как только все суда оказались на сцепке, запустили машину. Не сказать, что отряд понесся по волнам. Но скорость возросла чуть не втрое от прежнего. Ну и не нужно лавировать, ловя парусами ветер. А это как ни крути, долой лишние версты. Хорошая штука эта машина, чего уж там.

Это были именно те, кого они поджидали в заливе уже несколько дней. Ошибки никакой. Головным шел линейный корабль. Фрегат замыкал кильватерную колонну. Транспорты посредине.

Демин повел свой отряд встречным курсом, на расстоянии полуверсты от противника. Так было безопаснее. Даже если и случатся попадания, то будет их не так чтобы и много. Бригантины слишком малая цель, чтобы в нее можно было вот так запросто попасть, да еще и при незначительном количестве знающих пушкарей. А вот у казаков с пушками обращаться умели.

— Сигнальщик, передай, по отряду. Всем огонь по головному. Петр, слышал?

— Слышал атаман, — отозвался старший канонир, который был буквально влюблен в новые орудия.

— Тогда огонь по готовности. Машина, средний ход, — это уже в трубу, тянущуюся в утробу бригантины.

Незачем так уж быстро проскакивать мимо шведов. Оно конечно, стоит отпустить отряд с привязи, и тогда они и сами смогут держать такую же скорость. Но... Это значит поставить себя в зависимость от ветра и придерживаться связанных с ним незыблемых правил. Или воспротивиться

им, потерять ветер и фактически отдаться на волю противника.

Ведя остальных на буксире, конечно особо не по маневрируешь. Потому как движешься с грацией эдакого бегемота. Но зато, можно действовать с неожиданных направлений, и вообще иметь скорость большую чем у конвоя.

Орудия рявкнули практически одновременно, и Демин вскинул подзорную трубу. Дым быстро отнесло в сторону, и обзору ничего не мешало. Из пяти снарядов три прошли мимо, это он видел по всплескам. Четвертый ушел неизвестно куда. Может перелетел и упал в море скрыты от взоров корпусом корабля.

Наблюдал он только одно попадание, в борт. Снаряд проник во внутрь корабля, и если не отказал детонатор, взорвался внутри. Отчего такая уверенность? Так ведь видел, на что способен снаряд из нарезного орудия. Наращенные толстые борта линейных кораблей на таком расстоянии способны противостоять даже двадцатичетырехфунтовым ядрам. Вот только против этих пушек им не выстоять. Пробитие гарантированное.

А вот о четырехфунтовках остальных бригаantin этого уже не скажешь. Вроде и калибр тот же, и снаряд по характеристикам очень даже похож. Разве только внешне отличается, имея оперение. И тем не менее, гладкий ствол, он и есть гладкий. А потому пробить толстый борт эти снаряды не в состоянии.

Но это вовсе не значит и то, что они отскакивают от бортов. Вовсе нет. Они вязнут в них. Детонаторы срабатывают, корпус раскалывается греческий огонь воспламеняется. И вот эти попадания своей коварностью не менее опасны, чем проникшие за обшивку. Потому что гореть начинает изнутри, а затем огонь вырывается наружу. И погасить такое пламя попросту нереально. Игнат как раз наблюдал три таких попадания.

Повторный залп с «Ласточки». И снова три промаха. Хм. И ни одного попадания. Ну в смысле, это атаман их не видит. Впрочем, ничего удивительного. Если другие снаряды рвутся прямо в бортах и пускают облачка порохового дыма, или как вон там, струящееся жидкое пламя, то снаряд из нарезного орудия подобных признаков не подает.

Но промахи-то видны отчетливо. А мазать из таких пушек, с такого расстояния и по такой большой мишени...

— Петр, раскудрить твою через коромысло! Вы что там окосели!?

— Так качка, Игнат Борисыч, — явно чувствуя за собой вину, и обращаясь к атаману по имени отчеству, оправдывался главный канонир.

— Ты мне давай не гундось. Точно в цель бей. Эвон сколько еще кораблей. Эдак никаких снарядов не напасешься.

— Слушаюсь.

То ли Петр и его пушкарки вняли словам атамана, то ли так удачно совпало. Да только следующий залп оказался на диво. В смысле, Демин по отлетевшей щепе приметил только одно попадание. Но и всплеском ни одного не наблюдал. А там вдогонку гавкнули и пушки остального отряда. И снова несколько, явно различимых попадания.

Хм. А ведь горит швед! Как есть горит! Эвон как по палубе мечутся. А вот и первые языки пламени, уже над палубой. И борт очень даже споро так разгорается. В оптику видно, как пытаются сбить пламя тугой струей из брандспойта, да только бесполезно. Этот огонь ничем не погасить, пока он сам не прогорит.

И ведь ни единого ответного выстрела. Не ожидали, что в этих водах им хоть кто-то может угрожать, вот и не изготовили к бою свои пушки. А их не так чтобы и просто зарядить. Это Карпов устроил все так, чтобы в угоду удобству, и наплевав на все остальное. Опять же, и пушек на борту не так чтобы и много, а потому и простор.

— Сигнальщик. Передать приказ, перенести огонь на следующий корабль.

Залп со стороны шведов наконец прозвучал, только когда запылал второй корабль. Один из транспортов. Расстояние для точной стрельбы обычными ядрами слишком. Но тем не менее, одно из ядер ударило в борт, заставив суденышко вздрогнуть.

Фрегат вывалился из общего строя, и двинулся на сближение с нападающими. Судя по тому, что видел Демин, это двадцатипушечный красавец, никак не меньше. И он представлял собой серьезную опасность. Похоже все же придется предоставлять бригаантины самим себе.

Линейный корабль жарко пылал, превратившись в огромный костер, и от него отвалили несколько шлюпок. Явно не все, из имевшихся на борту. Разбушевавшийся пожар не позволял воспользоваться всеми плавсредствами. Впрочем, их все одно не хватило бы на всю команду. Люди прыгали за борт, в холодную балтийскую воду. Сомнительно, чтобы кто-то из них смог спастись без посторонней помощи. А помощи не будет. Уж казаки-то об этом позаботятся.

— Сигнальщик. Передать по отряду, двигаться по способности. Цель следующий транспорт. Командование передаю Агапу.

Пришлось обождать пока атаманы на других кораблях осознают приказ, и поднимут паруса. Вот так просто обрубить буксировочный трос не получится. И дело тут не в бережливости. Просто корабли могут лишиться хода, а то и вовсе столкнуться. Что в условиях боя, пусть и при

таком серьезном преимуществе, весьма нежелательно.

Пока корабли расцеплялись, успели поджечь третий транспорт, и Игнат отдал приказ сосредоточить огонь на следующем. Сам же двинул «Ласточку» навстречу фрегату. Паровая бригантина быстро набирала ход, взбивая воду гребными колесами. Атаман старался удерживать свой корабль под неудобным для шведа углом, дабы не дать ему произвести бортовой залп. Кто его знает, что там у него за пушкари, и насколько он удачлив. Так что, лучше держаться в сторонке. Ну и гвоздить в него один снаряд за другим.

Швед все же извернулся и произвел залп. Опытный капитан, что тут скажешь. И канониры у него не лаптем щи хлебают. Из десяти двадцатичетырехфунтовых ядер посланных в бригантину, в цель попали три. Появилась подводная пробоина, под которую спешно подводили пластырь.

Убило двух казаков и одного сигнальщика. Именно эта потеря вызвала и Игната оскомину. Карпов особо обращал внимание на то, чтобы с приданных казакам спецов не упало ни волоска. Ну да бой он и есть бой, что тут скажешь. С другой стороны, старый казак всегда относился с уважением к тем, кто обладал полезными знаниями и навыками. В особенности, если сам он этого не умел. А от сигнальщиков с их фонарями польза есть. Еще какая польза!

Машина и гребные колеса слава богу не пострадали, а потому удерживать пароход со стороны разряженного борта оказалось не так чтобы и трудно. Хм. Как впрочем и недолго. Из фрегата привычный костер не получился. Едва только стало возможным рассмотреть открытое пламя, как фрегат окутался огромным молочно белым облаком порохового дыма, и исчез из видимости. Не иначе как огонь добрался до крюйт-камеры^[31].

Покончив с противником, Демин наконец смог осмотреться. Ага. Агап действует просто на загляденье. Транспорты это не линейные корабли, а потому и борта у них самые обычные. Снаряды из гладкоствольных пушек без труда прошивали обшивку, вызывая пожары внутри. А потому, к тому моменту, когда «Ласточка» покончила с фрегатом, отряд успел поджечь еще один транспорт, и теперь занялся следующим.

Шведы как видно наконец сообразили, что самое лучшее это спастись бегством. В настоящий момент конвой распался, и начал уходить врассыпную. Вот только бесполезно это. Во-первых, бригантины куда легче, и обладают больше скоростью и маневренностью. Во-вторых, у казаков есть такой козырь, как «Ласточка», соревноваться с которой могла

не просто только бригантина, но еще и при попутном ветре. Впрочем, даже в этом случае сопернику ничего не светило, потому как у «Ласточки» так же имелись паруса.

Приказал Петру сосредоточить огонь на одном из кораблей, а сам тем временем решил осмотреться. Карпов говорил о том, что скорее всего с этим конвоем будет двигаться и молодой шведский король. Оно конечно, тот вроде как должен был быть на линейном корабле, как на самом мощном. Но вот к примеру Николай, ничуть не чурался и на казачьем струге пройтись. Карл же даже помоложе Рюриковича будет.

Вот только если он был на фрегате, то... Царствие ему небесное, одним словом. Игнат в трубу не рассмотрел ни одного бедолагу, спасшегося с взорвавшегося корабля. А вот если король был на линейном корабле.

Демин сразу же сосредоточил свое внимание на баркасе, ходко шедшего к берегу Лифляндии. Его гафельный парус и косой кливер вздувались под напором не такого уж и сильного ветра. Сам баркас буквально нессся по волнам. Ну где еще может быть король, как не на самом надежном и быстроходном суденышке.

Та-ак. Похоже есть. Вон тот юнец устроившийся на корме. Стоит во весь рост, обернувшись лицом к погибающему конвою. Король, а кто же еще, не юнга же, впечатывает в себя память о разгроме. И наверняка сейчас прокликает нападавших и обещает отомстить. И если, он и впрямь так хорош, как о нем говорил Карпов, то наверняка делает это молча, с каменным выражением лица.

Ну да, может и отомстит. Но точно не сегодня. Потому как Игнат отпускать из рук улыбку Авося не намерен. Бог весть, какой именно будет награда за пленение короля. Но уж не копеечной, это точно. Не тот человек Карпов, чтобы деньгу зажимать. А там может и не деньгами можно будет взять. Атаман, вожденным взглядом осмотрел бригантину. Ну вот нравился ему этот корабль, и все тут.

— Сигнальщик, передай Агапу, чтобы продолжал бить конвой, а мы идем за королем.

— Слушаюсь.

— Кормчий, право на борт. Держи вон на тот баркас.

— Слушаюсь.

Не-эт. Не уйдет добыча. До берега слишком далеко. Если только машина не подведет. А она не должна. Недавно перебирали, и машинист заверил, что она в полном порядке.

Лиза остановилась на мгновение перед дверью. Расправила плечи, приосанилась, хотя казалось бы, дальше некуда. Слегка повела подбородком, словно на что-то решаясь, и подала знак дворецкому, который с достоинством, без спешки, растворил перед ней двери. Княгиня столь же степенно ступила в просторный кабинет, который некогда занимал бургомистр Нарвы.

Стоявший у окна молодой человек отвел свой взгляд от окна, через которое взирал на еще недавно свой город, и обернулся на звук. Высок, строен, или даже худощав, красив, с высоким лбом. Да в плену. Но полон собственного достоинства, взгляд выражает не просто упрямство, но острый ум и стальную волю. Юношеская горячность? Таковая наличествует. Но ее не так много, как могло показаться. А вот самоуверенности, сколько угодно. Ну и как прикажете с ним договариваться?

— Здравствуйте, ваше величество, — приложив ладонь к груди, Лиза изобразила любезный поклон.

Хватит с него и этого. Она не собирается лебезить перед этим мальчишкой, пусть у него за спиной и стоит сильная империя. А чем же еще может являться королевство Швеция? Но правда в том, что этот гордый король, сейчас находится в плену. И лучше бы ему это побыстрее уяснить.

— Здравствуйте, ваше высочество, — и тоже любезный поклон.

Ого. А мальчику претит беседовать с великой княгиней, и уж тем более княгиней Псковской. С представительницей царского рода, и никак иначе. Ладно. Что в лоб, что по лбу, разница не велика. Важен только результат, и именно на него сейчас и нужно работать Тут Иван совершенно прав.

— Достаточно ли комфортны условия вашего содержания?

И не стреляй своими глазками. Поду-умаешь напомнили тебе о том, что ты находишься в плену. А ты не держи себя так, словно весь мир крутится вокруг твоей персоны, глядишь и горькими настойками никто потчевать не будет.

— Коль скоро вы сами заговорили на эту тему, то я хотел бы высказать свое неудовольствие тем, что мне было отказано в желании разместиться вместе с моими офицерами. Я солдат, а потому, тот комфорт которым меня окружили считаю излишним.

Солдат. Мальчишка ты, а не солдат. Но опять же, если верить Ивану, его сублильное сложение обманчиво, потому как король весьма вынослив.

Возраст же легко введет в заблуждение его конкурентов.

Нет, Карпов вовсе не помнил всех тонкостей исторических событий и личности Карла Двенадцатого в частности. Но коль скоро этот человек умудрился оставить яркий след в истории, причем не своим сумасбродством, то личностью он был действительно выдающейся. И именно на это обстоятельство он и указал Лизе.

— Уж простите, ваше величество, но позвольте мне считать вашу претензию неуместной. И если иных нареканий нет, позвольте я перейду к делу?

— Извольте.

— Итак, ваше величество, между Псковом и Швецией произошло досадное недоразумение.

— Недоразумение? Вы хотели сказать, подлое нападение на шведские города и селения, — громко, и четко, словно вколачивая гвозди, произнес король.

— Ваше величество, не стоит так повышать голос. Я прекрасно слышу, шепчи вы хоть из самого дальнего угла.

Совершенно спокойно осадил молодого короля Лиза. Потом подошла к столу, взяла кувшин.

— Вина? — Не получив никакого ответа, наполнила немного рубиновой жидкости в кубок, и неспешно отпила глоток. — Я бы не хотела, чтобы наш разговор свелся к взаимным обвинениям. На каждый ваш аргумент найдутся мои, и так будет продолжаться до бесконечности, потому что у каждого из нас своя правда. Да, мы захватили Нарву, сожгли Дерпт, разграбили какую-то часть усадеб шведских помещиков, наголову разбили сводный корпус полковника Магнуссона, сожгли десять шведских кораблей, а сейчас казаки с псковскими патентами на руках охотятся за шведскими торговцами. Пока в Финском заливе. Но скоро им станет тут тесно, и они вырвутся на простор Балтики.

Лиза говорила это глядя в окно, выходящее на городскую площадь. Потом отпила еще глоток вина. Подошла к столу, и поставив кубок, посмотрела в глаза Карлу.

— Это ваша правда, ваше величество. Наша заключается в том, что еще в прошлом году вы усилили гарнизоны Дерпта, Ревеля и Нарвы. В Швеции с ранней весны готовилась эскадра и экспедиционный корпус, для переброски в Лифляндию, с целью нападения на Псков. Ваш посол в Новгороде сделал все возможное, дабы отрезать войска моего брата от союзного Москве Пскова. Столь же усилено старался и посол в Варшаве, дабы не допустить прохода русской армии на помощь своему союзнику. В

Нарве и Дерпте были захвачены наши купцы, по совершенно надуманным обвинениям. Я сейчас не буду с вами препираться по этому поводу и играть словами. Вы знаете и я знаю, что Швеция еще к началу осени собиралась покончить с Псковом, и включить эти земли в состав королевства. Но главное, это захватить Замятлино с его заводами и мануфактурами. И что немаловажно, мастерами. Вы действительно полагали, что я буду просто так на это взирать?

— То есть, заяви я о том, что собирался провести в Лифляндии большие маневры, это было бы напрасным сотрясанием воздуха?

— Карл, тут никого. Только мы вдвоем. К чему эта игра? Вы хотели выиграть, но проиграли. Так примите это, и пойдем дальше, — слегка разведя руками, произнесла Лиза.

— Я проиграл? Да я еще даже не начинал партию? — Вскинув подбородок, заявил молодой человек.

— Лично вы уже проиграли, и находитесь в плену, — пожав плечами, возразила она.

— Я, это всего лишь я. Но в противостоянии со Швецией Пскову не выстоять. И пленение короля вам не поможет.

— Ну, тогда возможно поможет Швеции, — мило улыбнувшись, возразила Лиза. — Один полк. Боярин Карпов вывел только один полк. И как результат, Швеция лишилась двух городов и более семи тысяч солдат. А что будет когда он выведет еще парочку? Какая вам потребуется армия, чтобы сокрушить эти три полка? И заметьте, ваши солдаты еще не прочувствовали всех прелестей, свалившихся на голову шляхтичей, решивших пожить в Замятлино.

— Боюсь, что вы блефуете, — покачав головой, возразил король. — Снаряды, используемые вашей артиллерией, не могут быть дешевыми, но даже Испания, выкачивающая золото из заокеанских колоний, не может себе позволить столь расточительную войну. Нарезные мушкеты, слишком дороги в изготовлении и оно требует большого времени. А значит их попросту не может быть столь запредельно много. Население Пскова не превышает шестидесяти тысяч человек, в то время, как шведская армия мирного времени насчитывает как раз шестьдесят тысяч. Повторяю. Вы блефуете, и у Пскова нет шансов выстоять против Швеции.

— Возможно, — легко согласилась Лиза.

Слишком легко, что не могло не насторожить короля. Карпов. Эта темная лошадка была способна преподносить сюрпризы. Эта же сучка, всегда была его любовницей. А значит, они за одно.

— Итак, я блефую, — между тем продолжала развивать свою мысль

Лиза. — Но вы сами были свидетелем тому, как ярко пылали шведские корабли при встрече с нашими, всего лишь бригантинами.

— Зажигательные снаряды, начиненные греческим огнем. Бесчестное оружие, от которого отказался ваш брат, человек несомненно благородный, и не лишенный чести.

— Но для начала, мой братец с помощью этого самого греческого огня, уничтожил турецкий флот. Впрочем, оставим это. Неужели вы думаете, что мы и впрямь станем сомневаться, жечь ваши корабли, или честно выйти сражаться грудь в грудь? Итак, мы имеем реальную возможность серьезно ослабить шведский флот. К вашему сведению, за каждый уничтоженный корабль казакам назначена награда, и отряд атамана Демина, сейчас вышел в море на охоту. Итак, ослабление вашего флота, тут же выводит на доминирующие позиции Данию. Сдается у вашего кузена Фредерика предостаточно претензий к Швеции. У короля польского, найдутся притязания в Лифляндии. Как впрочем хватает противоречий и у Саксонии с Норвегией. А там, и ваш сегодняшний союзник Новгород, повернется как флюгер на ветру. Готова Швеция к такой войне? Карл, я открою вам большой секрет, в этом мире не любят успешных, сильных, смелых, умных и богатых. Любое из этих качеств порождает завистников готовых на многое. А добавить сюда еще и шведскую заносчивость и жажду доминировать над всеми, так в злопыхателях не будет отбою.

— И как же быть тогда с Псковом, который стремительно богатеет?

— А вот это, ваше величество, оставьте нам. Лучше думайте о Швеции.

— И что вы предлагаете?

— Скажем так, признать произошедшее Нарвским инцидентом. Заключить договор, согласно которому Пскову отойдет территория в радиусе тридцати верст от города Нарвы, и полоса в двенадцать верст, по всей протяженности реки. Ну и далее пункты о торговых соглашениях, которые будут несомненно выгодны как Швеции, так и Пскову. Я сейчас не пытаюсь лукавить, ваше величество...

С переговоров, длившихся несколько часов кряду, Лиза вернулась усталой и выжатой как лимон. Карл оказался сведущ далеко не только в делах военных. Ему не были чужды знания и в области торговли, и в экономике, и в политических раскладах он был не таким уж восторженным юнцом. И бился он над каждым пунктом. Что в общем-то понятно, ведь на кону был престиж Швеции.

— Ну как ты, девочка моя? — Присаживаясь и прижимая ее к себе, поинтересовался Иван.

— Устала, спасу нет. Этот мальчик... О-о-о, Европа даже не подозревает какой монстр явился свету в его лице. И кстати, нам он своего позора не простит. Договор, который мы подпишем завтра, это всего лишь отсрочка.

— Я в этом и не сомневаюсь. Но даже год отсрочки, это уже много. Если же нам удастся отыграть два, то будет просто замечательно.

— Ты так говоришь, словно уверен в победе, хотя и говорил со мной о великих тяготах.

— Да я не сомневаюсь в победе. Случись война прямо сейчас, и то Карл остался бы с носом.

— И что же тебя смущает, коль скоро ты решил отсрочить ее начало?

— Только одно. Начнись война сегодня, и она длилась бы долго, и обошлась бы дорого. И крови стоила бы большой. А оно нам надо.

— А через год значит, все будет быстрее?

— Лучше через два. И да, быстрее и дешевле.

— Кстати, Карл не остался равнодушным к моим женским чарам. Не скажу, что это хоть в чем-то помогло в ходе переговоров, но-о-о... — Игриво стрельнув взглядом в Карпова, многозначительно потянула она.

— Он пытался за тобой ухаживать?

— Для того, чтобы женщина поняла, что она не безразлична мужчине, ему вовсе нет необходимости предпринимать активные шаги.

— Помнится, кое-кто ошибся в отношении одного стрельца, рассмотрев то, чего и в помине не было, — с явной иронией, мстительно возразил он, сам не зная с чего собственно заводится.

— Просто тогда кое-кто рассмотрел то, чего тот истукан сам в себе узреть не смог, — с легкостью парировала она.

— Ой ли?

— Мы вместе. И не далее как сегодня утром ты божился мне в любви. Врал? — Склонив голову на бок, возмущенно поинтересовалась она.

— Нет, — тут же поспешно сдался Иван, привлекая ее к себе.

Но все же, оставлять за ней последнее слово как-то не хотелось. Назовите это ребячеством, желанием доминировать над женщиной и еще бог весть как. Но вот не хотелось и все тут.

— Вот вызовет тебя братец, и объявит, что интересы Русского царства требуют, дабы ты вышла замуж за Карла. И что ты будешь делать?

— Да он много моложе меня, — фыркнула женщина

— Ну не так уж и на много.

— У меня дети.

— Кого это остановит. Случались подобные прецеденты. А ты

привыкла блюсти интересы Русского царства.

— Ну значит ходу мне отсюда нет. И долг мой отныне только с Псковом связан, — глядя в глаза Ивана, с самым серьезным видом заявила она.

— Хм. Стало быть, нашли мы друг друга. Потому как и я себя без Пскова уж не зрю, — жизнерадостно произнес он, а потом под женский игривый визг повалил свою ладу на постель...

Эпилог

— Вижу доволен, аки кот, умявший крынку сметаны, — пряча ухмылку в бороде, заметил Пятницкий.

Прежде чем ответить, Иван поднял воротник, прячась от противной мороси, и обходя небольшую лужу. Оно бы вече в иной день провести, да весна выдалась холодной, и дождливой. Поди выбери погожий день, коли тут разверзлись хляби небесные. Серьезных же вопросов, требующих решения общего веча, было в избытке.

Нет, однозначно нужно подумать над строительством вечаевого зала собраний. А что такого? Как ни крути, законодательный орган, а решения принимает в буквальном смысле этого слова на ходу. Не порядок.

— Доволен, Ефим Ильич, — не стал кривить душой Иван. — Да и помещикам недовольными быть не с чего. Не все крестьяне бросятся выкупать себя из неволи. Хотя, лучше бы все. От того их хозяевам только прибыль был бы.

— А ну-ка Расскажи мне, в чем мой прибыль? — Оглаживая бороду, потребовал боярин.

— Так ясно же. Желая как можно быстрее выкупиться из неволи, крестьяне станут сносить мне руду вдвое против прежнего.

— И ты все примешь?

— А отчего не принять? Все одно в дело пуцу, и останусь в прибыли.

— Да они тебя завалят той рудой. Справных крестьян, желающих трудиться на себя у нас хватает.

— И хорошо, коли так. Не беда, какой-никакой жирок имеется. А случись, и батя подсобит. Зато крестьянин выйдя из кабалы станет трудиться на себя. А при таком деле, он уж будет выкладываться изо всех сил. А чью землю-то будет обрабатывать? Барскую. А значит, с земли той, оброк хозяину. И чем усерднее крестьянин, тем больше оброк.

— А там снова кабала, — возразил Пятницкий.

— Правильно. Вот и думаю я, не пора ли нам упорядочить как-нибудь оброк-то.

— Сдурел?

— Нет? Непосильные оброки нас только назад тянут. А так, когда за крестьянином так же будет закон, все станет иначе.

— А там и вечаево право им дать?

— Так, говорили с тобой о том, Ефим Ильич.

— Говорить-то говорили, да только, все одно крестьяне опять в кабалу угодят. У них же ничегошеньки своего нет, ни лошади, ни инвентаря. А какое кабальному вечевое право?

— Во-от. А я им это дам.

— Как?

— В долг.

— То есть, как это?

— А вот так. Создам Псковский банк, и буду кредитовать крестьян инвентарем разным, да скотиной. У меня уж и заводик под это дело строится. На денежную выгоду тут конечно рассчитывать особо не приходится, но польза будет несомненной.

— Чего ты создашь?

— А. Не обращай внимания, Ефим Ильич, я тебе потом все обстоятельно с записями и расчетами поясню.

— Вот же, черт тебя побери! Прости Господи душу мою грешную, — чертыхнувшись, и тут же осеняя себя крестом, боярин отошел на обочину, чтобы обтереть о траву сапоги. — Так все, я далее на карете поеду. Ты как, со мной?

— Пройтись хочу.

— Зябко, — усомнился Пятницкий.

— Ничего. Зато пока гуляешь, думается хорошо.

— Ну сам гляди. А о твоих задумках, мы еще поговорим, — подзывая карету, заверил боярин.

— Обязательно, согласился Иван.

Пятницкий устроился в легкой карете, скрипнувшей упругими рессорами. Экипаж выделки замятлинского каретного завода, с каждым днем набиравшего обороты. Иван во всю там использовал поточное производство. Экипажи уходили как в Русское царство, так и в европейские державы.

А вот в Нарве никаких новых заводов и мануфактур он не строил, хотя и считались те земли его вотчиной. Планов-то с Нарвой у него было громадье. Да только не стоило сбрасывать со счетов Карла. Даже если не станет его, противоречий в Прибалтийском регионе скопилось столько, что большой войны попросту не избежать. И коль скоро так, то Нарва и прилегающие земли все одно окажутся театром военных действий. И сознавая это создавать серьезное производство? Он пока еще с ума не сошел.

А вот к войне готовился. Усилено так, вдумчиво, без дураков. И с Острожским они продолжали тесное сотрудничество. Тот как раз в

прошлом году сумел занять пост воеводы. И казна его теперь пополнялась далеко не только Иваном. Заработали три ткацкие мануфактуры. Оружейный завод, канатная фабрика, завод металлоизделий. На последнем было налажено производство проволоки, гвоздей и скоб различной величины. Вроде бы и не богатый ассортимент, а прибыли были весьма солидными. Потому как товар ходовой, а заводские изделия получались много дешевле кузнечных. Оборудование ясное дело поставили из Замятлино.

Продолжалось формирование армии. Не особо выделяясь, не увеличивая численный состав до больших величин. Но тем не менее этот процесс не замирал ни на день ни у Карпова, ни у Острожского. В долгий мир, ни один, ни другой попросту не верили. Ну и стремились быть готовыми к этому, дабы каждый мог получить свое.

Так и шел по раскисшей улице размышляя над делами своими скорбными. Впрочем, не сказать, что так уж ушел в себя, что не замечал ничего вокруг. Очень даже здоровался с прохожими, и даже останавливался, чтобы переброситься парой тройкой фраз. Кому-то обещал помочь, и это вовсе не были пустые слова. Авторитет, он дорогого стоит, и зарабатывается во всем. В том числе и в таких вот мелочах.

В очередной раз поскользнувшись, подумал, что не мешало бы протащить через вече решение, аналогичное московскому. Пусть владельцы домов озаботятся устройством дорог, с гравийным покрытием и кюветами, для стока воды. О том, чтобы взвалить это на казну, нечего и думать.

Вон, газовое освещение. Казалось бы, и обслуживание и персонал само же и будет окупать, за счет побочных продуктов. Ан нет. Продавить подобную блажь Иван так и не смог. Пришлось устраивать освещение по центральной улице Званице, ведущей от городских ворот до крома, за свой счет. Дорого встало, и когда окупится неизвестно, но зато вполне наглядно. А как вместе с его усадьбой, так и вовсе завлекательно. Уж несколько купцов загорелись наладить у себя в домах подобное освещение.

Н-да. Иное дело Москва. Отец на старом подворье вновь развернул мастерскую, где ладит оборудование для газовых генераторов и трубы, для подачи газа, вентили, горелки. Стекланные плафоны поставляют из Пскова. Москва вообще перешла бы полностью на псковское стекло, да англичане поняв, что их монополии пришел конец, снизили цену. Сейчас идет конкуренция в области качества. Ну да, оно и к лучшему. Не даст застояться кровушке.

Но если освещение приносит прибыль, то протянутая от Нарвы до Пскова и далее к Замятлино, линия гелиографа полностью содержится за

счет Ивана. Оказалась не востребованной. Во всяком случае, пока только он ее и пользует. Ну еще и княгиня, для связи с посадниками в Новгороде, Ивангороде, Гдове и Острове. Затратно. Но оперативная связь необходима.

Едва вошел в дом, как тут же окунулся в напряженную атмосферу. Даже холодок непроизвольно возник под ложечкой, и так противно пульсирует. Нет, с чем это связано, он конечно же понимает. Вполне себе ожидаемое событие. Но, как обычно бывает в таких случаях, свалившееся совершенно внезапно.

— Куда, боярин. Осади, — встала на его пути Анюта, преграждая путь в спальню.

— Но-о...

— Иди давай вон к батюшке своему, там и квохчи как наседка, а тут тебе делать нечего.

Ага. Это факт. В родах он плохой помощник. Вот если холку там кому намылить, это да. А тут, глядишь еще и опозоришься дав слабину. Поэтому, он предпочел воспользоваться советом служанки и наперсницы Лизы, направившись составить компанию отцу.

— Явился? И где тебя носит?

Риторические вопросы, на которые Иван отвечать не собирался. Отец и без того прекрасно ведает где он был. Чай виделись всего-то три часа назад, когда сын уходил на вече.

— Давно началось?

— Да почитай прямо перед твоим приходом, — отмахнулся отец, и залпов опрокинул в себя кружку квасу, смачивая пересохшее горло.

Вообще-то, у Архипа Алексеевича было уже три внука, и внучка. Но то дети дочерей, то есть иному роду принадлежащие. А тут по настоящему свой должен народиться. Вот и подгадал Карпов старший дела так, чтобы так сказать приобщиться к долгожданному событию.

— Это-то дите признать дадут? — Вдруг всполошился отец, усаживавшийся было в кресло, и вновь вскакивая на ноги.

— Этого? — Вздернул бровь Иван.

— А ты думаешь, я дурень старый, ничего не понимаю и не ведаю. Сонечка, ликом чисто Анютка, сестрица твоя, в детстве. Да и стал бы ты за стороннего просить. Обя-азан ты ему. Бестолочь. Нет чтобы с нормальной бабой семью завести. Нет, все тебе царе-евен подавай.

— Батя.

— Что батя? На вопрос отвечай.

— Мое то дите. И род у него мой будет. Чай тут не Москва, а Псков.

— Вот это хорошо, — удовлетворенно огладив бороду, и все же

опускаясь в кресло, произнес Карпов старший, но не удержался, тяжело вздохнул, — И все же, не по людски это как-то. Неправильно. Вроде и семья, и не семья. Живете невенчанными.

— Не начинай, батя.

В этот момент из спальни донесся женский крик, и оба мужчины тут же проглотили языки. Разом побледнели и переглянулись испуганными взглядами.

— Ништо. Мамка твоя когда на свет вас рожала, так орала, да такой площадной бранью закручивала, что любо дорого, — нервно сглотнув, успокоил Архип Алексеевич.

Правда, непонятно, кого именно он успокаивает. Себя или сына. Хм. Наверное все же себя. Какими же беспомощными бывают мужчины, когда дело касается таинства рождения. Каждый готов насмеяться над другим, важничать и хорохориться, поучать. Пока не коснется его самого.

— Ну что тут? — Вбежав в зал, и сдергивая с себя шапку, возбужденно поинтересовался Митя.

— Ты как тут? — Удивился Иван, зная точно, что брат должен быть в Замятлино.

— Не ладится у меня со станком, вот и решил с тобой посоветоваться. А тут и пароход как рас с баржей до Нарвы наладился. Вот я на нем и приехал. А мне тут с порога, мол так и так.

— Ясно. Пока никак, — развел руками Иван.

И в этот момент до них донесся детский плач. Мужчины вновь переглянулись. Двое опять растеряв краски лица, третий, пока еще не прочувствовавший подобного на свое шкуре, наоборот залившись здоровым румянцем.

Вскоре дверь отворилась, и в зал вошла Анюта, держащая на руках спеленатого младенца. При габаритах молодой женщины, картина была весьма своеобразной. Эдакая здоровенная статная баба, и кажущийся совсем уж маленьким кулечек.

— Поздравляю, Иван Архипович, сын у тебя, — с поклоном, протянула она младенца Ивану.

Тот принял его как всегда желанно, и со страхом. А как такого не бояться-то. Правда, длилось это не долго. Едва только отец заглянул в помятое красное личико, подслеповато моргающее глазками, как...

— Дай сюда, бестолочь. Натетешкаешься еще.

Дед совершенно бесстрашно подхватил внука, так, словно всю жизнь только и делал, что обращался с младенцами. Все же не даром говорят, что у дедов и бабок с внуками есть своя, особенная связь. Архип Алексеевич

заглянул под уголок пеленки, и его лицо тут же озарилось улыбкой и довольством.

— Хоро-ош. Карпов, йолки. Ну чего стоишь? Иди к своей ладе, а мы уж тут как-нибудь сами.

— Ты не озоруй, Алесей Архипович, — строго одернула деда Анюта, и решительно забрала у него младенца. — Глянул, и будя. Придет еще твое время.

Странное дело, но Карпов старший даже и не подумал спорить или возражать. А что такого, внук, вот он, на руки он его взял, запах младенца вдохнул, аж голова кругом. Теперь можно и обождать. Бабам оно лучше ведомо, как оно надо с дитятей-то.

Глянул на Митю, стоящего рядом с глупой улыбкой и не сводящего с младенца телячьего взгляда.

Хлесь!

— За что батя!? — Возмущенно взвыл Митя, потирая затылок, куда прилетело довольно увесисто.

— Тебя-то когда оженим, бестолочь. Эвон едва с того света вынулся, так и не оставил бы после себя никого. Иль тоже царевну искать станешь?..

У-у-у. На-ча-лось. Иван глянул на Анюту, и стрельнул взглядом в сторону спальни, мол можно ли. Та легонько так, утвердительно кивнула, и он поспешил ретироваться. Батя он ведь в прошлом кузнец, и рука у него тяжелая. Так что, лучше бы обойтись без его затрещин.

— Архип Алексеевич шумит? — Приметив вошедшего Ивана, поинтересовалась Лиза, обложенная подушками, и укрытая пуховым одеялом.

— Он. Митю поучает, жениться наставляет.

— Тебя уж в покое оставил?

— Смирился, — присаживаясь на кровать, и беря ее руку, ответил Иван. — А как внука увидел, так и вовсе расплылся горячим воском. — Ты как, лада моя?

— Хорошо все, Ванечка. Чай не в первый раз, по этой дорожке хаживаю. И не в последний.

— Не в последний?

— Рожать от любимого только в радость. Так что, не сомневайся, будут у нас еще детки. Кстати, как там на вече.

— Вообще-то совсем некстати, — хмыкнув, возразил Иван.

— Не увиливай. Я чай, не просто роженица, а еще и княгиня Псковская.

— А я стало быть, твой фаворит.

— Ну не полюбовник же, в самом-то деле. Я чай не тетка, цену тебе не только в постели знаю, — легонько сжимая его руку, с улыбкой подтвердила она. — Ну, рассказывай.

— Да чего рассказывать-то. Хорошо все там. Еще один шаг позади. Осталось утвердиться, а потом сделать следующий.

— Это хорошо.

— Спасибо за сына, Лизонька, — мягко улыбнувшись, наконец поблагодарил Иван, и склонившись над ней, поцеловал в мягкие податливые губы.

— И тебе спасибо, милый, — едва их уста разлепились, скорее выдохнула, чем произнесла она.

notes

Примечания

В реальности у Трубецкого был только младший брат. Сестра, это допущение автора, ввиду некоторого отличия в исторических фактах.

Пригород — В Псковской республике города-крепости, защищавшие подступы к Пскову. Они играли также роль торговых пунктов, обеспечивающих удобную переправу по торговому тракту из Москвы и Пскова на Литву и Польшу. Одни пригороды строились, другие разорялись, но их никогда не было больше 12, а население редко превышало 1000 человек.

Кром — псковский кремль.

Морда — рыболовная снасть-ловушка, имеющая вид двух вставленных один в другой конусов, сплетенных из прутьев.

Мурмолка — русский головной убор, шапка с плоской тульей из алтабаса, бархата или парчи, с меховой или матерчатой лопастью в виде отворотов.

Русины — самоназвание белорусов в описываемый период.

В конце восемнадцатого, и в девятнадцатом веке российское дворянство в совершенстве владело французским, говоря же на русском безбожно картавило. Самый яркий пример В.И. Ленин. Точно такая же ситуация была и в Белоруссии 16–17 веков. Шляхтичи в совершенстве владели польским и латинским, говоря на родном с сильным акцентом, а то и вовсе едва могли связать пару фраз. Русинский-белорусский, как и русский в России, считался языком холопов.

Хоругвь — рота.

Повят — уезд.

Эскулап — древнеримский аналог Асклепия, древнегреческого бога
врачебного искусства.

Конфедерация — шляхта могла официально (согласно Генриховым артикулам) выступить против королевской власти, если имела основания обвинить ее в ущемлении своих прав. Для этого польско-литовским дворянством созывалась т. н. конфедерация. О создании конфедерации объявляла шляхта какого-либо одного из воеводств Речи Посполитой, а затем к ней присоединялись или нет, в зависимости от ситуации, дворяне остальных провинций.

Рушение — шляхетское ополчение.

Инфлянтя — земли Латгалии, на территории нынешней Латвии остававшиеся под властью Речи Посполитой после захвата прибалтийских территорий шведами.

Рушник — полотенце из домотканого холста. Предмет народной культуры и народного творчества славян, в большей степени восточных.

Клиент — бедный шляхтич, нередко безземельный, поступающий на службу к магнатам и проживающим за их счет.

Курс составляет примерно один к восьми. Таки образом шляхтич рассчитывает на добычу в сто рублей.

Гусария — гусары Речи Посполитой, тяжелая латная конница, элита вооруженных сил. К описываемому времени уже утратила свое было значение, чего никак не хотели признавать поляки.

Егеръ — с немецкого, охотник. В те времена еще не было подразделений егерей, но так как пехота это немецкие наемники, то здесь это слово обозначает именно охотников.

Имеется ввиду дополнительный заряд пороха в виде кольцевого холщевого мешочка, что позволяло увеличить вышибной заряд, и как следствие, дальность стрельбы.

Хуфа — в польской армии до середины восемнадцатого века подразделение или отряд из нескольких полков. Командовали как и полками, полковники.

Артиллерийская картечь подразделялась на ближнюю и дальнюю. А так же имела множество разновидностей по массе от 37 до 250 грамм. К дальней относилась тяжелая картечь, способная поражать противника на дистанции до 800 метров. В щит имитирующий строй попадала 1/7 часть пуль, заряд дальней картечи в среднем составлял порядка 40 пуль.

Сажень — старорусская мера измерения расстояния равная 2,13 метрам.

Онагр — позднеримская метательная машина торсионного типа, буквально переводится как дикий осёл.

Задвѣйнское герцогство — часть территории средневековой Ливонии, в ходе Ливонской войны присоединённая к Великому княжеству Литовскому, а после Люблинской унии ставшая частью Речи Посполитой — совместным владением Королевства Польского и Великого княжества Литовского. Во время польско-шведской войны 1600–1629 годов часть Задвинского герцогства была оккупирована шведами, и отошла шведской короне.

Рокош — официальное восстание против короля, на которое имела право шляхта во имя защиты своих прав и свобод.

Шапка горлатная — меховой (мужской и женский) головной убор русской знати XV–XVII веков. Боярский в локоть высотой, расширяющийся кверху цилиндр с бархатным или парчовым верхом. Шапки горлатные обшивались лисьим, куньим или собольим мехом. Мех брался из горлышек, отсюда и произошло название. В просторечье назывались горлатками.

Большой камень — в старину одно из названий Уральских гор.

Тенѣта — паучья паутина.

Солитер — паразитический плоский ленточный червь у млекопитающих.

Шведская миля до 1889 года равнялась 10 688 метрам.

Крюйт-камера — во времена парусного флота — помещение на военном корабле, предназначенное для хранения пороха (как бочек с порохом, так и готовых к стрельбе пороховых зарядов) и сигнальных ракет. Располагался, как правило, в носу или корме корабля ниже ватерлинии.